

На правах рукописи

ВАСИЛЬЕВА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА

**ФОРМИРОВАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКИ АКТИВНОГО
ДОЛГОЛЕТИЯ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ**

Специальность 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика
(экономика народонаселения и экономика труда)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук, член-корреспондент РАН
В.П. Чичканов

Екатеринбург – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ	17
1.1. Теоретические положения исследования механизма демографического старения	17
1.2. Эволюция понятия возраста пожилого населения и его использования в государственной политике	29
1.3. Проблема старения населения регионов России в условиях реализации современной социально-экономической и демографической политики	40
1.4. Трансформация взглядов на демографическое старение в глобальной политической повестке	55
ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОГЛАСОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИНТЕРЕСОВ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПОЛИТИКИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ	64
2.1. Генезис концептуальных основ политики активного долголетия	64
2.2. Теоретико-методологическая модель формирования и реализации политики активного долголетия	74
2.3. Интерпретация политики активного долголетия для согласования государственных интересов и интересов пожилого населения в условиях старения населения	89
2.4. Сущность и принципы политики активного долголетия	99
ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА	114
3.1. Инструменты измерения масштаба старения населения	114
3.2. Пошаговый подход к оценке старения населения региона	122
3.3. Оценка старения населения регионов России	130
ГЛАВА 4. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ПОВЫШЕНИЯ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ	140
4.1. Алгоритм моделирования влияния трудовой активности пожилого населения на параметры рынка труда и пенсионной системы	140
4.2. Многофакторная модель дифференциации заработной платы по возрастным группам на российском рынке труда	157
4.3. Подход к выявлению зависимости между занятостью пожилого населения и их состоянием здоровья	165

ГЛАВА 5. СОГЛАСОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИНТЕРЕСОВ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ	175
5.1. Оценка влияния повышения трудовой активности пожилого населения на заработную плату, безработицу и сбор страховых взносов	175
5.2. Анализ факторов возрастной дифференциации заработной платы на российском рынке труда	183
5.3. Оценка взаимосвязи между здоровьем и занятостью пожилого населения	199
ГЛАВА 6. ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	206
6.1. Подходы к оценке системы мер в области старения населения,	206
6.2. Методический подход к оценке результативности политики активного долголетия на региональном уровне	215
6.3. Параметры и механизм формирования и реализации политики активного долголетия в России на федеральном и региональном уровне	229
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	256
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	266
ПРИЛОЖЕНИЯ	321

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Старение населения является одним из основных глобальных «мегатрендов», который оказывает влияние на социально-экономическое развитие территорий разного уровня. Новые демографические реалии могут вызвать целый ряд социально-экономических проблем, ведущих к увеличению нагрузки на экономику территории и препятствующих ее развитию. На трудоспособное население возрастает демографическая нагрузка в результате увеличения доли пожилого населения, к которому, как правило, в научной литературе и нормативных документах относят лица, достигшие возраста, дающего право на страховую пенсию по старости. В России доля лиц пенсионного возраста увеличилась с 16,3% в 1979 г. до 25,2% в 2021 г. и, по прогнозам Федеральной службы государственной статистики, к 2036 г. составит 28,8-30,1%. Если в 1990 г. на одного пенсионера, получающего пенсию по старости, приходилось 2,3 работающих человека, то в 2021 г. это соотношение уже составляет 1 к 1,6. Такой быстрый рост пожилого населения усиливает давление на системы здравоохранения, пенсионного обеспечения и в целом на экономику России.

В качестве ответной реакции на демографические вызовы предпринимаются попытки выработать концепции в области старения населения, доминирующей среди них является концепция активного долголетия. В настоящее время в России реализуется Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г., направленная на создание условий для активного долголетия. На уровне Правительства РФ обсуждаются перспективы реализации в России концепции активного долголетия. Однако простое копирование современных западных институтов не допустимо, поскольку реализация заимствованных компонент ограничена особенностями территории и может вступить в противоречие со сложившимся порядком, нарушая целостность и последовательность социально-экономической политики. В связи с этим формирование и реализация политики активного долголетия должны быть научно обоснованы и учитывать

демографические условия и социально-экономические тенденции в регионах России, что актуализирует тему настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемам демографического старения и его широкому спектру последствий посвящено значительное количество исследований. Теоретические и методологические вопросы старения населения России и его причин рассмотрены в исследованиях российских ученых. Среди них можно выделить научные труды Антонова А.И., Вишневого А.Г., Денисенко М.Б., Захарова С.В., Ионцева В.А., Кваши А.Я., Сафаровой Г.Л., Урланиса Б.Ц. Работы Андреева Е.М., Козловой О.А., Мотрич Е.Л., Поповой Л.А., Школьников В.М., Щербаковой Е.М. и других ученых посвящены анализу темпов и масштабов старения населения в России и ее регионах.

Теоретические и эмпирические исследования качества жизни и благосостояния пожилого населения, социально-экономического положения пенсионеров в российском обществе развиты в трудах Багировой А.П., Бобкова В.Н., Гурвича Е.Т., Калмыковой Н.М., Кульковой И.А., Малевой Т.М., Омельчук Т.Г., Роика В.Д., Русановой Н.Е., Соловьева А.К., Сониной Ю.В., Шубат О.М. и др. Подходы к моделированию взаимосвязи демографического и социально-экономического развития представлены в работах Боярского А.Я., Вакуленко Е.С., Капицы С.П., Коровкина А.Г., Тырсина А.Н., Широга А.А. и других исследователей.

Вопросам формирования и реализации политики в области народонаселения и государственных мер в интересах отдельных социально-демографических групп населения посвящены труды Валентя Д.И., Елизарова В.В., Калабихиной И.Е., Клупта М.А. и др. В исследованиях Барышевой Г.А., Доброхлеб В.Г., Недоспасовой О.П., Павловой И.А. и других ученых рассмотрены вопросы реализации ресурсного потенциала людей старшего поколения и проблемы их вовлечения в экономику и социум. Подходы к пространственному развитию регионов России с учетом демографических и социально-экономических факторов представлены в научных работах Анимиды Е.Г., Гранберга А.Г., Ильина В.А.,

Лавриковой Ю.Г., Минакира П.А., Татаркина А.И., Сорокина Д.Е., Суслова В.И., Чичканова В.П. и др.

Положения концепции активного долголетия (содержание, принципы, детерминанты, политические основы, подходы к измерению) раскрываются в работах Заиди А., Малтби Т., Сидоренко А.В., Уокера А., Эдвардс П. и др. Идеям концепции и механизмам их реализации в российских условиях посвящены исследования Варламовой М.А., Григорьевой И.А., Засимовой Л.С., Овчаровой Л.Н., Синявской О.В., Фроловой Е.А., Чаусова Н.Ю., Шабуновой А.А. и др. Также российскими учеными (Гимпельсон В.Е., Горлин Ю.М., Капелюшников Р.И., Клепикова Е.А., Колосницына М.Г., Ляшок В.Ю., Рощин С.Ю., Хоркина Н.А., Шелунцова М.А. и др.) рассмотрены отдельные аспекты активного долголетия: здоровье, занятость и безопасность людей старшего возраста.

Проблемы нейтрализации вызовов и угроз, связанных с демографическими изменениями, раскрыты в трудах Абалкина Л.И., Афонцева С.А., Глазьева С.Ю., Караваевой И.В., Куклина А.А., Локосова В.В., Мингалева Ж.А., Сильвестрова С.Н., Сенчагова В.К., Соболевой С.В., Рыбаковского О.Л. и др. В работах Здравомыслова А.Г., Логиновой Л.В., Львова Д.С., Мау В.А., Римашевской Н.М., Рубинштейна А.Я. и других ученых исследуются противоречия интересов субъектов и проблемы их согласования.

Несмотря на большой спектр работ и значительный вклад ученых в развитие данной проблемы, существует потребность в комплексном подходе к научно обоснованному формированию и реализации политики активного долголетия. На сегодняшний день отсутствуют теоретико-методологические основы и методический инструментарий оценки возможностей и ограничений адаптации концепции активного долголетия в регионах России для согласования государственных интересов и интересов пожилого населения в условиях старения населения. Указанные обстоятельства обуславливают цель и задачи диссертационного исследования.

Объект исследования – политика, направленная на активное долголетие пожилого населения России.

Предмет исследования – социально-экономические отношения, возникающие между субъектами (государственными органами власти, гражданами, некоммерческими и коммерческими организациями) в процессе формирования и реализации политики активного долголетия в условиях демографического старения.

Цель диссертационной работы – развитие теории и методологии формирования и реализации политики активного долголетия в условиях старения населения России.

Поставленная цель определила необходимость постановки и решения следующих **задач**:

1. Развить теоретические положения формирования и реализации политики активного долголетия.
2. Обосновать теоретико-методологический подход к согласованию интересов субъектов на основе политики активного долголетия.
3. Разработать методологию исследования процесса старения населения.
4. Предложить методический инструментарий моделирования социально-экономических последствий повышения трудовой активности пожилого населения.
5. Разработать организационно-экономический механизм формирования и реализации политики активного долголетия в России на федеральном и региональном уровнях.

Область исследований. Диссертация выполнена согласно Паспорту специальностей ВАК (экономические науки) 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономика народонаселения и экономика труда): п. 8.3. «Поколенческое изменение демографических и социально-экономических процессов. Межпоколенческие трансферты доходов и ресурсов. Экономика старения населения», п. 8.9. «Демографические прогнозы. Исторические и перспективные исследования народонаселения. Моделирование демографических и экономико-демографических процессов», п. 8.10. «Демографическая политика, ее соотношение с социальной и семейной политикой. Социальное бюджетирование».

Теоретическую и методологическую основу исследования составили положения классической экономической теории, институциональной экономики, концепции человеческого капитала, теоретические модели экономики поколений и экономики старения, теория экономической безопасности, научные публикации отечественных и зарубежных авторов, посвященные исследованию взаимосвязи возрастной структуры населения и социально-экономического развития территории, вопросам управления демографическими и социально-экономическими процессами в регионах России.

Методы исследования. При развитии теоретико-методологических положений концепции активного долголетия применяются общенаучные методы исследования, в частности методы синтеза, формализации, аналогии и систематизации. Разработка методологических основ формирования и реализации ее политики базируется на методах системного, институционального и структурно-функционального анализа. В процессе экономико-статистической обработки и интерпретации массива данных по демографической и социально-экономической ситуации в России и ее регионах применялись методы ретроспективного и сравнительного анализа, методы экспертных оценок и другие методы экономических исследований. Для обоснования параметров формирования и реализации политики активного долголетия используются методы и процедуры индикативного, корреляционно-регрессионного анализа и математической статистики.

Информационную базу исследования составили нормативно-правовые акты действующего законодательства РФ, данные официальной статистики и информационных материалов Федеральной службы государственной статистики, Министерства здравоохранения РФ, Федерального казначейства, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования, Пенсионного фонда России, Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, информация по теме исследования, доступная в сети Интернет, включая базу данных ОЭСР, а также результаты собственных научно-исследовательских разработок автора.

Научные результаты, полученные лично автором, и их новизна:

1. Развита *теоретическая модель формирования и реализации политики активного долголетия* с позиции дуализма процесса старения населения, формируемого, с одной стороны, закономерностями общемировых трендов в воспроизводстве населения и, с другой стороны, демографическими и социально-экономическими особенностями территории, содержащая: *теоретико-методологическую модель формирования и реализации политики активного долголетия*, основанную на положениях теорий экономики народонаселения и экономической безопасности и разработанную на базе триады «интересы – угрозы – защита»; определение сущности *политики активного долголетия* как системы отношений по согласованию интересов ее субъектов и защите их от угроз, вызванных социально-экономическими последствиями старения населения, нацеленной на расширение возможностей для автономной и независимой жизни населения по мере его старения; обоснование *принципов формирования и реализации политики активного долголетия*: «баланса прав и обязательств», «превентивность», «встроенность», «солидарность поколений» и «учет особенностей территории».

2. Обоснован *теоретико-методологический подход к согласованию интересов субъектов политики активного долголетия*, базирующийся на положении равновесия Нэша, когда в условиях старения населения ее субъект не может получить стимул развития, изменив свои действия в одностороннем порядке, и включающий: совокупность выявленных *противоречий, возникающих в условиях старения населения между государственными интересами и интересами пожилого населения*, а именно: «продление трудовой жизни vs продления здоровой жизни» и «увеличение численности плательщиков страховых взносов в пенсионную систему vs гарантии пенсионных прав и недопущения их секвестирования». В отличие от существующих, авторский подход учитывает не только социально-экономические возможности согласования интересов субъектов, но и ограничения реализации политики активного долголетия, связанные с «нестандартным» возрастным профилем зарплаты на российском рынке труда и

спецификой накопленного человеческого капитала пожилого населения регионов России.

3. Разработана *методология исследования процесса старения населения*, построенная на теории демографического перехода и включающая: *принцип пошаговой идентификации* фаз демографического развития, характеризующихся определенными комбинациями изменений рождаемости и смертности населения; *систему пороговых значений и показателей*, позволяющих не только определить наличие самого процесса старения населения и его стадии (молодое, стареющее и старое население), но и выявить его причины (соответствующие старению «снизу», «сверху» и под воздействием внешних причин), определяющие демографические особенности реализации политики активного долголетия.

4. Предложен *методический инструментарий моделирования социально-экономических последствий повышения трудовой активности пожилого населения*, включающий: *алгоритм моделирования* взаимосвязи между параметрами рынка труда и пенсионной системы (уровень заработной платы, безработицы, численность застрахованных работников, численность пенсионеров, тариф взносов на пенсионное обеспечение и уровень пенсий); *многофакторную модель* дифференциации заработной платы на российском рынке труда по возрастным группам; *методический подход* к выявлению взаимовлияния между занятостью пожилого населения и состоянием его здоровья с целью определения возможностей достижения баланса интересов субъектов политики активного долголетия.

5. Разработан *организационно-экономический механизм формирования и реализации политики активного долголетия в России на федеральном и региональном уровнях*, построенный в рамках системы стратегического планирования, связующий воедино три направления политики (здоровье населения, трудовая и социальная активность, безопасность пожилого населения) и содержащий: обоснованную систему *параметров формирования и реализации политики активного долголетия*, новизна которой заключается в учете как ее возможностей, так и ограничений; *методику оценки результативности политики*

активного долголетия, основанную на расчете интегрального индекса активного долголетия на региональном уровне и отличающуюся от существующих методик системой показателей, обеспечивающих решение проблемы недостатка фактических данных об активном долголетии.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в развитии теоретико-методологических положений экономики народонаселения в части выделения демографических вызовов и угроз, связанных со старением населения, и научного обоснования ответных действий органов власти, бизнеса и общества на них с помощью политики активного долголетия.

Практическая значимость исследования заключается в решении научной проблемы, связанной с последствиями старения населения и имеющей важное политическое, социально-экономическое, культурное и хозяйственное значение. Внедрение разработанных в диссертации теоретико-методологических положений, методических подходов, выводов и практических рекомендаций в деятельности органов власти федерального и регионального уровней для разработки направлений и системы мер противодействия негативным демографическим процессам и нейтрализации их последствий, а также при разработке региональных стратегий в области активного долголетия вносит значительный вклад в развитие страны и ее регионов.

Теоретические положения диссертационной работы и ее методологические подходы могут быть использованы в образовательном процессе при разработке и реализации программ учебных курсов и профильных направлений для подготовки специалистов по экономике народонаселения и экономической демографии. Развитые научные идеи, полученные выводы и практические рекомендации могут быть реализованы в деятельности коммерческих и некоммерческих организаций при разработке программ и мер для поддержки здоровья, активности и безопасности их сотрудников.

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования представлены и обсуждены на научных и научно-практических конференциях, в т.ч. на Уральском демографическом форуме (Екатеринбург, 2013-2019, 2022 гг.),

Международной научной конференции «VI Сенчаговские чтения» (Москва, 2022 г.), Международном научном форуме по устойчивому развитию социально-экономических систем (Екатеринбург, 2021 г.), Международной научной конференции «Институциональная трансформация экономики: человек и социум» (Томск, 2021 г.), научно-практическом семинаре «Миграция и трудовые ресурсы: подходы к анализу и результаты исследования» (Екатеринбург, 2021), Международной конференции Sustainability and Climate Change (Москва, 2020 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики и управления» (Екатеринбург, 2020 г.), Международном научно-практическом форуме по социальным и поведенческим наукам (Барнаул, 2020 г.), Международной мультидисциплинарной конференции по промышленному инжинирингу и современным технологиям (Владивосток, 2019 и 2020 гг.), Международном демографическом форуме (Воронеж, 2020 г.), Международном семинаре Applied Methods of Statistical Analysis (Новосибирск, 2019 г., Красноярск, 2017 г.), Международной научно-практической конференции Ecological-Socio-Economic Systems: Models of Competition and Cooperation (Курган, 2019 г.), Международной мультидисциплинарной научной конференции Social Sciences & Arts (Албена, 2016-2018 гг.), конгрессе European Regional Science Association (Палермо, 2013 г.).

Результаты научно-исследовательской работы «Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России» внедрены в учебный процесс студентов УрФУ, обучающихся по программе «Прикладная экономика и финансы». На основе выводов работы строятся лекции, посвященные трансформации бюджетных доходов и расходов в старения населения, а также практические занятия, на которых студенты изучают региональную специфику возрастной структуры населения РФ и международный опыт ответных мер к ее изменению (2023 г.).

Полученные научно-практические выводы исследования по проблемам обеспечения социально-демографической безопасности региона использованы в Министерстве социальной политики Свердловской области в качестве основы для

разработки направлений по улучшению социально-демографической ситуации Свердловской области, а также системы мер противодействия негативным явлениям и процессам в социально-демографической сфере и нейтрализации их последствий (2021 г.).

Результаты исследования внедрены в Министерстве здравоохранения Свердловской области при разработке направлений и мер в сфере демографического старения и здоровьесбережения населения региона (2020 г.).

Выводы исследования и практические рекомендации по реализации положений политики активного долголетия использованы в деятельности коммерческих организаций (ООО «Энергоконтракт» и ООО «Васильев Инжиниринг») для совершенствования их кадровой политики (2020 г. и 2021 г.).

Результаты исследования реализованы при выполнении двадцати грантов научных фондов, включая грант Президента РФ «Достойный уровень пенсий в России: резервы и пути достижения, модели оптимизации обеспечения и алгоритмы решения» (№МК-1494.2019.6, 2019-2020 гг.), грант РФФИ «Линейное регрессионное моделирование в задачах мониторинга и управления многомерных социально-экономических процессов в условиях стохастической неоднородности данных» (№20-41-660008, 2020-2022 гг.), грант РФФИ «Долгосрочные социально-демографические тренды в развитии регионов России: эффективность функционирования социальной сферы и ее адаптация» (№18-010-00493, 2018-2020 гг.), грант РФФИ «Социальная парадигма регионального развития: выбор приоритетов и трансформация экономики» (№16-06-00048, 2016-2018 гг.), грант РФФИ «Информационно-аналитическая система «Антикризис: диагностика регионов, оценка угроз и сценарное прогнозирование с целью сохранения и усиления экономической безопасности и повышения благосостояния России» (№14-18-00574, 2014-2016 гг. и 2017-2018 гг.), грант РФФИ «Эффекты экономических взаимодействий в региональных системах "центр-периферия"» (№15-06-04959, 2015-2017 гг.), грант РГНФ «Моделирование внутренних и внешних миграционных потоков в регионах России: факторы влияния и оптимизация развития» (№12-32-01201, 2012-2014 гг.), грант РГНФ «Модельный

комплекс диагностики и оптимизации социально-демографического развития региона: социально-экономические и медико-демографические приоритеты» (№ 12-02-00000, 2012-2014 гг.), грант РФФИ «Социально-демографическое развитие регионов России: диагностика, прогнозирование и оптимизация управления» (№11-06-00044, 2011-2013 гг.), а также в рамках плановых научно-исследовательских работ Института экономики УрО РАН.

Результаты исследования использованы при подготовке информационно-аналитических и иллюстрационных материалов, в том числе для докладов Президенту РФ «О состоянии национальной безопасности РФ и мерах по ее укреплению» (2012-2022 гг.).

За цикл работ по теме «Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в регионах России» присуждена премия Губернатора Свердловской области для молодых ученых (Указ Губернатора Свердловской области № 19-УГ от 20.01.2022 г.). В 2022 г. монография «Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России» отмечена третьей Премией имени А.Г. Вишневого молодым ученым за исследовательские работы в области демографии.

Публикации. Результаты исследования отражены в 43 публикациях общим объемом 42,9 п.л. (авт. – 35,2 п.л.), в том числе в 15 статьях в изданиях, индексируемых в международных реферативных базах данных Web of Science и Scopus, и в 18 статьях в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации научных результатов диссертации.

Структура и объем диссертации соответствуют поставленным цели и задачам, логике и последовательности их решения. Диссертация состоит из введения, шести глав, заключения, списка литературы и восьми приложений. Диссертационная работа изложена на 391 страницах машинописного текста, включающего 61 таблицу и 43 рисунка. Библиографический список состоит из 560 использованных при проведении исследования источников.

Во *введении* обоснована актуальность темы исследования, степень ее разработанности, сформулированы цель и задачи, выделены объект и предмет

исследования, раскрыта научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе *«Теоретические положения исследования демографического старения и его последствий»* представлены теоретические подходы к исследованию механизма старения населения и его последствий. Раскрыта эволюция понятия возраста пожилого населения и его использования в государственной политике. Представлен анализ старения населения регионов России в условиях реализации современной социально-экономической и демографической политики. Описана трансформация взглядов на демографическое старение и его последствия в глобальной политической повестке.

Во второй главе *«Теоретико-методологический подход к согласованию государственных интересов и интересов пожилого населения на основе политики активного долголетия»* раскрыт генезис концептуальных основ политики активного долголетия. Разработана теоретико-методологическая модель формирования и реализации политики активного долголетия. Дана интерпретация понятия политики активного долголетия и сформулированы противоречия между государственными интересами и интересами пожилого населения в условиях старения населения.

В третьей главе *«Методология исследования старения населения региона»* проанализированы существующие инструменты измерения масштаба старения населения. Разработан пошаговый подход к оценке старения населения региона для принятия управленческих решений. Представлена оценка уровня старения населения в регионах России.

В четвертой главе *«Моделирование последствий повышения трудовой активности пожилого населения в условиях демографического старения»* сформированы теоретико-методологические аспекты защиты государственных интересов и интересов пожилого населения, на основе которых выдвинуты научные гипотезы. Представлен алгоритм моделирования влияния повышения трудовой активности пожилого населения. Разработана многофакторная модель возрастной дифференциации заработной платы на российском рынке. Описан

подход к выявлению связи между занятостью пожилого населения и состоянием его здоровья.

В пятой главе *«Согласование государственных интересов и интересов пожилого населения в условиях старения населения»* на основе результатов моделирования последствий повышения трудовой активности пожилого населения в условиях демографического старения оценена возможность согласования государственных интересов и интересов пожилого населения в условиях старения населения.

В шестой главе *«Организационно-экономические основы формирования и реализации политики активного долголетия в условиях старения населения»* дан анализ существующих подходов к оценке системы мер в области старения населения. Представлен методический подход к оценке результативности политики активного долголетия на региональном уровне. Раскрыт организационно-экономический механизм формирования и реализации политики активного долголетия в России на федеральном и региональном уровне.

В заключении сформулированы основные выводы и результаты исследования, приведены направления их практического применения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ

1.1. Теоретические положения исследования механизма демографического старения¹

Старение населения – это сдвиг возрастной структуры населения к старшим возрастам, который происходит по мере модернизации воспроизводства населения. В научной литературе такое устойчивое и необратимое движение получило название демографического перехода, когда значительное улучшение качества жизни способствует снижению смертности и рождаемости населения. В рамках *теории демографического перехода* выделяют три фазы эволюции возрастной структуры населения, связанные с этими тенденциями воспроизводства населения (рисунок 1.1).

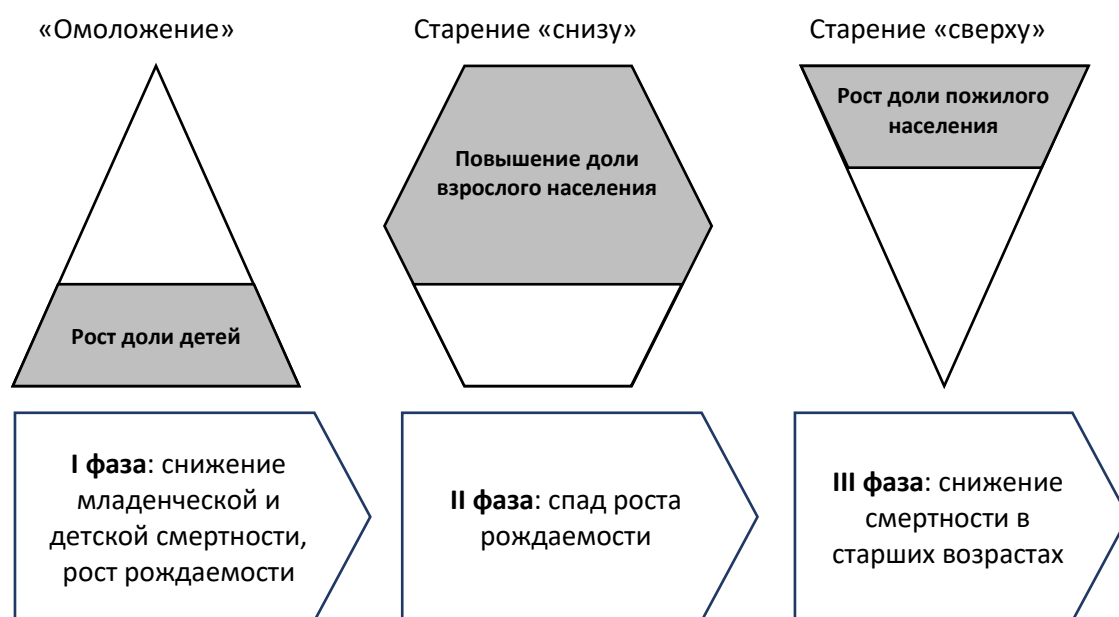

Рисунок 1.1. Эволюция возрастной структуры населения

Составлено по: Денисенко М. Тихая революция // Отечественные записки. – 2005. – №3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/tihaya-revolycziya.html>.

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работах автора: Черешнев В.А., Васильева (Чистова) Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16, № 12. – С. 2206-2223. DOI: 10.24891/ea.16.12.2206; Васильева (Чистова) Е.В. Чичканов В.П. Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – №3 (45). – С. 121-137. DOI: 10.15838/esc/2016.3.45.7.

В первой фазе в результате улучшения состояния здоровья и условий жизни населения снижается младенческая и детская смертность и возрастает рождаемость, что приводит к омоложению возрастной структуры населения. Вторая фаза характеризуется развитием процесса старения населения, скорость которого зависит от резкости снижения рождаемости населения, вызванного изменениями в репродуктивных установках. В возрастной структуре спад рождаемости изменяет соотношение между молодым и пожилым населением, увеличивая долю последних. В третьей фазе, при сохраняющемся снижении рождаемости, сокращается смертность в старших возрастных группах и растет продолжительность предстоящей жизни за счет роста качества и доступности медицины, что увеличивает долю не только пожилого населения, но и глубоко пожилого населения. Если во второй фазе растет относительная численность пожилого населения, то в третьей фазе – уже и его абсолютная численность.

Таким образом, в отличие от смертности населения, влияние снижения рождаемости на возрастную структуру населения дискретно, т.е. оно ведет к старению населения даже при неизменном уровне продолжительности жизни, сначала сократив численность населения в молодом возрасте, а затем и в старшем. ***Поэтому в качестве первопричины процесса старения населения Сови А. в своей общей теории населения¹ называет именно сокращение рождаемость.*** Снижение же смертности способствует старению населения только в том случае, если оно происходит в старших возрастах, и при достаточно низком уровне рождаемости. Исходя из этого, принято различать старение «снизу» и старение «сверху». На рисунке 1.1 представлено графическое изображение возрастной структуры каждого типа старения, когда при старении «снизу» сужается основание возрастной пирамиды, а при старении «сверху» расширяется ее вершина.

Наряду с теорией демографического перехода используются ***теории эпидемиологического перехода и второго демографического перехода***, объясняющие возникновение новых моделей поведения, связанное с улучшением

---

¹ Сови А. Общая теория населения. Т. 2. Жизнь населения / перевод с франц. Ф.Р. Окуновой. М.: Прогресс, 1977. – 520 с.

социально-экономической среды. Согласно Омрану А.Р.¹, эпидемиологический переход представляет собой долгосрочный сдвиг в структуре смертности и заболеваемости, в результате чего пандемии инфекции постепенно вытесняются дегенеративными и антропогенными (man-made)² заболеваниями как основной формой заболеваемости и смерти. Идея теории заключается в том, что значительный рост продолжительности жизни населения происходит под воздействием изменения структуры заболеваний и смертности по причинам и возрастам. Первоначально Омран А.Р. выделял три последовательных стадии эпидемиологического перехода, но в последней своей статье³ они были уточнены и дополнены в зависимости от модели («западный» переход или переход в незападных обществах) (рисунок 1.2).

Рисунок 1.2. Стадии эпидемиологического перехода

Составлено по: Омран А.Р. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. Вып. 6, №1. С. 177-216.

Примечание: БСК – болезни системы кровообращения.

¹ Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // The Milbank Memorial Fund Quarterly. 1971. Vol. 49, no. 4, part 1. P. 509-538.

² В русскоязычном издании статьи Омран А.Р. (Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. – М., 1977. – С. 57-91) «man-made» заболевания переведены как профессиональные, хотя их содержание значительно шире.

³ Omran A.R. The epidemiologic transition theory revisited thirty years later // World Health Statistics Quarterly. – 1998. – No. 51(2-4). – P. 99-119.

Существуют и альтернативные подходы к стадиям эпидемиологического перехода. В частности, в работах ученых¹ исследуется опасность возврата инфекционных заболеваний. Как утверждает Вишневецкий А.Г.², COVID-19 является подтверждением верности тревожных предупреждений о возврате к инфекционным заболеваниям. Пандемия коронавируса не изменила текущую эпидемиологическую модель смертности: она повысила смертность, в первую очередь, среди пожилого населения (рисунок 1.3). Поэтому использование теории эпидемиологического перехода оправдано для описания механизма старения населения России. Ведь от того, какие детерминанты лежат в основе современной модели заболеваемости и смертности, зависят последствия старения населения. МакКаллум Дж. и Мазерс К.³ приводят следующий пример: влияние старения населения менее важно, если распространенность инвалидности среди пожилых людей снижается, чем если оно увеличивается.

Теория второго демографического перехода охватывает целый ряд качественных изменений в семье, партнерстве и родительстве, связанных со сдвигом в системе ценностей⁴. Наиболее важная особенность второго демографического перехода – снижение уровня рождаемости до простого воспроизводства населения (2,1 ребенка на женщину), неизбежным результатом чего является старение населения в отсутствие иммиграции. Создатели теории признали роль иммиграции как инструмента сдерживания старения населения, хотя и с ее ограниченной эффективностью. Как отмечает ван де Каа Д.⁵, в постиндустриальных обществах, в которых происходит сокращение числа людей, поступающих на рынок труда, и общее старение населения, международная

---

¹ Olshansky S.J., Carnes B., Rogers R.G., Smith L. Infectious diseases - new and ancient threats to world health // Population bulletin. – 1997. Vol. 52, no. 2. – P. 1-52; Barrett R., Kuzawa C.W., McDade T., Armelagos G.J. Emerging and re-emerging infectious diseases: the third epidemiologic transition // Annual review of anthropology. – 1998. – No. 27. – P. 247-271; Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. – М.: ЦСП, 2005. – 235 с.

² Вишневецкий А.Г. Эпидемиологический переход и его интерпретации // Демографическое обозрение. – 2020. – Вып. 7, №3. – С. 6-50.

³ McCallum J., Mathers C. Compression of Morbidity // International Encyclopedia of Public Health. – 2017. – Vol. 2. – P. 134-141. DOI: 10.1016/b978-0-12-803678-5.00088-6.

⁴ van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // Population bulletin. – 1987. – No. 42(1). – P. 1-59.

⁵ Van de Kaa D. J. The idea of a second demographic transition in industrialized countries // Birth. – 2002. – Vol. 35. – P. 45.

миграция крайне необходима. В то же время Лестег Р.¹ признает, что она не сможет полностью остановить старение, поскольку мигранты так же стареют и со временем снижают свою фертильность, чтобы соответствовать показателям принятых ими стран.

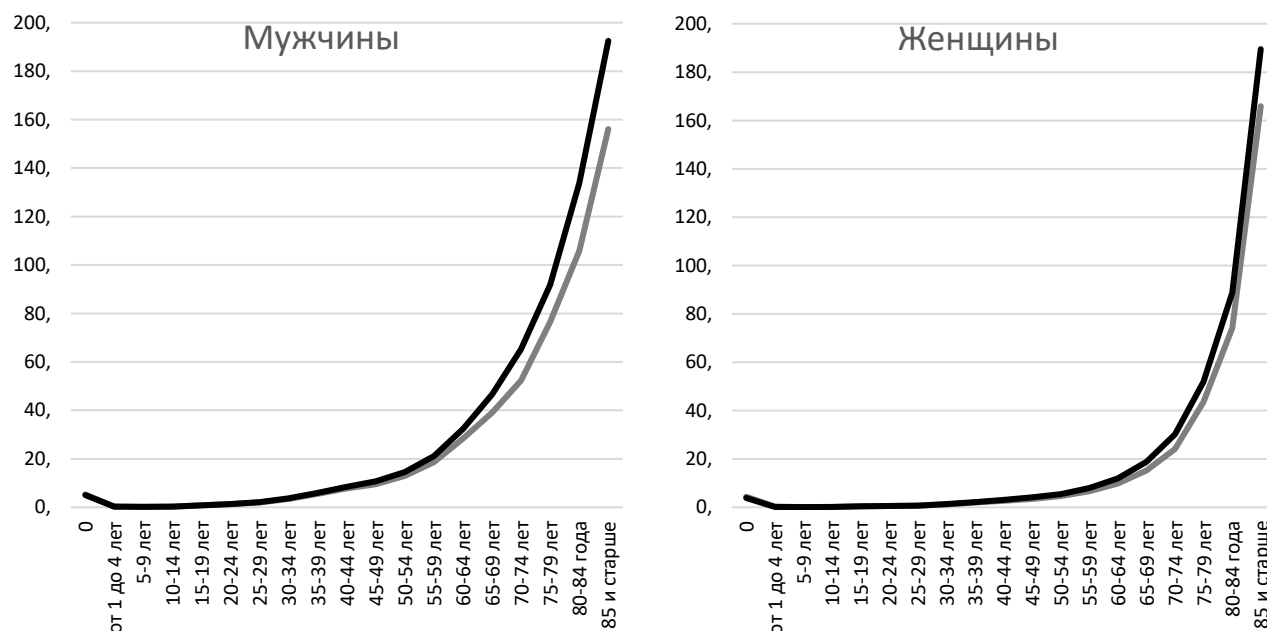

Рисунок 1.3. Возрастные коэффициенты смертности в 2019 г. (серый цвет) и 2020 г. (черный цвет), промилле

Источник: Росстат.

Положения теории второго демографического перехода имеют значительный потенциал для исследований в области старения населения². По мере того, как в странах наблюдается старение населения с меньшим количеством семейных связей, ожидается, что условия жизни пожилых людей будут меняться, отражая эти новые реалии. Изменения в предпочтениях в создании семьи отразятся на увеличении числа одиноких пожилых людей, имеющих семьи с небольшим количеством взрослых детей или вообще без них, и сокращении числа

¹ Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition // Population and development review. – 2010. – Vol. 36, no.2. – P. 211-51. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x; Lesthaeghe R. The second demographic transition: a concise overview of its development // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. – 2014. – Vol. 111, no. 51. – P. 18112-5. DOI: 10.1073/pnas.1420441111.

² Vikram K., Visaria A. Second Demographic Transition // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Gu D., Dupre M.E. (eds). – Springer, Cham, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-22009-9_663.

домохозяйств, состоящих из нескольких поколений. Это может повлиять на сокращение количества источников поддержки от детей или супругов, что негативно скажется на социальном, психологическом, физическом и материальном благополучии пожилых людей. Отсутствие традиционной структуры семьи диктует необходимость усиления роли государства в удовлетворении потребностей стареющего населения. Причем это связано не только с обеспечением ухода за пожилыми людьми, но и с содействием для более активного и продуктивного старения.

Выявленные взаимосвязи в рамках *концепции человеческого капитала и экономики семьи* расширяют положения теории демографического перехода в части исследования сдвига от среды с высокой рождаемостью и высокой детской смертностью к среде с низкой рождаемостью и низкой смертностью. Впервые Беккером Г. был предложен единый экономический подход к семье, применимый к современным обществам. В настоящее время этот подход составляет основу современной экономики семьи, которая объясняет процесс замещения большого количества детей ростом их «качества», связанным с вложением родителями инвестиций в человеческий капитал. Эрмиш Дж.¹ эту взаимосвязь формулирует так: родители получают больше удовлетворения от того, что у них есть дети, которые находятся в лучшем положении на протяжении всей своей жизни, поэтому они инвестируют в человеческий капитал, чтобы повлиять на уровень жизни своих детей. Сигно А.² объясняет мотивацию родителей инвестировать в детей необходимостью поддержки себя в пожилом возрасте. Если люди не имеют доступа к финансовому рынку, расширенная семейная сеть может его заменить. По сути, этот рынок предоставляет собой «займы» молодым членам от членов среднего возраста и обеспечивает погашение позже, когда молодые заемщики достигают среднего возраста, а кредиторы среднего возраста становятся

---

¹ Ermisch J. Family Economics // The New Palgrave Dictionary of Economics / Macmillan Publishers Ltd (eds). – Palgrave Macmillan, London, 2018. DOI: 10.1057/978-1-349-95189-5_2149.

² Cigno A. Self-enforcing family constitutions: implications for saving, fertility and intergenerational transfers // Sharing the Wealth: Demographic Change and Economic Transfers between Generations / A. Mason and G. Tapinos (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 75-98.

пожилыми. В странах с хорошо развитыми финансовыми рынками и пенсионными системами наблюдается, что трансферты от взрослых детей родителям редки, но переводы в другом направлении более распространены.

Помимо смертности и рождаемости населения, на возрастную структуру оказывают влияние направление и интенсивность миграции населения. «Поскольку молодое население более мобильно, их миграционный приток может «омолодить» возрастную структуру населения территории въезда, а отток будет способствовать «постарению» территории выбытия». В 2000 г. Организацией объединенных наций (ООН) был подготовлен доклад¹ о «*замещающей*» роли миграции и ее возможности сдерживать старение и сокращение численности населения в развитых странах.

Коулмену Д.² даже выделил особую фазу развития – *третий демографический переход*, в течение которого наиболее значимый вклад в динамику численности населения и его состав вносит иммиграция. Но, как показывают исследования³, в долгосрочной перспективе старение населения может только усилиться без непрерывного наращивания миграционного притока. В отношении миграции есть предположение, что она омолаживает возрастную структуру населения принимающей территории еще и за счет того, что мигранты отличаются от коренного населения более высоким уровнем фертильности. Однако есть эмпирические исследования, как доказывающие это предположение, так и опровергающие его. К примеру, исследование внутренней миграции России на основе Всероссийской переписи населения⁴ выявило, что приезжие женщины имеют более высокие показатели рождаемости, т.к. смена места жительства нередко приводит к росту их благосостояния, расширяет брачный выбор и позволяет лучше реализовать существующие репродуктивные установки. В то же

---

¹ Денисенко М. Может ли помочь развитым странам замещающая миграция? // Демоскоп Weekly. – 2002 – №59-60. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/059/tema01.php>.

² Коулмен Д. Третий демографический переход? // Демоскоп Weekly. – 2007. – №299-300. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php>.

³ Goldstein J.R. How Populations Age // International Handbook of Population Aging / Uhlenberg P. (eds.). Dordrecht: Springer, 2009. – pp. 7-17; Lee R.D. Macroeconomics, Aging and Growth // NBER Working Paper. – 2016. – No. w22310. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2790707>.

⁴ Приезжие женщины рожают больше местных // Научно-образовательный портал IQ.HSE.RU. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177663763.html>.

время результаты обследования¹ показали, что у женщин, переселяющихся из Дагестана в другие регионы России, повышается возраст вступления в брак и рождения первого ребенка, а также понижается число рожденных детей.

Кроме того, существует и обратная связь между возрастной структурой населения и его воспроизводством. С одной стороны, возрастной состав населения определяется уровнями рождаемости, смертности и миграции в ретроспективе, а с другой стороны, он сам влияет на них в перспективе. Такие внешние факторы, как эпидемии, войны, природные и техногенные катастрофы, деформируют возрастную пирамиду, надолго запуская волнообразный характер демографического развития территории. В России таких периодов, определивших крупные демографические волны, было три (рисунок 1.4):

- первый период (1914-1922 гг.) – Первая мировая война, революции и гражданская война;
- второй период (1928-1937 гг.) – коллективизация и голод;
- третий период (1941-1947 гг.) – Великая Отечественная война и послевоенные годы².

Как отмечает Вишневский А.Г.³, обусловленные войной деформации не только сохраняются долгое время, перемещаясь с течением времени к вершине пирамиды, но порождают новые деформации в ее основании, так называемые «демографические эха» звучат и последующие многие десятилетия. Изменения в демографических процессах России происходят под воздействием причин экономического и политического порядка, которые связаны с кризисом государства и общества и вызывают снижение уровня жизни и ухудшение состояния здоровья населения⁴.

---

¹ Казенин К.И., Идрисов Э.Ш., Имашева М.М. Влияние миграции на рождаемость: случай переселения ногайцев из Республики Дагестан // *Женщина в российском обществе*. – 2018. – № 2 (87). – С. 75-88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.7.

² Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны // *Народонаселение*. – 2017. – № 4. – С. 56-66. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-4.

³ Вишневский А.Г. Демографический след войны // *Демоскоп Weekly*. – 2016. – №689-690. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/tema03.php>.

⁴ Бреев Б.Д. К вопросу о постарении населения и депопуляции // *Социологические исследования*. – 1998. – № 2. – С. 61-66; Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // *Вестник Российской академии наук*. – 2004. – Т. 74. № 3. – С. 209-218.

Женщины

Возраст на 1 января 2021

Мужчины

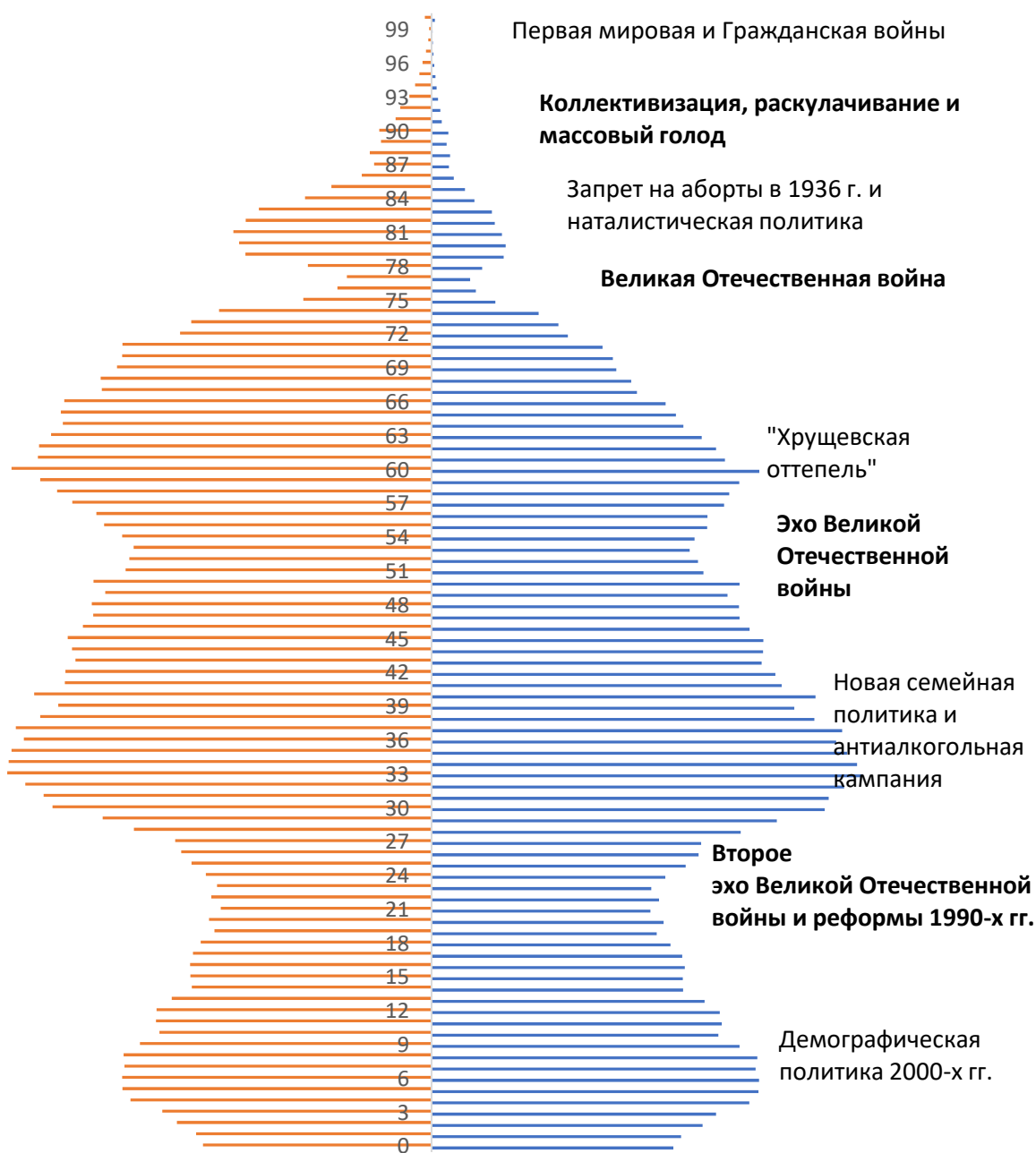

Рисунок 1.4. Влияние внешних воздействий на деформацию половозрастной структуры населения России за последние 100 лет

Источник: Росстат.

Специфика российских демографических процессов определяется:

- высокой скоростью изменения модели воспроизводства населения;

- слабой выраженностью демографического взрыва в результате одновременного снижения рождаемости и смертности;
- политическими, социальными и военными катаклизмами XX в., которые лишили Россию демографического «выигрыша»¹.

В результате рыночных реформ и трансформационных преобразований в 1990-х гг. произошли радикальные изменения условий жизни населения, что не могло не повлиять на их поведение и качество человеческого потенциала². Как отмечает Римащевская Н.М.³, «формирование в России новой институциональной среды потребовало от всего населения страны изменения ранее привычных моделей социально-экономического поведения, т.е. адаптации к новым условиям жизнедеятельности». Специфика демографических процессов в России в 1990-х гг. характеризуется двумя негативными признаками:

- сверхсмертность мужчин, особенно в трудоспособном возрасте;
- высокая младенческая смертность.

Учитывая такой противоестественный характер демографических процессов в России, Клупт М.А.⁴⁵ даже ставит под сомнение, что теория демографического перехода является общемировым и непререкаемым законом. По его мнению, теория не позволяет объяснить снижение продолжительности жизни, наблюдаемое в 1990-х гг. в ряде стран, включая Россию, поэтому он предлагает бифуркации демографического развития интерпретировать посредством *институционального подхода*.

Происходящие в 1990-х гг. демографические тенденции согласуются с *концепцией социального стресса*. Кокерхэм У.К. с соавторами⁶

¹ Римащевская Н.М., Доброхлеб В.Г., Медведева Е.И., Крошилилин С.В. Демографический переход – специфика российской модели // Народонаселение. – 2012. – № 1(55). – С. 23-31.

² Римащевская Н.М. Социальная политика в стратегии российского развития: последствия экономических трансформаций // Россия и современный мир. – 2003. – № 4. – С. 5-21.

³ Римащевская Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России // Безопасность Евразии. – 2004. – №1 (15). – С. 14-32.

⁴ Клупт М.А. Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. – 2014. – Вып. 1, № 1. – С. 34-56; Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. – 2005. – №2. – С. 139-149.

⁵ Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 139-149.

⁶ Cockerham W.C. The social determinants of the decline of life expectancy in Russia and eastern Europe: a lifestyle explanation // Journal of health and social behavior. – 1997. – No.38(2). – P. 117-130; Cockerham W.C., Hinotea B.P.,

продемонстрировал, как социальный стресс стал причиной ухудшения общественного здоровья и роста смертности взрослого населения в России и отдельных странах Восточной Европы. Как отмечает Величковский Б.Т.¹, в результате влияния социального стресса нарушается фундаментальная биологическая закономерность – различие в устойчивости основных возрастных групп населения. Так, изменения в уровне смертности и продолжительности жизни в максимальной степени происходили не в наиболее «ранимых» детских и пожилых возрастных группах, а у лиц трудоспособного возраста. Причем анализ Величковского Б.Т. показал, что фактором нездоровья и смертности населения выступило не только снижение уровня жизни (обнищание и отсутствие доступа к услугам, определяющим воспроизводство человеческого капитала), но также и чувство социальной несправедливости и потеря трудовой мотивации. Шафиркин А.Ф. и Штемберг А.С.² сделали попытку количественно оценить риски для «здоровья от таких продолжительных антропогенных воздействий большой интенсивности на человека, а также длительного социального стресса и психоэмоциональной напряженности в обществе».

Таким образом, половозрастная структура населения России – это результат как закономерной трансформации демографических процессов, происходящей в рамках глобальных общемировых трендов, так и отклонений от них³. На основе проведенной систематизации современных теоретических подходов к исследованию механизма старения населения отмечен двойственный характер этого процесса (таблица 1.1).

Abbott P. Psychological distress, gender, and health lifestyles in Belarus, Kazakhstan, Russia, and Ukraine // *Social Science and Medicine*. – 2006. – №63. – P. 2381-2394.

¹ Величковский Б.Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье // *Бюллетень ВШЦ СО РАМН*. – 2005. – №2. – С. 24-36.

² Шафиркин А.Ф., Штемберг А.С. Влияние социального стресса и психоэмоциональной напряженности на здоровье мужчин трудоспособного возраста в России // *Вестник Российского государственного медицинского университета*. – 2013. – № 5-6. – С. 27-34.

³ Васильева Е.В. Развитие методического инструментария диагностики социально-демографических процессов в регионе : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Васильева Елена Витальевна; [Место защиты: Ин-т экономики УрО РАН]. – Екатеринбург, 2012. – 325 с.

Таблица 1.1. Современные теоретические подходы к исследованию механизма старения населения России

Теории (представители)	Положения теории
Глобальные общемировые тренды	
Теория демографического перехода (Ноутстейн Ф., Вишневский А.Г.)	Связанный с экономическими, социальными, культурными и другими причинами переход от высоких показателей смертности и рождаемости к низким показателям смертности и рождаемости изменяет соотношение между молодыми и пожилыми людьми
Теория второго демографического перехода (ван де Каа Д., Лестег Р.)	Вызванные сдвигом системы ценностей общества снижение фертильности и ослабление «традиционной» семьи усиливают старение населения
Теория третьего демографического перехода (Коулмен Д.)	Иммиграция влияет на численность и возрастной состав населения
Теория эпидемиологического перехода (Омран А.)	Значительный рост продолжительности жизни населения происходит под воздействием изменения структуры заболеваний и смертности
Общая теория населения (Сови А.)	Первопричина старения населения – сокращение рождаемости
Экономика семьи (Беккер Г., Шульц Т.)	Процесс замещения большого количества детей ростом их «качества», связанным с вложением родителями инвестиций в человеческий капитал
Российская специфика	
Институциональный подход (Клупт М.А., Римашевская Н.М.)	Глубина кризиса продолжительности жизни населения и сроки выхода из него определяются характером взаимодействия институтов различного типа и уровня
Концепция социального стресса (Величковский Б.Т., Шафиркин А.Ф.)	«Шоковая стратегия» российских реформ 1990-х гг. вызвала развитие социального стресса и резко ухудшила все медико-демографические показатели населения

Существующие различия между глобальными трендами и сложившимися российскими демографическими и социально-экономическими тенденциями необходимо учитывать при формировании социально-экономической политики территорий различного уровня. Причем важно учитывать не только наличие самого процесса старения населения, но и как он происходит: в рамках общемировых трендов или отклоняется от них. Старение населения как неизбежный и необратимый процесс предопределяет ответные действия не по устранению его, а по адаптации, приспособлению к новым изменяющимся условиям. Для этих целей в диссертационном исследовании разработан альтернативный подход к измерению старения населения.

1.2. Эволюция понятия возраста пожилого населения и его использования в государственной политике¹

Масштаб демографического старения зависит от того, кто относится к «*пожилому населению*». В нормативно-правовых документах РФ для обозначения пожилого населения используются различные термины: пожилые граждане, население старших возрастных групп и др. (приложение А). К примеру, в Паспорте ФЦП «Старшее поколение»² используются более 10 аналогов термина «пожилое население». Как отмечено в бюллетене Аналитического центра при Правительстве РФ³, различие подобных терминов носит лингвистический характер, поскольку общим признаком данной группы населения является возрастная граница.

В таблице 1.2 представлено несколько периодизаций, возрастные границы в которых за столетие постепенно сдвинулись к более поздним возрастам. В то же время Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) допускает, что возрастная периодизация может варьироваться между странами, отражая их демографическое и экономическое развитие. Например, ВОЗ⁴ в своих исследованиях старения населения в странах Африки использует в качестве определения пожилого человека «возраст 50 лет и старше». Как отмечает Русанова Н.Е.⁵, временные рамки «старости» условны и существенно меняются в различных обществах и социальных группах, на различных этапах истории. Очевидно, что сегодняшние 60-летние люди значительно отличаются человеческим капиталом и социально-экономическим поведением от своих родителей в том же возрасте и не имеют абсолютно ничего общего со своими бабушками и дедушками в том же возрасте.

---

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работах автора: Васильева Е.В. Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход // *Народонаселение*. – 2022. – Т. 25. № 3. – С. 128-143. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.1; Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с. DOI: 10.17059/661-5.

² Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» (утв. Минтрудом России) (ФЦП «Старшее поколение»).

³ Трубин В., Николаева Н., Палеева М., Гавдифатова С. Пожилое население России: проблемы и перспективы. Социальный бюллетень 05, март 2016. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 45 с.

⁴ Proposed working definition of an older person in Africa for the MDS Project // WHO. Режим доступа: <https://www.who.int/healthinfo/survey/ageingdefnolder/en/>.

⁵ Русанова Н.Е. Понятие возраста в демографии и современное старшее поколение // *Народонаселение*. – 2013. – №2 (60). – С. 63-71.

Возраст, в котором человек становится пожилым человеком, – это понятие, которое меняется с течением времени. Поскольку модели поведения (сбережения, инвестирования, потребления) человека зависят от количества лет, оставшихся ему до конца жизни, то расчет доли пожилого населения на основе хронологического (ретроспективного) возраста дает неполную информацию о демографическом старении.

Таблица 1.2. Границы возраста пожилого населения в различных возрастных периодизациях

Автор(ы) периодизации	Границы возраста
Хронологический (ретроспективный) возраст	
Рославский-Петровский А.П. (1853 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • цветущее поколение – 16-60 лет: <ul style="list-style-type: none"> • пожилые – 45-60 лет • увядающее поколение – 61 года и старше: <ul style="list-style-type: none"> • старые – 61-75 лет; • долговечные – 75-100 лет и старше
Рубнер М. (1854 – 1932 гг.)	<ul style="list-style-type: none"> • старость – 50-70 лет • почетная старость – 70 лет и старше
Секция демографической статистики Американской ассоциации здравоохранения (1939 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • ранний период старости – 65-74 лет • старость – 75 лет и старше
Ленинградской конференции по геронтологии и семинара ВОЗ по социальным и клиническим проблемам (1962 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 60-74 лет • старческий возраст – 75 лет и старше: <ul style="list-style-type: none"> • долгожители – 90 лет и старше
Биррен Дж. (1964 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • поздняя зрелость – 51-75 лет • старость – 76 лет и старше
VII Всесоюзная конференция по проблемам возрастной морфологии, физиологии и биохимии (1965 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 61-74 года (мужчины) и 56-74 года (женщины) • старческий возраст – 75-90 лет • долгожители – 90 лет и старше
Симпозиум Академии педагогических наук СССР (1965 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилые люди – 61-75 лет (мужчины) и от 56-75 лет (женщины) • старческий возраст – 76-90 лет: <ul style="list-style-type: none"> • долгожители – 90 лет и старше
Бромлей Б. (1966 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • цикл взрослости – 21-65 лет: <ul style="list-style-type: none"> • предпенсионный возраст – 56-65 лет • цикл старения – 66 лет и старше: <ul style="list-style-type: none"> • стадия удаление от дел – 66-70 лет • старость – 71 лет и старше
Урланис Б.Ц. (1968 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • послерабочий период – 60 лет и старше: <ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 60-69 лет • ранняя старость – 70-79 лет • глубокая старость – 80 лет и старше.

Автор(ы) периодизации	Границы возраста
Нойгартен Б. (1974 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • молодые пожилые (young-old) люди – 55-75 лет • старые пожилые (old-old) люди – 75 лет и старше
Доброхлеб В.Г. (2004 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • старшее поколение – 60 лет и старше
ВОЗ (2012 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 60-74 года • старческий возраст – 75-89 лет • долгожители – 90 лет и старше
Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (2017 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилые люди – 60 лет и старше • люди старше трудоспособных возрастов (working ages) – 65 лет и старше
Евростат (2019 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилые люди – 65 лет и старше • очень старые люди – 85 лет и старше
Международная организация труда (2021 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • люди пожилого возраста – 65-74 лет • люди старше трудоспособных возрастов (working ages) – 65 лет и старше
Перспективный возраст	
Райдер Н. (1975 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 10 лет и менее
Сигел Дж. (1993 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 10 или 15 лет и менее
Сандерсон У., Щербов С. (2010 г.)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 15 лет и менее

Составлено по: Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. В. И. Покровский. – 2 изд. – М.: Медицина, 2001. – 960 с.; Кондакова Н.А. Младшее поколение как социально-демографическая категория: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2015. №7(27); Neugarten B.L. Age Groups in American Society and the Rise of the Young-Old // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1974. Vol. 415(1). – P. 187-198. DOI: 10.1177/000271627441500114; Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России: диссертация ... доктора экономических наук : 08.00.05. – Москва, 2004. – 314 с.; World Population Ageing 2017 (ST/ESA/SER.A/408). – New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2017. – 124 p.; Ageing Europe – looking at the lives of older people in the EU. Eurostat 2019 report. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. – 162 p.; Старшее поколение как ресурс социально-экономической модернизации России / под науч. ред. Н.М. Римашевской. – М.: Экономическое образование, 2014. – 212 с.; Henry C., Golman M. Old age work and income security in middle income countries: Comparing the cases, ILO Working Paper 34. – Geneva: ILO, 2021. – 35 p.; Ryder N.B. Notes on Stationary Populations // Population Index. 1975. – Vol. 41, No. 1. – P. 3-28. DOI: 10.2307/2734140; Sanderson W.C., Scherbov S. Remeasuring aging // Science. – 2010. – Vol. 329(5997). – P.1287-1288. DOI: 10.1126/science.1193647.

Учитывая тенденции роста ожидаемой продолжительности жизни, Сандерсон У. и Щербов С. предложили **концепцию перспективного возраста**¹ (от

¹ Sanderson W.C., Scherbov S. A new perspective on population aging // Demographic Research. – 2007. – Vol. 16., Article 2. – P. 27-58. DOI: 10.4054/DemRes.2007.16.2; Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age // Nature. – 2005. – Vol. 435., No. 7043. – P. 811–813. DOI: 10.1038/nature03593.

англ. *prospective age*¹), в основу которой заложена идея Райдера Н.² об измерении возраста не с момента рождения, а числом лет оставшихся до смерти. Как и в случае с хронологическим (ретроспективным) возрастом, значение границы пожилого возраста фиксируется произвольно. Если изначально Райдер Н. в качестве «точки входа в старость» предлагал возраст, в котором ожидаемая продолжительность жизни составляет 10 лет, то сейчас в качестве такой границы принимает 15 лет³.

Эта концепция позволяет пересмотреть представления о границах старости в современных обществах. Сандерсон У. и Щербов С.⁴ показали на примере французских женщин, как «40 лет – это новые 30 лет» (рисунок 1.5). По аналогии с предложением Фукса В.Р.⁵ использовать два измерения для возраста: «номинальный» (хронологический) и «реальный» (скорректированный с учетом изменений в показателях смертности), Сандерсон У. и Щербов С. проиллюстрировали свою концепцию. В Панели А (рисунок 1.5) представлены жизненные пути женщин, доживших до 30 лет в 1952 г. (верхняя полоса) и в 2005 г. (нижняя полоса). В 1952 г. ожидаемая продолжительность их жизни составляла 44,7 лет, а в 2005 г. – 54,4 лет. Так, женщины в обеих группах прожили одинаковое количество лет, но их продолжительность предстоящей жизни отличается (разница составляет 9,7 лет). На панели Б (рисунок 1.5) показана альтернативная проекция, где ожидаемые продолжительности предстоящих жизней двух групп женщин имеют одинаковую длину, а их хронологические возраста составляют 30 (верхняя полоса) и 40 (нижняя полоса) лет.

---

¹ Также в русскоязычной литературе «*prospective age*» переводится как «проспективный возраст» или «потенциальный возраст» (Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 229 с.; Васин С. Новая концепция возраста: ретроспективный и потенциальный возраст // Демоскоп Weekly. – 2008. – №317-318. Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/tema05.php#_FNR_15; Барсуков В.Н. Методологические особенности измерения последствий старения населения в межстрановом сравнении // Проблемы развития территории. – 2020. – № 3(107). – С. 128–143. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.9).

² Ryder N.B. Notes on Stationary Populations // Population Index. 1975. – Vol. 41, No. 1. – P. 3-28. DOI: 10.2307/2734140.

³ Sanderson W.C., Scherbov S. Faster Increases in Human Life Expectancy Could Lead to Slower Population Aging // PLoS ONE. – 2015. – Vol. 10(4), e0121922. DOI: 10.1371/journal.pone.0121922; Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 530 с.

⁴ Sanderson W., Scherbov S. Rethinking Age and Aging // Population Bulletin. – 2008. – Vol. 63, no. 4. – 20 p.

⁵ Fuchs V.R. 'Though Much is Taken:' Reflections on Aging, Health, and Medical Care // The Milbank Memorial Fund Quarterly: Health and Society. – 1984. – Vol. 62, no. 2. – P. 142-66.

Панель А		
1952	30 прожитых лет	ОППЖ – 44,7 лет
2005	30 прожитых лет	ОППЖ – 54,4 лет
Панель Б		
1952	30 прожитых лет	ОППЖ – 44,7 лет
2005	40 прожитых лет	ОППЖ – 44,7 лет

Рисунок 1.5. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (ОППЖ) среди французских женщин в 1952 и 2005 гг.

Источник: Sanderson W., Scherbov S. Rethinking Age and Aging // Population Bulletin. – 2008. – Vol. 63, no. 4. – 20 p.

Перспективный возраст позволяет учитывать изменения в жизненном цикле индивидуально для каждой страны. Как отмечают Сандерсон У. и Щербов С.¹, при измерении демографического старения традиционными методами (хронологическим возрастом) игнорируются региональные различия в характеристиках людей одного и того же возраста. Так, по их расчетам, российские мужчины в 2010 г. в возрасте 65 лет имели те же показатели смертности, что и итальянские мужчины в возрасте 77 лет в том же году.

Таким образом, концепция перспективного возраста, учитывающая изменения в ожидаемой продолжительности жизни, показывает более медленные темпы старения по сравнению с традиционным подходом, базирующимся на хронологическом возрасте. Однако у концепции перспективного возраста есть свои ограничения и недостатки применения. Во-первых, утверждение, что «40 лет – это новые 30 лет», носит достаточно условный характер. С одной стороны, если иметь в виду образ жизни современных 40-летних людей и их человеческий капитал, то, скорее всего, это утверждение справедливо. Но, с другой стороны, достижения современного здравоохранения не такие внушительные, чтобы сравнить

¹ Sanderson W., Scherbov S. New Approaches to the Conceptualization and Measurement of Age and Ageing // Developments in Demographic Forecasting / S. Mazzucco, N. Keilman (eds.). Springer, 2020. – P. 243-258. DOI:10.1007/978-3-030-42472-5_12.

репродуктивное поведение и фертильность этих возрастных групп (возможности зачать и родить детей).

Применение перспективного возраста в государственной политике в отношении пожилого населения так же имеет спорные моменты. Так, для установления возраста выхода на пенсию он будет несправедлив для пожилых людей, поскольку по мере увеличения ожидаемой продолжительности жизни им придется вносить взносы в пенсионную систему все больше и больше число лет только для того, чтобы получать пособия в течение фиксированного среднего периода¹.

Во-вторых, оценка ожидаемой продолжительности жизни когорты с использованием таблицы продолжительности жизни является несовершенной. Согласно исследованию Гольдштейна Дж.Р. и Вахтера К.В.², в популяциях, испытывающих устойчивое снижение смертности, ожидаемая продолжительность жизни за определенный период может рассматриваться как ожидаемая продолжительность жизни в когорте с учетом лага. Причем этот лаг постепенно растет по мере снижения смертности. В качестве неоправданной трудности использования ожидаемой продолжительности жизни Андреев Е.М.³ указывает метод ее расчета, который до сих пор не унифицирован и, по его мнению, скорее всего, унифицирован быть не может. Как отмечают сами авторы концепции⁴, до публикации их работы «Conventional and prospective measures of population aging» корректировки ожидаемой продолжительности жизни не были доступны в согласованном формате для всех стран, а их использование требовало дополнительного обучения.

---

¹ Sanderson W., Scherbov S. Rethinking Age and Aging // Population Bulletin. – 2008. – Vol. 63, no. 4. – 20 p.

² Goldstein J.R., Wachter K.W. Relationships between period and cohort life expectancy: Gaps and lags // Population Studies. – 2006. – Vol. 60(3). – P. 257-269. DOI:10.1080/00324720600895876.

³ Андреев Е.М. Действительно ли ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наилучшим измерителем уровня смертности населения? // Демографическое обозрение. – 2021. – Вып. 8, №2. – С. 6-26.

⁴ Sanderson W.C., Scherbov S. Remeasuring Aging // Science. – 2010. – Vol. 329(5997). P. 1287-1288. DOI: 10.1126/science.1193647.

Дополнительным ограничением является низкое качество данных о смертности в пожилом возрасте¹. При том, что ВОЗ² оценивает полноту регистрации случаев смерти в России на 100%, совместное исследование российских и немецких ученых³ показало, что качество статистики смертности в старших возрастах за рассматриваемый период ухудшилось. Регистрируемая статистика демонстрирует неправдоподобно низкий уровень смертности в пожилом возрасте. Такой вывод ученые объясняют:

- недостоверной отчетностью о возрасте (преувеличение возраста человека на момент смерти или возраста учитываемого населения)⁴;
- «статистически бессмертной популяцией» (когда лица, умершие за границей страны/региона, продолжают учитываться в популяции)⁵;
- «двойным подсчетом» населения во время последней переписи⁶.

Кроме того, существуют и другие проблемы в системе учета смертности населения⁷. Результаты⁸ моделирования на основе данных Human Mortality Database по странам с надежной статистикой смертности показали, что смертность пожилого населения России и Москвы занижена, особенно у мужчин, и степень

---

¹ Jdanov D.A., Scholz R. D., Shkolnikov V.M. Official population statistics and the Human Mortality Database estimates of populations aged 80+ in Germany and nine other European countries // *Demographic Research*. – 2005. – Vol. 13, article 14. – P. 335-362. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2005.13.14>; Thatcher A.R., Kannisto V., Andreev K. The survivor ratio method for estimating numbers at high ages // *Demographic Research*. 2002. – Vol. 6(1). – P. 1-16.

² WHO methods and data sources for country-level causes of death 2000-2012. Global health estimates technical paper WHO/HIS/HIS/GHE/2014.7 // WHO. Режим доступа: https://www.who.int/docs/default-source/gho-documents/global-health-estimates/ghe2019_cod_methods.pdf?sfvrsn=37bcface_5.

³ Timonin S., Danilova I., Andreev E., Shkolnikov V.M. Recent mortality trend reversal in Russia: are regions following the same tempo? // *European Journal of Population*. – 2017. – Vol. 33. – P. 733-763. DOI: 10.1007/s10680-017-9451-3.

⁴ Андреев Е.М. О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении // *Вопросы статистики*. – 2012. – №11. – С. 21-35; Anderson B.A., Silver B.D. Issues of data quality in assessing mortality trends and levels in the New Independent States // *Premature death in the new independent states* / J. L. Bobadilla, C. A. Costello, & F. Mitchell (Eds.). – Washington, DC: National Academies Press, 1997. – P. 120-155.

⁵ Jdanov D.A., Scholz R. D., Shkolnikov V.M. Official population statistics and the Human Mortality Database estimates of populations aged 80+ in Germany and nine other European countries // *Demographic Research*. – 2005. – Vol. 13, article 14. – P. 335-362. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2005.13.14>.

⁶ Андреев Е.М. О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении // *Вопросы статистики*. – 2012. – №11. – С. 21-35; Мкртчян Н.В. Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // *Демографические аспекты социально-экономического развития* / под ред. М.Б. Денисенко. Серия: Демографические исследования. Вып. 22. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 197-214.

⁷ Юмагузин В.В., Винник М.В. Проблемы качества статистики смертности в России // *ЭКО*. – 2019. – №10 (544). – С. 54-77. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-10-54-77

⁸ Папанова Е.К., Школьников В.М., Андреев Е.М., Тимонин С.А. Высокая продолжительность жизни москвичей после 80 лет – реальность или статистический артефакт? // *Успехи геронтологии*. – 2017. – Т. 30. № 6. – С. 826-835.

этого занижения увеличивается с середины 2000-х гг., наряду с увеличением ожидаемой продолжительности жизни. Причем эти проблемы усугубляются после 2011 г., когда резко увеличивается продолжительность жизни пожилых женщин.

В-третьих, как схематично показали д'Альбис И. и Коллар Ф.¹, недостатком показателя Райдера Н. является то, что он модифицируется с помощью простого пропорционального масштабирования. Для демонстрации последствий такого масштабирования они рассмотрели две условные постоянные популяции, возрастные структуры которых имеют прямоугольную форму (рисунок 1.6).

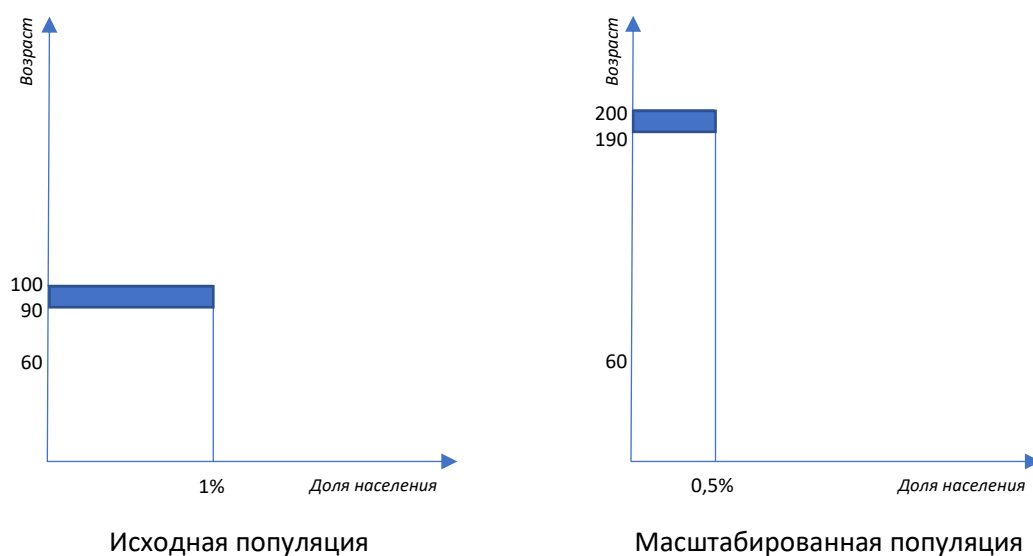

Рисунок 1.6. Отсутствие пропорционального масштабирования при использовании показателя Райдера Н.

Источник: d'Albis H., Collard F. Age groups and the measure of population aging // Demographic Research. – 2013. – Vol. 29, article 23. – P. 617-640. DOI: 10.4054/DemRes.2013.29.23.

Единственное различие между этими популяциями заключается в максимальном возрасте смерти: в исходной популяции люди живут 100 лет, и каждая когорта составляет 1% от общей численности населения; в масштабированной популяции – 200 лет, и каждая когорта составляет 0,5%. Используя показатель, основанный на возрасте 60 лет и старше, можно сделать вывод, что самое молодое население – это население, ожидаемая

¹ d'Albis H., Collard F. Age groups and the measure of population aging // Demographic Research. – 2013. – Vol. 29, article 23. – P. 617-640. DOI: 10.4054/DemRes.2013.29.23.

продолжительность жизни которого составляет 100 лет: доля самой пожилой группы составляет 40% в исходной популяции и 70% в масштабированной популяции. Напротив, показатель Райдера Н. предполагает, что самая молодая популяция – это популяция с самой высокой ожидаемой продолжительностью жизни: доля тех, у кого ожидаемая продолжительность жизни составляет менее 10 лет (заштрихованная поверхность на рисунке 1.6), составляет 10% в исходной популяции, в то время как в масштабированной популяции она составляет 5%.

Таким образом, принципиальным вопросом для применения перспективного возраста является доступность данных для его расчета и правильная его интерпретация. Учитывая отмеченные ограничения и недостатки перспективного возраста, он должен рассматриваться не как альтернативный, а как дополнительный источник информации о демографическом старении и потенциале для активной и независимой жизни в пожилом возрасте. Основной же характеристикой пожилого населения продолжает оставаться хронологический возраст. Еще в 1974 г. Нойгартен Б.¹ хронологический возраст называл незаменимым показателем, хотя признавал его неудовлетворительным. На практике, как правило, за возрастную границу пожилого населения принимают 60 или 65 лет, примерно равную возрасту выхода на пенсию в большинстве развитых стран. В нормативно-правовых документах РФ эта граница так же привязана к общеустановленному пенсионному возрасту (таблица 1.3). Как справедливо замечает Русанова Н.Е.², «современная классификация возраста должна соответствовать практическим требованиям общества и учитывать изменения социально-демографической роли поколений». Пенсионный возраст отвечает этим задачам, поскольку, во-первых, является наиболее отчетливой границей изменения социального статуса человека и его вклада в экономику и общество. Переход этой границы дает право на получение пенсии по старости, а значит и возможность выхода с рынок труда.

---

¹ Neugarten B.L. Age Groups in American Society and the Rise of the Young-Old // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1974. Vol. 415(1). – P. 187-198. DOI: 10.1177/000271627441500114.

² Русанова Н.Е. Понятие возраста в демографии и современное старшее поколение // Народонаселение. – 2013. – №2 (60). – С. 63-71.

Таблица 1.3. Границы возраста пожилого населения в нормативно-правовых документах РФ

Документ	Границы возраста
<p>Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 №164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»</p>	<ul style="list-style-type: none"> • достаточно активные в экономическом и социальном плане люди, продолжающие осуществлять трудовую деятельность – 60-64 лет • люди, как правило, менее активные, многим из которых требуется медицинская помощь и социальные услуги – 65-80 лет • люди, как правило, имеющие множественные проблемы со здоровьем и зачастую нуждающиеся в уходе и помощи – старше 80 лет
<p>Приказ Росстата от 17.07.2019 №409 «Об утверждении методики определения возрастных групп населения»</p>	<p><i>до вступления в силу Федерального закона*</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • возраст старше трудоспособного – 60 лет и старше (мужчины) и 55 лет и старше (женщины) <p><i>после вступления в силу Федерального закона*:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • возраст старше трудоспособного: <ul style="list-style-type: none"> • 2020-2027 гг.: от 61-64 лет (мужчины) и от 56-59 лет (женщины); • с 2028 г.: 65 лет и старше (мужчины) и 60 лет и старше (женщины)
<p>Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 №1032-1</p>	<p><i>до вступления в силу Федерального закона*</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • лица предпенсионного возраста: за два года до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в т.ч. назначаемую досрочно <p><i>после вступления в силу Федерального закона*:</i></p> <ul style="list-style-type: none"> • граждане предпенсионного возраста: в течение пяти лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в т.ч. назначаемую досрочно
<p>Методические рекомендации «Комплекс мер, направленный на профилактику падений и переломов у лиц пожилого и старческого возраста» (утв. Министерством здравоохранения РФ от 15.12.2020)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 60-74 лет • старческий возраст (включая возраст долгожителей) – 75 лет и старше
<p>ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения (утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 №532-ст) (ред. от 17.10.2013)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • гражданин пожилого возраста – 60 лет и старше (мужчины) и 55 лет и старше (женщины)

Документ	Границы возраста
Клинические рекомендации «Старческая астения» (утв. Минздравом России ID: КР613/2)	по периодизации ВОЗ (2012 г.): <ul style="list-style-type: none"> • пожилой возраст – 60-74 года • старческий возраст – 75-89 лет • долгожители – 90 лет и старше
ГОСТ Р 52884-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Порядок и условия предоставления услуг гражданам старшего поколения и инвалидам (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.06.2021 №523-ст)	<ul style="list-style-type: none"> • граждане старшего поколения – 65 лет и старше (мужчины) и 60 лет и старше (женщины)
Паспорт государственной программы (комплексной программы) Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» (утв. решением Правительства РФ от 23.12.2021 №ММ-44-19192)	<ul style="list-style-type: none"> • граждане старшего возраста – 60-79 лет (мужчины) и 55-79 лет (женщины)

Примечание: * – Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 №350-ФЗ (последняя редакция).

Попова Л.А.¹ называет возраст выхода на пенсию «экономическим порогом старости», поскольку в основном именно количество лиц пенсионного возраста определяет экономические аспекты старения населения. Во-вторых, учитывая изменения в ожидаемой продолжительности жизни населения, эта граница постепенно корректируется. С повышением пенсионного возраста² с 2019 г. происходит ее постепенный сдвиг в старшие возраста с сохранением гендерного разрыва.

В диссертационном исследовании хронологический возраст и перспективный возраст рассматриваются как взаимодополняющие показатели, позволяющие анализировать разные аспекты демографического старения. Использование хронологического возраста оправдано в исследовании социально-экономических последствий старения населения. Перспективный возраст целесообразно

¹ Попова Л.А. Особенности демографического старения северных регионов России // Регион: Экономика и Социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 23-40.

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 №350-ФЗ (последняя редакция).

применять для оценки масштаба демографического старения, а также при анализе потенциала для активной, независимой и безопасной жизни населения в пожилом возрасте. Такое сочетание измерений возраста пожилого населения создает основу для всестороннего исследования демографического старения и его последствий.

1.3. Проблема старения населения регионов России в условиях реализации современной социально-экономической и демографической политики

Демографическое старение является глобальным процессом, характерным и для России. Данные Росстата¹ свидетельствуют об устойчивом росте численности пожилого населения (населения в возрасте старше трудоспособного), за последние сто лет он опередил рост общей численности населения страны. Если численность жителей России за 1929-2022 гг. увеличилась в 1,67 раз, то пожилого населения – в 4,41 раза. Такая динамика отразилась на возрастной структуре населения России (рисунок 1.7).

Высокие темпы прироста наблюдались в 2010-2015 гг., когда в пенсионный возраст выступило многочисленное послевоенное поколение (в среднем ежегодный прирост составлял 2,4%). В 2020 г. в результате избыточной смертности, связанной с пандемией COVID-19, пожилое население в абсолютном и относительном выражениях сократилось. На 1 января 2022 г. доля пожилого населения составляла 24,1% от общей численности населения России, и, согласно прогнозу Росстата², эта доля будет расти даже с учетом сдвига возрастных границ³. К 2036 г. каждый пятый житель России будет в возрасте старше трудоспособного.

---

¹ Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

² Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>.

³ Приказ Росстата от 17.07.2019 №409 «Об утверждении методики определения возрастных групп населения».

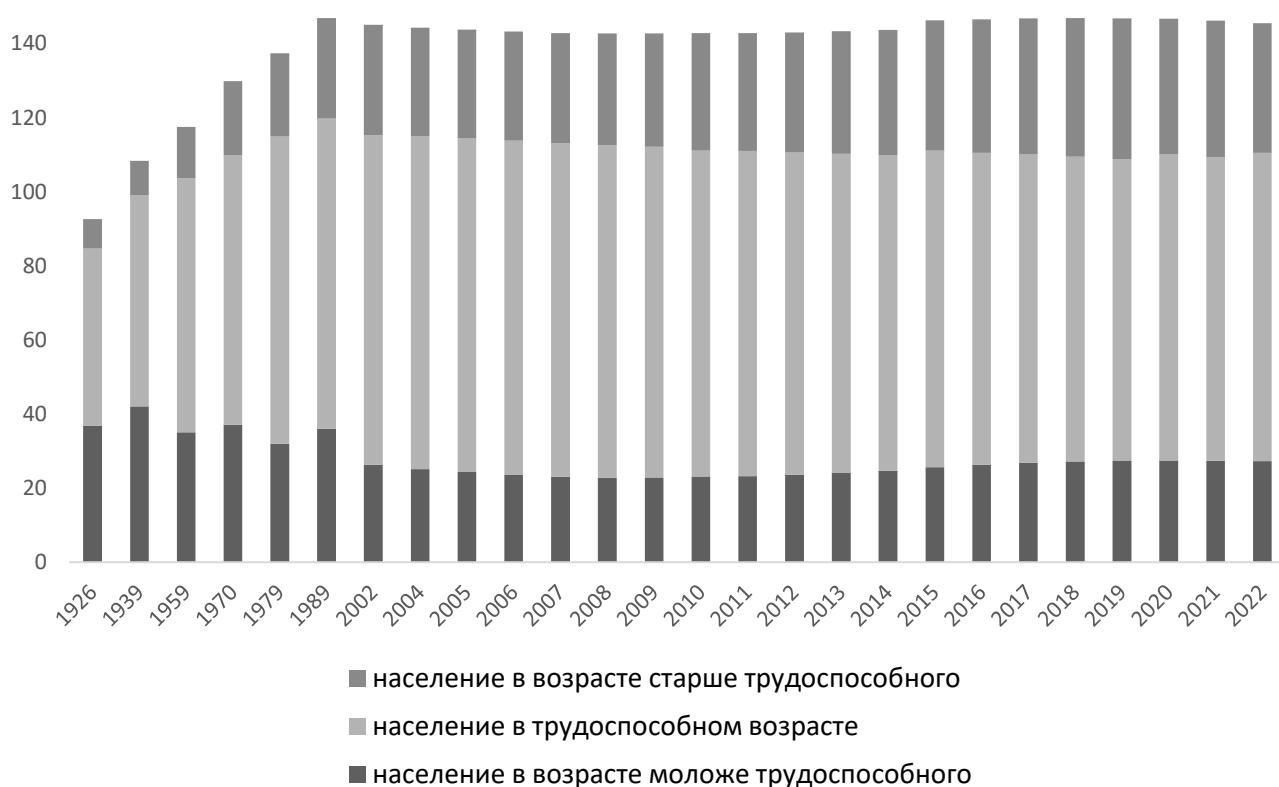

Рисунок 1.7. Распределение населения России по возрастным группам, млн человек, на 1 января

Источник: Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики.
 Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

Примечание: Население в возрасте моложе трудоспособного – мужчины и женщины в возрасте 0 – 15 лет.

Население в трудоспособном возрасте – до 01.01.2019 включительно: мужчины в возрасте 16 – 59 лет, женщины – 16 – 54 года; на 01.01.2020 и 01.01.2021: мужчины в возрасте 16 – 60 лет, женщины – 16 – 55 лет; на 01.01.2022 – мужчины в возрасте 16 – 61 лет, женщины – 16 – 56 лет.

Население в возрасте старше трудоспособного – до 01.01.2019 включительно: мужчины в возрасте 60 лет и более, женщины – 55 лет и более; на 01.01.2020 и 01.01.2021: мужчины в возрасте 61 лет и более, женщины – 56 лет и более; на 01.01.2022: мужчины в возрасте 62 года и более, женщины – 57 лет и более.

Одновременно с этим растет демографическая нагрузка на население трудоспособного возраста. С 2005 г. сформировалась тенденция роста коэффициента демографической нагрузки пожилыми людьми, которая была прервана в 2020 г. в период пандемии. По данным на 1 января 2022 г., на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось 420,7 человека в возрасте старше

трудоспособного. В зависимости от варианта прогноза Росстата¹ к 2036 г. этот коэффициент составит 391-410 человек на 1000 человек трудоспособного возраста.

Однако, при том, что доля пожилого населения растет, процесс старения населения в России является «неглубоким». На рисунке 1.8 представлена динамика возрастной структуры пожилого населения России. В 2022 г. доля населения в возрасте 55 лет и старше составляла одну треть от всего населения, а доля населения в возрасте 85 лет и старше – лишь 1,5% (до 2011 г. не превышала 1%). Долгожители наиболее быстрорастущая возрастная группа среди пожилого населения, за 1990-2022 г. их численность увеличилась в 4 раза. На 1 января 2022 г. она составляла 765,7 тыс. человек, или 0,5% от общей численности населения. Более трети долгожителей (в 2022 г. – 36,7%) находились в Центральном федеральном округе, из них 47,5% – в Москве.

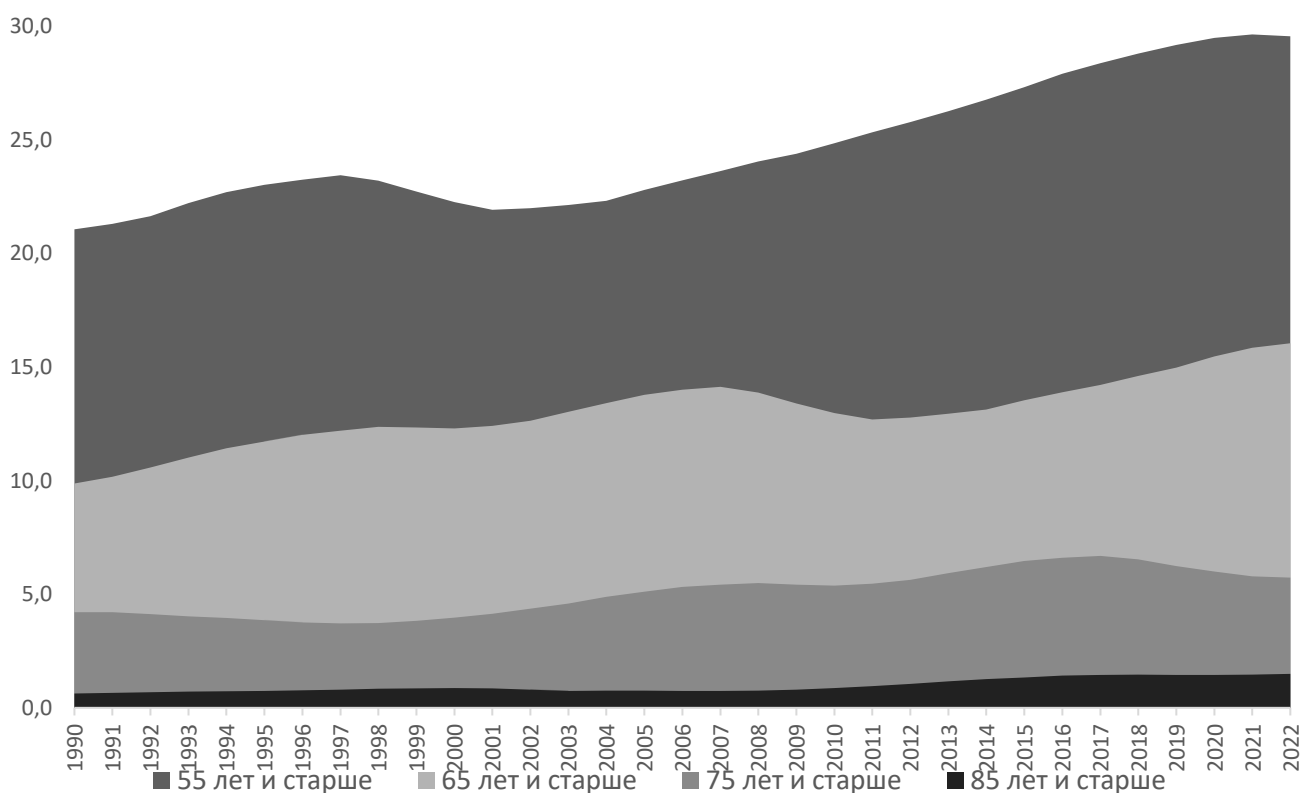

Рисунок 1.8. Возрастная структура пожилого населения России, в % от общей численности населения, на 1 января

Источник: Росстат.

¹ Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>.

Регионы России значительно отличаются по возрастной структуре населения, в 2022 г. доля населения в возрасте старше трудоспособного варьировалась от 10,0% в Чеченской Республике до 29,4% в Тамбовской области. С одной стороны, продолжает сохраняться региональная неоднородность. С другой стороны, за 2012-2022 гг. изменилась форма распределения субъектов РФ по доле пожилого населения: произошел сдвиг в «правую часть» (рисунок 1.9) – увеличился удельный вес регионов с высокой долей пожилого населения. Причем, причины и определяемая ими «скорость» старения значительно отличаются по субъектам РФ.

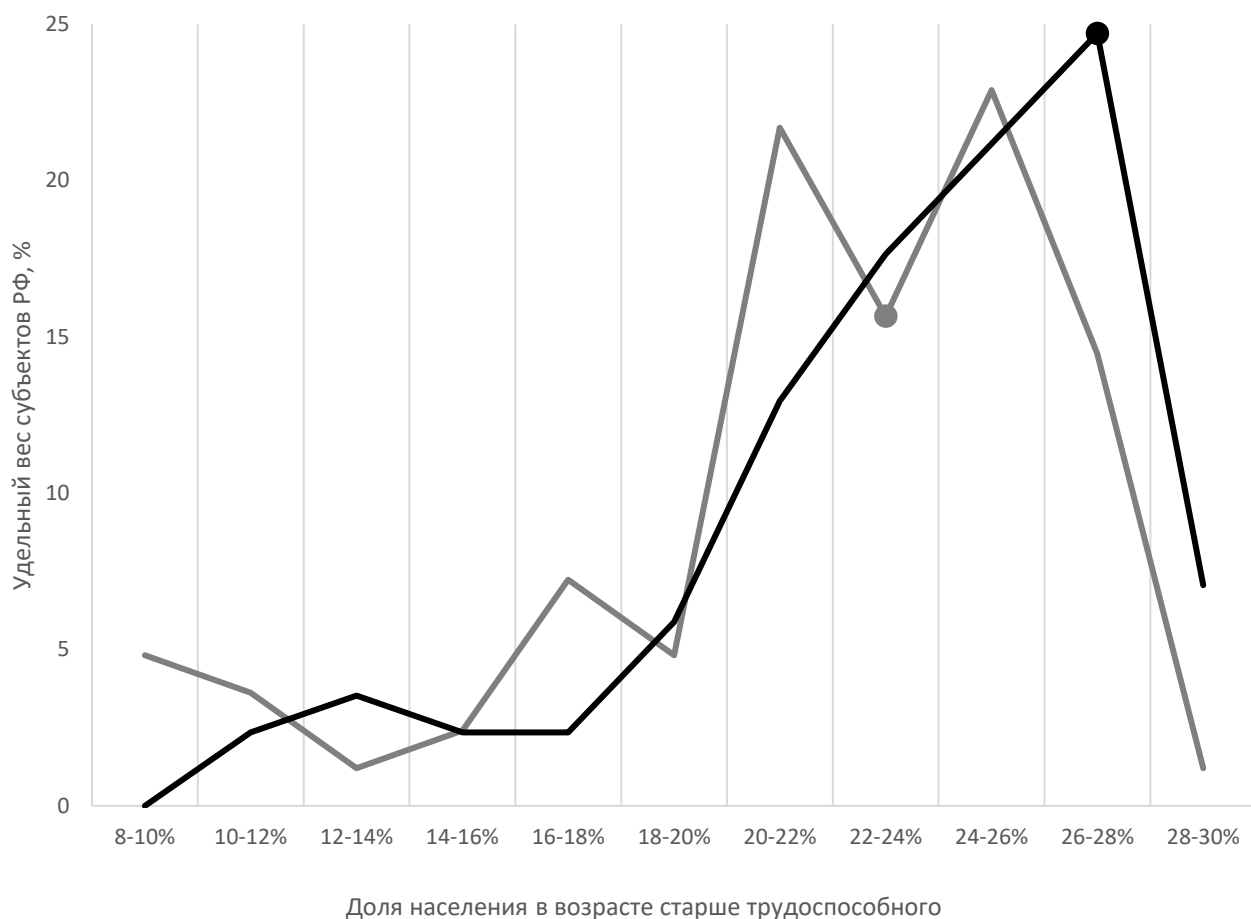

Рисунок 1.9. Динамика распределения субъектов РФ по доле пожилого населения в 2012 г. (серая линия) и 2022 г. (черная линия)

Источник: Росстат.

Примечание: точками отмечены среднероссийские значения.

Возрастная структура населения тесно взаимосвязана с современными демографическими процессами. Принятые в России в 2007 г. меры пронаталистской политики, особенно выплаты средств материнского капитала, способствовали росту рождаемости населения. По оценкам Локосова В.В., Рыбальченко С.И. и Катковой И.П.¹, введение мер активной демографической политики ускорило или укрепило принятие родителями решения о рождении ребенка в 25-30% случаев. Хотя, согласно результатам опросов 2017 г.² и 2019 г.³, мало респондентов признаются в прямом влиянии.

Однако, рост рождаемости был практически predetermined. Именно в 2007 г. годовой прирост рождений в России был максимальный – 8,8%, а в отдельных регионах он превышал 15%: Республика Северная Осетия-Алания (15,0%), Чеченская Республика (15,9%), Калининградская область (16,0%), Республика Алтай (19,8%), Карачаево-Черкесская Республика (20,5%), Кабардино-Балкарская Республика (22,4%) и Республика Тыва (27,2%).

По мнению Рыбаковского О.Л.⁴, время начала мер стимулирования рождаемости было выбрано не совсем удачно, поскольку оно совпало с начальной фазой роста (подъема) численности женщин в возрасте 20-39 лет (рисунок 1.10), тем самым усилив демографические волны населения России и большей части ее регионов. Более того, эти меры создали определенный толчок отложенных рождений, согласно результатам исследования Поповой Л.А.⁵, возрастная мода рождаемости в 2008 г. переместилась из группы 20-24 лет в группу 25-29 лет, а самый значительный прирост произошел в возрастах старше 35 лет.

---

¹ Локосов В.В., Рыбальченко С.И., Каткова И.П. Демографический и трудовой потенциал России в контексте целей устойчивого развития // *Народонаселение*. – 2017. – № 4. С. 19-43. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-2.

² Исупова О.Г., Козлов В.А., Митрофанова Е.С. Меняющаяся семейная политика в постсоветской России в зеркале опросов мнений населения // *Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад* / отв. ред. С. В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – С. 155-

³ Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // *Демографическое обозрение*. – 2020. – Т. 7, №2. – С. 97-120.

⁴ Рыбаковский О.Л. Структурные волны населения России и её регионов: вопросы оценки и сравнения // *Народонаселение*. – 2022. – Т. 25. – № 1. – С. 65-79. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.6.

⁵ Попова Л.А. Оценка эффективности государственных демографических инициатив // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2014. – № 1 (31). – С. 125-137.

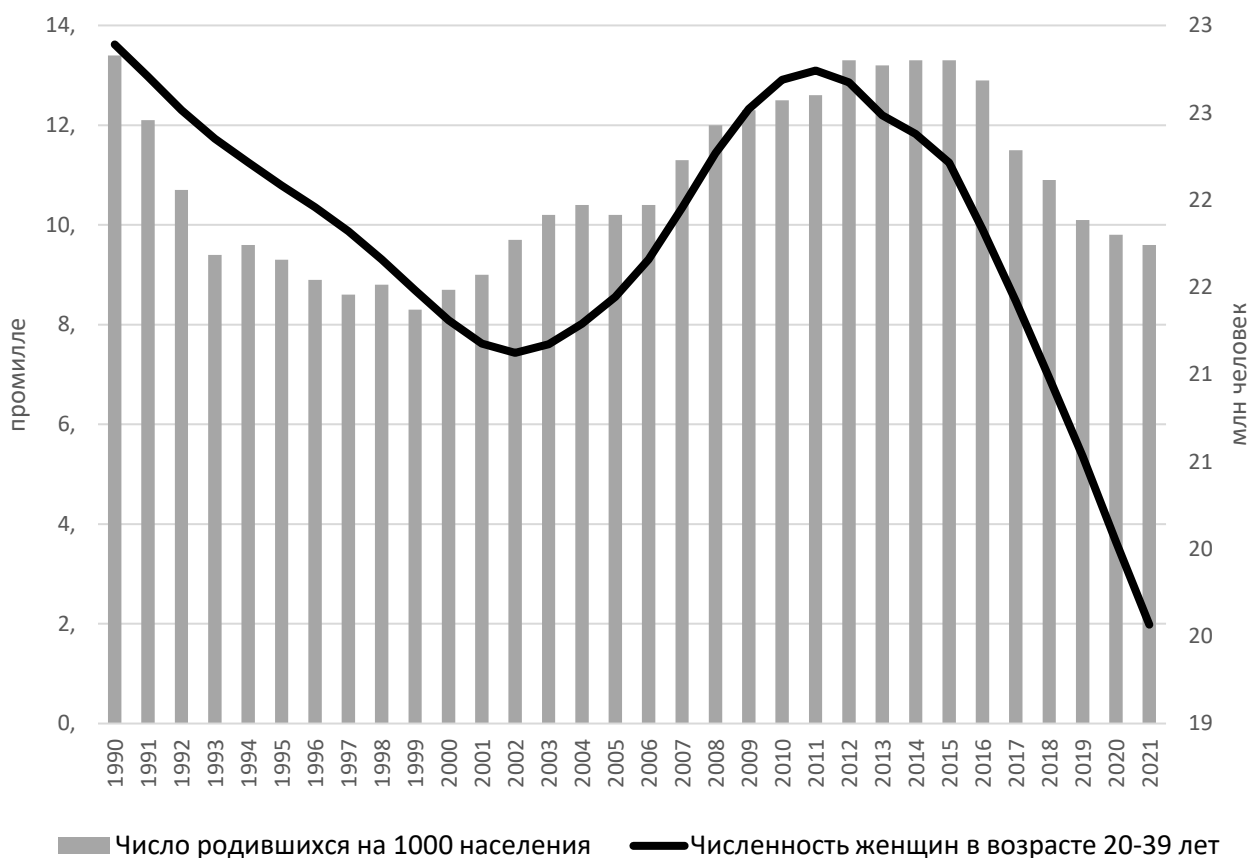

Рисунок 1.10. Коэффициент рождаемости и численность женщин в возрасте 20-39 лет в России

Источник: Росстат.

Тем не менее показатель, независящий от половозрастной структуры населения, – коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения), в этот период (2007-2015 гг.) показывал увеличение интенсивности деторождения¹. К 2015 г. суммарный коэффициент рождаемости достиг 1,78 и варьировался по регионам от 1,29 (в Ленинградской области) до 3,39 (в Республике Тыва). С 2016 г. происходит его снижение, в 2020 г. он составлял 1,5 (уровень 2008 г.). Такой спад вызван рядом причин:

- Складывающаяся возрастная структура женщин негативно влияет на современную динамику рождаемости. В активный детородный возраст

¹ Вишневский А.Г., Захаров С.В., Исупова О.Г. Рождаемость // Население России 2013. Двадцать первый ежегодный демографический доклад. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. – С. 81-181.

вступило малочисленное поколение женщин, рожденных в 1990-х гг. Доля женщин в возрасте 20-29 лет в численности женщин репродуктивного возраста (15-49 лет) в России на 1 января 2022 г. составляла 21,2% и незначительно варьировалась по субъектам: от 17,8% (в Москве) до 29,0% (в Чеченской Республике).

- Меры материального стимулирования рождаемости носили краткосрочный характер, поскольку произошел скорее тайминговый сдвиг в сроках рождения детей, чем реальное изменение репродуктивных намерений¹.
- Негативно на репродуктивное поведение отражается ухудшение макроэкономической ситуации, с 2014 г. происходит снижение доходов населения. В 2021 г. располагаемые доходы населения России в реальном выражении – ниже уровня 2013 г. на 4,0%, а в таких субъектах РФ, как Свердловская область, Еврейская автономная область, Курганская область, Республика Коми и Самарская область, – более чем на 20%.

Вступление в активный детородный возраст малочисленного поколения женщин, рожаящих первенца, и проведение активной демографической политики способствовали проявлению новых тенденций в репродуктивном поведении населения: отмечены сокращение доли рождений первой очередности и увеличение доли вторых и последующих рождений. За 2007-2021 гг. вклад рождений второй и последующей очередности в среднем по России вырос с 46,3 до 64,2%². В 2020 г. в отдельных субъектах РФ он превышал 70%: Республика Алтай (71,3%), Республика Саха (71,5%), Ненецкий автономный округ (71,6%), Республика Бурятия (72,4%), Республика Калмыкия (74,5%), Чеченская Республика (74,8), Республика Тыва (76,7%) и Республика Ингушетия (76,8%).

---

¹ Симагин Ю.А. Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 4. – С. 4-22. DOI: 10.19181/population.2021.24

² Захаров С.В. Стагнация вероятности первых рождений и рост многодетности в России // Демоскоп Weekly. – 2017. – №733-734. Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/tema03.php; Число родившихся живыми по возрасту матери и очередности рождения в Российской Федерации в 2021 году // Естественное движение населения Российской Федерации - 2021 г. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b21_106/Main.htm.

Минимальное же значение этого показателя – в Москве (58,7%) и Санкт-Петербурге (54,2%)¹.

По расчетам Росстата², только с 2025 г. ожидается устойчивый рост суммарного коэффициента рождаемости за счет структурных возрастных сдвигов, в зависимости от варианта прогноза к 2036 г. он составит 1,37-1,738 родившихся детей в расчете на одну женщину, однако, уже с меньшим размахом среди субъектов РФ: от 1,537 в Ленинградской области до 2,323 в Республике Тыва (согласно высокому варианту прогноза).

Тенденция роста ожидаемой продолжительности жизни в России начинается с 2004 г., а реальный рост – только с 2009 г., когда был достигнут уровень 1961-1962 гг. (рисунок 1.11). Снижение смертности демографы³ объясняют сочетанием факторов, включающие изменение в поведении (снижение потребления алкоголя, улучшение питания), реализацию политики в области здравоохранения (использование лекарств для снижения кровяного давления, расширение доступа к высокотехнологичным медицинским и хирургическим вмешательствам и их использование) и улучшение экономических условий. В 2020 г. в результате пандемии COVID-19 позитивный тренд прервался, ожидаемая продолжительность жизни за 2020-2021 гг. сократилась на 3,3 года и составила 70,06 лет.

В России сохраняется высокая региональная дифференциация по ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Если в 1990 г. разрыв между минимальным и максимальным значениями составлял 10,6 лет, то в 2021 г. – 15,7 лет. Причем, как показало исследование Андреева Е.М. и Школьников В.М.⁴, в отличие от развитых стран продолжительность жизни в российских регионах практически не зависит от их экономического положения. Ученые это объясняют высоким уровнем экономического неравенства внутри региона, а также

---

¹ Рождаемость // Демографический ежегодник России 2021. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm.

² Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>.

³ Grigoriev P., Meslé F., Shkolnikov V.M., Andreev E., Fihel A., Pechholdova M., Vallin J. The Recent Mortality Decline in Russia: Beginning of the Cardiovascular Revolution? // Population and Development Review. – 2014. – Vol. 40. – P. 107–129. DOI: 10.1111/j.1728–4457.2014.00652.x.

⁴ Андреев Е.М., Школьников В.М. Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и ее регионах // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. № 1. – С. 6-24.

отсутствием связи высокого уровня ВРП с высоким уровнем расходов на медицинскую помощь и обеспечение безопасности жизни.

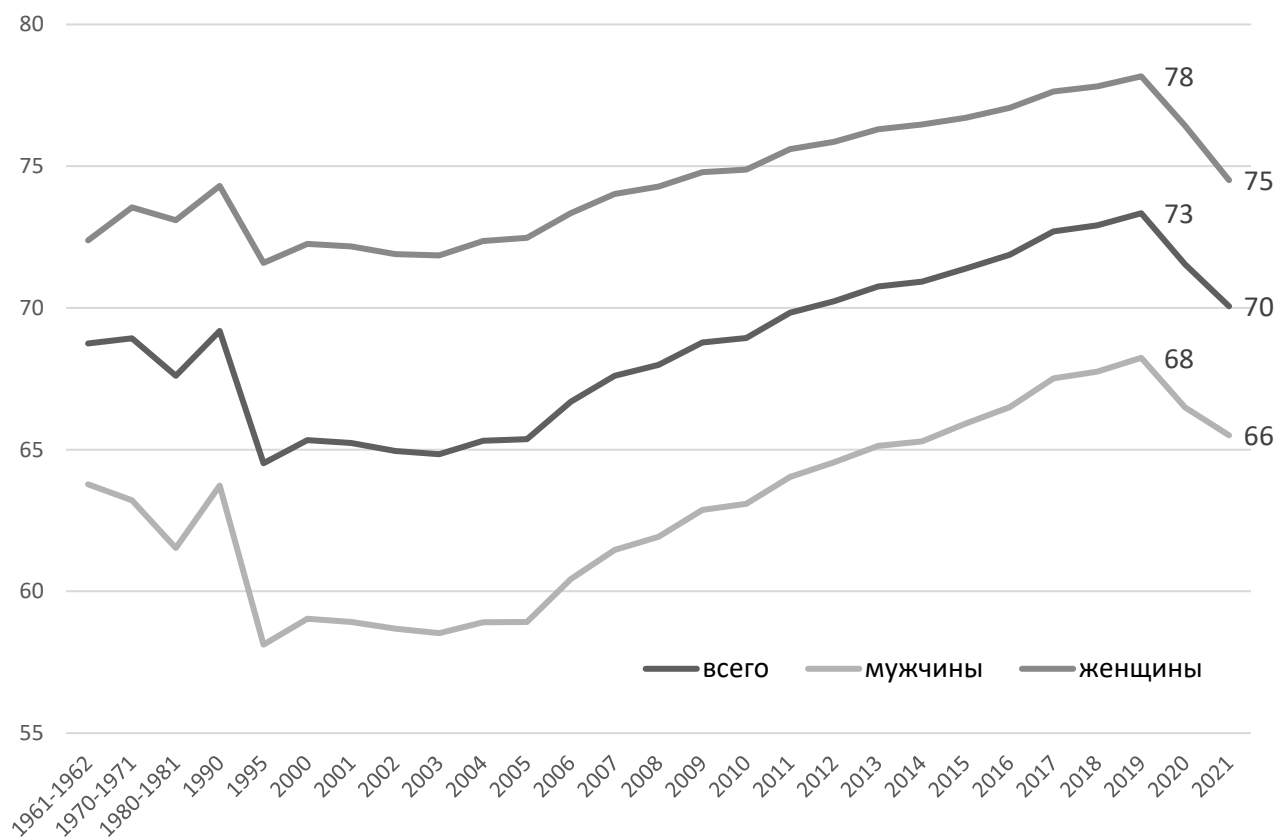

Рисунок 1.11. Ожидаемая продолжительность жизни в России, лет

Источник: Росстат.

Если предшествующие этапы увеличения продолжительности жизни обусловлены снижением смертности сначала в детских возрастах, а затем во взрослых, то текущее увеличение связано со смещением смертности населения в более поздние возраста. Как отмечает Попова Л.А.¹, уровень младенческой смертности уже не является сколько-нибудь заметным резервом для снижения общей смертности и роста продолжительности жизни населения России. По расчетам Папановой Е.К., Школьников В.М., Андреева Е.М. и Тимонина С.А.², за 2004-2015 гг. снижение смертности в возрасте старше 60 лет определило 25%

¹ Попова Л.А. Резервы увеличения продолжительности жизни населения северных регионов России // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика. Сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции / отв. редактор Е.Э. Григорьева. – Якутск, 2021. – С. 94-103.

² Папанова Е.К., Школьников В.М., Андреев Е.М., Тимонин С.А. Высокая продолжительность жизни москвичей после 80 лет – реальность или статистический артефакт? // Успехи геронтологии. – 2017. – Т. 30. № 6. – С. 826-835.

прироста ожидаемой продолжительности жизни при рождении у мужчин и 51% у женщин. Эта положительная тенденция была нарушена в 2020 г. в период эпидемии COVID-19, когда смертность именно в пожилом возрасте заметно возросла. Так, смертность населения в возрасте 85 лет и старше увеличилась с 163,7‰ в 2019 г. до 211,1‰ в 2021 г.

На рисунке 1.12 представлены максимальные и минимальные значения возрастных коэффициентов смертности среди субъектов РФ, динамика которых за 2015-2019 гг. («допандемийный» период) позволяет сделать два вывода:

1. *О гендерном разрыве:* существенное различие между коэффициентами смертности женщин и мужчин сохраняется в возрасте 20-59 лет (в 2019 г. – 2,8 против 7,5‰), а в пожилом возрасте, напротив, сокращается. С 2017 г. смертность женщин в возрасте 85 лет и старше даже превышает смертность мужчин, что демонстрирует некоторое противоречие. Тенденция роста ожидаемой продолжительности жизни женщин сопровождается негативной динамикой их проживания в состоянии болезни и, соответственно, ростом смертности в поздних возрастах. В результате смертность женщин в пожилом возрасте становится все более значимой составляющей динамики их продолжительности жизни.
2. *О региональной дифференциации:* размах максимальных и минимальных значений коэффициентов смертности среди субъектов РФ снижается в возрасте 20-59 лет за счет улучшения ситуации в регионах с высоким уровнем смерти. Вариация субъектов РФ по смертности населения в возрасте 85 лет и старше, напротив, усиливается: у мужчин – в результате роста смертности в неблагополучных регионах, у женщин – по причине снижения смертности в некоторых благополучных регионах (с 2016 г. среднероссийское значение находится ближе к максимуму среди субъектов РФ).

Как показывает статистика по возрастным коэффициентам смертности за 2021-2022 гг. (рисунок 1.12), в период пандемии гендерный разрыв сократился, а региональная дифференциация возросла.

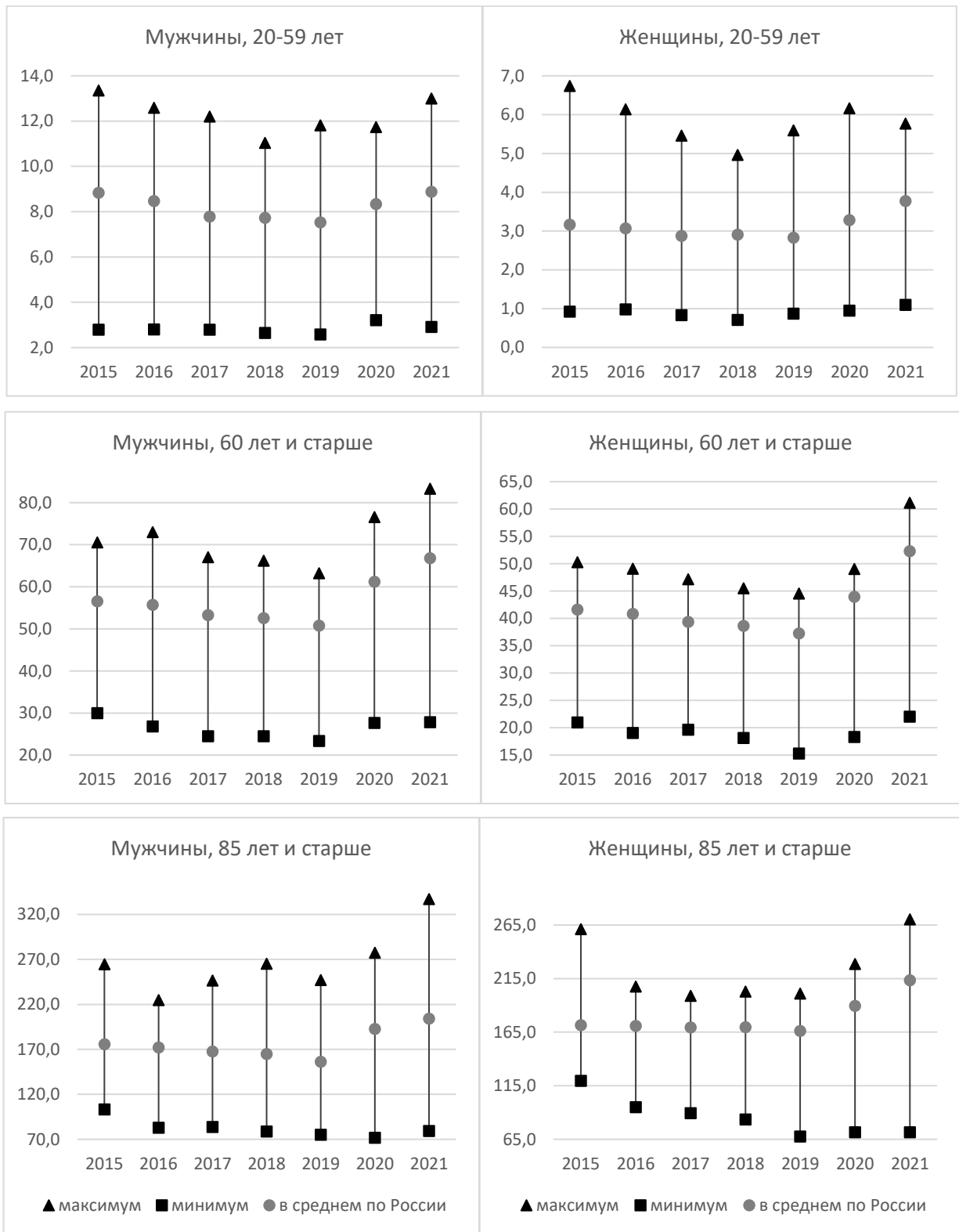

Рисунок 1.12. Возрастные коэффициенты смертности в субъектах РФ, промилле

Источник: расчеты по данным Росстата.

Однако, несмотря на сокращение уровня смертности населения России, как отмечают специалисты¹, разрыв между значениями развитых стран не только не уменьшается, а, напротив, растет. Школьников В.М., Андреев Е.М., Макки М. и Леон Д.А.² такой разрыв в ожидаемой продолжительности жизни объясняют высоким уровнем смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, распространением алкоголизма и насилия. Тем не менее, положительная тенденция есть: исследование НИУ ВШЭ³, проведенное с использованием метода декомпозиции, показало, что в «основном рост продолжительности жизни связан именно со снижением смертности населения от болезней системы кровообращения и внешних причин». Эти же причины смерти до 2010 г. и вносили наибольший вклад в смертность мужчин (в 2010 г. – 49,3 и 15,9% соответственно).

С 2011 г. основными причинами смерти обоих полов являются болезни системы кровообращения и новообразования. В 2021 г. на долю таких смертей среди мужчин приходились 37,3 и 13,0% соответственно и среди женщин – 39,1 и 10,3%. Хотя доля смертности от новообразований, как болезни пожилого возраста, и растет, но она не превышает долю смертности от болезней системы кровообращения, как это наблюдается в развитых странах. Харьковова Т.Л., Кваша Е.А. и Ревич Б.А.⁴ такую структуру смертности связывают со слабостью социального сектора, прежде всего здравоохранения, а также с проявлением влияния негативных факторов окружающей среды и образа жизни.

Качественные изменения в структуре смертности должны приводить к сдвигу большинства смертей к более поздним возрастам, а, следовательно, и к повышению продолжительности жизни населения. Однако, как видно на рисунке

---

¹ Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьковова Т.Л., Пьянкова А.И., Рамонов А.В., Юмагузин В.В., Винник М.В., Фаттахов Т.А., Астрелин А.М. Тенденции смертности и продолжительности жизни в России в 1990–2020 гг. // Население России 2019. Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. редактор С.В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – С.191-275.

² Shkolnikov V.M., Andreev E.M., McKee M., Leon D.A. Components and possible determinants of the decrease in Russian mortality in 2004-2010 // Demographic Research. – 2013. – Vol. 28, article 32. – P. 917-950. DOI: 10.4054/DemRes.2013.28.32.

³ Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьковова Т.Л., Пьянкова А.И., Рамонов А.В., Юмагузин В.В., Винник М.В., Фаттахов Т.А., Астрелин А.М. Тенденции смертности и продолжительности жизни в России в 1990–2020 гг. // Население России 2019. Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. редактор С.В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – С.191-275.

⁴ Харьковова Т.Л., Кваша Е.А., Ревич Б.А. Сравнительная оценка смертности населения в российских и зарубежных мегаполисах // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 6 (171). – С. 150-159.

1.13, серьезного сдвига не происходит, причем только с 2005 г. наблюдается заметный рост возраст смерти обоих полов. За 2005-2020 гг. средний возраст смерти мужчин увеличился на 7 лет, женщин – на 4 лет. В отдельных регионах России он не только не увеличился, но даже сократился. Так, возраст смерти женщин в Республике Ингушетия сократился на 46,4 лет (с 77,8 до 31,4), в Ямало-Ненецком автономном округе – на 18,9 лет (с 74,2 до 55,3), в Чукотский автономный округ – на 6,6 лет (с 63,05 до 55,6)¹ и в Чеченская Республика – 2,3 лет (с 76,9 до 74,6). За этот период омоложение смертности мужчин в субъектах РФ не произошло, только в Мурманской области в 2020 г. возраст смерти мужчин был на уровне 2005 г.

Поскольку доминирующий вклад смертности населения в пожилом возрасте связан с болезнями системы кровообращения (в 2020 г. доля смертей населения в возрасте 65 лет и старше составила 41,4%), то именно по этому классу причин смертность смещена в наиболее поздний возраст. В 2020 г. средний возраст смерти среди мужчин от болезней системы кровообращения был 70 лет (минимальное значение среди субъектов РФ – в Мурманской области и Еврейской автономной области – менее 60 лет), среди женщин – 79 лет (в Республике Ингушетия и Ямало-Ненецком автономном округе – менее 55 лет). Наиболее молодой возраст смерти от инфекционных болезней и внешних причин. Некоторые инфекционные и паразитарные болезни в структуре смертности всего населения составляют небольшую часть (в 2020 г. – 1,4%), но в структуре смертности населения в среднем возрасте – значительную. В 2020 г. каждый второй умерших от этих болезней был в возрасте 35-49 лет. Среди всего населения наиболее высокая доля смертей от инфекционных и паразитарных болезней в Республике Тыва, Кемеровской и Иркутской областях (в 2020 г. – 4,1-5,8%), наименее низкая доля – в Липецкой и Белгородской областях (в 2020 г. – менее 0,3%).

---

¹ Определяющим фактором снижения среднего возраста смерти женщин в этих субъектах РФ является смертность от болезней системы кровообращения. Такой спад может быть связан с умышленным искажением статистики, чтобы достичь целевых показателей смертности от отдельных причин (Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харькова Т.Л., Рамонов А.В., Юмагузин В.В., Винник М.В. Смертность и продолжительность жизни в России в международном контексте: критический анализ тенденций // Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – С. 193-262).

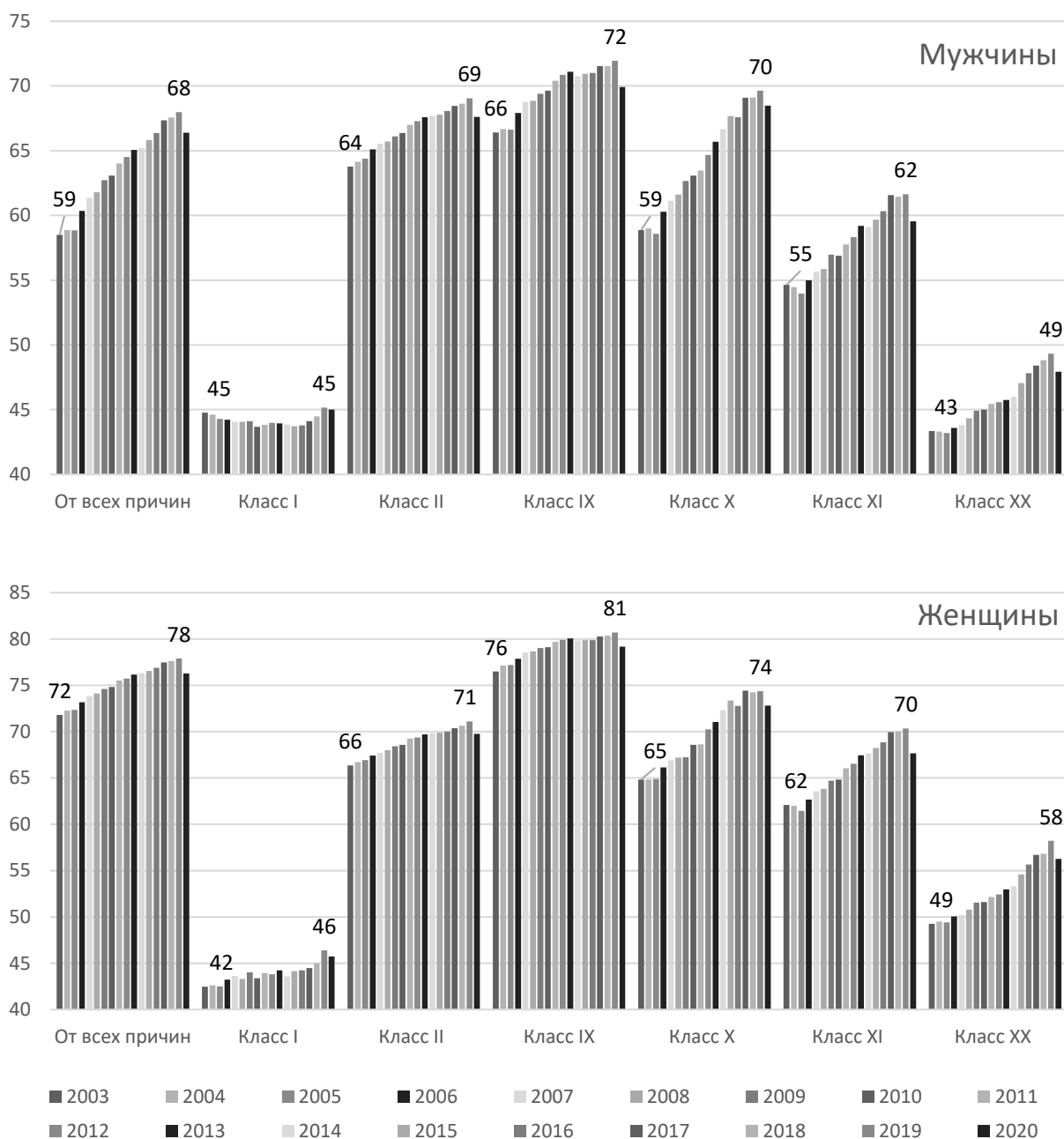

Рисунок 1.13. Динамика среднего возраста смерти по основным классам причин в России за 2003-2020 гг., лет

Источник: Росстат.

Примечание:

1) Значения показателя представлены за 2003 г. и 2019 г. («допандемийный» год).

2) Классы причин смерти:

Класс I (коды A00-B99) – некоторые инфекционные и паразитарные болезни;

Класс II (коды C00-D48) – новообразования;

Класс IX (коды I00-I99) – болезни системы кровообращения;

Класс X (коды J00-J99) – болезни органов дыхания;

Класс XI (коды K00-K93) – болезни органов пищеварения;

Класс XX (коды V01-Y98) – внешние причины смертности.

В 2020 г. доля смертей детей (в возрасте 1-14 лет) от внешних причин составляла 40,2%, населения в возрасте 15-44 лет – 32,0%. Среди всего населения доля смертей от внешних причин в России является несущественной (в 2020 г. – 6,5%), хотя в отдельных субъектах РФ сохраняется высокая доля (в 2020 г. в Республике Тыва и Чукотском автономном округе – каждая пятая смерть). Наименее низкая доля – в Чеченской Республике и Республике Северная Осетия (в 2020 г. – 2,4 и 3,8% соответственно)

Такие различия среди субъектов РФ в уровне смертности, возрастных профилях смертности и структуре причин смерти свидетельствуют, что они в разной степени продвинулись по пути эпидемиологического перехода. В отдельных субъектах Центра, Северо-запада, Приволжья и Северного Кавказа не только происходит сдвиг смертности населения в старшие возрастные группы, но внешняя (экзогенной природы) смертность становится более контролируемой и ее вклад уменьшается. В то же время в некоторых субъектах Сибири и Дальнего Востока сохраняются элементы традиционной структуры патологии и причин смерти, в частности – высокая смертность в молодых и средних возрастах от заболеваний инфекционного происхождения и внешних причин.

Таким образом, анализ проблем старения населения в современных демографических условиях показал особенности России и ее регионов. Во-первых, процесс демографического старения России формируется под влиянием сокращения рождаемости и смертности населения. Но, если ситуация с низкой рождаемостью в России мало отличается от той, которая наблюдается во всех развитых странах, то по уровню смертности и продолжительности жизни населения Россия заметно отстает. В результате относительно высокой смертности, особенно среди мужчин, демографическое старение в России происходит быстрыми темпами, но этот процесс не является «глубоким». Доля населения в возрасте 85 лет и старше заметно не увеличивается, а именно эти самые старшие возрастные группы в большой степени определяют нагрузку на системы здравоохранения и социального обеспечения. Во-вторых, демографическое старение по регионам России происходит крайне неравномерно, причем процесс региональной дифференциации только усиливается. Поэтому

меры в области старения населения (например, повышение пенсионного возраста) среди субъектов РФ будут иметь различные последствия, что требует учета их специфики.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы о демографическом старении населения России и ее регионов, однако, он не дает полной картины об его масштабах и причинах, поскольку демографические тенденции носят разнонаправленный характер. Для формирования мер в области старения населения применение подобного анализа недостаточно, поэтому требуется специальный методический инструментарий. Таким инструментом является разработанная диссертантом методика оценки старения населения региона.

1.4. Трансформация взглядов на демографическое старение в глобальной политической повестке¹

Мировым сообществом до сих пор активно обсуждаются вопросы последствий старения населения и ответных мер на них. Впервые *Международный план действий* был принят в 1982 г. на Первой Всемирной ассамблеи по проблемам старения. Как отмечают геронтологи Нейсмит С. и Эдвард Дж.², созыв этой ассамблеи можно рассматривать как официальное признание демографического старения – общемировым явлением. Принятый документ был направлен на обеспечение экономической и социальной безопасности пожилых людей, а также на создание возможностей внести свой вклад в национальное развитие. Однако, с одной стороны, призывалось учитывать демографические изменения в развитии стареющих, а, с другой стороны, предложенные меры опирались на уже реализуемую политику и действующие социальные институты, сложившиеся еще в условиях относительно молодой возрастной структуры населения.

---

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работе автора: Васильева Е.В., Васильева А.В. Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, вып. 1. – С. 1-20. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-1.

² Neysmith S., Edwardh J. Ideological underpinnings of the world assembly on aging // Canadian Journal on Aging - 1983. No. 2(3). – P. 125-136. DOI: 10.1017/S0714980800006991.

Маккэшин Э.¹ в результате проведения документального анализа и детального сравнения социального обеспечения в 1981 г. и 2016 г. показал отчетливую преемственность: продолжение и расширение системы социального страхования и помощи в рамках модели Бевериджа. Впервые модель была представлена в докладе Бевериджа У. «*Social Insurance and Allied Services*» (1942 г.) и реализована в послевоенное время сначала в Великобритании, а затем и в ряде других стран. Модель основывается на идеях Кейнс Дж. о государстве всеобщего благосостояния и соответствует положениям о равных правах человека на социальное обеспечение, принятым в 1948 г. во Всеобщей декларации ООН. В исследовании Уокера А.² описан парадоксальный результат строительства государства всеобщего благосостояния. С одной стороны, реализация такой политики существенно повысила уровень жизни пожилых людей. Но, с другой стороны, они стали экономически зависимыми, укрепив эйджистские стереотипы в обществе. Такая зависимость пожилых людей от государства определила современный характер дискуссии о последствиях демографического старения.

Изначально демографическое старение рассматривалось исключительно как угроза социально-экономическому развитию территорий различного уровня, поскольку оно ведет к увеличению государственных расходов на пенсионное обеспечение, здравоохранение и долгосрочный уход. Первой публикацией Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в серии «Демографические изменения и государственная политика» был доклад «*Ageing Populations: The Social Policy Implications*» (1988 г.)³. Интересно отметить, что на обложке этого доклада изображен стереотипный образ пожилых людей с костылем и тростью, что полностью отражает его содержание и выводы: будущее омрачено финансовой заботой о стареющем многочисленном послевоенного поколения. Доклад был призван определить повестку дальнейшей социальной политики, курс

---

¹ McCashin, A. *Social Insurance and Path Dependence: 'A Long Hello to Beveridge'* // *Continuity and Change in the Welfare State*. – Palgrave Macmillan, Cham, 2019. – P. 183-192. DOI: 10.1007/978-3-319-96779-0_7.

² Walker A. *Population Ageing from a Global and Theoretical Perspective: European Lessons on Active Ageing // Age-Friendly Cities and Communities in International Comparison. International Perspectives on Aging / Moulart T., Garon S. (eds)*. – Springer, Cham, 2016. – P. 47-64. DOI: 10.1007/978-3-319-24031-2_4.

³ *Ageing Populations: The Social Policy Implications*. Paris: OECD, 1988. – 92 p.

которой предлагалось построить с позиции государственных расходов, поскольку стареющее население представляет собой экономическое бремя. Аналогичный подход к демографическому старению и его последствиям описан в докладе Всемирного Банка «*Averting the old age crisis: Policies to protect the old and promote growth*» (1994 г.)¹, в котором были представлены идеи об экономическом бремени старения и его кризисе, бороться с которыми предлагалось нелиберальными мерами, т.е. переложить часть финансовой нагрузки с государственных бюджетов на частные институты.

Рост доли пожилого населения ведет не только к увеличению государственных расходов, но и к изменению их структуры. Исследование французских ученых² продемонстрировало однозначный политический эффект: по мере старения населения вес пожилых избирателей в электорате увеличивается, что дает стимул политикам, добывающимся их голосов, предлагать соответствующие предвыборные платформы, отвечающие интересам этой группы. В результате более щедро финансируются такие направления, как пенсионное обеспечение, геронтологическая помощь, за счет сворачивания программ образования, здравоохранения, налогообложения или охраны окружающей среды.

Изменения в возрастной структуре населения затрагивают не только финансовые вопросы, но и, как справедливо отмечают Мотрич Е.Л. и Молодковец Л.А.³, «влекут за собой демографические и социальные последствия, создавая объективные ограничения для экономического развития территории». По результатам прогнозных расчетов численности и половозрастного состава населения, проведенных сотрудниками Института экономики УрО РАН⁴, основной проблемой в период до 2030 г. и на перспективу станет сокращение трудовых ресурсов в сочетании с дальнейшим постарением населения. Причем, как отмечают

---

¹ Averting the old age crisis: Policies to protect the old and promote growth. World Bank. Oxford: Oxford University Press, 1994. – 744 p.

² Casamatta G., Batté L. The Political Economy of Population Aging // Handbook of the Economics of Population Aging. – 2016. – Vol. 1. – P. 381-444. DOI: 10.1016/bs.hespa.2016.07.001.

³ Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. Хабаровский край в миграционном поле Дальнего Востока России // Вопросы статистики. – 2017. – №5. – С. 60-68.

⁴ Пространственная организация социально-трудовых систем: генезис и проблемы развития: кол. монография /отв. ред. О.А. Козловой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – 206 с.

Козлова О.А. и Казмалова О.Н.¹, «в перспективе сохранится сложившийся на рынке труда рост дефицита рабочей силы, особенно в высокотехнологичных производствах». Поэтому отдельной проблемой исследования являются последствия старения именно рабочей силы, сокращения ее количества и ухудшения качества². В контексте демографического старения актуальными становится развитие и распространение трудосберегающих технологий в производственных процессах, сводящих к минимуму численность работников³. Однако Капелюшников Р.И.⁴ ставил под сомнение развитие и внедрение современных технологий в стареющем обществе из-за медленной адаптации люди в пожилом возрасте к любым инновациям.

В Докладе о развитии человеческого потенциала в РФ «Россия перед лицом демографических вызовов»⁵ (2008 г.) в качестве одного из кризисных явлений в демографической сфере рассматривается старение населения страны, помимо низкой продолжительность жизни и сокращения рождаемости населения. По мнению авторов доклада, в результате старения населения не только изменяется пропорция между молодым и пожилым населением, но и стареет трудоспособное население, а такое сочетание, по мнению экспертов, может привести к замедлению темпов роста душевого ВВП.

Принципиально другой подход к демографическому старению сформировался на рубеже XX-XIX вв. Переоценку и уточнение существующих

---

¹ Козлова О.А., Казмалова О.Н. Демографический потенциал регионов Урала и его вклад в формирование человеческого капитала // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. – С. 82-89.

² Hertel G., Zacher H. Managing the aging workforce // The SAGE handbook of industrial, work & organization psychology / Ones DS, Anderson N, Viswesvaran C, Sinangil HK (eds.). – Sage, Thousand Oaks, CA, 2018. – P. 396-428; Nilsson K. Conceptualisation of ageing in relation to factors of importance for extending working life – a review // Scandinavian Journal of Public Health. – 2016. – No. 44(5). – P. 490-505. DOI: 10.1177/1403494816636265; Koopman-Boyden P.G., Macdonald L. Ageing, work performance and managing ageing academics // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2003. – No. 25. – P. 29-40.

³ Акимов А. Демографический взрыв, старение населения и трудосберегающие технологии: взаимодействие в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. №4. – С. 50-60.

⁴ Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 50 с.

⁵ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / под общ. ред. А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева. – М.: Сити-Принт, 2009. – 208 с.

моделей государственного вмешательства Малкинсон Р. и Бар-Тур Л.¹ связывают со значительным увеличением продолжительности жизни, улучшением здоровья и качества жизни пожилых людей, существенными технологическими, социальными и политическими изменениями. В 2002 г. на Второй всемирной ассамблее по проблемам старения был принят *Мадридский международный план действий*, стремящимися определить пути осмысления и принятия мер в связи с многообразием аспектов старения населения². В этом же году ВОЗ опубликовала документ «*Active ageing: a policy framework*»³, в котором ставится цель обеспечить вклад пожилых людей в жизнь семьи, общества и в экономическую деятельность. В рамках этой цели были разработаны глобальные стратегии реагирования на старение населения, ведущей из которых, по мнению Уокер А.⁴, является концепция активного долголетия. Мадридский план действий и Рамочные принципы политики ВОЗ представляют собой важный поворотный момент в поиске решений проблем демографического старения. Мадридский план действий предлагает новую повестку дня, в которой основное внимание уделяется укреплению здоровья, благополучия в пожилом возрасте и обеспечению благоприятных условий в рамках социально-экономического развития и реализации прав человека. Политики ВОЗ в области активного долголетия провозглашают демографическое старение как «триумф и вызов»⁵.

---

¹ Malkinson R., Bar-Tur L. REBT with Ageing Populations // REBT with Diverse Client Problems and Populations / Dryden W., Bernard M. (eds.). – Springer, Cham, 2019. – P. 341-358. DOI: 10.1007/978-3-030-02723-0_17.

² Soares C., Jesuino J. Madrid International Plan of Action on Ageing // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Gu D., Dupre M. (eds.). – Springer, Cham, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_237-1; Сидоренко А.В. Мадридский международный план действий по проблемам старения: адаптация к стареющему обществу // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2019. Вып. 17: Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов трудоспособного возраста. – Санкт-Петербург: СПб ГБУ Городской информационно-методический центр Семья, 2019. – С. 33-44; Сидоренко А., Заиди А. Международная политика в области старения: оценка прогресса в связи с Мадридским международным планом действий по проблемам старения // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – №16(1). – С. 141-154. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-141-154.

³ Active ageing: a policy framework. – Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2002. – 60 p. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215>.

⁴ Walker A. Population Ageing from a Global and Theoretical Perspective: European Lessons on Active Ageing // Age-Friendly Cities and Communities in International Comparison. International Perspectives on Aging / Moulart T., Garon S. (eds.). – Springer, Cham, 2016. – P. 47-64. DOI: 10.1007/978-3-319-24031-2_4.

⁵ Active ageing: a policy framework. – Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2002. – 60 p. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215>.

Впоследствии другие международные учреждения поддержали изучение демографических изменений на основе этого нового подхода. Признавая старение населения прежде всего как достижение, которое открывает большие новые возможности для построения лучшего и более сплоченного общества, Европейская комиссия подготовила доклад «*The demographic future of Europe – from challenge to opportunity*» (2006 г.)¹, в названии которого отразила смену глобальной политической повестки: от проблемы к возможности. В этом докладе определены основные области политики, которые откроют новые возможности для политического маневрирования в условиях старения населения. Европейская комиссия объявила 2012 год Европейским годом активного долголетия и солидарности между поколениями, подготовив сборник статистических данных «*Active ageing and solidarity between generations*»² по таким темам, как демография, здравоохранение, пенсии, волонтерство и обучение взрослых.

Суть такой трансформации взглядов на демографическое старение в глобальной политической повестке заключается в сведении к минимуму возможных негативных последствий за счет использования возможностей демографических изменений³, в первую очередь, принимая во внимание значительную роль пожилых людей в преодолении проблемы нехватки рабочей силы. Тем более, что исследование Поповой Л.А. и Зориной Е.Н.⁴ показало, что образовательный уровень пожилых людей растет быстрыми темпами и постепенно приближается к уровню, характерному для трудоспособного возраста. Благодаря своим знаниям, опыту, трудовой этике и лояльности, пожилые работники являются ценным активом⁵, использование которого в России ограничивается патерналистским взглядом на старость. Причем, как показали результаты интервью

---

¹ The demographic future of Europe – from challenge to opportunity. – Luxembourg: European Commission, 2006. – 17 p.

² Active ageing and solidarity between generations – A statistical portrait of the European Union 2012. European Commission. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. 141 p.

³ Григорьева И.А. Смена парадигмы в понимании старения // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 154-155.

⁴ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Когнитивные способности населения третьего возраста // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2020. Сборник статей Седьмой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 2 ч.. Сыктывкар, 2020. – С. 113-122.

⁵ Wells-Lepley M., Swanberg J., Williams L., Nakai Y., Grosch, J. W. The Voices of Kentucky Employers: Benefits, Challenges, and Promising Practices for an Aging Workforce // Journal of Intergenerational Relationships. – 2013. – No. 11(3). – P. 255–271. DOI: 10.1080/15350770.2013.810065.

с пожилыми россиянами¹, участники исследования понимали, что такой взгляд является устаревшим, однако, новый «оптимистический» взгляд на старость как на время свободы и возможностей часто не отражает их опыт.

На основе представленного обзора научной литературы и докладов международных организаций в диссертационном исследовании отражена трансформация взглядов на демографическое старение и его последствия в глобальной политической повестке. Если изначально они рассматривались исключительно как угроза социально-экономическому развитию территорий различного уровня, то современные взгляды учитывают еще и новые возможности (рисунок 1.14).

Причем ключом к тому, как в реальности демографические изменения повлияют на экономику и общество, является разрабатываемая государственная политика и формируемые институты. Поскольку источником проблем является не более высокая продолжительность жизни как таковая, а неспособность адаптироваться к меняющимся демографическим реалиям, то отсутствие правильных и обоснованных действий может стать серьезной угрозой. Сидоренко А.В.² утверждает, что преодоление проблем и использование возможностей демографических перемен составляют основу адаптации к стареющему обществу; именно адаптации, а не борьбы. Поэтому, как справедливо отмечают Вишневский А.Г., Андреев Е.М. и Трейвиш А.И.³, нужно не пытаться повернуть вспять колесо истории, а адаптироваться к необратимо изменившейся ситуации, приспособить к ней общественные институты, переосмыслить многие политические подходы, сложившиеся в совершенно иных условиях.

---

¹ Holavins A., Prisyazhniuk D. Active Ageing and Social Services: The Paradox of Empowerment in Russia // Europe-Asia Studies. – 2022. DOI: 10.1080/09668136.2022.2094341.

² Сидоренко А.В. Мадридский международный план действий по проблемам старения: адаптация к стареющему обществу // Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов трудоспособного возраста. Вып. 17. Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник / под ред. В.А. Барабохиной, Т.В. Бондаренко, М.М. Бубновой, Р.Г. Казаковой, М.Л. Приваловой, Н.И. Сергеевой. – СПб.: СПб ГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья», 2019. – С. 33–44.

³ Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. Научные труды № 53Р. – М.: Институт экономики переходного периода, 2003. – 90 с.

Рисунок 1.14. Социально-экономические последствия старения населения территории

Таким образом, в рамках диссертационного исследования старение населения рассматривается как вызов социально-экономическому развитию, т.е. как демографическое условие, создающее новые стимулы для социально-экономического развития территории, но в зависимости от ответных действий или бездействия также способное привести к возникновению угрозы. Поэтому существует риск – возможность перерастания вызова в угрозу. В связи с этим, в ответ на последствия демографического старения возникает необходимость в политике адаптации к меняющимся демографическим условиям, которые станут основой для реализации возможностей социально-экономического развития

территории. В диссертации под такой политикой адаптации понимаются ответные действия на последствия старения населения, создающее новые стимулы для социально-экономического развития территории различного уровня. Для научного обоснования таких действий требуется построение теоретико-методологической модели социально-экономической адаптации экономики и общества к демографическому старению.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОГЛАСОВАНИЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИНТЕРЕСОВ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ПОЛИТИКИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ

2.1. Генезис концептуальных основ политики активного долголетия¹

Демографические изменения трансформируют экономику и общество, бросают вызов существующим институциональным решениям и действующей политике во всем мире. На этом фоне необходимость формирования политики, направленной на решение демографических проблем и реализацию возникающих возможностей, все чаще ставится на повестку как на международном, так и на национальном уровнях. Политические меры приняты в первую очередь в европейских странах, которые первыми начали разрабатывать концепции и теоретические подходы к государственной политике в отношении старения населения. Сложился широкий спектр политических идей на макроуровне. Эрвик Р. и Линден Т.С.² утверждают, что в настоящее время существуют две основные парадигмы в области старения населения. Это концепция продуктивного старения, разработанная в 1980-х гг., и активного старения, введенная на рубеже веков. Типология Роуланд Д.Т.³ показывает, что существует, по меньшей мере, пять различных концепций старения: активное старение, позитивное старение, здоровое старение, продуктивное старение и старение на месте. В научной литературе также встречается концепции успешного старения, гармоничного старения и др. Эти термины часто используются взаимозаменяемо, а единого мнения о том, что они означают, до сих пор не сложилось. Они имеют много сходств и различий, распространяются в различных вариантах в программах национальной политики⁴.

---

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работе автора: Васильева Е.В. Концепция активного долголетия в системе обеспечения экономической безопасности // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т.11. № 9. – С. 2101-2120. DOI: 10.18334/epp.11.9.113431.

² Ervik R., Lindén T.S. The making of ageing policy: Framing, conceptual ambiguities and national policy developments // The Making of Ageing Policy: Theory and Practice in Europe / eds. Ervik R., Lindén T.S. – Cheltenham, Northampton, MA: Edward Elgar, 2013. – 304 p.

³ Rowland D.T. Population Aging: The Transformation of Societies. – Dordrecht, New York: Springer, 2012. – 185 p.

⁴ Klimczuk A. Diversity of Ageing Policy Concepts // Economic Foundations for Creative Ageing Policy. – 2017. Vol. II. – P. 55-102. DOI: 10.1057/978-1-137-53523-8_4

В течение многих десятилетий старость рассматривалась как период жизни, характеризующийся физическим и психологическим упадком и социальной замкнутостью. С этой точки зрения обучение, работа и отдых изображались как три строго последовательных этапа на протяжении всей жизни, известных как разделение жизни на три части¹. Третья стадия была задумана как стадия зависимости, упадка и потери². Первые концептуальные модели рассматривали процесс старения в соответствии с этими характеристиками. Так, *теория разъединения* предусматривала неизбежный и постепенный уход от социальных взаимодействий³. Согласно этой теории, такое взаимное отчуждение между стареющими людьми и обществом приносит пользу как отдельным людям, так и сообществу⁴. Во время этого процесса пожилой человек может ограничивать социальную активность, но оставаться счастливым и удовлетворенным жизнью⁵.

Впервые предположение, что упадок представляет собой нормальный аспект старения, было развито в теориях активности и непрерывности. *Теория активности*⁶ постулировала, что сохранение активности обеспечивает удовлетворенность жизнью в пожилом возрасте, а деятельность, которая должна быть прекращена из-за старости, должна быть заменена⁷. Более популярной теорией была *теория непрерывности*⁸, которая утверждала, пожилые люди стремятся сохранить свою деятельность, роли и отношения, потому что это дает им ощущение постоянства и благополучия. В соответствии с этой теорией, успешно стареющие люди, – это те, кто переносят свои ценности, образ жизни и отношения

---

¹ Kohli M. The world we forgot: a historical review of the life course // Later Life: The social psychology of aging / V.W. Marshall (Ed.). – Beverly Hills: Sage, 1986. – P. 271- 303.

² Townsend J., Godfrey M., Denby T. Heroines, villains and victims: older people's perceptions of others // Ageing & Society. – 2006. – No. 26(6). – P. 883- 900.

³ Cumming E., Henry W.E. Growing old, the process of disengagement. – New York: Basic Books, 1961. – 293 p.

⁴ Lynott R.J., Lynott P.P. Tracing the course of theoretical development in the sociology of aging // Gerontologist. – 1996. – No. 36(6). – P. 749-760.

⁵ Onedera J.D., Stickle F. Healthy Aging in Later Life // The Family Journal. – 2008. – No.16. – P. 73-77. DOI: 10.1177/1066480707309610.

⁶ Havighurst R.J. Successful aging // The Gerontologist. – 1961. – No. 1. – P. 8-13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8; Havighurst R.J. Successful aging // Processes of aging / R.H. Williams, C. Tibbitts, W. Donahue (Eds.). – New York: Atherton Press, 1963. – P. 299-320.

⁷ Adams K.B., Leibbrandt S., Moon H. A critical review of the literature on social and leisure activity and wellbeing in later life // Ageing & Society. – 2011. – No. 31. – P. 683-712.

⁸ Atchley R.C. The social forces in later life: An introduction to social gerontology. – Belmont, CA: Wadsworth, 1972. – 341 p.

от среднего возраста к более позднему. Позже Атчли Р.К.¹, основоположник теории, сместил акцент с важности объема деятельности, предпринимаемой для обеспечения благополучия в более позднем возрасте, на более реалистичную модель, в которой упор делался на корректировку и адаптацию к проблемам старения путем замены и перераспределения видов деятельности.

Однако все эти социальные теории игнорируют социальные различия и динамику старения². Ни теория разъединения, ни теории активности и непрерывности не могли объяснить неоднородность, встречающуюся среди стареющих людей. Таким образом, в попытке объяснить, почему некоторые люди хорошо стареют, а другие нет, Хавигхерст Р.Дж.³ предположил, что удовлетворенность своей прошлой и настоящей жизнью должна быть определяющей для успешного старения. Именно этому ученому предписывают первое концептуальное определение *успешного старения*. Он заявил, что успешное старение происходит, когда пожилой человек испытывает максимальную удовлетворенность жизнью без серьезных затрат для общества. Кац С. и Каласанти Т.⁴ в этой теории нашли отражение неолиберальных тенденций, поскольку она возлагает ответственность за собственное успешное старение на самих индивидов.

Успешное старение можно рассматривать как первую концепцию, оказавшую влияние на политику в области старения. Она предполагает, что люди должны продолжать быть активными во время выхода на пенсию или, другими словами, сохранять позитивные паттерны активности с предыдущих этапов жизни. Эта идея характеризуется широкой концептуализацией и акцентированием внимания на биопсихосоциальных компонентах старения⁵. Как показало

---

¹ Atchley R.C. A continuity theory of normal aging // The Gerontologist. – 1989. – No. 29. – P. 183-190.

² Bowling A. Enhancing later life: How older people perceive active ageing? // Aging & Mental Health. – 2008. – No. 12(3). – P. 293-301. DOI:10.1080/13607860802120979.

³ Havighurst R.J. Successful aging // The Gerontologist. – 1961. – No. 1. – P. 8-13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.

⁴ Katz S., Calasanti T. Critical perspectives on successful aging: Does it «appeal more than it illuminates»? // The Gerontologist. – 2015. – Vol. 55. No. 1. – P. 26- 33.

⁵ Fernández-Ballesteros R., Molina M.-A., Schettini R., Santacreu M. The Semantic Network of Aging Well // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. – 2013. – No. 33(1). – P. 79-107. DOI: 10.1891/0198-8794.33.79.

исследование Резник Б.¹, насчитывается, по крайней мере, 29 определений успешного старения, в которых оно описывается как отсутствие физических и умственных недостатков. Палмор Э. предложил первый общий перечень показателей, характеризующих успешное старение. Его теоретическая основа включала долголетие, здоровье и удовлетворенность жизнью². Эти критерии влияют на функционирование систем здравоохранения, включая их социальные, экономические, физические и психические аспекты. Таким образом, концепция успешного старения в основном связана с поддержанием и улучшением биомедицинского, социального и психологического состояния индивидов и групп.

Роу Дж.У. и Кан Р.Л.³ развили концепцию и создали свою многомерную модель успешного старения. Их модель определяла успешное старение как сочетание трех компонентов:

- низкая вероятность заболевания и связанной с ним инвалидности;
- высокая когнитивная и физическая функциональная способность;
- и активное участие в общественной жизни.

Депп К.А. и Джест Д.В.⁴ в своем исследовании ставят под сомнение полезность такой концепции, поскольку только одна треть пожилых американцев отвечают этим компонентам. Последующие исследования модифицируют концепцию, сократив критерии до минимального уровня заболевания или активного физического функционирования, что привело к значительному увеличению расчетного числа лиц, чье старение проходит успешно⁵. Таунсенд Дж., Годфри М. и Денби Т.⁶ представили доказательства несоответствия определения успешного старения, предложенного Роу Дж.У. и Каном Р.Л., тому, как сами

---

¹ Resnick B. Successful Aging // Encyclopedia of Behavioral Medicine / Gellman M.D., Turner J.R. (eds). – New York: Springer, 2013. – P. 1628-1932. DOI: 10.1007/978-1-4419-1005-9_218.

² Palmore E. Predictors of Successful Aging // The Gerontologist. – 1979. – No. 19, 5 Pt. 1. – P. 427-431. DOI: 10.1093/geront/19.5_part_1.427

³ Rowe J. W., Kahn R.L. Successful aging // The Gerontologist. – 1997. – No. 37(4). – P. 433-440. DOI: 10.1093/geront/37.4.433.

⁴ Depp C.A., Jeste D.V. Definitions and predictors of successful aging: A comprehensive review of larger quantitative studies // Focus. – 2009. – No. 7. – P. 137-150.

⁵ Strawbridge W.J., Wallhagen M.I., Cohen R.D. Successful Aging and Well-Being: self-rated compared with Rowe and Kahn // The Gerontologist. – 2002. – No. 42(6). – P. 727-733. DOI: 10.1093/geront/42.6.727.

⁶ Townsend J., Godfrey M., Denby T. Heroines, villains and victims: older people's perceptions of others // Ageing & Society. – 2006. – No. 26(6). – P. 883- 900.

пожилые люди характеризуют его. Многие пожилые люди описывают себя как успешно стареющих, несмотря на наличие хронических заболеваний и функционального упадка, и их собственные определения успешного старения включают не только здоровье, но и активность, счастье и удовлетворенность, отношения и независимость¹. В связи с этим Мартинсон М. и Берридж К.² предлагают включить «недостающие голоса», заложить в определение успешного старения «глобально релевантное» понимание возраста, предоставленное самими пожилыми людьми.

Ряд исследователи, напротив, добавляют четвертый компонент успешного старения. Например, Ли П.-Л., Лан У. и Йен Т.-В.³ дополнили модель таким фактором, как досуг (физические упражнения, активный отдых и др.). Они утверждают, что люди, которые активно отдыхают, с большей вероятностью имеют более высокий уровень удовлетворенности жизнью. В качестве важного фактора успешного процесса старения Паул К., Рибейру О. и Тейшейра Л.⁴ также выделяют досуг. Прайс К.А. и Тинкер А.М.⁵ связывают концепцию успешного старения с поддержкой творческой активности пожилых людей, распространением новых технологических и социальных инноваций и использованием творчества в рамках политики в области старения для содействия участию пожилых граждан в жизни своих сообществ. Аналогичный подход применяется в работе Марина Л. и Джонас Л.⁶, которые определяют успешное старение по таким факторам, как высокий уровень образования, личный доход, личностное развитие и контроль над жизнью⁷.

---

¹ Ferguson S.J. Positive Aging // Encyclopedia of Behavioral Medicine / Gellman M.D. (eds). – Springer, Cham, 2020. – P. 1711-1713. DOI: 10.1007/978-3-030-39903-0_101976.

² Martinson M., Berridge C. Successful Aging and Its Discontents: A Systematic Review of the Social Gerontology Literature // The Gerontologist. – 2015. – No. 55(1). – P. 58-69. DOI: 10.1093 /geront/gnu037.

³ Lee P.-L., Lan W., Yen T.-W. Aging Successfully: A Four-Factor Model // Educational Gerontology. – 2011. – No. 37(3). P. 210-227.

⁴ Paúl C., Ribeiro O., Teixeira L. Active Ageing: An Empirical Approach to the WHO Model // Current gerontology and geriatrics research. – 2012. – Vol. 2012, Article ID 382972. DOI: 10.1155/2012/382972.

⁵ Price K.A., Tinker A.M. Creativity in later life // Maturitas. – 2014. – No. 78(4). – P. 281-286. DOI: 10.1016/j.maturitas.2014.05.025.

⁶ Marina L., Ionas L. Active ageing and successful ageing as explicative models of positive evolutions to elderly people // Scientific Annals of the “Alexandru Ioan Cuza” University - Sociology and Social Work Section. – 2012. – No. 05(1). – P. 79-91.

⁷ Zasimova L., Sheluntcova M. Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia, basic research program: working paper, series: public administration, WP BRP 11/PA/2014. – Moscow: HSE, 2014. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2014/01/27/1326230041/11PA2014.pdf>.

В то же время в научной литературе встречается критика «успешного старения» за эйджизм и эйблизм¹. Ряд ученых² отрицает подход «преуспеть или потерпеть неудачу» в пользу подхода, ориентированного на баланс. В работе Гольштейн М.Б. и Минклер М.³ в качестве последствия реализации концепции успешного старения рассмотрен риск маргинализации пожилого населения. Канадское исследование⁴ показало сложившееся неприятие предлагаемых ценностей, используемых как учеными, так и в обществе. Нидерландские исследователи⁵ пришли к выводу, что фиксированные критерии не учитывают множество других возможных способов успешного старения. Как показало исследование Чанг С. и Парк С.⁶, для пожилых людей Южной Кореи успешное старение мало связано с материальным или социальным успехом, его факторами для них являются «позитивное отношение к жизни», «успех взрослых детей» и «взаимоотношения с другими».

В этой связи были разработаны альтернативные теории. Так, в результате неудовлетворенности термином «успешное старение», который (по крайней мере, первоначально) предполагал отсутствия хронических заболеваний и когнитивных нарушений, возник термин «*позитивное старение*»⁷, впервые предложенный

---

¹ Lamb S. Successful Aging as a Contemporary Obsession: Global Perspectives. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2017. – 256 p.; Polivka L. Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging // Journal of Applied Gerontology. – 2011. – No. 30(2). – P. 173-184. DOI: 10.1177/0733464810385919; Rubinstein R.L., de Medeiros K. "Successful aging," gerontological theory and neoliberalism: a qualitative critique // The Gerontologist. – 2015. – No. 55(1). – P.34-42. DOI: 10.1093/geront/gnu080; Liang J., Luo B. Toward a Discourse Shift in Social Gerontology: From Successful Aging to Harmonious Aging // Journal of Aging Studies. – 2012. – No. 26(3). – P. 327-334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001; Nizamova A. Normativity and the Aging Self: "Active Longevity" Media Discourse in Contemporary Russia // Laboratorium: Russian Review of Social Research. – 2020. – Vol. 12 No. 2. – P. 45-67. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67.

² Wiles J. L., Wild K., Kerse N., Allen R. Resilience from the point of view of older people: 'There's still life beyond a funny knee' // Social science & medicine. – 2012. – No. 74(3). – P. 416-424. DOI: 10.1016/j.socscimed.2011.11.005.

³ Holstein M.B., Minkler M. Self, society, and the "new gerontology" // The Gerontologist. – 2003. – No. 43. – P. 787-796.

⁴ Belgrave L.L., Sayed B.A. Successful/Productive Aging, Responsibility, and Reflection // The Symbolism of Globalization, Development, and Aging. International Perspectives on Aging / Arxer S., Murphy J. (eds). Vol 7. – New York: Springer, 2013. – P. 91-107. DOI: 10.1007/978-1-4614-4508-1_8.

⁵ Ouwehand C., de Ridder D.T., Bensing J.M. A review of successful aging models: proposing proactive coping as an important additional strategy // Clinical psychology review. – 2007. – No. 27(8). – P. 873-884. DOI: 10.1016/j.cpr.2006.11.003.

⁶ Chung S., Park S. Successful ageing among low-income older people in South Korea // Ageing and Society. – 2008. – No. 28(8). – P. 1061-1074. DOI:10.1017/S0144686X08007393.

⁷ Gergen M.M., Gergen K.J. Positive aging: New images for a new age // Ageing International. – 2001. – No. 27. – P. 3-23. DOI: 10.1007/s12126-001-1013-6.

Герген М. и Гергеном К.¹. В нем акцент сместился на изучение способности индивидов адаптироваться к изменениям в пожилом возрасте. На основе позитивной психологии была сделана попытка объяснить неоднородность опыта старения и субъективное благополучие в позднем взрослом возрасте.

Как отмечает Хилл Р.², позитивное старение предполагает поддержание как можно более здорового образа жизни, сохраняя при этом позитивное отношение и продолжая социально и осмысленно участвовать в жизни, несмотря на проблемы старения. Муди Г.³ предложил перейти к понятию *осознанного старения*, признавая как физическое старение, так и внутреннюю силу и духовный рост в пожилом возрасте. Лян Дж. и Ло Б.⁴, считая, что успех представляет собой западную ценность и может быть неуместен в других культурах, обосновали теорию *гармоничного старения*. В эту теорию они заложили идею гармонии не только души и тела, но и между поколениями, как противовес индивидуальному успеху.

Балтес М.М.⁵ предположил термин «*оптимальное старение*», предлагающий более широкий и гибкий взгляд на старение. Оптимальное старение основывается на индивидуальности человека и отрицает существования стандарта. Шен К.⁶ проиллюстрировал это примером оптимизации здоровья, которое может означать для одного человека более частые физические упражнения, для другого – соблюдение диеты, а для третьего – снижение стресса.

Как показано в работе Сильвер М.⁷, концепция *продуктивного старения* резко контрастирует с концепциями, подчеркивающими упадок и изоляцию пожилых людей, и представлениями о выходе на пенсию, как времени для

---

¹ Gergen M.M., Gergen K.J. Positive aging: New images for a new age // Ageing International. – 2001. – No. 27. – P. 3-23. DOI: 10.1007/s12126-001-1013-6.

² Hill R.D. Positive aging: A guide for mental health care professionals and consumers. – NY: W.W. Norton, 2005. – 256 p.

³ Moody H.R. From successful aging to conscious aging // Successful aging through the lifespan: Intergenerational issues in health / M.L. Wykle, P.J. Whitehouse, D.L. Morris (Eds.). – New York: Springer, 2005. – P. 55-68.

⁴ Liang J., Luo B. Toward a Discourse Shift in Social Gerontology: From Successful Aging to Harmonious Aging // Journal of Aging Studies. – 2012. – No. 26(3). – P. 327-334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.

⁵ Baltes M.M. The many faces of dependency in old age. – New York: Cambridge University Press, 1996.

⁶ Shen K. Optimal Aging // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Gu D., Dupre M. (eds). – Springer, Cham, 2020. DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_475-1.

⁷ Silver M. The Unbearable Lightness of Being Retired // Canadian Journal on Aging. – 2019. – No. 38(1). – P. 21-34. DOI: 10.1017/S0714980818000466.

наслаждения жизнью без бремени работы. Впервые этот термин представлен Батлером Р.¹ в 1983 г. для демонстрации того, насколько продуктивная деятельность (оплачиваемая работа, волонтерство или уход) в пожилом возрасте благоприятна для отдельных лиц и общества². Вместе с тем эта концепция подвергается критике за навязывание негативных суждений о пожилых людях, которые не занимаются экономически продуктивной деятельностью по целому ряду причин, включая ухудшение состояния здоровья или обязанностей по уходу³.

ВОЗ в 1990 г. предложила понятие «*здоровое старение*». В литературе представлено много вариантов его определения, но среди них существует и консенсус, так как все они концептуально основаны на предложенном ВОЗ термине «здоровье». Согласно нему, здоровье – это состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов⁴. ВОЗ⁵ определяет здоровое старение как процесс развития и поддержания функциональной способности, обеспечивающей благополучие в пожилом возрасте. Целью этой концепции является оптимизация траектории изменения индивидуальной жизнеспособности (то есть совокупности всех физических и психических способностей человека). Постепенное расширение фокуса внимания концепций в области старения населения получило развитие в содержании концепции **активного долголетия**. Концепция активного долголетия развила ранее выдвинутые теории в области старения населения (рисунок 2.4).

---

¹ Schulte P.A., Grosch J., Scholl J.C., Tamers S.L. Framework for Considering Productive Aging // Journal of Occupational and Environmental Medicine. – 2018. – No. 5. – P. 60-65. DOI: 10.1097/JOM.0000000000001295; Bass S.A., Caro F.G., Chen Y.P. Achieving a productive aging society. – Westport, CT: Auburn House, 1993. – 312 p.

² Morrow-Howell N., Wang Y. Productive engagement of older adults: Elements of a cross-cultural research agenda // Ageing International. – 2013. – No. 38(2). – P. 159-170. DOI: 10.1007/s12126-012-9165-0.

³ Bülow M.H., Söderqvist T. Successful ageing: A historical overview and critical analysis of a successful concept // Journal of Aging Studies. – 2014. – No. 31. – P. 139-149; Martinson M., Halpern J. Ethical implications of the promotion of elder volunteerism: A critical perspective // Journal of Aging Studies. – 2011. – No. 25(4). – P. 427-435. DOI: 10.1016/j.jaging.2011.04.003; Dillaway H.E., Byrnes M. Reconsidering successful aging: A call for renewed and expanded academic critiques and conceptualizations // Journal of Applied Gerontology. – 2009. – No. 28(6). – P. 702-722. DOI: 10.1177/0733464809333882.

⁴ Constitution // World Health Organization. Режим доступа: <https://www.who.int/about/governance/constitution>.

⁵ Всемирный доклад о старении и здоровье. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2015. – 316 с. Режим доступа: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10.

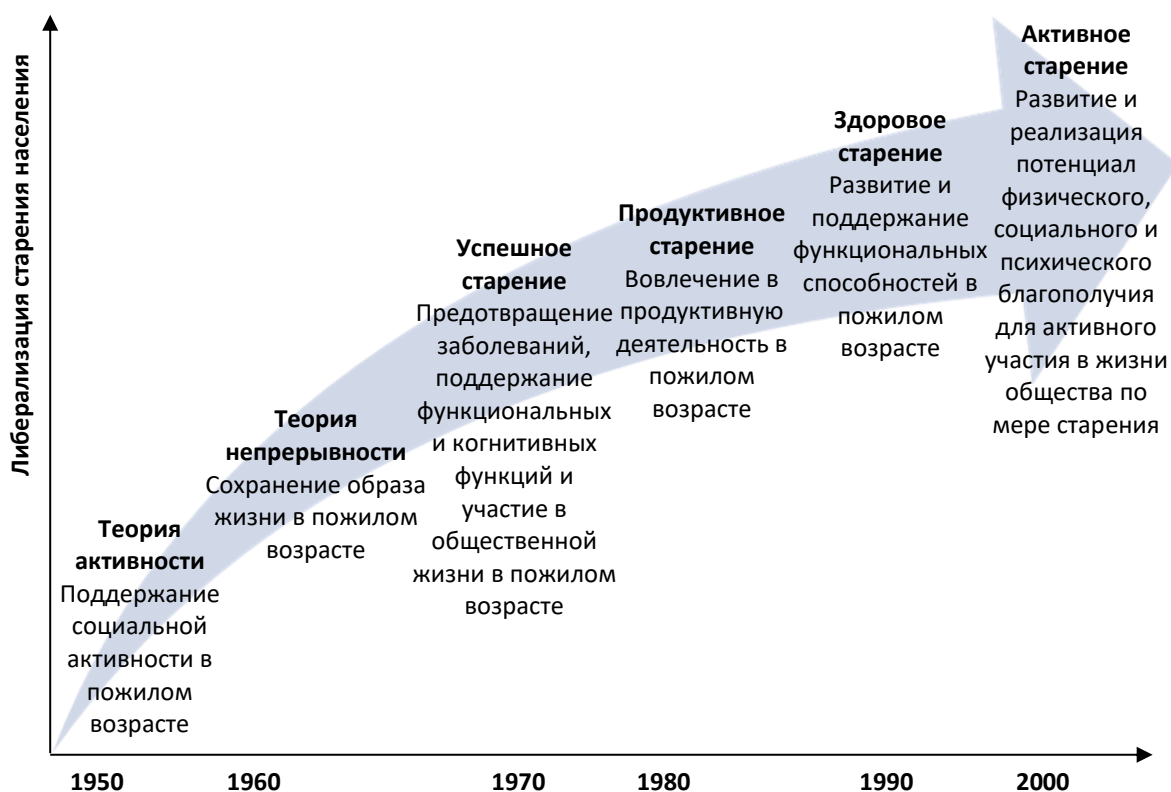

Рисунок 2.4. Расширение фокуса внимания основных концепций в области старения населения

Уокер А.¹ проследил историю концепции активного долголетия, начиная с ее появления в качестве антитезы теории разъединения – концепции успешного старения, через ее возрождение под видом «продуктивного старения» до современного использования. Обзор концепций и теоретических подходов к государственной политике в отношении старения населения показал, что они не являются взаимозаменяемыми, их реализация связана с различными инвестициями и результатами. В основу концепции активного долголетия заложены идеи неоклассического либерализма, заключающиеся в представлении об индивидуальной ответственности за свое благополучие – в том числе в пожилом возрасте, и минимальном вмешательстве государства в экономику. Макгиган Дж.² описал тип «неолиберального» человека, сочетающего в себе идеализированный

¹ Walker A. Active ageing in employment: its meaning and potential // Asia-Pacific Review. – 2006. – Vol. 13. No. 1. – P. 78-93.

² McGuigan J. The Neoliberal Self // Culture Unbound Journal of Current Cultural Research. – 2014. – No. 6(1). – P. 223-240. DOI: 10.3384/cu.2000.1525.146223.

субъект классической и неоклассической экономики, как предпринимателя, самостоятельного потребителя и налогоплательщика. Такие серьезные изменения в контракте между пожилыми людьми и государством¹ подразумевают:

- переход от подхода, основанного на удовлетворении потребностей людей старшего поколения, к подходу, основанному на признании их прав (независимость, участие, уход, реализация внутреннего потенциала и достоинство)²;
- смену восприятия пожилых людей: от пассивных получателей социального обеспечения к их более активной ориентации³.

Концепция активного долголетия представляет собой превентивную концепцию, направленную на вовлечение всех возрастных групп в процесс старения на протяжении всей жизни. Согласно такой интерпретации, как отмечают Уокер А. и Заиди А.⁴, поддержание здоровья, формирование заинтересованности в участии и развитие системы социального обеспечения должны быть на протяжении всей жизни. Это означает переход от «традиционной» модели жизненного цикла, состоящей из трех фаз «учеба – работа – выход на пенсию», к парадигме «возрастной интеграции», при которой эти фазы должны сосуществовать в течение всей жизни (рисунок 2.5). Как отмечает Редей-Малви Дж.⁵, в отличие от традиционной парадигмы, основанной на положениях систем социального обеспечения Бевериджа и Бисмарка, которые доминировали в европейской социальной политике на протяжении более столетия, новый политический интерес обусловлен главным образом экономическими причинами.

---

¹ Gilleard C., Higgs P. *Cultures of Ageing: Self, Citizen and the Body*. 1st ed. – Harlow, UK: Prentice Hall, 2000. – 219 p.

² Голубева Е.Ю. Современные направления научно-практических исследований в области политики активного и здорового долголетия: опыт и перспективы // *Успехи геронтологии*. – 2015. – Т. 28. – № 4. – С. 634-638.

³ Walker A., Maltby T. Active ageing: a strategic policy solution to demographic ageing in the European Union // *International Journal of Social Welfare*. – 2012. – Vol. 21(s1). – P. 117-130. DOI: 10.1111/j.1468-2397.2012.00871.x.

⁴ Walker A., Zaidi A. New Evidence on Active Ageing in Europe // *Intereconomics*. – 2016. – No. 51(3). – P. 139-144. DOI: 10.1007/s10272-016-0592-0.

⁵ Reday-Mulvey, G. *Working beyond 60: key policies and practices in Europe*. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 220 с.

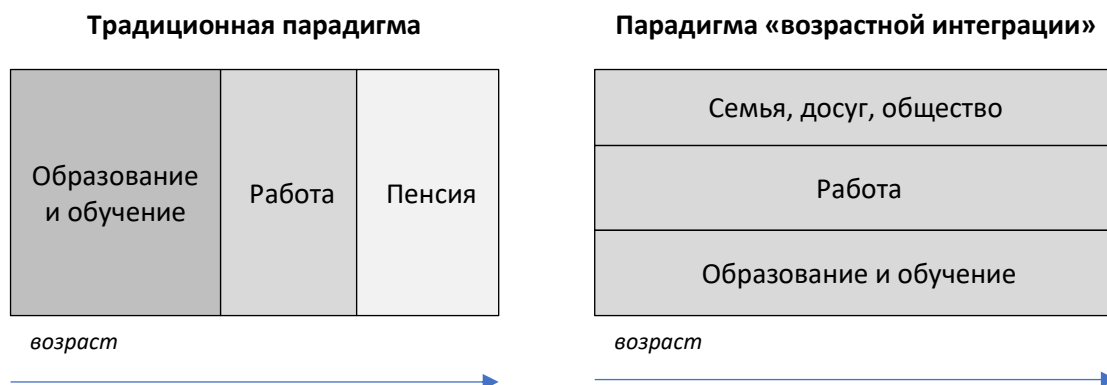

Рисунок 2.5. Парадигмы старения

Источник: Walker A., Maltby T. Active ageing: a strategic policy solution to demographic ageing in the European Union // International Journal of Social Welfare. – 2012. – Vol. 21(s1). – P. 117-130. DOI: 10.1111/j.1468-2397.2012.00871.x; Reday-Mulvey G. Working beyond 60: key policies and practices in Europe. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 220 p.

В качестве инструмента политики адаптации экономики и общества к последствиям старения населения предложено рассмотреть концепцию активного долголетия. Для внедрения этой концепции в политическую основу необходима интерпретация активного долголетия с позиции защиты и согласования государственных интересов и интересов пожилого населения в условиях старения населения.

2.2. Теоретико-методологическая модель формирования и реализации политики активного долголетия¹

Традиционно для исследования вклада отдельных возрастных групп населения в социально-экономическое развитие территории, ее производство и распределение национального дохода широко используются модели **экономики**

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работах автора: Васильева Е.В. Обеспечение экономической безопасности территории в условиях старения населения: теоретико-методологический аспект // Национальная безопасность / nota bene. – 2021. № 6. – С.13-21. DOI: 10.7256/2454-0668.2021.6.36869; Васильева Е.В. Подходы к построению пенсионной системы: международный и российский опыт // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 79. – С. 5-24.

поколений (*generational economy*)¹. Значимую роль в их становлении и развитии играет работа Самуэльсона П.Э. «*An Exact Consumption Loan Model With or Without the Social Consumption of Money*»², в которой представлена модель, где экономика рассматривалась через призму нескольких поколений – межпоколенческих трансфертов. Анализ Самуэльсона встроен в двухвозрастную модель, в которой молодое работающее население поддерживает старшую возрастную группу за счет трансфертов потребления, которые, в свою очередь, будут погашены следующим поколением. Такие трансферты Самуэльсон П. обозначил как «межвременные трансферты», когда «передача товара пожилому человеку сейчас означает передачу товара самому себе в старости».

Даймонд П. развил эту идею и разработал модель «перекрывающихся поколений», или OLG-модель (от англ. *overlapping generations*), на основе которой сделал вывод, что оптимальное соотношение потребления и производства может быть достигнуто за счет межпоколенческих трансфертов – государственного долга и распределительной пенсионной системы. Постепенно демография стала неотъемлемой частью многих современных экономических моделей (Arthur W.B., McNicoll G., Willis R.J., Barro R.J., Lee R. и др.), намеренно включающих показатели возраста (возрастную структуру) в качестве важнейших переменных.

Сложилось отдельное значительное направление исследований влияния возрастной структуры населения на экономический рост, основанное на неоклассической модели Солоу³. Так, Брунов С. и Хирте Г.⁴ на базе модели Солоу с помощью пространственного эконометрического подхода проанализировали влияние региональной возрастной структуры на экономический рост регионов Германии. Результаты их анализа свидетельствуют о том, что возрастная структура

---

¹ d'Albis H., Moosa D. Generational economics and the national transfer accounts // *Journal of Demographic Economics*. – 2015. – No.81(4). – P. 409–441. DOI: 10.1017/dem.2015.14; Денисенко М.Б., Козлов В.А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // *Демографическое обозрение*. – 2018. – Т. 5, №4. – С. 6-35; Ткаченко А.А. Экономика народонаселения versus экономическая демография // *Статистика и экономика*. 2017. – №5. – С. 94-104. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-94-104.

² Samuelson P.A. An Exact Consumption-Loan Model of Interest with or without the Social Contrivance of Money // *Journal of Political Economy*. – 1958. – No. 66(6). – P. 467-482. DOI:10.1086/258100

³ Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *The Quarterly Journal of Economic*. 1956. – No. 70(1). – P. 65-94. DOI: 10.2307/1884513.

⁴ Brunow S., Hirte G. Regional Age Structure and Economic Growth: An Econometric Study for German Region // *Dresden Discussion Paper Series in Economics*. – 2019. – №04/09. – P. 1–32. DOI: 10.2139/ssrn.1406925.

имеет значение для экономического роста. Причем возрастной группой, наиболее способствующей росту, является 45-54 лет, что объясняется теорией человеческого капитала: поскольку знания, полученные в процессе обучения на практике (*learning-by-doing*), во время трудовой деятельности превышают амортизацию запаса человеческого капитала.

Для оценки демографических изменений Ли Р. и Мейсон А.¹ разработали подход к построению *системы национальных трансфертных счетов* (НТА) с разбивкой по возрастам. Результаты их исследований показывают, что при изменении возрастного состава общества возникают не только многочисленные вызовы, но и возможности для высвобождения дополнительных ресурсов – демографический дивиденд². Национальные трансфертные счета предоставляют новый инструмент, который можно использовать для получения более глубокого представления о том, как демографические изменения могут повлиять на экономику, финансовую устойчивость социальных программ, накопление физического и человеческого капитала и семейную поддержку детей, молодежи и пожилых людей³.

Непосредственно масштаб последствий демографического старения населения исследуются в рамках *экономики старения*⁴, которая направлена на анализ способностей институтов адаптироваться к новым демографическим реалиям и реализовать потенциальные преимущества более продолжительной жизни⁵. Исследования в этой области обширны, Уайз Д.⁶, директор Программы по экономике старения в Национальном бюро экономических исследований, сгруппировал их по трем направлениям: финансовое благополучие; здоровье и удовлетворенность жизнью; и работа и выход на пенсию в старших возрастах. Ли

---

¹ Lee R., Mason A. Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective. – Cheltenham, UK: Edward Elgar, and Ottawa: International Development Research Centre, 2011. – 598 p.

² Ли Р., Мэйсон Э. Что такое демографический дивиденд? // Финансы & развитие. – 2006. – Сентябрь. – С. 16-17.

³ National Transfer Accounts Manual: Measuring and Analysing the Generational Economy. – New York: United Nations, 2013. – 225 p. DOI: 10.18356/42d43461-en.

⁴ Conesa J.C., Kehoe T.J. An introduction to the macroeconomics of aging // The Journal of the Economics of Ageing. – 2018. – No. 11. – P. 1-5. DOI: 10.1016/j.jeoa.2018.03.002.

⁵ Clark R.L., Spengler J.J. The Economics of Individual and Population Aging. – Cambridge University Press, 1980. – 212 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572074.

⁶ Wise D. Program Report: The Economics of Aging // The reporter. – 2014. – No. 2. Режим доступа: <https://www.nber.org/reporter/2014number2/program-report-economics-aging>.

Р. в «Справочнике по экономике старения населения»¹ выделил два основных вопроса экономики старения:

- как старение населения повлияет на государственные расходы, направленные на инвестиции в человеческий капитал?
- как старение населения повлияет на государственные трансферты пожилым людям?

Эти вопросы решаются на основе построения как теоретических², так и эмпирических моделей³. Теоретические модели, по существу, связывают более высокую ожидаемую продолжительность жизни с более высокими размерами пенсионных программ, в то время как более низкая рождаемость дает более неоднозначные результаты. Эмпирические модели свидетельствуют о том, что такие показатели старения населения, как коэффициент демографической нагрузки пожилыми людьми, могут быть оценены как причина увеличения пенсионных расходов⁴.

Тераи К., Глейзер А. и Миядзато Н.⁵ провели статистический анализ теоретических гипотез с использованием данных Японии и США. В результате этого анализа они подтвердили следующие гипотезы:

- Стареющие экономики мало тратят на образование; инвестиции в образование интерпретируются как инвестиции в человеческий капитал.
- Стареющие экономики мало тратят на строительство и долговечную инфраструктуру; инвестиции в эти области можно рассматривать как инвестиции в физический капитал.

---

¹ Lee R. Macroeconomics, Aging, and Growth // Handbook of the Economics of Population Aging – 2016. – Vol. 1A. – P. 59-118. DOI: 10.1016/bs.hespa.2016.05.002.

² de Mello L., Schott S., Tiongson E.R., Winkler H. Greying the budget: ageing and preferences over public policies. IZA Discussion Paper No. 9681. – Bonn: IZA, 2016. – 34 p.

³ Gruber J., Wise D. An international perspective on policies for an aging society // Policies for an Aging Society: Confronting the Economic and Political Challenges / Altman, S., Schactman, D. (Eds.). – Johns Hopkins Press, Baltimore, MD, 2002. – P. 34-62; Miller C. Demographics and spending for public education: a test of interest group influence // Economics of Education Review. – 1996. – Vol. 15(2). – P. 175-185.

⁴ Casamatta G., Batté L. The Political Economy of Population Aging // Handbook of the Economics of Population Aging. – 2016. – Vol. 1A. – P. 381-444. DOI:10.1016/bs.hespa.2016.07.001.

⁵ Terai K., Glazer A., Miyazato N. The Political Economy of Population Aging. Japan and the United States. – Springer Singapore, 2021. – 104 p. DOI: 10.1007/978-981-16-5536-4.

- Стареющие экономики не заинтересованы в привлечении бизнеса и содействии занятости. Например, они вряд ли снизят ставки корпоративного подоходного налога и минимальную заработную плату до тех пор, пока бремя, налагаемое на бизнес, не будет перенесено на пожилых потребителей.

Как отмечают ученые полученные выводы применимы и для других стран, но с учетом их институциональных особенностей. Исследование Барышевой Г.А. и Бабышева В.Ю.¹ показывает, что выявленные западными учеными закономерности макроэкономики старения в России плохо проявляются.

Важным направлением демоэкономических исследований², объясняющим функционирование системы «население – экономика», является современная **неоклассическая теория человеческого капитала**. Она доказывает экономическую целесообразность инвестиций в человеческий фактор³. Причем человеческий капитал (к нему относятся знания, информация, идеи, навыки и здоровье людей⁴) требует дополнительных вложений на протяжении всей жизни: ему свойственно не только накопление, но и износ⁵ (устаревание и обесценивание).

На рисунке 2.1 показана взаимосвязь человеческого капитала и инвестиций на разных стадиях жизненного цикла человека. Результаты стоимостной оценки человеческого капитала России с использованием метода пожизненных заработков Капелюшников Р.И.⁶ показали, что «процесс старения населения в России мог негативно отразиться на аккумулированном объеме человеческого капитала, поскольку молодые люди обладают, как правило, намного большими

¹ Барышева Г.А., Бабышев В.Ю. Критика подходов теории "макроэкономики старения" на примере России // Теория и практика общественного развития. – 2019. - №10 (140). – С. 37-43.

² Ткаченко А.А. Экономика народонаселения versus экономическая демография // Статистика и экономика. – 2017. – № 5. – С. 94-104. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-94-104.

³ Becker G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. – University of Chicago Press, 2009. – 412 p.

⁴ Becker G.S. The age of human capital // Education, globalization & social change / H. Lauder, P. Brown, J. Dillabough, & H. Halsey (Eds.). – Oxford, UK: Oxford University Press, 2002. – P. 292-295.

⁵ Клинова М.В., Сидорова Е.А. Человеческий капитал в Европейском союзе: государственный и наднациональный контексты // Вопросы экономики. – 2012. – №8. – С. 80-97. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-8-80-97; Матершева В.В. Особенности износа человеческого капитала в современной экономике России // Современная экономика: проблемы и решения. – 2016. – №2(74). – С. 8-16. DOI: 10.17308/meps.2016.2/1391; Brunow S., Hirte G. Regional Age Structure and Economic Growth: An Econometric Study for German Region // Dresden Discussion Paper Series in Economics. – 2019. – №04/09. – P. 1–32. DOI: 10.2139/ssrn.1406925.

⁶ Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? : препринт WP3/2012/06. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 76 с.

человеческими активами, чем пожилые». Согласно стоимостной оценке человеческого капитала населения России за 2010 г.¹, «его объем у самой младшей когорты (15–19 лет) примерно в 80 раз превосходил его объем у самой старшей (60–64 года)». Исследование стран ОЭСР, проведенное Лю Г.², подтверждает, что внутри страны запасы человеческого капитала неравномерно распределены между различными возрастными группами населения: молодые люди обладают более высоким уровнем.

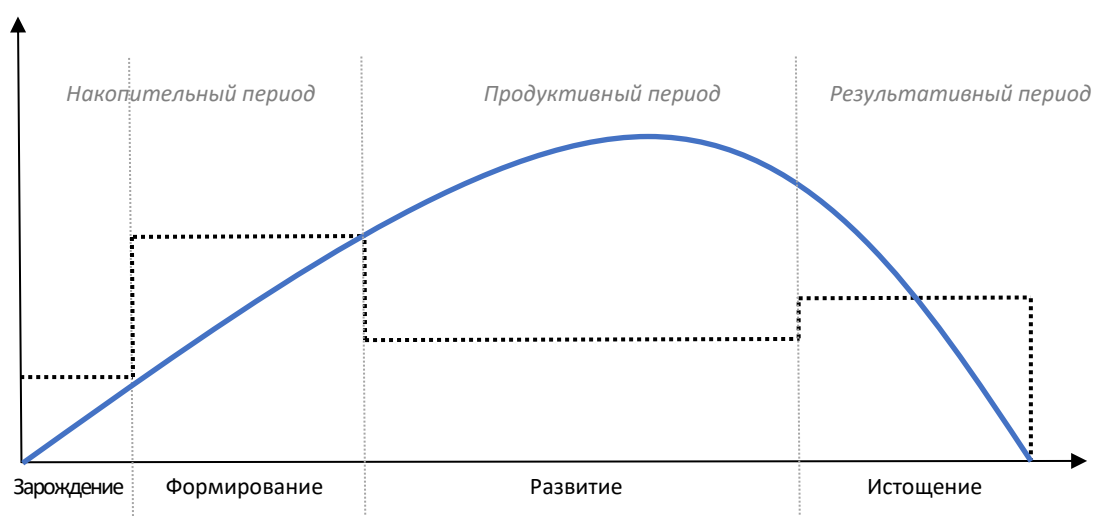

Рисунок 2.1. Человеческий капитал (сплошная линия) и инвестиции в него (пунктирная линия) на разных стадиях жизненного цикла человека

Составлено по: Курчидис К.В. Оценка чистой стоимости человеческого капитала // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №2, Том I. – С. 100-104; Кузнецова Н.В., Носырева И.Г. Модель жизненного цикла человеческих ресурсов // Известия Байкальского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 75-80.

Действительно, с одной стороны, в пожилом возрасте происходит истощение человеческого капитала (в первую очередь – ухудшение состояния здоровья), требующее существенных финансовых вложений для его поддержания, обновления и развития. Но, с другой стороны, пожилые люди обладают таким человеческим капиталом, как знание, опыт и умение, который можно

¹ Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? : препринт WP3/2012/06. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 76 с.

² Liu G. Measuring the Stock of Human Capital for Comparative Analysis: An Application of the Lifetime Income Approach to Selected Countries. Statistics directorate working paper no. 41. – Paris: OECD, 2011. – 50 p.

преобразовать в важный социально-экономический ресурс для развития территории. Поэтому, как справедливо замечает Доброхлеб В.Г.¹, «при изменении возрастной структуры населения одним из эффективных направлений политики становится поддержание качества населения», а также сохранение и наращивание ресурсного потенциала различных групп населения. Тем более, что расчеты Калабихиной И.Е. и Казбековой З.Г.² показали, что человеческий капитал компенсирует отрицательный эффект структурного демографического фактора на экономический рост России, но его влияние оказалось слабым.

Для исследования вызовов и возможных угроз, связанных со старением населения, в диссертации теоретические основы и методические принципы экономики народонаселения предложено дополнить положениями *теории экономической безопасности*. Целесообразность использования комплексного и междисциплинарного подхода к изучению народонаселения как многосложного объекта обоснована еще в 1973 г. в работе Валентей Д.И. «О системе демографических знаний»³. Использование же основ теории экономической безопасности создает реальную основу для изучения социально-экономических последствий старения населения. Для исследования социально-экономических последствий старения населения требуется интеграция положений экономики народонаселения и экономической безопасности. Поскольку угрозы, которые генерируются последствиями демографического старения, оказывают влияние на обеспечение экономической безопасности территории, и наоборот – неэффективная проводимая политика усиливает возникающие демографические угрозы.

Как справедливо отмечает Караваева И.В.⁴, «категория экономической безопасности традиционно используется и признана российским научным

---

¹ Доброхлеб В.Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. – 2022. – Т. 25., № 2. – С. 66-76. DOI: 10.19181/population.2022.25.

² Калабихина И.Е., Казбекова З.Г. Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 81-100. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-5.

³ Валентей Д.И. О системе демографических знаний // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2016. – № 4. – С. 134-148.

⁴ Караваева И.В. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях Института экономики РАН // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – №2. – С. 27-42. DOI:10.24411/2073-6487-2020-10013.

сообществом при исследовании различных негативных воздействий на национальную экономику». Причем общепризнанного понятийного аппарата в области исследования экономической безопасности до сих пор не сложилось. Исследователи только сходятся во мнении, что к субъектам экономической безопасности относят государственные органы власти, граждан, общественные организации и объединения. Афонцев С.А.¹ сужает этот круг, ограничивая его теми, кто в праве принять политические решения.

Дискуссионный характер имеет определение объекта безопасности. Описывая широкий спектр мнений, Богданов И.Я.² выделяет два подхода: «чрезмерно детализированный подход и подход, в котором акцентируют внимание на интересах государства, оставляя в тени интересы личности и общества». С этой точки зрения Цейковец Н.В.³ условно противопоставляет два объекта экономической безопасности: «интересы конкретного человека и общие интересы (интересов гражданского общества, государства)». Причем эти интересы должны находится в состоянии баланса, чтобы предотвратить конфликты между их носителями. Ведь «по своей природе частные интересы находятся в противоречии с интересами общества: первые стремятся максимизировать полезность (прибыль), а вторые – изъять части доходов хозяйствующих субъектов в виде налогов и иных платежей для его последующего перераспределения»⁴.

В то же время, как отмечает Мау В.А.⁵, «в условия старения населения пенсионной возраст – на уровне 90-95 лет и выше, является финансово обоснованным и находится в логике «отцов-основателей» современного пенсионирования, но выглядит политически абсурдным». Как отмечает Цейковец

---

¹ Афонцев С.А. Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 3 (51). – С. 231-234.

² Богданов И.Я. Экономическая безопасность России. Теория и практика. – М.: ИСПИ РАН, 2001. – 351 с.

³ Цейковец Н.В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2016. – №1(29). – С. 129-157.

⁴ Дашин А.В., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государственный интерес как теоретико-правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №2. – С. 82-85.

⁵ Мау В.А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. – 2012. – №7. – С. 114-132. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-7-114-132.

Н.В.¹, «в экономической политике государства присутствуют элементы двух подходов, но имеется явный перекося в сторону одного из них». В рамках диссертационного исследования предлагается учесть оба подхода и согласованно рассмотреть государственные интересы и интересы пожилого населения.

Если понятие «национальные интересы» юридически закреплено в Стратегии национальной безопасности РФ², то в отношении понятия «государственные интересы» в научной литературе существуют некоторые разночтения. Но, как правило, они рассматриваются как тождественные понятия³, более того, в исследованиях⁴ широко используется термин «национально-государственные интересы». Пастухов В.Б.⁵ считает бессмысленно противопоставлять эти понятия в эпоху существования государства-нации (нации-государства), когда современное государство не существует без нации, нет и современной нации без государства. В рамках данного диссертационного исследования, учитывая региональные⁶ и этнические⁷ аспекты национальных интересов, используется термин «государственные интересы». Под *государственными интересами и интересами пожилого населения* в диссертации понимается *совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности развития государства (его институтов) и пожилого населения соответственно*⁸.

---

¹ Цейковец Н.В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2016. – №1(29). – С. 129-157.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³ Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес». // Полис. Политические исследования. – 2000. – №1. – С. 7-22; Трухачёв В.В. Сущность и содержание политических механизмов формирования и реализации национальных интересов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2010. – №2. – С. 17-27; Пастухов В. Б. Национальный и государственный интересы России: игра слов или игра в слова (Реплика) // Полис. Политические исследования. 2000. №1. – С. 92-96.

⁴ Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 463 с.; Григорьев С.В. Обеспечение национально-государственного экономического интереса в условиях реформирования налоговой системы России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. – Саратов, 2002. – 185 с.; Очкин Р.О. Формирование национально-государственного экономического интереса в концепции национальных интересов России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – №6(101). – С. 83-87.

⁵ Пастухов В.Б. Национальный и государственный интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. – 2000. – № 1. – С. 92-96.

⁶ Возжеников А.В., Стрельченко В.В. Согласование интересов регионов и федерального центра в современной России // Власть. – 2009. – №9. – С. 60-63.

⁷ Сорокин К.Э. Государственные интересы как обобщение национальных // Полис. – 1995. – № 1. – С. 116-121.

⁸ Составлено на основе термина «жизненно важные интересы» из Закона РФ от 5 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» (с изменениями и дополнениями).

Важно отметить, что государственные интересы базируются на интересах граждан и отдельных групп населения, но не являются суммой их интересов¹, и, наоборот – интересы социума не сводятся к интересам индивидуумов². Как отмечают Львов Д.С., Гребенников В.Г. и Устюжанина Е.В.³, «отождествление же государства и общества ведет к подмене интересов общества интересами государства как субъекта власти». Более того, по мнению Зиновьева А.А.⁴, государственные интересы не только не всегда тождественны интересам граждан общества, но и могут вступать в конфликт с ними. Поэтому оправдано рассматривать отдельно государственные интересы и интересы отдельных групп населения. Такой подход отражен в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.⁵, которая разработана в целях обеспечения интересов государства, общества, человека и гражданина.

Но в тоже время, как справедливо отмечает Рубинштейн А.Я.⁶, государство в качестве автономного участника рыночных отношений использует имеющиеся у него ресурсы для достижения интересов, декларируемых им от имени общества. Здесь особое место занимает государственный интерес, «ориентированный на формирование человеческого капитала, обеспечивающего повышение уровня гражданской культуры и доверия в обществе, его сбалансированность и социальную устойчивость, инновационное развитие и экономический рост». Государство реализует этот интерес как социальное государство, неотъемлемым элементом которого является патернализм – вмешательство в действия или выбор индивида помимо его воли, но, как предполагается, в его интересах⁷. Идеи социального государства получили широкое признание во многих странах,

---

¹ Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.

² Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. – М.: Ин-т экономики РАН, 2008. – 480 с.;

³ Львов Д.С., Гребенников В.Г., Устюжанина Е.В. Концепция национального имущества // Вопросы экономики. – 2001. – №7. – С. 139-153.

⁴ Зиновьев А.А. (1995). Запад. Феномен западнизма. М.: Центрполиграф.

⁵ Указ Президента РФ от 19.12.2012 №1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

⁶ Рубинштейн А.Я. О провалах государства и несостоявшихся реформах в гуманитарном секторе // Вопросы теоретической экономики. – 2019. – № 1. – С. 116-132. DOI:10.24411/2587-7666-2019-00009.

⁷ Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетей, 2020. – 424 с.

наиболее распространенными являются модель Бисмарка и модель Бевериджа (таблица 2.1).

Таблица 2.1. Сравнение социальных моделей Бисмарка и Бевериджа

Критерий сравнения	Модель Бисмарка	Модель Бевериджа
Основа организации	Система обязательного пенсионного страхования	Система социального обеспечения
Принцип построения	Экономическая (профессиональная) солидарность	Социальная солидарность
Источник финансирования	Страховые взносы	Государственный бюджет (налоги)
Охват	Все работающее население	Все население
Размер пенсии	Размер зависит от величины уплаченных страховых взносов	Минимальный размер, не зависящий от трудового вклада
Степень участия государства	Минимизирована	Максимизирована
Степень участия застрахованного	Максимизирована	Минимизирована
Цель	Компенсация утраченного заработка	Защита граждан от бедности

Составлено по: Заболотский Е.Д. Опыт реформирования пенсионных систем стран Европейского союза и возможности его использования // Вестник СПбГУ. Экономика. – 2017. – Т. 33. Вып. 3. – С. 472-497. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.307; Орлов С.Н., Шеметов А.П. Пенсионное обеспечение в Российской Федерации. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 106 с.; Хмелевский С.В. Эволюция пенсионного страхования в некоторых зарубежных странах // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – № 2. – С. 21-28; Conde-Ruiz J.I., González C.I. From Bismarck to Beveridge: the other pension reform in Spain // SERIEs. – 2016. – No. 7. – P. 461-490. DOI 10.1007/s13209-016-0148-3.

Однако в настоящее время наблюдается кризис идей социального государства, который Рубинштейн А.Я. и Городецкий А.Е.¹ связывают с критическим нарастанием «социального пузыря»: расходов государственных бюджетов на социальные нужды, которые не просто стимулировали рост налоговой нагрузки на бизнес и граждан, но, в принципе, пришли в объективный конфликт с системой мотивации к труду, стимулов к росту производительности.

¹ Рубинштейн А.Я. Городецкий А.Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Journal of Institutional Studies. – 2018. – Вып. 10, №4. – С. 38-57.

Демографические изменения способствуют усилению этого кризиса, поскольку модели социального государства были разработаны в условиях относительно молодой возрастной структуры населения. Современные условия, когда доля населения, которое предоставляет ресурсы для перераспределения, сокращается, а доля реципиентов растет, требуют трансформации модели социального государства¹. Причем эта трансформация должна носить институциональный характер и пересмотреть принцип соотношения государственных и частных расходов². Подобная трансформация предполагает пересмотр государственных интересов и интересов пожилого населения в контексте идеи отказа от государственного патернализма, когда исчезает понятие коллективной ответственности за каждого члена сообщества, ее замещает индивидуальная ответственность³.

Для научного обоснования управленческих мер по адаптации экономики и общества к старению населения разработана теоретико-методологическая модель формирования и реализации политики активного долголетия (рисунок 2.2) на основе триады *«интересы – угрозы – защита»*. Опираясь на экономику народонаселения (модели экономики поколений, модели старения населения и теорию человеческого капитала) и теорию экономической безопасности, разработанная модель представляет собой комплексный и междисциплинарный подход к исследованию взаимосвязи «объект – субъект – источник угроз» для обоснования эффективного инструмента для защиты интересов в условиях старения населения. Предложенная теоретико-методологическая модель направлена на достижение согласования интересов всех субъектов отношений: государственных органов власти, граждан, некоммерческих и коммерческих организаций. Объектом политики адаптации выступают государственные интересы и интересы пожилого населения.

---

¹ Мау В. Глава 1. Глобальный кризис и мировые вызовы // Экономическая политика России. Турбулентное десятилетие 2008–2018. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – С. 25-56.

² Кризис социального государства – развитые страны пострадали больше // Научно- образовательный портал IQ. ВШЭ. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177671000.html?ysclid=le2pf414vr763605032>.

³ Павленко Ю.Г. Традиционная ориентация государства: политико-экономический аспект // Вопросы теоретической экономики. – 2018. – № 2 (3). – С. 83-90. DOI:10.24411/2587-7666-2018-00020

Рисунок 2.2. Теоретико-методологическая модель формирования и реализации политики активного долголетия

В рамках предложенной модели интересы коммерческих и некоммерческих организаций как объекта адаптации не рассматриваются, поскольку с ростом доли пожилого населения они не меняются, хотя существенно изменяются условия их защиты. Для коммерческих организаций эти условия связаны со старением рабочей силы и потребителей (таблица 2.2).

Таблица 2.2. Защита интересов коммерческих организаций (извлечение прибыли) в условиях старения населения

Изменение условий	Новации коммерческих организаций
Старение рабочей силы	<ul style="list-style-type: none"> Создание рабочих мест, учитывающих возрастные особенности (age-friendly workplaces). Применение робототехники (например, экзоскелет), инструментов автоматизации и «цифровой рабочей силы».

Изменение условий	Новации коммерческих организаций
Старение потребителей	<ul style="list-style-type: none"> • Развитие рынка «серебряной экономики» («серой экономики») – широкого спектра продуктов и услуг, связанных с возрастом, во многих существующих секторах, включая информационные и коммуникационные технологии, финансовые услуги, жилье, транспорт, энергетику, туризм, культуру, инфраструктуру и местные услуги, а также долгосрочный уход.

Составлено по: Taylor M.A., Bisson J. B. Changes in cognitive function: Practical and theoretical considerations for training the aging workforce // *Human Resource Management Review*. – 2020. No. 30(2), 100684. DOI: 10.1016/j.hrmr.2019.02.001; Grosch J.W., Scholl J.C. Designing Age-Friendly Workplaces: An Occupational Health Perspective // *Current and Emerging Trends in Aging and Work* / Czaja, S., Sharit, J., James, J. (eds). – Springer, Cham, 2020. – P. 429-451. DOI: 10.1007/978-3-030-24135-3_22; Sciubba J.D. The Global Population Is Aging. Is Your Business Prepared? // *Harvard Business Review*. – Режим доступа: <https://hbr.org/2022/11/the-global-population-is-aging-is-your-business-prepared>; Hashimoto K. Agri-business for elderly people through the Internet // *Netcom* – 2012. Vol. 26, No. 3/4. – P. 235-250. DOI: 10.4000/netcom.1012; Irving P. Aging Populations: a Blessing For Business // *Forbes*. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/nextavenue/2018/02/23/aging-populations-a-blessing-for-business/?sh=5bb5fd907a77>; Europe's demographic future: Facts and figures on challenges and opportunities / European Commission. – Luxembourg, 2007. – 150 p.; Iparraquirre J.L. The Silver Economy // *Economics and Ageing*. – Palgrave Macmillan, Cham, 2019. – P. 445-469. DOI: 10.1007/978-3-030-29013-9_12; Guido G., Ugolini M.M., Sestino A. Active ageing of elderly consumers: insights and opportunities for future business strategies // *SN Business & Economics*. – 2022. No. 2. DOI: 10.1007/s43546-021-00180-4; Tsui P.Tw., Li F.Cf., Pang A.Hc., Cheng W.-f. Using innovative customer relationship management technologies to explore the business opportunities of an ageing population and provide better service // *SpringerPlus*. – 2015. – No. 4 (Suppl 2). DOI: 10.1186/2193-1801-4-S2-O6.

Как видно из таблицы 2.2, использование новаций в деятельности: создание рабочих мест, учитывающих возрастные особенности, применение робототехники, инструментов автоматизации и «цифровой рабочей силы» для восполнения нехватки кадров, а также открытие новых рынков широкого спектра продуктов и услуг, связанных с потребителями пожилого возраста,¹ позволяет коммерческим организациям адаптироваться к старению населения. Такой процесс согласуется с идеей Шумпетера Й.² о «созидательном разрешении», в соответствии с которой новации инициируются предпринимателями, стремящимися внедрить новые

¹ Arensberg M.B. Population aging: opportunity for business expansion, an invitational paper presented at the Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) International Workshop on Adaptation to Population Aging Issues, July 17, 2017, Ha Noi, Viet Nam // *Journal of Health, Population and Nutrition*. – 2018. Vol. 37, Article number: 7. DOI: 10.1186/s41043-018-0138-0.

² Шумпетер Й. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 445 с.

продукты и новые технологии в целях получения прибыли, вытесняя с рынка менее эффективных предпринимателей. В процессе этого созидательного разрушения удаляются устаревшие элементы и обновляются экономические структуры. Таким образом, как справедливо отмечает Друкер П.Ф.¹, демографические изменения являются важным источником инноваций для тех, кто может признать, что ситуация меняется. В то же время необходимо отметить, что наряду со старением рабочей силы и потребителей происходит старение и самих предпринимателей. Еще в 1948 г. Соуи А.² утверждал, что в странах, страдающих от старения, дух предпринимательства и, следовательно, готовность идти на риск, постепенно атрофируются и заменяются новым чувством: стремлением к безопасности. Однако в современных исследованиях однозначных подтверждений этого тезиса нет³. Более того, как показывают результаты интервью с высокопоставленными предпринимателями в Китае, Индии и Турции⁴, предпринимательские начинания, инициированные пожилыми людьми, как правило, довольно обдуманно.

На основе интеграции теоретических положений экономики народонаселения и экономической безопасности обоснована теоретико-методологическая модель формирования и реализации политики активного долголетия. Предполагается, что защита государственных интересов и интересов пожилого населения должна быть обеспечена при сбережении и рациональном использовании человеческого капитала старших поколений. Для построения на ее основе научно обоснованного управленческого воздействия требуется идентификация государственных интересов и интересов пожилого населения, поскольку именно их удовлетворение обеспечивает не только существование государства (его институтов) и пожилого населения, но и возможности развития территории. Тем более, что новые демографические реалии вносят свои коррективы в интересы государства и населения.

---

¹ Drucker P.F. Innovation and entrepreneurship. New York: Harper, 1985. – 293 p.

² Sauvy A. Social and economic consequences of the ageing of Western European populations // Population Studies. – 1948. – No. 2(1). – P. 115-124. DOI: 10.1080/00324728.1948.1041634.

³ Ruiu G., Breschi M. The Effect of Aging on the Innovative Behavior of Entrepreneurs // Journal of the Knowledge Economy. – 2019. No. 10. – P. 1784-1807. DOI: 10.1007/s13132-019-00612-5.

⁴ Zhu Y., Collins A., Xu Z., Sardana D., Cavusgil T. Achieving aging well through senior entrepreneurship: a three-country empirical study // Small Business Economics. – 2022. No. 59. P. 665–689. DOI: 10.1007/s11187-021-00564-8.

2.3. Интерпретация политики активного долголетия для согласования государственных интересов и интересов пожилого населения в условиях старения населения¹

Под интересом понимается движущая сила деятельности субъекта, целью которой является удовлетворение его потребностей². Поскольку потребности могут быть самыми разными, существует множество теорий и классификаций потребностей. Самой известной является теория американского психолога Маслоу А., который положил в систему потребностей личности принцип иерархии. Иерархия потребностей выстроена с позиции насущности их удовлетворения. Другими словами, наиболее важные для человека потребности занимают самую высокую ступень в иерархии, а наименее важные, соответственно, низкую. Эти потребности являются универсальными, т.е. объединяют всех людей независимо от национальности, стиля жизни, привычек и др. Предложенная иерархия потребностей применима как к отдельному индивиду, так и социальным группам и обществу в целом. Но при этом все они могут иметь и свои потребности, а значит, и свои интересы. Во избежание политического кризиса и социальной напряженности интересы необходимо балансировать и согласовывать. Проблема противоречия интересов субъектов различных уровней и их согласования широко отражена в различных экономических теориях (таблица 2.3).

Таблица 2.3. Представления о проблеме согласования интересов разных уровней (общих и частных) в экономических теориях

Экономическая теория (представители)	Представления
Классическая политэкономия (Смит А., Рикардо Д.)	Согласно действию «невидимой руки», каждый человек служит интересам общества, преследуя свои собственные эгоистичные интересы

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работах автора: Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с. DOI: 10.17059/661-5; Васильева Е.В. Рейтинг субъектов РФ по уровню благосостояния населения // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – №44. – С. 14-24.

² Бойков В.Э. Интересы в социальном управлении // Социология власти. – 2006. – №2. – С. 5-17.

Экономическая теория (представители)	Представления
Марксизм (Маркс К., Энгельс Ф.)	Интересы общества в целом выше интересов отдельных классов, а интересы класса в целом выше интересов его элементов
Маржинализм (Сиджвик Г., Пигу А.)	В экономике личные интересы первичны по отношению к интересам общества. Свободная конкуренция порождает столкновения не только между общественными и частными интересами, но внутри общественного интереса: между выгодой текущего момента и интересами будущих поколений, что обеспечивает максимальный дивиденд
Институционализм (Веблен Т., Комманс Дж., Гелбрейт Дж. К.)	Государство и его институты представляют интересы общества и личности
Неоинституционализм (Коуз Р., Бьюкенен Дж., Норт Д.)	Индивид, исходя из собственного интереса, решает, членом каких коллективов ему быть выгоднее. Институты задают рамки восприятию интересов, но в то же время индивиды способны изменить институциональные рамки
Кейнсианство (Кейнс Дж.)	Жесткая политика государства подчиняет своим интересам частные интересы

Составлено по: Логинова Л.В. Сущность и основные концепции интересов субъектов хозяйствования // Вестник Поволжского института управления. – 2008. – № 3. – С. 125-132.

Создание предпосылок для реализации интересов, предупреждение конфликта между ними создают необходимость регулирования их со стороны органов государственной власти. Причем его содержание определяется в первую очередь согласованием интересов субъектов: снятием назревающие противоречий или выходом из них наименее разрушительным для экономики способом. Как следствие, эта цель может быть достигнута при помощи разных экономических подходов, отличающихся степенью участия государства и его институтов в реализации политики. Наиболее часто используется типология современных государств всеобщего благосостояния, предложенная Эспинг-Андерсеном Г.¹ в зависимости от степени их де-коммодификации и стратификации:

¹ Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. – Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1990. – 248 p.

- либеральный тип (Великобритания, США, Австралия, Новая Зеландия) характеризуется независимостью от государства, которое в основном поощряет рынок (либо пассивно, гарантируя лишь минимум льгот, либо активно, субсидируя частные формы системы социального обеспечения), в результате чего формируется высокий уровень неравенства в доходах и бедности;
- консервативный (или корпоративный) тип (Франция, Италия, Германия, Нидерланды) создает средний уровень стратификации, поскольку направлен на сохранение традиционного семейного уклада, усиленного доминированием формы социального страхования, и предполагает государственное вмешательство только тогда, когда возникают социальные риски в результате неспособности семьи заботиться о своих членах;
- социально-демократический тип (Швеция, Норвегия, Дания), при котором государство поощряет способность к индивидуальной независимости, а также в значительной степени берет на себя прямую ответственность за заботу об уязвимых слоях общества, что обеспечивает низкий уровень неравенства и бедности.

Противоречия интересов между их носителями может усугубиться под воздействием различных факторов. Согласно исследованию Римашевской Н.М. и Дискина И.Е.¹, «контуры новой социальной структуры общества задают степень адаптированности людей к новым экономическим и социальным реалиям, осознание различными группами и слоями своих интересов». В современных условиях таким фактором являются социально-экономические последствия старения населения, в этой связи выявлены два противоречия между государственными интересами и интересами пожилого населения, которые могут негативно сказаться на социально-экономическом развитии территории (рисунок 2.3).

---

¹ Римашевская Н.М., Дискин И.Е. Россия: социальная доктрина переходного периода и концепция программы действий. – М.: ИСЭПН РАН, 1996.

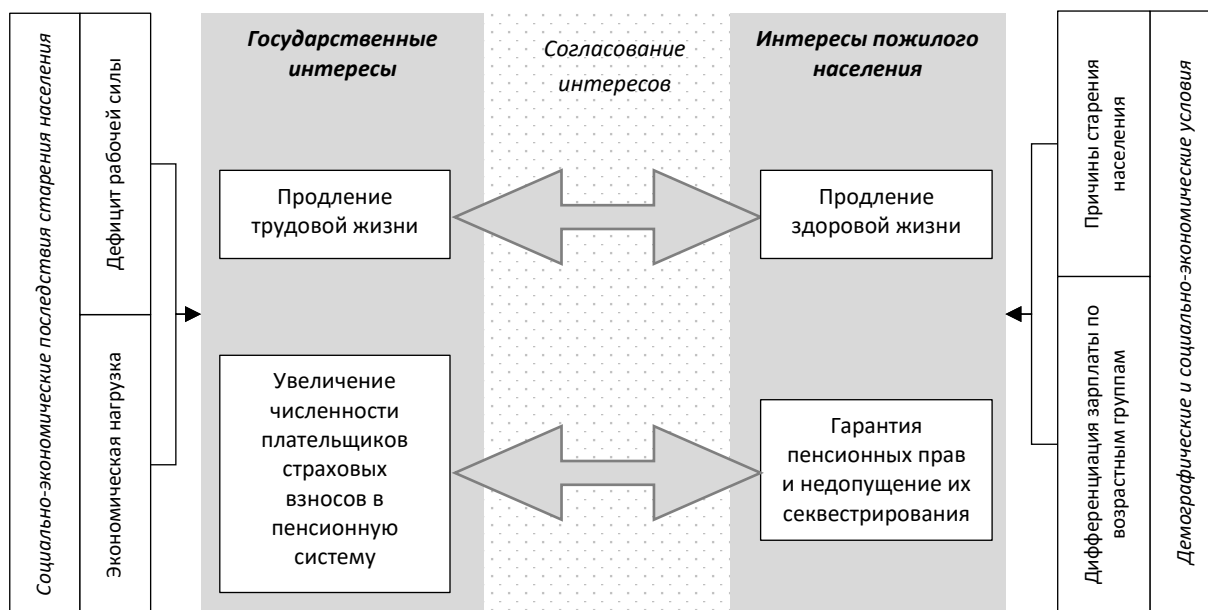

Рисунок 2.3. Противоречия между государственными интересами и интересами пожилого населения в условиях старения населения

Как видно из рисунка 2.3, в условиях старения населения точкой пересечения государственных интересов и интересов пожилого населения является сфера рынка труда:

1. **«Продление трудовой жизни vs продления здоровой жизни»:** процесс старения населения ведет к росту дефицита рабочей силы, государственная политика по восполнению которого направлена на стимулирования занятости пожилого населения. В то же время Вишневецкий А.Г., Васин С.А. и Рамонов А.В.¹ отмечает, что «в России старение происходит почти целиком за счет низкой на протяжении многих десятилетий рождаемости, а сохраняющаяся высокая смертность оказывается весомым ограничением, не позволяющим наращивать трудовой потенциал пожилого населения». Более того, неоднозначный демографический фундамент повышения пенсионного возраста, по мнению Доброхлеб В.Г. и Барсукова В.Н.², является серьезным фактором риска роста безработицы среди населения предпенсионных и

¹ Вишневецкий А.Г., Васин С.А., Рамонов А.В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. – 2012. – № 9. – С. 88–109.

² Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Старение населения в России и Китае: особенности и социально-экономические риски // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – Т. 16. № 4. – С. 36-48.

пенсионных возрастов, которые должны были пополнить ряды производительной части населения, а фактически оказываются не востребованными на рынке труда.

2. **«Увеличение численности плательщиков страховых взносов в пенсионную систему vs гарантии пенсионных прав и недопущения их секвестирования»:** рост доли пожилого населения увеличивает расходы на пенсионное обеспечение, покрытие которых предполагается достичь за счет обеспечения более благоприятного соотношения численности работающего населения и пенсионеров. Но, согласно исследовательской программе Женевской ассоциации¹, пожилые люди рассматривают продление трудовой жизни как деятельность, приносящую дополнительный доход («четвертый столб») наряду с пенсионным обеспечением, а не основной (взамен пенсионного обеспечения). Как показывают последствия принятия федерального закона² (о неиндексации пенсий работающим пенсионерам), даже незначительное сокращение размера пенсии является весомой причиной для пенсионеров покинуть формальный рынок труда³. Так, только за первый год действия закона доля работающих пенсионеров сократилась с 35,7 до 22,9%⁴. Тем более, в России сложился «нестандартный» возрастной профиль заработной платы⁵, при котором пик приходится на возрастную группу 35-39 лет⁶.

Источником устойчивого конфликта в отношениях между государством и бизнесом является противоречие их интересов. Интересы коммерческих

---

¹ The Research Programme on the Four Pillars // Geneva Association. Режим доступа:

<https://www.genevaassociation.org/research-topics/global-ageing/four-pillars-project-25-years>.

² Федеральный закон «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий» от 29.12.2015 №385-ФЗ (последняя редакция).

³ Барсуков В.Н., Шабунова А.А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. – 2018. – № 4 (96). – С. 87-103. DOI: 10.15838/ ptd.2018.4.96.6.

⁴ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа:

<https://rosstat.gov.ru/folder/13877>.

⁵ Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / отв. ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, 2-е изд. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2008. – 575 с.

⁶ Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения/ под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой и С. Рощина. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 148 с.

организаций основаны на стремлении к максимизации их полезности (прибыли)¹ и противоположны интересам государства, которые направлены на изъятие части их доходов в виде налогов и иных платежей для последующего перераспределения. На современном этапе такая форма взаимодействия, как частно-государственное партнерство, позволяет максимально учесть интересы обоих субъектов и дает положительный импульс развитию экономики и общества в целом². В таком взаимодействии государство реализует свои социальные и регулирующие функции, в то время как бизнес стремится к получению прибыли за счет возврата инвестиций, увеличения доли рынка и приобретения активов³.

Противоречия между интересами коммерческих организаций и интересами населения в системе трудовых отношений «работодатель – работник» решаются как в правовом поле, прежде всего, посредством Конституции РФ и Трудового кодекса РФ, так и рыночным механизмом регулирования оплаты труда. **Однако увеличение доли пожилого населения не ведет к возникновению иных противоречий интересов коммерческих организаций с интересами других субъектов.** Более того, изменения в возрастной структуре населения формируют потребность организаций как работодателей в человеческом капитале пожилых людей для покрытия дефицита рабочей силы.

Примечательно, что наличие различия в определениях понятия «национальные интересы», представленных в стратегиях национальной безопасности и экономической безопасности, показывает возможные противоречия между интересами субъектов в экономической сфере (таблица 2.4). Если в Стратегии национальной безопасности РФ национальные интересы рассматриваются с учетом потребностей личности, общества и государства, то в

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 16.04.2022).

² Джамолдинова Л.А. Государственно-частное партнерство как аспект организационно-экономического механизма управления // Terra Economicus. – 2010. Вып. 8, №3-3. – С. 144-148; Краснов А.Д. Государственно-частное партнерство как механизм предотвращения конфликта интересов бизнеса и власти // Креативная экономика. – 2021. – Том 15. – № 8. – С. 3195–3206. DOI: 10.18334/ce.15.8.113155; Поровская А.Я. Интересы государства и бизнеса в рамках частно-государственного партнерства // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 328. – С. 131-134.

³ Чубарова Т.В., Кислицина О.А. Государственный патернализм в здравоохранении // Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетейя, 2020. – С. 330-387.

Стратегии экономической безопасности РФ национальные интересы в экономической сфере – с учетом только потребностей страны.

Таблица 2.4. Сравнение определения понятия «национальные интересы» в стратегических документах РФ

Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»
Национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности <i>личности, общества и государства</i> в безопасности и устойчивом развитии ¹	Национальные интересы Российской Федерации <i>в экономической сфере</i> – объективно значимые экономические потребности <i>страны</i> , удовлетворение которых обеспечивает реализацию стратегических национальных приоритетов Российской Федерации;

В государственных интересах выражена взаимная зависимость народов страны, социальных групп и индивидов в использовании ресурсов, в системе разделения труда, обеспечении экономической безопасности территории и личности. Поэтому государственные интересы имеют определенный приоритет перед интересами отдельных групп и индивидов. Как отмечает Абалкин Л.И.², «акцент должен быть сделан на осознании реальности неких общих интересов, стоящих выше интересов различных классов, социальных слоев и групп». Необходимость удовлетворения государственных интересов диктует условия реализации интересов отдельных групп населения, что, в теории, должно обеспечиваться средствами управления и нормами морали, предоставляющие равные возможности личности и равную защиту ее прав, установленных Конституцией.

¹ Ранее утвержденная трактовка: национальные интересы Российской Федерации – объективно значимые потребности *личности, общества и государства* в обеспечении их защищенности и устойчивого развития (Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»).

² Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 463 с.

Для согласования противоречий интересов и моделирования взаимодействия их субъектов широко применяются концепции решений теории игр, среди них выделяются следующие типы равновесия:

- равновесие доминирующих стратегий – пересечение доминирующих стратегий (стратегия, обеспечивающая субъекту максимальную полезность вне зависимости от действий другого субъекта) обоих субъектов;
- равновесие Нэша – набор стратегий, предпринимаемых субъектами таким образом, что ни один субъект не может улучшить свой выигрыш, выбрав другую стратегию и приняв стратегический выбор всех других субъектов как фиксированный;
- равновесие по Штакельбергу – набор стратегий, при котором лидер выбирает определенную стратегию до того, как последователи примут свои решения;
- эффективность по Парето – условие, которое подразумевает, что невозможно улучшить положение одного индивида без ухудшения положения других индивидов.

Однако на практике принимаемые решения не вписываются теоретические конструкции. Таким примером является принятие решения по повышению пенсионного возраста в России с 2019 г., в результате которого баланс интересов сдвинулся в сторону текущих государственных интересов. Такие решения отчасти объясняет теория общественного выбора. Бьюкенен Дж.¹ в этой теории разоблачает миф о государстве, «у которого нет никаких иных целей, кроме заботы об общественных интересах», поскольку это решение не принимает во внимание не только интересы пожилого населения, но и государственные интересы в долгосрочной перспективе. Оно направлено на поддержание текущей ситуации и плохо продумано, как отмечают Даниелян В.А. и Полтерович В.М.², «реформаторы повторяют стандартные ошибки – пытаются копировать современные западные

---

¹ Нобелевский лауреат по экономике. Джеймс Бьюкенен / гл. ред. Р.М. Нуреев. – М.: Таурис Альфа, 1997. – 556 с.

² Даниелян В.А., Полтерович В.М. Приключения пенсионной реформы в России: где ошибки? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2019. – №2 (42). – С. 186-194.

институты, не учитывая опыта развивающихся стран и имеющиеся ресурсные, культурные и институциональные ограничения».

В условиях старения населения для согласования интересов субъектов целесообразнее рассматривать «компромиссный» варианты – равновесие Нэша, в отличие, например, от Парето-эффективного исхода или равновесия по доминированию, предполагающие вариант «лучшие сразу для всех». Равновесие Нэша – это такая ситуация, когда стратегия каждого субъекта является наилучшей реакцией на стратегии других субъектов, и ни одному субъекту невыгодно в отдельности менять свою стратегию, в итоге каждый субъект получает результат не ниже гарантированной величины. Если же субъект изменит свою оптимальную стратегию, а остальные субъекты сохранят свои оптимальные стратегии неизменными, то выигрыш у этого субъекта уменьшится.

Формирование институциональной среды в рамках концепции активного долголетия с присущими ей балансом и степенью взаимодействия формальных и неформальных норм позволит согласовать интересы субъектов в текущем и перспективном развитии. Поскольку концепция предполагает смену отношения к пожилым людям: восприятие их не как пассивных получателей социального обеспечения, а как активных участников в жизни общества¹, то равновесие Нэша достигается за счет того, что каждый субъект вовлечен в реализацию концепции. В результате субъекты не только защищают свои интересы от последствий старения населения, но и получают стимулы для своего развития.

На уровне Правительства РФ обсуждаются перспективы реализации в России концепции активного долголетия². Политики и программы, построенные на этой концепции, обладают потенциалом для решения многих проблем, связанных как со старением отдельных лиц, так и населения. Как показывают результаты исследования ученых Томского политехнического университета³, реализация

---

¹ Walker A., Maltby T. Active ageing: a strategic policy solution to demographic ageing in the European Union // International Journal of Social Welfare. – 2012. – Vol. 21(s1). – P. 117-130. DOI: 10.1111/j.1468-2397.2012.00871.x.

² Татьяна Голикова провела заседание Совета по вопросам попечительства в социальной сфере // Правительство России. Режим доступа: <http://government.ru/news/33334/>.

³ Павлова И.А., Недоспасова О.П., Барышева Г.А., Рождественская Е.М. Ресурсный потенциал старшего поколения: монография / под науч. ред. Г.А. Барышевой. – Томск: STT, 2021. – 382 с.; Павлова И.А., Недоспасова

ресурсного потенциала старшего поколения (их занятость, удовлетворенность заработной платой и выполняемыми обязанностями) важна не только для самих индивидов, но и для обеспечения потребности работодателей в рабочей силе надлежащего качества, сохранения и обеспечения отдачи от накопленного человеческого и социального капитала, поддержания конкурентоспособности национальной экономики. Другими словами, политика активного долголетия позволяет учесть интересы всех сторон, что является долгосрочной стратегической перспективой развития экономики и общества. Но в то же время для научно обоснованной политики требует проведение исследования ее возможностей и ограничений.

Противоречия между государственными интересами и интересами пожилого населения, сложившиеся в условиях старения населения, могут стать серьезным препятствием для социально-экономического развития территории, поскольку его условием выступает недопущение превалирования интересов одних субъектов над другими в процессе их удовлетворения. Безусловно, интеграция индивидов, групп населения в общество требует синхронизации их разрозненных интересов с государственными интересами в целом, в противном случае – возможно неравномерное распределение ресурсов и неэффективное их использование, что приводит к повышению амплитуды флуктуаций и потери системой устойчивости. Обязательным условием разработки государственной политики социально-экономического развития территории должно выступать недопущение превалирования интересов одних субъектов над другими в процессе их удовлетворения. В качестве ответной реакции на вызовы, вызванные ростом доли пожилого населения, на международном, национальном, региональном, местном и индивидуальном уровнях предпринимаются попытки выработать концепции в области старения населения. Для научного обоснования инструмента социально-экономической адаптации экономики и общества к старению населения требуется систематизация этих концепций.

2.4. Сущность и принципы политики активного долголетия¹

Как отмечают Будини К. и Мортельманс Д.², «в 1990-х гг. в условиях меняющегося демографического ландшафта произошла смена взглядов на проблемы старения населения, что привело к смещению акцента с социальной защиты пожилого населения на их активное вовлечение в жизнь общества, более полному использованию их потенциала». Впервые идея активного долголетия стала заметной в 2002 г., когда была опубликована книга «*Active aging: a policy framework*», которая стала значимым вкладом ВОЗ во Вторую Всемирную ассамблею ООН по проблемам старения. Ранее тема старения населения обсуждалась только в негативном контексте, выражая озабоченность по поводу социальной защиты и в целом рассматривая пожилых людей как «экономическую нагрузку». Концепция же активного долголетия подчеркивает возможности социальных инвестиций, исходя из того, что затраты на активное долголетие обходятся дешевле, чем пассивное управление пожилыми людьми, когда они зависят от государства или семьи.

Дословный перевод термина *Active ageing / aging* – «активное старение», в странах СНГ практически не используется, поскольку с точки зрения семантики имеет негативную коннотацию (ускоренное, быстрое старение)³. Характеризуя понятие «долголетие» как социально-экономическую категорию, в методологическом смысле важно выделить его особенности в сравнении с понятием «старение» (таблица 2.5). С учетом отмеченных особенностей в диссертационном исследовании используется термин «долголетие» (а не дословный перевод – старение). Дилемма, связанная с переводом понятий концепции с английского языка, характерна не только в русскоговорящих странах. Например, в отчете Министерства труда и социальной политики Республики

---

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работе автора: Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с. DOI: 10.17059/661-5.

² Boudiny K., Mortelmans D. A critical perspective: Towards a broader understanding of «active ageing» // *Electronic Journal of Applied Psychology*. – 2011. – No. 7. – P. 8-14.

³ Голубева Е.Ю. Современные направления научно-практических исследований в области политики активного и здорового долголетия: опыт и перспективы // *Успехи геронтологии*. – 2015. – Т. 28. – № 4. – С. 634-638; Sidorenko A., Zaidi A. Active ageing in CIS countries: semantics, challenges, and responses // *Current Gerontology and Geriatrics Research*. – 2013. – Vol. 2013. – Article ID 261819. DOI: 10.1155/2013/261819.

Польша¹ концепция переведена как «активность пожилых людей», что сужает ее значение.

Таблица 2.5. Методологическое содержание понятий «старение» и «долголетие»

Критерий сравнения	Методологическое содержание понятия «старение»	Методологическое содержание понятия «долголетие»
Фактор	Старение – это <i>закономерно</i> возникающие в процессе развития возрастные изменения	Долголетие носит <i>детерминированный характер</i> и обусловлено факторами здоровья населения: образ жизни, генетика, состояние здравоохранения и окружающей среды
Влияние	Старение приводит к постепенно нарастающему <i>снижению способностей</i> организма <i>противостоять</i> воздействию окружающей среды	В основе долголетия лежит значительная выраженность <i>приспособительных механизмов</i>
Последствия	Старение является <i>разрушительным процессом</i> организма, приводящим к увеличению вероятности его смерти	Долголетие связано с прогрессом цивилизации и <i>проявляется в длительной жизни населения</i> , превышающей среднюю ее продолжительность

Составлено по: Эченике В.Х. Долголетие // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). Режим доступа: <https://bigenc.ru/economics/text/1963849>; Хохлов А.Н. Старение // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). Режим доступа: <https://bigenc.ru/biology/text/4163213>; Luo L., Qin ZH. Autophagy, Aging, and Longevity // Autophagy: Biology and Diseases. Advances in Experimental Medicine and Biology / Qin ZH. (eds). Vol. 1206. – Springer, Singapore, 2019. – P. 509-525. DOI: 10.1007/978-981-15-0602-4_24; Демографический энциклопедический словарь/ гл. ред. Д. И. Валентей. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 608 с.; Прохоров Б.Б. Экология человека. Терминологический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 476 с.

Концепция активного долголетия получила широкое распространение в научных исследованиях и практике². Однако до сих пор не сложилось ясности в интерпретации «активного долголетия» (приложение Б), Будини К.³ объясняет это тем, что понятие «активное долголетие» часто используется взаимозаменяемо со

¹ Klimczuk A. Polityka publiczna wobec starzenia się ludności. Przegląd pojęć i podejść teoretycznych [Public Policy on Ageing: A Review of the Concepts and Theoretical Approaches] // MPRA. – 2018. No. 4(20). – Paper 103623. P. 67-94.

² Walker A. Active ageing in employment: its meaning and potential // Asia-Pacific Review. – 2006. – Vol. 13. No. 1. – P. 78-93.

³ Boudiny K. ‘Active ageing’: From empty rhetoric to effective policy tool // Ageing and Society. – 2013. – No. 33(6). – P. 1077-1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X.

слегка расходящимися понятиями (здоровое старение и продуктивное старение)¹, которые, в свою очередь, по-разному характеризуются различными авторами.

Представленные в научной литературе и стратегических документах, определения активного долголетия сформулированы в рамках двух основных подходов: комплексного и экономического. Комплексный (или всеобъемлющий) подход более широко трактует активное долголетие, подчеркивая важность связи между активностью и здоровьем. Он направлен на обоснование более инклюзивной политики по трем основным направлениям:

1. «Участие – всестороннее участие в социально-экономической, культурной и духовной деятельности в соответствии с основными правами человека, возможностями, потребностями и предпочтениями, чтобы продолжать вносить продуктивный вклад в общество как в оплачиваемой, так и в неоплачиваемой деятельности по мере их старения.
2. Здоровье – сохранения физического и психического здоровья и доступ ко всему спектру медицинских и социальных услуг, которые учитывают потребности и права женщин и мужчин по мере их старения.
3. Безопасность – удовлетворение социальных, финансовых и физических потребностей и прав людей по мере их старения, пожилым людям обеспечивается защита, достоинство и забота в том случае, если они больше не в состоянии поддерживать и защищать себя»².

В политической же повестке доминирует экономический подход к интерпретации активного долголетия³, суть которого заключается в тезисе «жить дольше, работать дольше»⁴. Более узкое толкование базируется на опасениях по поводу потенциальных последствий старения населения. Идея этого подхода заключается в частичном снятии усиливающейся

---

¹ Ranzijn R. Active ageing – another way to oppress marginalized and disadvantaged elders? Aboriginal elders as a case study // Journal of Health Psychology. – 2010. – No. 15(5). – P. 716-723.

² Active ageing: a policy framework. – Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2002. – 60 p. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215>.

³ Walker A., Maltby T. Active ageing: a strategic policy solution to demographic ageing in the European Union // International Journal of Social Welfare. – 2012. – Vol. 21(s1). – P. 117-130. DOI: 10.1111/j.1468-2397.2012.00871.x.

⁴ Live longer, Work longer // OECD. Режим доступа: <https://www.oecd.org/employment/livelongerworklonger.htm>.

экономической нагрузки с государства такими неолиберальными мерами, как продление трудовой жизни – и, следовательно, здоровья – в пожилом возрасте.

Эти два подхода к интерпретации активного долголетия являются совместимыми и не противоречат друг другу. Они имеют сходные компоненты, но делают на них разные акценты, тем самым охватывая разные группы населения. Комплексный подход направлен на реализацию потенциала людей в различных сферах жизни общества (социальной, экономической, культурной, духовной и гражданской) по мере их старения (вне зависимости от их физического, социального и психического благополучия). **В экономическом подходе акцент сделан на трудовую активность пожилых людей, способных оставаться ответственными за свою собственную жизнь и вносить свой вклад в экономику и общество.** Такой акцент в политических программах, способствующих развитию активного долголетия с точки зрения расширения участия пожилых людей в жизни общества, с одной стороны, снижает растущие государственные расходы, с другой стороны, обеспечивает адекватное качество жизни пожилых людей, признавая и используя их навыки и опыт. Это обосновано тем, что трудовая активность выделяется среди прочих компонентов активного долголетия, поскольку обеспечивает пожилому человеку самостоятельный доход¹ как ключевой элемент его здоровой, безопасной и независимой жизни. Согласно исследовательской программе Женевской ассоциации², продление трудовой жизни приносит пожилым людям дополнительный доход («четвертый столб») наряду с государственными, профессиональными пенсиями и личными сбережениями (активами). Кроме того, в Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения³ стимулирование их занятости рассмотрено с позиции защиты интересов экономики страны.

---

¹ Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3. – № 4. – С. 27-46.

² The Research Programme on the Four Pillars // Geneva Association. Режим доступа: <https://www.genevaassociation.org/research-topics/global-ageing/four-pillars-project-25-years>.

³ Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. №164-р «О Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г.»

Основываясь на экономическом подходе, в рамках диссертационного исследования концепция активного долголетия рассмотрена как инструмент политики адаптации экономики и общества к старению населения. На рисунке 2.6 представлена схема включения концепции в политическую основу. Как видно из этой схемы, старение населения может стать угрозой экономической безопасности, ответной реакцией на которую является реализация политики активного долголетия. В теории, с одной стороны, такой инструмент может составить основу для защиты и согласования государственных интересов от демографической угрозы за счет снижения экономической нагрузки и привлечения дополнительных трудовых ресурсов на рынок труда. С другой стороны, реализация потенциала пожилых людей повысит их качество жизни за счет самореализации, сохранения социальных связей, улучшения самочувствия и повышения доходов, что позволит защитить их интересы.

Рисунок 2.6. Схема внедрения концепции активного долголетия в политическую основу

Однако на практике в регионах России существуют демографические и социально-экономические ограничения реализации отдельных направлений концепции активного долголетия, поскольку изначально ее положения ориентированы на страны Западной Европы, которые значительно отличаются в характеристиках рынка труда, пенсионной системы, человеческого капитала. Такое направление активного долголетия, как социальная активность, соответствует западноевропейской модели старения и отношениям между поколениями, предполагающим слабые семейные связи, широкое распространение нуклеарных семей и активную общественную деятельность. В России, особенно в отдельные ее регионах, преобладают традиционные семейные отношения с взаимоподдержкой их членов. Так, согласно результатам Комплексного наблюдения условий жизни населения¹, в 2020 г. обычная деятельность 25,6% респондентов старше трудоспособного возраста включает только ежедневные занятия по уходу за детьми (своими или чужими) без оплаты. Кроме того, необходимо учесть, что выявленные в России противоречия между государственными интересами и интересами пожилого населения находятся в сфере рынка труда. **Поэтому при формировании политики активного долголетия обосновано сделан акцент именно на трудовую активность, но при учете остальных направлений.**

Термин «политика активного долголетия» широко используется исследователями и политиками, однако, общепринятого его определения до сих пор не выработано. В зарубежной научной и правовой литературе этот термин (active-ageing policy, policy of active ageing) обозначает стратегию, политический курс, определенную линию деятельности и является частью политики в области старения населения (policy on ageing, ageing policy)²³, направленной на решение социальных, политических и экономических проблем в стареющих обществах.

---

¹ Комплексное наблюдение условий жизни населения. 2020 // Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/GKS_KOUZH-2020/index.html.

² Casaca Soares C., Correia Jesuino J. Madrid International Plan of Action on Ageing // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Gu, D., Dupre, M.E. (eds). – Springer, Cham, 2021. – P. 3025-3032. DOI: 10.1007/978-3-030-22009-9_237.

³ Snick A. Aging Policy Ideas // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Gu, D., Dupre, M.E. (eds). – Springer, Cham, 2021. – P. 347-353. DOI: 10.1007/978-3-030-22009-9_214.

В докладе ВШЭ¹ политика активного долголетия трактуется как целостная система принципов, задач и мер, направленная на повышение качества жизни граждан старшего поколения благодаря расширению возможностей для физического, социального, экономического и психологического благополучия на протяжении всей жизни. Такая трактовка значительно сужает и искажает сущность политики активного долголетия по двум причинам. Во-первых, как отмечают Татаркин А.И. и Романова О.А.², ошибочно отождествлять политику с механизмом ее реализации – системой принципов, задач и мер. Базируясь на системной парадигме Корнаи Я.³, корректнее рассматривать политику как систему отношений между ее субъектами (государственными и муниципальными органами власти, хозяйствующими субъектами, научными и общественными организациями). Политика является тем пространством, где согласовываются возникающие противоречия между субъектами, выражающими интересы различных слоев и групп общества и государства.

Во-вторых, согласно Конвенции №117 МОТ «Об основных целях и нормах социальной политики»⁴, всякая политика должна прежде всего направляться на достижение благосостояния и развития населения, а также на поощрение его стремления к социальному прогрессу, поэтому «повышение качества жизни» и «расширение возможностей для благополучия» не являются исключительными целями и направлениями, характеризующими политику активного долголетия. Поскольку понимание целевых ориентиров служит организующим началом любой политики, то важно обеспечить четкое ее целеполагание. Как указано в концепции активного долголетия, ключевой целью как самого населения, так и политиков является сохранение автономии и независимости по мере старения⁵:

---

¹ Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с.

² Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика и механизм ее реализации: системный подход // Экономика региона. – 2007. – № 3. – С. 19-31.

³ Корнаи Я. Системная парадигма // Вопросы экономики. – 2002. – № 4. – С. 4-22.

⁴ Конвенция №117 Международной организации труда «Об основных целях и нормах социальной политики» (Женева, 22.06.1962).

⁵ Active ageing: a policy framework. – Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2002. – 60 p. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215>.

- автономия – способность человека к самоуправлению, т.е. контролировать, справляться и принимать личные решения в соответствии со своими собственными предпочтениями;
- независимость – способность человека жить без зависимости или с небольшой помощью со стороны других.

Для раскрытия сущности политики активного долголетия в диссертации предлагается учесть рассмотренные подходы к ее трактовке и включить в ее определение три аспекта:

- политика – система отношений между ее субъектами, которые стремятся реализовать свои интересы;
- политика активного долголетия – часть политики в области старения населения, направленная на адаптацию экономики и общества к ее последствиям;
- основа политики активного долголетия – концепция активного долголетия.

Таким образом, в диссертации под *политикой активного долголетия* понимается система отношений по согласованию интересов ее субъектов и их защите от угроз, вызванных социально-экономическими последствиями старения населения, нацеленная на расширение возможностей и сокращение ограничений для автономной и независимой жизни населения по мере его старения.

Политика активного долголетия, обладая своими целями и средствами ее достижения, является лишь одним из направлений политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, которое имеет определенные точки соприкосновения с другими ее направлениями (рисунок 2.7). В зависимости от объектов управления принято выделять четыре основные политики: экономическую, социальную, культурную и в области национальной безопасности, которые в свою очередь подразделяются на более узкие направления политики (на рисунке 2.7 представлен неисчерпывающий их перечень). Причем Григорьева И.А.¹ отмечает тенденцию к дроблению этих направлений, например, из семейной политики выделяется детская политика. Всего, с учетом

---

¹ Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – №1 (1). – С. 29-44.

продолжающегося дробления, Родачин В.М.¹ в документах и научной литературе насчитал свыше 50 видов государственной политики, осуществляющих конкретное предметное регулирование.

Рисунок 2.7. Соотношение «политики активного долголетия» с «политикой социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности»

В зависимости от масштабов и уровня осуществления политики активного долголетия в диссертации предлагается выделять мега- (международная политика), макро- (политика на федеральном уровне), мезо- (политика на региональном и муниципальных уровнях, политика объединений) и микроуровни (политика отдельных субъектов, социальных групп, бизнес-структур).

Для формирования и реализации политики активного долголетия необходимы основные положения и руководящие установки, которые нужно обязательно выполнять для достижения ее цели, т.е. принципы. Изначально

¹ Родачин В.М. Феномен государственной политики: сущность и виды // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета – 2021. – №11 (6). – С. 46-53. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-46-53

концепция активного долголетия основана на принципах ООН в отношении пожилых людей¹, заключающиеся в их независимости, участии, заботе, самореализации и достоинстве. В настоящее время существует два подхода к их уточнению (приложение В): первый – принципы построения политики и стратегии активного долголетия, и второй – принципы к содержанию мер политики. Поскольку, по сути, второй подход сводится к перечислению задач и мер политики активного долголетия, то в диссертации предложено развивать первый подход, в рамках которого Уокер А.² предложил наиболее распространенный перечень принципов активного долголетия. Если такие принципы, как «превентивности» и «солидарности поколений» не вызывают сомнений, то остальные предложенные им принципы требуют уточнений или являются излишними. Во-первых, дублируется содержание «Участия» – одного из направлений (pillar) активного долголетия, и акцентируется внимание на том, что оно должно включать оплачиваемую и неоплачиваемую деятельность.

Во-вторых, политика активного долголетия отождествляется с политикой в отношении пожилого населения, закладывая ложные представления о «гомогенности» пожилых людей. Исследования³ показывают, что пожилые люди не являются однородной группой, поэтому предлагаемый идеал активного человека может не соответствовать их собственным представлениям о старости. Более того, как показали исследования⁴, люди могут считать свою старость «хорошей», несмотря даже на отсутствие своей автономии и независимости, которые являются целью активного долголетия. Политика активного долголетия,

---

¹ Principles for older persons // United Nations. Department of Economic and Social Affairs Social Inclusion. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/ageing/resources/international-year-of-older-persons-1999/principles.html>.

² Walker A. A strategy for active ageing // International Social Security Review. – 2002. – No. 55(1). – P. 121-139. DOI: 10.1111/1468-246x.00118.

³ Marshall B.L. Anti-Ageing and Identities // Routledge Handbook of Cultural Gerontology / ed. by J. Twigg and W. Martin. – London: Routledge, 2015. – P. 210-217; Ouwehand C., de Ridder D. T.D., Bensing J.M. A review of successful aging models: Proposing proactive coping as an important additional strategy // Clinical Psychology Review. – 2007. – No. 27(8). – P. 873-884. DOI: 10.1016/j.cpr.2006.11.003; Townsend J., Godfrey M., Denby T. Heroines, villains and victims: older people's perceptions of others // Ageing & Society. – 2006. Vol. 26, no. 6. – P. 883-900.

⁴ Paul C., Ribeiro O., Teixeira L. Active Ageing: An Empirical Approach to the WHO Model // Current Gerontology and Geriatrics Research. – 2012. – Vol. 2012, article ID 382972. – 10 p. DOI: 10.1155/2012/382972; Romo R.D., Wallhagen M.I., Yourman L., Yeung C.C., Eng C., Micco, G., Pérez-Stable E.J., Smith A.K. Perceptions of Successful Aging Among Diverse Elders With Late-Life Disability // The Gerontologist. – 2012. – No. 53(6). – P. 939-949. DOI: 10.1093/geront/gns160.

особенно в России, где процесс старения населения не является «глубоким» (см. параграф 1.3), не должна поддерживать иллюзию о «нестареющем обществе», в котором «старость» становится «вторым средним возрастом». Ученые¹ подчеркивают, что пренебрежение неизбежными физическими и биологическими изменениями изображает неполную картину процесса старения населения. Реализация политики активного долголетия не предполагает отказ от традиционных задач, направленных на поддержку наименее защищенных групп населения, поэтому она должна быть встроена в государственную политику.

В-третьих, принцип «баланса прав и обязательств» предлагается уточнить, расширив поле ответственности, когда сами пожилые люди обязуются не только «пользоваться возможностями образования и профессиональной подготовки», но и повышать весь свой человеческий капитал, а также использовать его на благо общества.

В-четвертых, использование нисходящего и восходящего («top-down» и «bottom-up») подходов выработки и реализации политических инициатив является универсальным принципом социально-экономической политики. Как справедливо отмечает Григорьева И.А.², задачи развития человека могут быть решены только через активное участие людей во взаимодействиях государства, экономики и гражданского общества и должны рассматриваться, как критерии эффективности социальной политики, реализующей национальные и общечеловеческие интересы, а не приоритеты социальных ведомств или отдельных групп. Поскольку политика активного долголетия является частью государственной политики, то она должно основываться на ее принципах³.

---

¹ Moody H.R., Sasser J.R. Aging: Concepts & controversies 7th Ed. – Los Angeles, London, New Delhi, Singapore & Washington, DC: Sage Publications, 2012. – 576 p.; Baars J. Concepts of Time in Age and Aging // The Palgrave Handbook of the Philosophy of Aging / ed. by Geoffrey Scarre. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – P. 69-86; Liang J., Luo B. Toward a discourse shift in social gerontology: From successful aging to harmonious aging // Journal of Aging Studies. – 2012. – No. 26(3). – P. 327-334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001; Andrews M. The seductiveness of agelessness // Ageing & Society. – 1999. – No. 19. – P. 301-318.

² Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – №1 (1). – С. 29-44.

³ Указ Президента РФ от 19.12.2012 №1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

В-пятых, принцип «уважения национального и культурного разнообразия» предлагается уточнить, дополнив его учетом демографических и социально-экономических особенностей территорий различного уровня (федерального, регионального и местного), поскольку они могут не только снизить эффективность политики активного долголетия, но и ухудшить социально-экономическое положение населения, в т.ч. пожилого, и экономики.

В рамках первого же подхода сформулированы принципы концепции политики активного долголетия, представленные в докладе ВШЭ¹. Они построены исключительно на реализации прав пожилого населения.

Таким образом, в диссертации обоснована необходимость соблюдения следующих **принципов** формирования и реализации политики активного долголетия:

1. **Принцип «Баланса прав и обязательств пожилого населения»** – политика активного долголетия предполагает, что права должны сопровождаться обязательствами самих пожилых граждан использовать и повышать их человеческих капитал для того, чтобы как можно дольше оставаться активными членами общества.
2. **Принцип «Превентивности»** – политика активного долголетия является системой превентивных действий, направленных на все возрастные группы населения для предотвращения ухудшения здоровья, благополучия и социальной изоляции по мере их старения.
3. **Принцип «Встроенности»** – политика активного долголетия должна находиться в рамках государственной политики социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности России и ее регионов, дополняя ее своими приоритетами, но не заменяя государственную политику в отношении пожилого населения.

---

¹ Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с.

4. **Принцип «Солидарности поколений»** – политика активного долголетия должна обеспечить справедливость во взаимоотношениях между поколениями и формирование позитивного имиджа «пожилого человека» и отношения к нему.

5. **Принцип «Учета особенностей территории»** – политика активного долголетия должна учитывать демографические и социально-экономические особенности развития территории.

Базой для обоснования формирования и реализации политики активного долголетия в условиях старения населения может стать разработанная диссертантом архитектура (рисунок 2.7).

В соответствии с представленной архитектурой исследование включает:

- оценку старения населения региона, направленную на анализ механизма старения населения по показателям возрастной структуры населения и параметрам воспроизводства населения, для учета демографических условий;
- моделирование последствий повышения трудовой активности пожилого населения (а именно оценка эффектов привлечения на рынок труда пожилого населения и установление причинно-следственной связи между их занятостью и состоянием здоровья) для определения возможностей согласования государственных интересов и интересов пожилого населения в сфере рынка труда;
- мониторинг системы мер в области старения населения для выявления лучших практик реализации политики активного долголетия.

Полученные результаты исследования позволят обосновать инструмент, направленный на моделирование, своевременное выявление, предотвращение и нейтрализацию угроз, вызванных социально-экономическими последствиями старения населения.

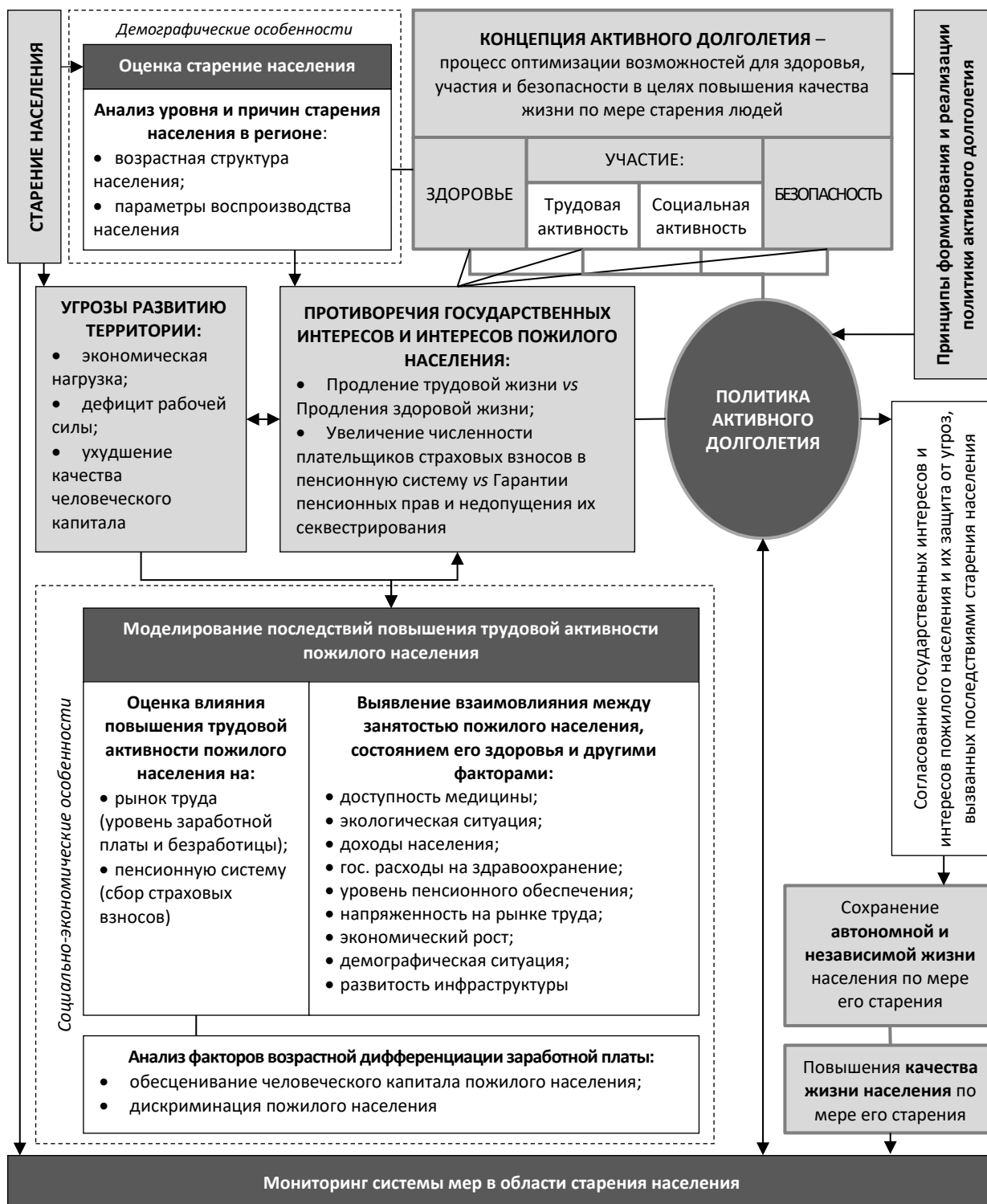

Рисунок 2.7. Архитектоника обоснования формирования и реализации политики активного долголетия в условиях старения населения

Таким образом, предложенная архитектура обоснования формирования и реализации политики активного долголетия направлена не просто выявление,

предупреждение и нейтрализацию угроз, но и на согласованную защиту государственных интересов и интересов пожилого населения. Поэтому инструмент государственного управления, построенный на основе концепции активного долголетия, должен быть научно обоснован и учитывать сложившиеся на территории демографические и социально-экономические возможности и ограничений. На основе представленной архитектоники предложены пошаговый подход к оценке старения населения, методические инструментарию оценки последствий повышения трудовой активности пожилого населения и индекс активного долголетия на региональном уровне.

ГЛАВА 3. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА¹

3.1. Инструменты измерения масштаба старения населения

Исходя из определения самого понятия, наиболее очевидное измерение старения населения является удельный вес пожилых людей в общей численности населения территории:

$$k_x = \frac{P_{x+}}{P} \cdot 100$$

где k_x – коэффициент старения населения;

x – возраст (граница) начала старости, лет;

P_{x+} – численность лиц в возрасте x лет и старше, чел.;

P – общая численность населения, чел.

Однако здесь встает дискуссионный вопрос, какой возраст (x) считать началом старости. В параграфе 1.2 представлено несколько периодизаций, большинство из которых имеют схожие возрастные границы и название периодов. Как правило, за такую возрастную границу принимают 60 или 65 лет, примерно равную возрасту выхода на пенсию в большинстве развитых стран. Интерпретируют значения коэффициента старения населения с помощью различных шкал (шкала Ж. Боже-Гарнье – Э. Россетом, шкала ООН). Сопоставление этих двух шкал представлено в таблице 3.1. Эти шкалы разработаны еще в середине прошлого века, при относительно молодых возрастных структурах населения развитых стран. С тех пор существенно поменялось поведение пожилых людей и соответственно отношение к ним и их потенциалу. В 1970-х гг. получила распространение идея нового жизненного этапа – так называемого «третьего

---

¹ Основные научные результаты данной главы частично изложены в работах автора: Васильева Е.В. Региональная оценка старения населения России // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19, № 1. С. 139-168. DOI: 10.24891/re.19.1.139; Черешнев В.А., Васильева (Чистова) Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16, № 12. – С. 2206-2223. DOI: 10.24891/ea.16.12.2206; Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с. DOI: 10.17059/661-5.

возраста», открывающая новые возможности для самореализации личности после выхода на пенсию¹. Во Франции в 1974 г. возникли Университеты третьего возраста – международная система образовательных учреждений, программ и курсов для пожилых людей².

Таблица 3.1. Сопоставление шкал демографического старения

Шкала демографического старения Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета		Шкала демографического старения ООН	
Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Шкала старения	Доля лиц в возрасте 65 лет и старше, %	Шкала старения
менее 8	Демографическая молодость	менее 4	Молодое население
8-10	Первое преддверие старости	4-7	Население на пороге старости
10-12	Собственно преддверие старости		
более 12	Демографическая старость	более 7	Старое население
12-14	Начальный уровень демографической старости		
14-16	Средний уровень демографической старости		
16-18	Высокий уровень демографической старости		
более 18	Очень высокий уровень демографической старости		

Ссылаясь на то, что сегодняшние 60-летние значительно отличаются от своих родителей в том же возрасте и не имеют абсолютно ничего общего со своими бабушкой и дедушкой в том же возрасте, д'Альбис И. и Коллард Ф.³ предложили подход к измерению возраста начала старости, который меняется с течением времени. Подход опирается на оптимальные методы группировки для определения различных возрастных групп в пределах популяции. Для этого используется оптимальное правило группировки, заключающееся в выборе возраста отсечения для групп таким образом, чтобы возрастные различия были минимальными внутри

¹ Phillipson C. The Political Economy of Longevity: Developing New Forms of Solidarity for Later Life // The Sociological Quarterly. – 2015. – Vol. 56. – P. 80-100. DOI: 10.1111/tsq.12082.

² Formosa M. Four Decades of Universities of the Third Age: Past, Present and Future // Ageing a society. – 2014. – Vol. 34, iss. 1. – P. 42-66.

³ d'Albis H., Collard F. Age Groups and the Measure of Population Aging // Demographic Research. – 2013. – Vol. 29, article 23. – P. 617-640. DOI: 10.4054/DemRes.2013.29.23Research.

каждой группы и максимальными между группами. Расчеты для США показали, что возраст вступления в старость в 1933 г. был 48,7 лет, а в 2005 г. уже вырос до 57,6 лет. Аналогическая ситуация получена в большинстве промышленно развитых стран, при этом доля пожилых людей в общей численности населения оставалась стабильной в течение длительного времени и не проявляла ярко выраженного восходящего тренда. Этот подход был развит Пароли Р., Консонни Дж. и Розина А.¹ для измерения старения населения в разных режимах социального обеспечения (социал-демократического, консервативного, либерального и южноевропейского) на основе построения байесовской иерархической динамической модели.

Идея о том, что возраст старости меняется со временем, характерна и для перспективного подхода², согласно которому граница старости определяется не числом прожитых от рождения лет, а числом лет предстоящей продолжительности жизни. На основе перспективного подхода Луц У., Сандерсон У. и Щербов С.³ разработали систему показателей старения населения, основанную на данном подходе. В таблице 3.2 представлено ее соответствие со системой традиционных показателей старения.

Таблица 3.2. Соответствие традиционных и перспективных показателей демографического старения

Традиционные показатели	Перспективные показатели
Медианный возраст (<i>Median age</i>) – возраст, в котором половина населения страны моложе среднего возраста, а половина старше	Перспективный медианный возраст (<i>Prospective median age</i>) – возраст, в котором ожидаемая продолжительность жизни такая же, как в определенном возрасте в базовом году
Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет (<i>Life expectancy at age 65</i>) – среднее число лет, которое проживут люди, дожившие до 65 лет	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (<i>Remaining life expectancies, RLE 15</i>) – возраст, в котором ожидаемая продолжительность предстоящей жизни составляет 15 лет

¹ Paroli R., Consonni G., Rosina A. The Measure of Population Aging in Different Welfare Regimes: A Bayesian Dynamic Modeling Approach // *European Journal of Population*. – 2019. – Vol. 36(373). DOI: 10.1007/s10680-019-09531-2.

² Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age // *Nature*. – 2005. – Vol. 435., No. 7043. – P. 811–813. DOI: 10.1038/nature03593.; Demuru E., Egidi V. Adjusting Prospective Old-age Thresholds by Health Status: Empirical Findings and Implications. A Case Study of Italy // *Vienna Yearbook of Population Research*. – 2016. – Vol. 14. – P. 131–154.

³ Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The coming acceleration of global population ageing // *Nature*. – 2008. – Vol. 451(7179). – P. 716-719. DOI:10.1038/nature06516.

Традиционные показатели	Перспективные показатели
Доля пожилых людей в общей численности населения (<i>Proportion of elderly in the population, Prop. 65+</i>) – доля населения в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения	Перспективная доля пожилых людей в общей численности населения (<i>Prospective proportion of elderly in the population, Prop. RLE 15-</i>) - доля населения в возрастных группах, где ожидаемая продолжительность предстоящей жизни составляет 15 лет или менее, в общей численности населения
Коэффициент демографической нагрузки пожилыми (<i>Conventional Old-Age Dependency Ratio</i>) – отношение численности населения в возрасте 65 лет и старше к численности населения в возрасте от 20 до 64 лет	Перспективный коэффициент демографической нагрузки пожилыми (<i>Prospective Old-Age Dependency Ratio</i>) – отношение численности населения, достигших порогового уровня старости, к численности населения в возрасте от 20 лет до порогового уровня старости

Составлено по: Sanderson W., Scherbov S. Rethinking Age and Aging // Population Bulletin. – 2008. – Vol. 63, no. 4. – 20 p.; Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The coming acceleration of global population ageing // Nature. – 2008. – Vol. 451(7179). – P. 716-719. DOI:10.1038/nature06516.

Как справедливо отмечает Шовен Дж.Б.¹, оценка демографического старения с помощью различных мер не похожа на выбор между измерением температуры по шкале Фаренгейта или Цельсия. Поскольку связь между двумя показателями температуры является линейной и постоянной во времени, то не имеет значения, какую шкалу использовать. Однако взаимосвязи между различными способами измерения возраста человека меняются с течением времени, перспективный подход предлагает новые контуры демографического старения.

Также уровень старения населения определяют на основе анализа возрастной структуры населения. Еще в 1894 г. Сундберг А. предложил выделять прогрессивный, стационарный и регрессивный типы возрастной структуры населения на основе возрастных пропорций. В зависимости от типа возрастной структуры численность населения увеличивается, сокращается либо остается стабильной. Позднее Бургдерфер Ф. развил эту классификацию и предложил ее графическое изображение.

¹ Shoven J.B. New Age Thinking: Alternative Ways of Measuring Age, Their Relationship to Labor Force Participation, Government Policies and GDP // Research Findings in the Economics of Aging / Ed. by Wise D.A. – National Bureau of Economic Research, 2010. – P. 17-31.

Однако на формирование возрастной структуры населения существенное влияние оказывают экзогенные факторы (такие, как войны, стихийные бедствия), которые надолго приводят к деформации возрастной пирамиды в результате убыли населения молодых возрастов, резкому снижению рождаемости и миграции. Такого рода исторические изменения в возрастной структуре населения были учтены сербским ученым Пеневым Г. в предложенных им стадиях демографического старения (таблица 3.3). На основе значений пяти индикаторов каждая популяция может быть отнесена к одной из семи стадий: от ранней демографической молодости (первой стадии) до глубочайшей демографической старости (седьмая стадия).

Таблица 3.3. Стадии демографического старения по Г. Пеневу

Стадии старения	Индикаторы демографического старения населения				
	Средний возраст населения, лет	Доля лиц в возрасте 20 лет и моложе, %	Доля лиц в возрасте 40 лет и моложе, %	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Индекс старения
Ранняя молодость	менее 20	более 58	более 85	менее 4	менее 0,07
Молодость	20-25	50-58	75-85	4-7	0,07-0,14
Зрелость	25-30	40-50	65-75	7-11	0,14-0,28
Порог старости	30-35	30-40	58-65	11-15	0,28-0,50
Старость	35-40	24-30	52-58	15-20	0,50-0,83
Глубокая старость	40-43	20-24	45-52	20-25	0,83-1,25
Очень глубокая старость	более 43	менее 20	менее 45	более 25	более 1,25

Источник: Penev G. Population of FR Yugoslavia by Age and Sex // Yugoslav Survey. – 1994. – № 35(2). – P. 3-30;

Penev G. Population and households in FR Yugoslavia according to census in 1991. – Belgrade: Center of Demographic Research, University of Belgrade, 1995; Пенев Г. Становништво по старости и полу // Становништво и домаћинства СР Југославије према Попису 1991 / Уредник С. Радовановић. – Београд: Савезни завод за статистику и Центар за демографска истраживања ИДН, 1995. P. 155-178.

Примечание: средний возраст населения – сумма произведений значений возраста на численность населения в этом возрасте; индекс старости – отношение числа пожилых к числу детей в возрасте до 15 лет.

С помощью кластерного анализа Доброхлеб В.Г. и Кондакова Н.А.¹ предложили подход к типологизации регионов России по уровню

¹ Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А. Типологизация и социально-экономические аспекты формирования демографического старения населения регионов России // Проблемы развития территории. – 2022. – Т. 26., № 4. – С. 98-110. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.7.

демографического старения населения по трем параметрам: доля населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения, ожидаемая продолжительность жизни и глубина старения (доля лиц старше 75 лет в общей численности пожилого населения).

Экзогенные факторы демографического развития территории оказывают влияние не только на смену типа возрастной пирамиды, но, что немаловажно, и на скорость изменения возрастной структуры населения. Для иллюстрации уровня старения и динамики процесса Длугош З.¹ разработал индекс старения, который рассчитывается по формуле:

$$W_{SD} = [U_{(0-14)t} - U_{(0-14)t+n}] + [U_{(>65)t+n} - U_{(>65)t}],$$

где W_{SD} – индекс старения;

$U_{(0-14)t}$ – доля населения в возрасте 0-14 лет на начало анализируемого периода;

$U_{(0-14)t+n}$ – доля населения в возрасте 0-14 лет на конец анализируемого периода;

$U_{(>65)t+n}$ – доля населения в возрасте 65 лет и старше на конец анализируемого периода;

$U_{(>65)t}$ – доля населения в возрасте 65 лет и старше на начало анализируемого периода.

В качестве графического решения значение индекс старения населения Длугош З. предлагает рассмотреть систему координат, где по оси ординат представлены значения изменения доли молодого населения, а по оси абсцисс – значения изменения доли пожилого населения. Дополнительно в систему координат им были введены две диагонали для более точного определения зависимости между этими двумя показателями. Определив точку на основе пересечения значений указанных переменных, рассматриваемое население можно отнести к одному из восьми теоретическим типам.

---

¹ Dlugosz Z. The Level and Dynamics of Population Ageing Process on the Example of Demographic Situation in Europe // Bulletin of Geography. Socio-Economic Series. – 2003. – Iss. 2. – P. 5-15.

Для графического анализа возрастной структуры населения Шарилова Е.Е.¹ предлагает методику «четырёхугольники старости», представляющую собой пространство четырех однородных показателей. В работе Прохора М.Ф.² расширяется система статистических показателей старения населения крупного мегаполиса, логика которой ориентирована на последовательное движение от размера и структуры объекта познания через факторы и интенсивность развития процесса к его разнообразным последствиям.

В условиях усиления процесса старения населения Чжу Ц.³ предложил новый индекс, оценивающий изменения в распределении пожилого населения по возрастам, обусловленные снижением смертности и рождаемости. Такой подход динамического измерения старения населения был применен и усовершенствован Натом Д.С. и Исламом М.Н.⁴, который учитывает уже распределение по возрасту не только среди пожилого населения. Однако, как отмечают д'Альбис И. и Коллард Ф.⁵, этот метод требует того, чтобы изменения в кумулятивном распределении населения по возрастам удовлетворяли свойству стохастического доминирования первого порядка, которое не может быть удовлетворено для некоторых стран.

Разработка большого количества альтернативных подходов к измерению старения населения вызвана недостаточностью такого распространенного и очевидного показателя, как доля пожилого населения в общей численности. Исследователи⁶ объясняют это тем, что традиционные меры учитывают изменение

---

¹ Шарилова Е.Е. Статистическая оценка и анализ возвратной структуры населения как компонента демографической системы: разработка и развитие методик : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : по специальности Бухгалтерский учет, статистика / Шарилова Евгения Евгеньевна ; Учреждение образования «Белорусский гос. экономический ун-т». – Минск, 2015. – 25 с.

² Прохор М.Ф. Статистическое исследование и прогнозирование постарения населения в г. Москва : автореферат дис. ... кандидата экономических наук : 08.00.12 / Прохор Михаил Федорович; Моск. гос. ун-т экономики, статистики и информатики. – Москва, 2003. – 23 с.

³ Chu C.Y.C. Age-distribution Dynamics and Aging Indexes // *Demography*. – 1997. – Vol. 34. – P. 551–563. DOI: 10.2307/3038309.

⁴ Nath D.C., Islam M.N. New Indices. An Application of Measuring the Aging Process of Some Asian Countries with Special Reference to Bangladesh // *Population Ageing*. – 2009. – Vol. 2. – P. 23-39. DOI:10.1007/s12062-009-9016-2; Islam M.N., Nath D.C. Application of Demographic Components for Measuring the Ageing Velocity: An Explanation with Bangladesh Context // *Demography India*. – 2010. – Vol. 39. – P. 297-313.

⁵ d'Albis H., Collard F. Age Groups and the Measure of Population Aging // *Demographic Research*. – 2013. – Vol. 29, article 23. – P. 617-640. DOI: 10.4054/DemRes.2013.29.23Research.

⁶ Kii T. A New Index for Measuring Demographic Aging // *The Gerontologist*. – 1982. – Vol. 22. – P. 438-442. DOI: 10.1093/geront/22.4.438; Taj Uddin M., Islam M., Kabir A., Nath D. A New Index for Measuring Aging Inequality: An Application to Asian Countries // *Health*. – 2012. Vol. 4. – P. 685-694. DOI: 10.4236/health.2012.429108.

возрастных когорт, но игнорируют общую возрастную структуру населения. С точки зрения формирования политики важно учитывать не только наличие самого процесса старения населения, но и как он происходит. Поскольку снижающаяся рождаемость и снижающаяся смертность оказывает на старение населения не одинаковое влияние, то и пути адаптации экономики и общества к негативным эффектам, которые они могут вызывать, должны отличаться¹. Более того, старение населения может сопровождаться как ростом демографической нагрузки на трудоспособное население, так и ее снижением в зависимости от того, сокращается доля детей или нет². Поэтому адаптационные меры, принимаемые в ответ на старение населения, должны основываться на изменениях возрастной структуры населения, т.е. учитывать тип старения:

- при старении «снизу» необходим акцент на эффективность функционирования системы здравоохранения, повышении условий жизни и труда населения, т.е. на том, что обеспечивает в первую очередь улучшение состояния здоровья населения;
- если же старение происходит «сверху», то меры должны быть направлены на совершенствование работы системы трудоустройства, образования, создание новых рабочих мест, повышение пенсионного возраста, что позволит более полно реализовать потенциал пожилого населения.

Тем не менее, применение в анализе демографического старения традиционных показателей, основанных на фиксированных пороговых значениях (60, 65 лет или возраст выхода на пенсию), оправдано тем, что они составляют основу определенных социальных программ, нормативных документов, регламентирующих жизнь пожилых людей, в т.ч. пенсионное законодательство. Эти показатели поддерживаются органами статистики, не требуют

---

¹ Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. №2. – С. 8–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63.

² Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал новой экономической ассоциации. – 2019. – № 2 (42). – С. 148-166.

дополнительных расчетов, что дает возможность провести региональный и международный сравнительный анализ. Поэтому подход к измерению старения населения должен включать как традиционные показатели, так и показатели, описывающие причины изменения возрастной структуры. Учитывая это, разработан подход к оценке старения населения.

3.2. Пошаговый подход к оценке старения населения региона

Согласно теоретическим подходам, рассмотренным в параграфе 1.1, изменения в возрастной структуре населения определяются как долговременными эволюционными детерминантами, так и кратковременными конъюнктурными факторами. Но если первые формируют закономерные процессы в воспроизводстве населения, то вторые, как справедливо отмечают Андреев Е.М., Вишневский А.Г. и Захаров С.В.¹, обуславливают лишь периодическую временную инверсию основной тенденции к постарению, деформируя возрастную пирамиду населения. На основе такого дуализма (двойственности) разработана методология исследования старения населения на региональном уровне (рисунок 3.1).

Разработанная методология стоит на теории демографического перехода, которая объясняет закономерности смены типов воспроизводства и в зависимости от них выделяет историческую периодизацию (фазу) демографического развития. Каждой его фазе (рисунок 1.1) свойственны определенные комбинация и последовательность тенденций в воспроизводстве населения, которые определяют уровень и тип старения населения. Для определения этих фаз методология строится на принципе пошаговой идентификации, точно заданный порядок оценки. На основе данной методологии разработана методика пошаговой оценки, представленная на рисунке 3.2.

---

¹ Андреев Е.М., Вишневский А.Г., Захаров С.В. К какому берегу мы причалили // Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневского. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 471-497.

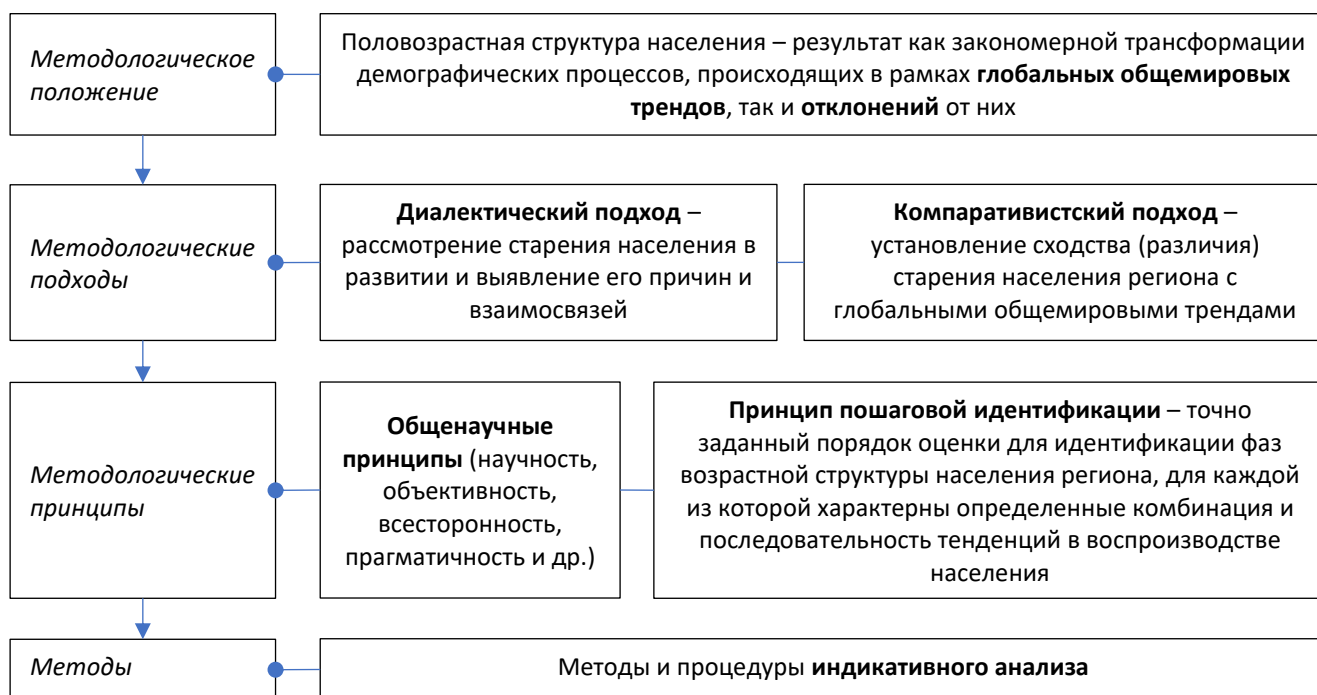

Рисунок 3.1. Методология исследования старения населения на региональном уровне

Методика оценки учитывает причины изменения возрастной структуры и представляет собой пошаговую оценку старения населения региона по статистическим данным, поддерживаемым Росстатом. По аналогии со шкалой старения, предложенной ООН, выделены три основные стадии возрастной структуры населения: молодое население, стареющее население и старое население. Теоретически возможна стадия «молодеющее население», но в рамках данного подхода такая стадия не рассматривается. Данное допущение сделано на основе общепризнанного положения, что старение населения является «неизбежным процессом»¹, а «влияние мер по стимулированию деторождения (даже эффективных) и роста численности мигрантов на предполагаемую степень старения населения является весьма скромным»².

¹ Хорошее здоровье прибавляет жизни к годам. Глобальное резюме для Всемирного дня здоровья 2012 г. – Женева: ВОЗ, 2012. – 28 с.; Щербакова Е. Дальнейшее старение населения неизбежно // Демоскоп Weekly. – 2007. – №291-292. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0291/barom02.php>.

² Обзор мирового экономического и социального положения, 2007 год. Развитие в условиях старения населения мира. Нью-Йорк, 2008. Режим доступа: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf.

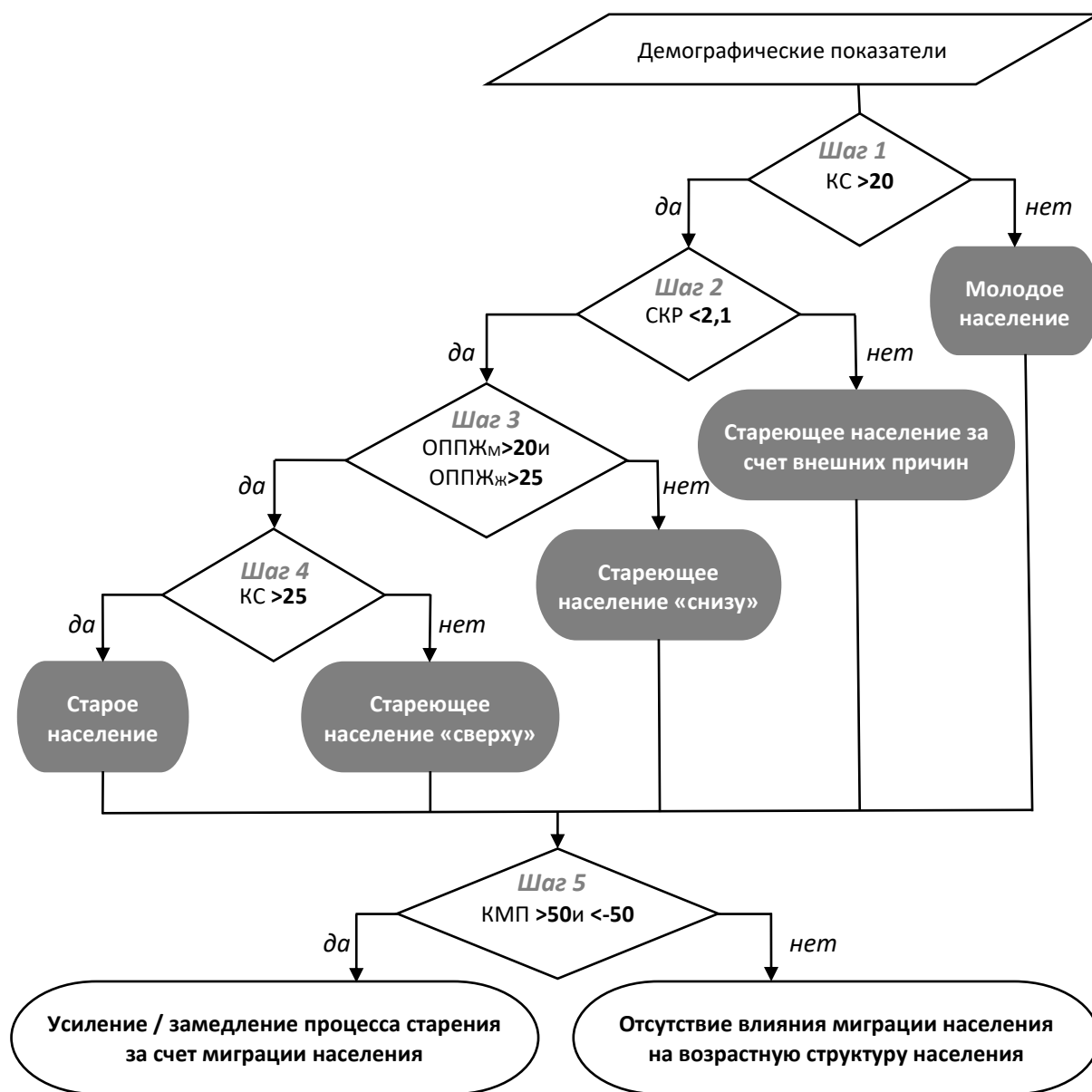

Рисунок 3.2. Блок-схема методики оценки старения населения

Примечание: КС – коэффициент старения (доля населения в возрасте старше трудоспособного в общей численности населения), %; СКР – суммарный коэффициент рождаемости, число детей на 1 женщину; ОППЖМ – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни мужчин, достигших 60 лет, лет; ОППЖЖ – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни женщин, достигших 55 лет, лет; КМП – коэффициент миграционного прироста, человек на 10 тыс. человек.

Поскольку принципиальное значение имеют причины старения, то выделены еще и типы старения:

- стареющее «снизу» население,
- стареющее «сверху» население,
- стареющее население под воздействием внешних причин.

Предложенная методика предполагает применение системы пороговых (предельно критических) значений – «значений показателей, переход за границы которых свидетельствует о возникновении угрозы функционированию экономики и жизнедеятельности общества и необходимости вмешательства органов управления с целью изменения опасных тенденций»¹. Как отмечают Глазьев С.Ю. и Локосов В.В.², «демографические показатели относятся к числу немногих, имеющих объективно точные пороговые значения, за пределами которых общество переходит в режим суженного воспроизводства, что влечет за собой его ослабление вплоть до вымирания или поглощения другими общественными системами». Анализируемое население соотносится с одной из выделенных стадий при пошаговом (последовательном) соблюдении определенных условий – критериев, характеризующих долю пожилого населения и тенденции в воспроизводстве населения. Так, пошагово выявляется определенная стадия старения населения.

Шаг 1 – выявление населения с молодой возрастной структурой. Базовым критерием является коэффициент старения населения. Поскольку граница старости является понятием условным, то в разработанном подходе она устанавливается для мужчин на уровне 60 лет, для женщин – 55 лет. Такое допущение оправдано широким распространением системы досрочных пенсий, по расчетам Миграновой Л.А. и Роика В.Д.³, в 2015 г. 34% от общего числа пенсионеров были «досрочниками». Предложены следующие пороговые значения по доле населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения:

- молодое население – 20% и меньше;
- стареющее население – от 20 до 25%;
- старое население – 25% и больше.

---

¹ Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. – 2012. – Том 82, № 7. – С. 587-614.

² Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. – 2012. – Том 82, № 7. – С. 587-614.

³ Мигранова Л.А., Роик В.Д. Социальное страхование в России: состояние, современные вызовы и ответы на них // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2020. – № 1-2. – С. 75-95. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-1-2-07.

Значения порогов по этому показателю обоснованы уровнем демографической (иждивенческой¹) нагрузки и пропорцией между работающим населением и пенсионерами. В научной литературе сложились различные вариации о приемлемом соотношении этих групп населения (таблица 3.4). Согласно представленным в таблице значениям, критичный уровень нагрузки, когда на троих иждивенцев приходится один работающий. Оптимальным же соотношением, по мнению председателя правления Пенсионного фонда России (ПФР) Дроздов А.², является обратная пропорция, когда трое работающих содержат одного пенсионера.

Таблица 3.4. Пороговые значения по показателям возрастной структуры населения

Автор(ы)	Пороговые значения
Сюпова М.С., Бондаренко Н. А.	Демографическая нагрузка нетрудоспособного населения на трудоспособное (на 10 000 человек трудоспособного населения): <ul style="list-style-type: none"> • высокий уровень – от 0,8 до 1,0; • выше среднего уровень – от 0,6 до 0,79; • средний уровень – от 0,4 до 0,59; • ниже среднего уровень – от 0,2 до 0,39; • низкий уровень – от 0,0 до 0,19
Авраамова Е.М. и соавторы	Иждивенческая нагрузка в домохозяйстве: <ul style="list-style-type: none"> • минимальный уровень: не более 1 иждивенца на 2 работающих; • средний уровень: 1-3 иждивенца на 2 работающих; максимальный уровень: свыше 3 иждивенцев на 2 работающих
Лежнина Ю.П.	Иждивенческая нагрузка – отношение количества работающих членов домохозяйства к общему количеству его членов: <ul style="list-style-type: none"> • высокая нагрузка – от 0 до 0,33; • скорее высокая нагрузка – от 0,34 до 0,5; • скорее низкая нагрузка – от 0,5 до 0,75; низкая нагрузка – от 0,76 до 1
Сенчагов В.К., Иванов Е.А.	Пороговое значение показателя «отношение численности людей пенсионного и трудового возраста» – 0,4

¹ Уровень иждивенческой нагрузки рассчитывается как соотношение численности неработающего населения к численности работающего населения.

² Соотношение работающих и пенсионеров в России к 2030 году достигнет 3:1 // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5404140>.

Автор(ы)	Пороговые значения
Соболева С.В., Чудаева О.В.	Пороговое значение показателя «соотношение доли детей и доли пенсионеров в общей численности населения» – 1,2/1,0

Составлено по: Авраимова Е.М., Каравай А.В., Логинов Д.М. Адаптационные стратегии старения населения: между выживанием и развитием. – М.: РАНХиГС, 2017. – 83 с.; Лежнина Ю.П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. – 2014. – №1. – С. 20-28; Сюпова М.С., Бондаренко Н.А. Исследование различных аспектов оценки демографической безопасности на территориальном уровне // ВЕСТНИК ТОГУ. – 2017. – №4(47). – С. 267-276; Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. – Москва: Ин-т экономики РАН, 2016. – 71 с.; Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. – 2008. – №3. – С. 147-167.

Шаг 2 – выявление населения с определяющей ролью внешних причин в старении его возрастной структуры. Если молодое население определяется только на основе коэффициента старения, то для остальных стадий старения населения применяются дополнительные критерии, характеризующие тенденции в естественном воспроизводстве населения. К этим критериям относятся рождаемость и смертность населения. Уровень рождаемости населения и его репродуктивные установки учитываются через суммарный коэффициент рождаемости, пороговое значение которого является уровень простого воспроизводства, когда в расчете на одну женщину приходится 2,1 ребенка. В отдельных источниках¹ указываются более жесткие значения – 2,14-2,15 детей, рожденных женщиной репродуктивного возраста.

Шаг 3 – выявление населения, стареющего «снизу». Поскольку на старение населения влияет уровень смертности только в старших возрастах, то для выявления стадий старения используется значение ожидаемой продолжительности предстоящей жизни, причем в гендерном разрезе. Пороговое значение этого показателя определено с учетом международных тенденций (таблица 3.5) и актуарных расчетов, реализующих страховой принцип эквивалентности

¹ Смелов П.А., Карманов М.В., Романов А.А. К вопросу о теоретических подходах к оценке демографической безопасности // Статистика и Экономика. – 2015. – №4. – С. 164-169. DOI: 10.21686/2500-3925-2015-4-164-169; Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. – 2008. – №3. – С. 147-167.

пенсионных прав и обязательств (трудового стажа и периода дожития)¹: для мужчин, достигших 60 лет, – 20 лет, для женщин, достигших 55 лет, – 25 лет.

Таблица 3.5. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет в отдельных странах, 2020 г., лет

Страна	Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 65 лет	
	мужчины	женщины
Австралия	20,0*	22,7*
Австрия	17,9	21,1
Бельгия	17,6	20,8
Бразилия	17,2*	20,4*
Канада	19,5*	22,2*
Чехия	15,2	19,1
Дания	18,4	21,2
Эстония	15,9	21,0
Финляндия	19,0	22,3
Франция	19,1	23,2
Германия	18,3*	21,4*
Греция	18,4	21,3
Венгрия	14,1	17,9
Исландия	20,2	22,0
Израиль	19,8*	22,0*
Италия	18,5	21,8
Япония	19,8*	24,6*
Мексика	16,6*	18,6*
Польша	14,5	19,2
Россия	13,8**	18,1**
Испания	18,4	22,4
Объединенное Королевство	18,8	21,1
Соединенные Штаты	18,2	20,8

Источник: Life expectancy at 65 // OECD. Data. Режим доступа: <https://data.oecd.org/healthstat/life-expectancy-at-65.htm>.

Примечание: * - данные за 2019 г.; ** - данные за 2018 г.

¹ Solov'ev A.K. Long-term forecasting of the development of Russia's pension system: Factors and conditions // Studies on Russian Economic Development. – 2012. – Vol. 23, iss.3. – P. 271-281.

Шаг 4 – выявление населения, стареющего «сверху», и со старой возрастной структурой. Население, отвечающее всем вышеперечисленным критериями, относится к:

- населению, стареющему «сверху», если удельный вес пожилого населения составляет 20-25%;
- населению со старой возрастной структурой, если доля пожилого населения – более 25%.

Шаг 5 – определение влияния миграции населения на возрастную структуру населения. Поскольку на скорость старения оказывают влияние направление и интенсивность миграции населения, на последнем 5-ом шаге определяется наличие такого влияния на каждую из выявленных стадий. Для этого оценивается коэффициент миграционного прироста, к определению пороговых значений которого в научной литературе сформировалось два подхода. Первый подход¹ – фиксированный, когда оно должно быть не менее 0‰, второй подход² – дифференцированный (в зависимости от плотности населения, геополитического положения территории и др.). Для определения влияния миграции населения на возрастную структуру населения был выбран фиксированный подход, но с небольшим лагом: если приток или отток мигрантов больше 0,5% населения территории, то за счет миграции процесс старения усиливается или замедляется соответственно.

Такой пошаговый подход позволяет не только оценить уровень старения населения, но и выявить его причины, что необходимо при выработке и принятии стратегических решений по социально-экономическому развитию территории. На основе этого подхода проведена оценка уровня старения населения регионов России.

---

¹ Сильченкова С.В. Демографическая безопасность региона в контексте экономической безопасности // Экономический журнал. – 2018. – № 4 (52). – С. 22-37; Кораблева А.А., Карпов В.В. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – №3 (23). – С. 36-42.

² Социально-демографическая безопасность территорий муниципального уровня / под ред. А.А. Козицына, А.А. Куклина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 194 с.; Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. – 2008. – №3. – С. 147-167.

3.3. Оценка старения населения регионов России

Оценка старения населения регионов России определена с учетом его уровня и причины. Результаты оценки представлены в приложении Г, в графическом виде за 2021 г. – на рисунке 3.3, где субъекты РФ разбиты по стадиям старения. В связи с пандемией COVID-19 в 2020-2021 гг. значительно ухудшилась медико-демографическая ситуация в регионах России. За 2021 г. увеличилось число субъектов РФ, в которых доля пожилого населения составляет менее 20% от общей численности населения, к ним добавились Забайкальский и Камчатский края, в которых в 2020 г. эта доля составляла 20,0-20,2%. Таким образом, в 2021 г. в 13 субъектах РФ наблюдается молодая возрастная структура населения. К ним относятся:

- шесть субъектов Крайнего Севера (Республика Саха, Камчатский край, Ненецкий, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский и Чукотский автономные округа),
- четыре республики Северного Кавказа (республики Ингушетия, Дагестан и Чеченская),
- четыре субъекта Сибири (республики Тыва, Алтай, Бурятия и Забайкальский край).

В этих субъектах РФ коэффициент старения (рисунок 3.4) – самый низкий по России, в 2021 г. он составлял от 10,27% (в Чеченской Республике) до 19,76% (в Камчатском крае), что объясняется региональными особенностями развития этих территорий. Для регионов Крайнего Севера такой особенностью, во-первых, является их отраслевая специализация с относительно высоким уровнем заработной платы, что обеспечивает приток трудовых мигрантов в молодом возрасте¹. Так, по данным Росстат за 2021 г., отмеченные субъекты РФ являются лидерами по среднемесячной номинальной начисленной заработной плате

---

¹ Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных ему местностей // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2020. – № 18. – С. 431-448. DOI: 10.47711/2076-318-2020-431-448.

работников, где она составила свыше 96,7 тыс. руб., что более чем в 1,5 раза превышает среднероссийский уровень.

Рисунок 3.3. Оценка старения населения субъектов РФ, 2021 г.

Примечание: к субъектам РФ с молодым населением относятся Чеченская Республика, Республика Тыва, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Ингушетия, Республика Дагестан, Чукотский автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Республика Алтай, Ненецкий автономный округ, Республика Бурятия, Забайкальский край и Камчатский край.

Во-вторых, суровые природно-климатические условия проживания вынуждают работников после выхода на пенсию переезжать в более благоприятные регионы как самостоятельно, так и по программам, финансируемым государством и предприятиями¹. По данным на июнь 2021 г. Министерства строительства и ЖКХ РФ², право на переселение из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей в рамках госпрограммы «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ» имеют 176,6 тысяч семей, из них 70,7% это семьи пенсионеров. Такая внутренняя миграция населения значительно способствует «омоложению» этих субъектов.

¹ Карачурина Л., Иванова К. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования. – 2017. – №3(57). – С. 51-60.

² В Минстрое России рассмотрели дополнительные возможности переселения жителей Крайнего Севера // Минстрой России. Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/v-minstroe-rossii-rassmotreli-dopolnitelnye-vozmozhnosti-pereseleniya-zhiteley-kraynego-severa/>.

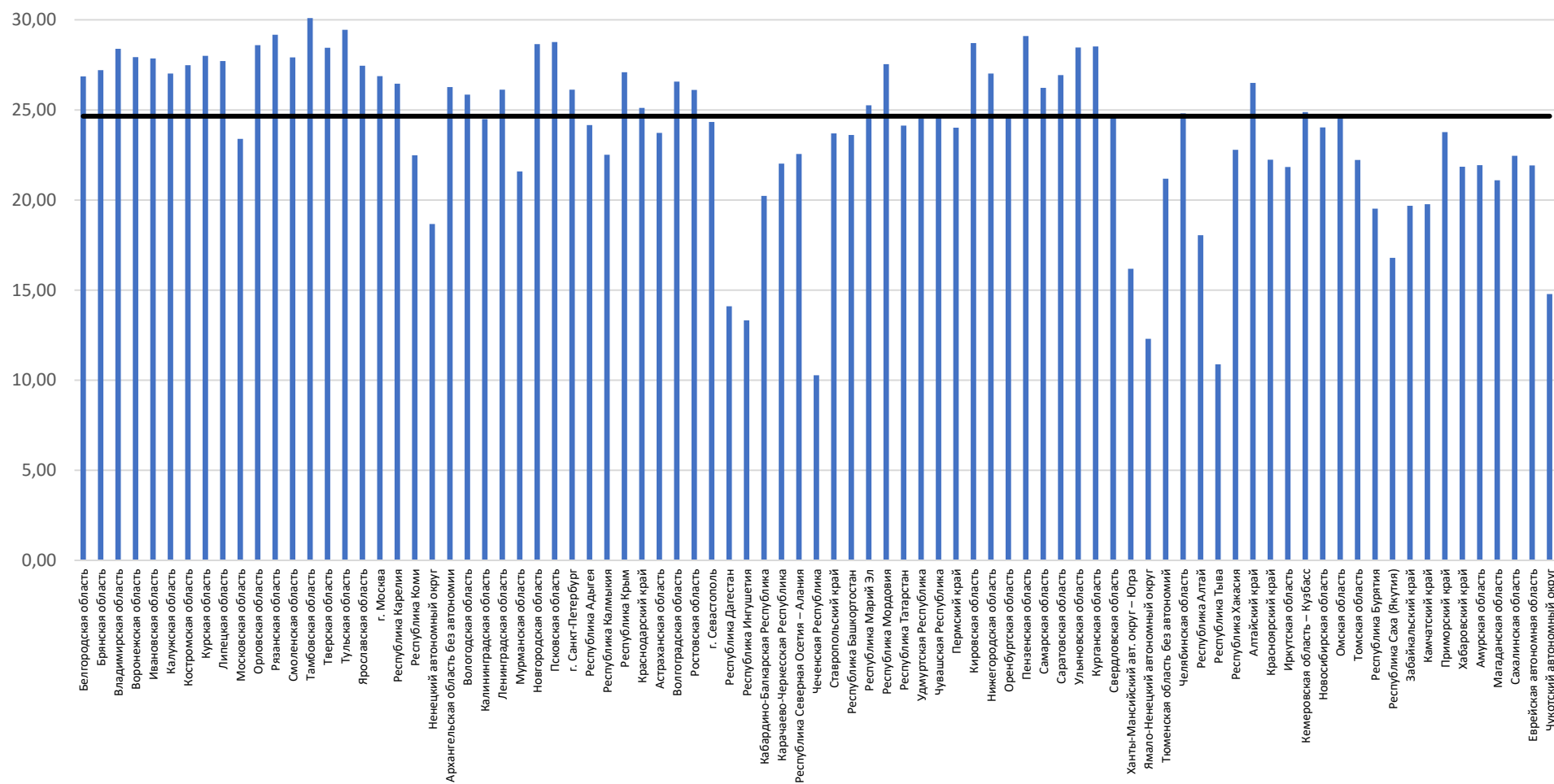

Рисунок 3.4. Коэффициент старения населения по субъектам РФ, 2021 г., %

Источник: Демографические показатели. Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877#>.

Примечание: линией отмечен среднероссийский уровень (24,7%).

Особенностью республик Чечня и Тыва с молодой возрастной структурной является высокий уровень рождаемости, характерный для сельского населения в аграрных регионах с более традиционной организацией семей. В этих республиках суммарный коэффициент рождаемости является самым высоким в России: в 2021 г. был 2,50 и 2,94 ребенка на одну женщину соответственно (таблица 3.6). Это говорит о незавершенности демографического перехода в эти субъектах.

Таблица 3.6. Группировка субъектов РФ по суммарному коэффициенту рождаемости, 2021 г.

Суммарный коэффициент рождаемости, число детей на 1 женщину	Субъекты РФ
более 2,1	Республика Тыва, Чеченская Республика
1,9 – 2,1	Республика Алтай, Ненецкий автономный округ, Сахалинская область
1,5 – 1,9	Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Ингушетия, Республика Бурятия, Тюменская область, Республика Дагестан, Ханты-Мансийский автономный округ, Забайкальский край, Астраханская область, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия – Алания, Иркутская область, Кабардино-Балкарская Республика, Чукотский автономный округ, Еврейская автономная область, Краснодарский край, Курганская область , Свердловская область, Камчатский край, г. Москва, Республика Хакасия, Хабаровский край, Республика Крым , Новосибирская область, Республика Татарстан, Пермский край, Оренбургская область, Удмуртская Республика, Республика Коми, Челябинская область, Республика Марий Эл, Республика Калмыкия, Республика Адыгея, Вологодская область, Амурская область, Красноярский край, Приморский край
менее 1,5	Республика Башкортостан, Псковская область , Чувашская Республика, Московская область, Омская область, Калужская область , Кировская область , Республика Карелия, Ставропольский край, Самарская область, Магаданская область, Алтайский край, Ульяновская область , Мурманская область, Калининградская область, г. Санкт-Петербург, Костромская область , Ростовская область, Архангельская область, Ярославская область , Карачаево-Черкесская Республика, Новгородская область , Кемеровская область, Липецкая область , Курская область, Нижегородская область , Тверская область
менее 1,3	Воронежская область , Волгоградская область, Брянская область , Владимирская область, Тамбовская область , Белгородская область, Ивановская область , Томская область, г. Севастополь, Саратовская область, Рязанская область , Пензенская область , Орловская область , Тульская область , Смоленская область , Республика Мордовия , Ленинградская область

Составлено по: Демография. Суммарный коэффициент рождаемости // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

Примечание: 1. Субъекты РФ расположены в порядке убывания значения коэффициента.

2. Выделены субъекты РФ с коэффициентом старения более 27,0%.

Население большинства (72 из 85) субъектов РФ было отнесено к стареющему «снизу», т.е. в них процесс старения происходит за счет снижения уровня рождаемости при сохранении высокой смертности в старших возрастных группах. Важно отметить, что в эту стадию старения населения попали даже субъекты РФ с высокой долей пожилого населения. В 2021 г. практически треть населения (27,0-30,0%) в 24 субъектах РФ находится в возрасте старше трудоспособного (Тамбовская, Тульская, Рязанская, Пензенская, Псковская, Кировская, Новгородская, Орловская, Курганская, Ульяновская, Тверская, Владимирская, Курская, Воронежская, Смоленская, Ивановская, Липецкая, Костромская, Ярославская, Брянская, Нижегородская, Калужская области республики Мордовия и Крым). Как видно из таблицы 3.6, определяющим механизмом старения населения в этих областях является снижение уровня рождаемости, существенного процесса смещения смертности населения в более старшие возрастные группы не происходит.

Как показывает анализ пространственных закономерностей распределения смертности в России¹, такая неблагоприятная демографическая ситуация в регионах сохраняется еще 1970-х гг. Однако, если в целом неравенство между регионами снижается за счет уменьшения вклада от внешних причин в молодых и средних возрастах и болезней системы кровообращения в средних возрастах, то региональный разрыв по уровню смертности в пожилых возрастах, напротив, растет². Это связано с тем, что в одних регионах России начался «новый этап» эпидемиологического перехода³ («вторая эпидемиологическая революция», «санитарный переход», «сердечно-сосудистая революция», «кардиоваскулярная революция»), снижающий смертность от неинфекционных причин, а другим регионам до сих пор не удалось ограничить роль внешних причин смерти.

---

¹ Андреев Е.М. Продолжительность жизни в СССР: дифференциальный анализ // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. – М.: Статистика, 1979. – С. 7-31.

² Данилова И.А. Межрегиональное неравенство в продолжительности жизни в России и его составляющие по возрасту и причинам смерти // Социальные аспекты здоровья населения. – 2017. – №5. DOI: 10.21045/2071-5021-2017-57-5-3

³ Вишневский А.Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1. №4. – С. 5-40.

В России сложился значительный гендерный разрыв в продолжительности жизни населения¹ (рисунок 3.5). За 2021 г. в среднем по России разрыв в ожидаемой продолжительности предстоящей жизни мужчин, достигших 60 лет, и женщин, достигших 55 лет, сократился с 9,8 до 8,8 лет. Как показывает статистика (таблица 3.5), практически во всех странах мира женщины живут дольше, чем мужчины, поэтому, как справедливо отмечает Арбер С.², процесс старения население сопровождается его феминизацией³. Однако, как видно из табл. 3.5, в европейский странах гендерный разрыв ожидаемой жизни населения, достигших пенсионного возраста (65 лет) не превышает 5 лет.

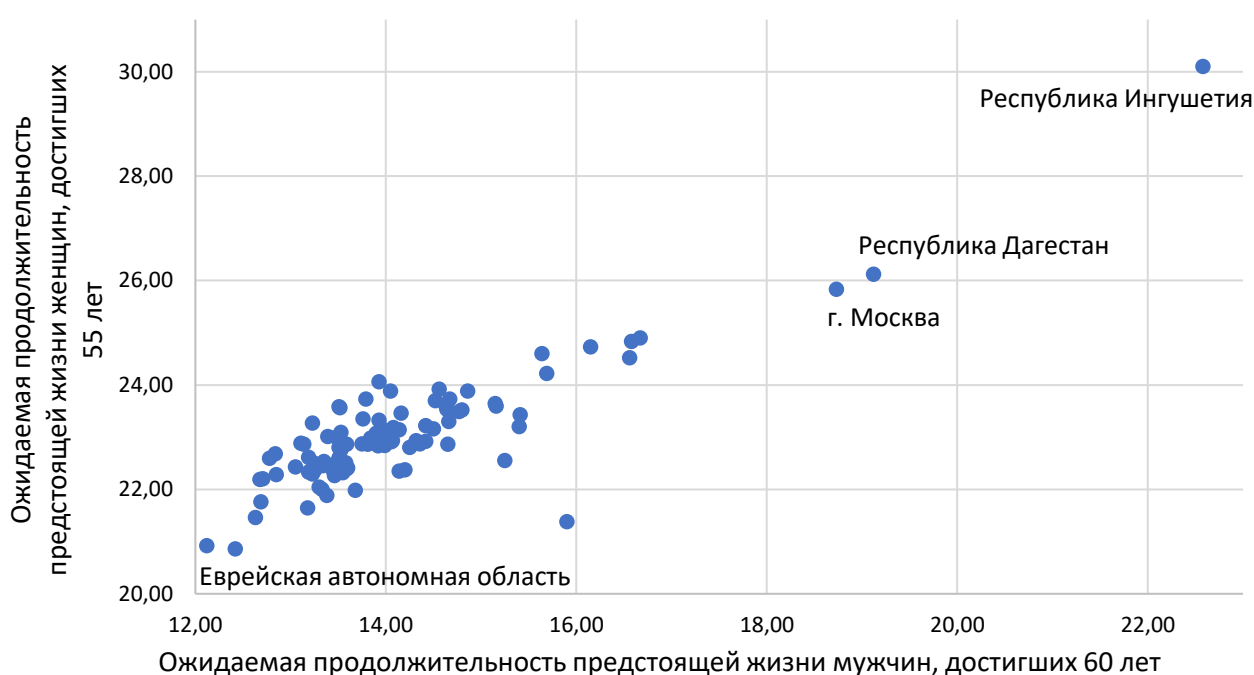

Рисунок 3.5. Сопоставление значений ожидаемой продолжительности предстоящей жизни мужчин, достигших 60 лет, и женщин, достигших 55 лет, 2021 г.

Источник: Демографические показатели. Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики.
 Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877#>.

¹ Белов В.Б., Роговина А.Г. Основные медико-демографические показатели здоровья населения России к 2013 г. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2014. – №6. – С.18-22; Смирнова А.В. Гендерный анализ как инструмент оценки человеческого капитала (на примере демографических процессов) // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 3. – С. 46-53.

² Арбер С. Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / пер. с англ. Е.В. Вьюговской, А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 59-78.

³ Феминизация (от лат. *femina* – женщина) в демографии, изменение состава населения по полу в сторону увеличения доли женщин (Демографический энциклопедический словарь/ гл. ред. Д. И. Валентей. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 608 с. Режим доступа: https://www.econ.msu.ru/departments/cps/shibi/News.20170611132647_3198/?ysclid=14nqg51rr3846463870).

Учитывая такой гендерный разрыв, отдельно была проведена скорректированная оценка старения населения без учета смертности среди мужчин. Согласно полученной оценке, в 2021 г. стареющее «сверху» население (женщин) проживало только в Москве, где у женщин, достигших 55 лет, относительно высокая продолжительность жизни, что связано с социальными, культурными и экономическими факторами¹, формирующими здоровый образ жизни и самосохранительное поведение. Важно отметить, что в 2020 г. таких субъектов было 24, скорректированная оценка за 2020 г. в графическом виде представлена на рисунке 3.6. Такой резкий рост смертности в 2020 г. связан с ухудшением эпидемиологической ситуации.

Рисунок 3.6. Оценка старения населения субъектов РФ без учета смертности среди мужчин, 2020 г.

Примечание: к субъектам РФ со стареющим «сверху» населением относятся Удмуртская Республика, Белгородская область, Чувашская Республика, Волгоградская область, Тюменская область без автономных округов, Краснодарский край, Вологодская область, Кировская область, Тамбовская область, Калининградская область, Республика Марий Эл, Воронежская область, Ленинградская область, Республика Адыгея, Ставропольский край, Республика Татарстан, Архангельская область без автономного округа, Республика Калмыкия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, г. Севастополь, г. Санкт-Петербург, Республика Северная Осетия-Алания, г. Москва.

¹ Иванова Е.И. Смертность российских мужчин // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 87-99; Рошин С.Ю. Равны ли женщины мужчинам? (Часть II) // ДемоскопWeekly. – 2005. – №221-222. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/tema05.php#21>.

С учетом же всех закладываемых в подход критериев ни в одном субъекте РФ не сложилась старая возрастная структура населения. В 2019 г. к таким субъектам относилась Москва, притом, что коэффициент старения здесь не самый высокий, в 2021 г. в Москве проживало 26,4% населения старше трудоспособного возраста в общей численности населения, это лишь 24 строчка среди всех субъектов РФ по этому показателю. Но в отличие от других субъектов РФ с высокой долей пожилого населения, в Москве в условиях низкой рождаемости население стареет в результате снижения смертности в старших возрастах. Только в Москве в 2019 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин, достигших 60 лет, превысила 20 лет, что связано с доступностью и качеством медицинских услуг, а также здоровьесберегающим поведением. Также исследование¹ влияния миграции на продолжительность жизни в Москве показало, что сравнение среднего возраста смерти постоянных жителей столицы, различающихся местом рождения, оказывается не в пользу коренных москвичей. Но, к сожалению, из-за ухудшения эпидемиологической ситуации в 2020-2021 гг. заметно возросла смертность населения именно в старших возрастных группах, что негативно отразилось на значениях ожидаемой продолжительности предстоящей жизни. В среднем по России за этот период ее значения снизилось 2,2 года для мужчин и 3,3 года для женщин.

В таблице 3.7 представлены субъекты РФ, старение населения в которых усиливается или замедляется в зависимости от направления миграционных потоков. В 2020 г. пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения оказали влияние на миграционные процессы в России. Передвижения населения резко сократились, как отмечают Флоринская Ю.Ф. и Мкртчян Н.В.², за последнее десятилетие зафиксирован самый низкий уровень миграции в Россию. Однако сохранилось центрo-периферийное миграционное движение, которое определяется

---

¹ Калмыкова Н.М., Сафарова Г.Л., Сафарова А.А., Чуносова Е.Ю. Старение населения Москвы и Санкт-Петербурга: сходства и различия // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2019. – № 6 (150). – С. 149-153.

² Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. – 2021. – Вып. 28, №1. – С. 50-54.

в большинстве случаев экономическими факторами. Как отмечает Беккер Г.¹, решение принимается на основании рассмотрения выгод и издержек от этого перемещения, сравнивая текущий уровень жизни с ожидаемым. Поэтому неудовлетворительное качество жизни в периферийных районах формирует в них отрицательный миграционный баланс, привлекая молодое население в более благополучные центральные районы.

Таблица 3.7. Влияние миграции на процесс старения населения субъектов РФ, 2021 г.

Субъекты РФ, где за счет миграции населения процесс старения	
усиливается	замедляется
Еврейская автономная область (-90,90) Республика Коми (-52,50) Забайкальский край (-52,40)	г. Севастополь (298,20) Калужская область (225,00) Ленинградская область (199,60) Республика Адыгея (169,60) Калининградская область (157,20) Московская область (146,10) Чукотский автономный округ (110,70) Республика Саха (Якутия) (86,20) Камчатский край (77,80) Тюменская область (76,00) Краснодарский край (71,50) Республика Крым (65,00) Ханты-Мансийский автономный округ (55,10) Хабаровский край (50,00)

Источник: данные Росстата.

Примечание: в скобках указано значение коэффициента миграционного прироста, человек на 1000 человек.

Как показала региональная оценка, процесс старения населения наблюдается практически на всей территории России, но крайне неравномерно, поскольку его уровень и причины в зависимости от региона различаются. Так, молодое население проживает в тех субъектах РФ, где процесс демографического перехода находится на начальных стадиях или воспроизводство населения определяется миграционным движением. В большинстве же субъектов РФ, включая субъекты с высокой долей пожилого населения, процесс старения населения происходит

¹ Becker G. The Economic Way of Looking at Behavior // The Journal of Political Economy. – 1993. – Vol. 101(3). – P. 385-409.

«снизу», поскольку его причиной продолжает оставаться снижение рождаемости, а не смертности. В то же время во многих регионах смертность среди женщин заметно смещается к более поздним возрастам, что способствует феминизации старения населения. В 2020 г. в результате пандемии резко увеличилась смертность населения, что отразилось на показателях продолжительности жизни населения.

Такие особенности старения населения регионов России должны быть адекватно отражены в принимаемых управленческих решениях, направленных на защиту государственных интересов и интересов пожилого населения. При формировании и реализации политики активного долголетия для большинства субъектов РФ в первую очередь важно решить проблемы в области улучшения состояния здоровья населения, особенно мужчин. Без эффективного решения этих проблем, меры по удлинению трудовой жизни, разработке образовательных программ для пожилых людей и др. являются менее актуальными. Таким образом, решить противоречие между государственным интересом и интересом пожилого населения «продление трудовой жизни vs продления здоровой жизни» возможно при реализации политики активного долголетия с акцентом на меры по здоровьесбережению всех возрастных групп, что позволит обеспечить социально-экономическое развитие территории в долгосрочной перспективе.

ГЛАВА 4. МОДЕЛИРОВАНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ПОВЫШЕНИЯ ТРУДОВОЙ АКТИВНОСТИ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

4.1. Алгоритм моделирования влияния трудовой активности пожилого населения на параметры рынка труда и пенсионной системы¹

Сущность концепции активного долголетия может быть определена как возможность субъектов согласованно реализовывать свои интересы текущего и будущего развития в рамках сформированной институциональной среды. Как показано в исследовании Логинова Л.В.², в России многие институты не соответствуют современным требованиям, что приводит к ослаблению стимулов к труду, росту социальной напряженности и социальной апатии в обществе. В условиях старения населения во многих странах идет процесс корректировки национальных пенсионных программ в сторону повышения пенсионного возраста. Повышение пенсионного возраста выглядит наиболее простой мерой повышения трудовой активности пожилого населения. Такая мера является распространенным ответом на старение населения и связанные с ним социально-экономические и финансовые проблемы³. В таблице 4.1 представлены параметры такого повышения в отдельных странах, на основе которых можно выделить ряд характерных особенностей этого процесса.

Во-первых, в настоящее время в большинстве стран Европы пенсионный возраст составляет 65 лет, при этом идет процесс его повышения до 67 лет, а в таких странах, как Великобритания и Ирландия, – до 68 лет. В дальнейшем в ряде стран

---

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работах автора: Чичканов В.П., Васильева (Чистова) Е.В., Тырсин А.Н., Степанов А.Н. Последствия повышения пенсионного возраста для рынка труда регионов России // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2018. – Т. 17. № 6. – С. 1037-1055. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.6.047; Васильева (Чистова) Е.В., Чичканов В.П. Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – №3. – С. 121-137. DOI: 10.15838/esc/2016.3.45.7; Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с. DOI: 10.17059/661-5.

² Логинова Л.В. Сущность и основные концепции интересов субъектов хозяйствования // Вестник Поволжского института управления. – 2008. – №3. – С. 125-132.

³ Гурвич Е.Т. Принципы новой пенсионной реформы // Вопросы экономики. – 2011. – №4. – С. 4-31.

планируется увязать увеличение возраста выхода на пенсию с ростом продолжительности жизни (Дании, Греции, Италии).

Таблица 4.1. Параметры повышения пенсионного возраста в отдельных странах

Страна	Год окончания повышения	Пенсионный возраст для мужчин, лет		Пенсионный возраст для женщин, лет		Гендерное различие
		нач.	план.	нач.	план.	
Австрия	2033	65 (65)		60 (60)	65	нет
Бельгия	2030	65 (65)	67	65 (65)	67	нет
Великобритания	2028 / 2046	65 (65)	67 / 68	65 (65)	67 / 68	нет
Германия	2031	65 (65,58)	67	65 (65,58)	67	нет
Греция	2015 / 2021*	65 (67)	67	65 (67)	67	нет
Дания	2022 / 2030*	65 (65)	67	65 (65)	67	нет
Ирландия	2028	66 (66)	68	66 (66)	68	нет
Испания	2027	65 (65,5)	67	65 (65,5)	67	нет
Италия	2022*	66 (66,58)	67	62 (65,58)	67	нет
Канада**	2029	65 (65)	67	65 (65)	67	нет
Польша***	-	(65)	-	(60)	-	да
США	2027	66 (66)	67	66 (66)	67	нет
Франция**	2023	65 (62)	67	65 (62)	67	нет
Эстония	2026	63 (63,5)	65	60 (63,5)	65	нет
Южная Корея	2017 / 2033	55 / 60 (60)	60 / 65	55 / 60 (60)	60 / 65	нет
Япония	2030	60 (62)	65	60 (62)	65	нет

Примечание: в скобках указан текущий пенсионный возраст (2018 г.).

* – в Дании, Греции, Италии возраст выхода на пенсию будет напрямую связан с ростом ожидаемой продолжительности жизни. К примеру, в Дании с 2030 г. пенсионный возраст будет увеличен максимум на один год каждые пять лет в зависимости от увеличения средней продолжительности жизни.

** – в некоторых странах есть минимальный пенсионный возраст и полный. В Канаде можно претендовать на пенсию в возрасте 60 лет. Во Франции работник может выйти на пенсию по достижении ими минимального пенсионного возраста (62 года), но для получения полной пенсии он может продолжить работать.

*** – в Польше до 2017 г. планировалось повысить пенсионный возраст до 67 лет к 2020 г. для мужчин и к 2040 г. для женщин. В 2016 г. пенсионный возраст для мужчин составлял 65,58 лет, для женщин – 60,58 лет.

Источник: Retirement Ages in Member States // Finnish Centre for Pensions. Режим доступа:

https://web.archive.org/web/20150924002828/http://www.etk.fi/fi/service/retirement_ages/1601/retirement_ages; Feng Q., Yeung W.J.J., Wang Z., Zeng Y. Age of Retirement and Human Capital in an Aging China, 2015–2050 // European Journal of Population. – 2018. – P. 1-34. DOI: 10.1007/s10680-018-9467-3.

Во-вторых, процесс повышения пенсионного возраста носит долгосрочный характер и имеет переходный период. Повышение осуществляется от 1-2 месяцев

за календарный год в начале и до 3-4 месяцев в конце переходного периода¹. Исследование польских ученых² показало, что, если повышение пенсионного возраста происходит поэтапно, чтобы агенты могли адаптироваться, то их благосостояние не снижается.

В-третьих, происходит отказ от гендерных различий в возрасте выхода на пенсию. Практически во всех странах пенсионный возраст для женщин является равным пенсионному возрасту для мужчин или приближается к нему. В то же время на основе сравнительного анализа стран ОЭСР итальянские исследователи³ пришли к выводу, что директивные органы должны учитывать информацию о динамике гендерного разрыва в продолжительности жизни, чтобы они могли применять политику, которая сохраняет принципы равенства и солидарности и сокращает гендерный разрыв в пенсионном обеспечении.

В-четвертых, процесс повышения пенсионного возраста является сложной политической инициативой, которая сталкивается с большим общественным сопротивлением. Существуют примеры, когда под давлением населения, профсоюзов и экспертного сообщества правительства стран были вынуждены откладывать такие меры или проводить повышение пенсионного возраста в более щадящем режиме⁴. Наиболее ярким примером этого является изменение в пенсионном возрасте, происходившее в Польше. В 2012 г. власти Польши приняли программу постепенного повышения пенсионного возраста для мужчин и женщин до 67 лет. Однако уже в 2017 г. одержавшая победу на парламентских выборах партия, одним из предвыборных обещаний которой был более ранний выход на пенсию, добилась снижения пенсионного возраста для мужчин до 65 лет, для женщин – до 60 лет.

---

¹ Соловьев А.К. Демографические условия повышения пенсионного возраста в России // Народонаселение. – 2015. – №2 (68). – С. 39-51.

² Tyrowicz J., Makarski K., Bielecki M. Reforming retirement age in DB and DC pension systems in an aging OLG economy with heterogenous agents // IZA Journal of Labor Policy. – 2016. – No. 5. DOI: 10.1186/s40173-016-0067-8.

³ Coppola M., Russolillo M., Simone R. On the evolution of the gender gap in life expectancy at normal retirement age for OECD countries // Genus. – 2022. – No. 78. DOI: 10.1186/s41118-022-00175-5.

⁴ Горлин Ю.М., Гришина Е.Е., Ляшок В.Ю., Федоров В.В. Повышение пенсионного возраста: опыт зарубежных стран и оценка эффектов для России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2017. – № 6 (40). – С. 85-97.

Повышение пенсионного возраста обеспечивает более благоприятное соотношение между численностью работающего населения и пенсионеров за счет очевидной связи. В балансовом уравнении распределительной пенсионной системы эта связь хорошо видна (рисунок 4.1).

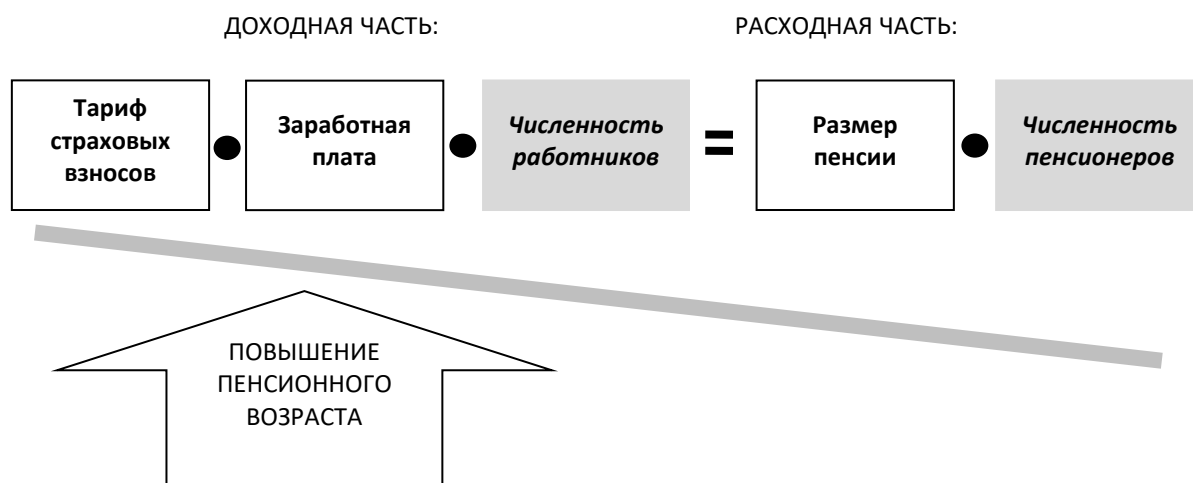

Рисунок 4.1. Балансовое уравнение распределительной пенсионной системы под воздействием повышения пенсионного возраста

По оценкам Минфина¹, «эффект от реализации данных мер на среднесрочную перспективу выражается в устойчивом росте собственных доходов ПФР в 2019-2021 гг. (+5,9%, +4,8% и +6,8% соответственно), а также в снижении начиная с 2020 г. трансферта из федерального бюджета на обязательное пенсионное страхование на 9,3 млрд руб., а в 2021 г. – уже на 156,3 млрд» (таблица 4.2). Сокращение численности получателей пенсии и увеличение численности плательщиков страховых взносов позволят сбалансировать бюджет ПФР. Однако пенсионная система не изолирована от сфер экономики, поэтому повышение пенсионного возраста затрагивает различные аспекты экономики и общества. Но в первую очередь вовлечение пожилого населения в трудовую активность может сильно изменить российский рынок труда.

¹ Проект основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов // Министерство финансов Российской Федерации. Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=123006#_4.3.

Таблица 4.2. Основные характеристики бюджета ПФР в 2018-2021 гг., млрд руб.

Показатель	2018	2019	2020	2021
Доходы	8 168	8 588	8 884	9 142
Межбюджетные трансферты	3 280,9	3 413,7	3 463,4	3 351,4
из федерального бюджета,	3 277,6	3 410,5	3 460,0	3 347,8
в т.ч. трансферт на обязательное пенсионное страхование	632,4	1 106,1	1 096,8	940,5
из бюджетов субъектов	3,3	3,2	3,4	3,6
Собственные доходы	4 886,8	5 174,0	5 420,1	5 790,6
Расходы	8 168	8 588	8 884	9 142
Расходы без учета межбюджетных трансфертов	8 167,7	8 587,7	8 883,5	9 142,0
Дефицит/профицит	0,0	0,0	0,0	0,0

Примечание: без учета накопительной составляющей пенсионной системы.

Источник: Минфин.

Поскольку в большинстве стран процесс корректировки общегосударственных пенсионных программ уже давно реализуется, то первые результаты активного вовлечения пожилого населения в трудовую деятельность через повышение пенсионного возраста описаны в зарубежной научной литературе. Австрийский опыт повышения пенсионного возраста продемонстрировал рост безработицы на 12,5% среди мужчин и на 11,8% среди женщин¹. В Великобритании повышение раннего возраста выхода на пенсию привело к увеличению занятости женщин в возрасте 60-61 лет на 6,3 процентных пункта². По результатам моделирования Штауверманн П. Дж. и Ху Дж.³, «к 2038 г. рабочая сила в Китае будет увеличена примерно на 33 млн пожилых работников, которые должны будут работать, если пенсионный возраст будет продлен до 65 лет». Они отмечают, что соответствующее количество дополнительных рабочих мест должны быть созданы в каждом году, чтобы сохранить уровень безработицы неизменным.

¹ Staubli S., Zweimüller J. Does raising the early retirement age increase employment of older workers? // Journal of Public Economics. – 2013. – Vol. 108. – P. 17-32. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2013.09.003.

² Cribb J., Emmerson C., Tetlow G. Signals matter? Large retirement responses to limited financial incentives // Labour Economics. – 2016. – Vol. 42(C). P. 203-212. DOI: 10.1016/j.labeco.2016.09.005.

³ Stauvermann P., Hu J. What can China Expect from an Increase of the Mandatory Retirement Age? // Annals of Economics and Finance. – 2018. – Vol. 19. Issue 1. P. 229-246.

В отдельных российских исследованиях рассмотрены потенциальные проблемы трудоустройства молодого и пожилого населения и безработицы среди них при повышении пенсионного возраста. В работах¹ подчеркивается, что на рынке труда конкурентоспособность лиц, достигших пенсионного возраста, крайне низка. Для обеспечения эффективного использования их труда потребуются дополнительные меры и инвестиции, поскольку пожилое население отличается пониженной работоспособностью и обладает меньшими адаптационными возможностями к изменяющимся требованиям экономики². Гипотеза же о том, что увеличение занятости пожилых приведет к росту безработицы у молодых работников, не подтверждается в зарубежных исследованиях³. Как справедливо отмечают российские ученые⁴, «между двумя возрастными группами работников существует отраслевая сегрегация, в большей степени будут конкурировать с работниками среднего возраста, чем между собой». Такие выводы не исключают рост общей безработицы населения на фоне повышения пенсионного возраста.

Появление дополнительных работников пожилого возраста может привести к снижению средней заработной платы на рынке труда, для чего есть свои предпосылки. Во-первых, в условиях, когда предложение превышает спрос, снижается цена рабочей силы, особенно в тех отраслях экономики, где наибольшая доля занятых лиц пенсионного и предпенсионного возрастов. В работе Сониной Ю. и Колосницкиной М.⁵ показано, что среди всех работающих пенсионеров за рассматриваемый период выросла доля тех, кто работает в образовании,

---

¹ Богданова А.Е. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – №14(4). – С. 535-550; Башкирева А.С., Вылегжанин С.В., Качан Е.Ю. Актуальные проблемы социальной геронтологии на современном этапе развития России // Успехи геронтологии. – 2016. – № 29(2). – С. 379-386.

² Чижова Л.С. Трудовой фактор в макроэкономических прогнозах // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №4. – С. 71-81.

³ Social security programs and retirement around the world : the relationship to youth employment / edited by Jonathan Gruber and David A. Wise. – Chicago: The University of Chicago Press, 2010. – 384 p.; Barr N., Diamond P. Reforming pensions: principles, analytical errors and policy directions // International Social Security Review. – 2009. – Vol. 62. No 2. – P. 5-29.

⁴ Ляшок В.Ю., Рощин С.Ю. Молодые и пожилые работники на российском рынке труда: являются ли они конкурентами? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – №1 (33). – С. 117–140.

⁵ Сониная Ю.В., Колосницкина М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. – 2015. – № 2. – С. 37-53.

здравоохранении, науке, ЖКХ, МВД и ВПК (секторах экономики с преобладающей ролью государства) – низкооплачиваемых отраслях экономики.

По данным Росстата, в 2019 г. 49,3% занятых в возрасте 60-69 лет работали в таких видах экономической деятельности (ВЭД), как «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», «Обрабатывающие производства», «Образование» и «Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг», где оплата труда ниже, чем в среднем по экономике (рисунок 4.2, III группа). В высокодоходных видах экономической деятельности работают менее 7% населения в возрасте 60-69 лет (рисунок 4.2, I группа). Сосредоточение пожилого населения в III группе Сони́на Ю. и Колосни́цина М.¹ объясняют «более толерантным отношением в секторах экономики с преобладающей ролью государства к сохранению занятости лицами, достигшими пенсионного возраста». Однако, ошибочно утверждать, что пожилые люди работают лишь уборщицами и грузчиками, в исследованиях Доброхлеб В.Г.² четко прослеживается связь занятости и уровня образования пожилых людей.

В то же время повышение пенсионного возраста в некоторых исследованиях³ рассматривается как инструмент смягчения дефицита рабочей силы. Однако «будущая нехватка трудовых ресурсов оценивается при этом исключительно в экстенсивном измерении, без учета роста производительности труда, роботизации, появления новых технологий и прочих возможных достижений научно-технического прогресса, обеспечивающих экономию живого труда»⁴.

---

¹ Сони́на Ю.В., Колосни́цина М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. – 2015. – № 2. – С. 37-53.

² Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. – 2008. – №8. – С. 55-61; Доброхлеб В.Г. Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной демографической ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 1 (211). – С. 59-64.

³ Иванова М.А., Балаев А.И., Гурвич Е.Т. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. – 2017. – № 3. – С. 1–18; Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Labor shortage in the Russian economy: a macroeconomic estimate // Studies on Russian Economic Development. – 2006. – Vol. 17. Issue 4. –P. 365–376. DOI: 10.1134/S1075700706040022.

⁴ Айзинова И.М. Социально-экономические проблемы старшего поколения: качество жизни населения старших возрастов // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4 (163). – С. 121-131.

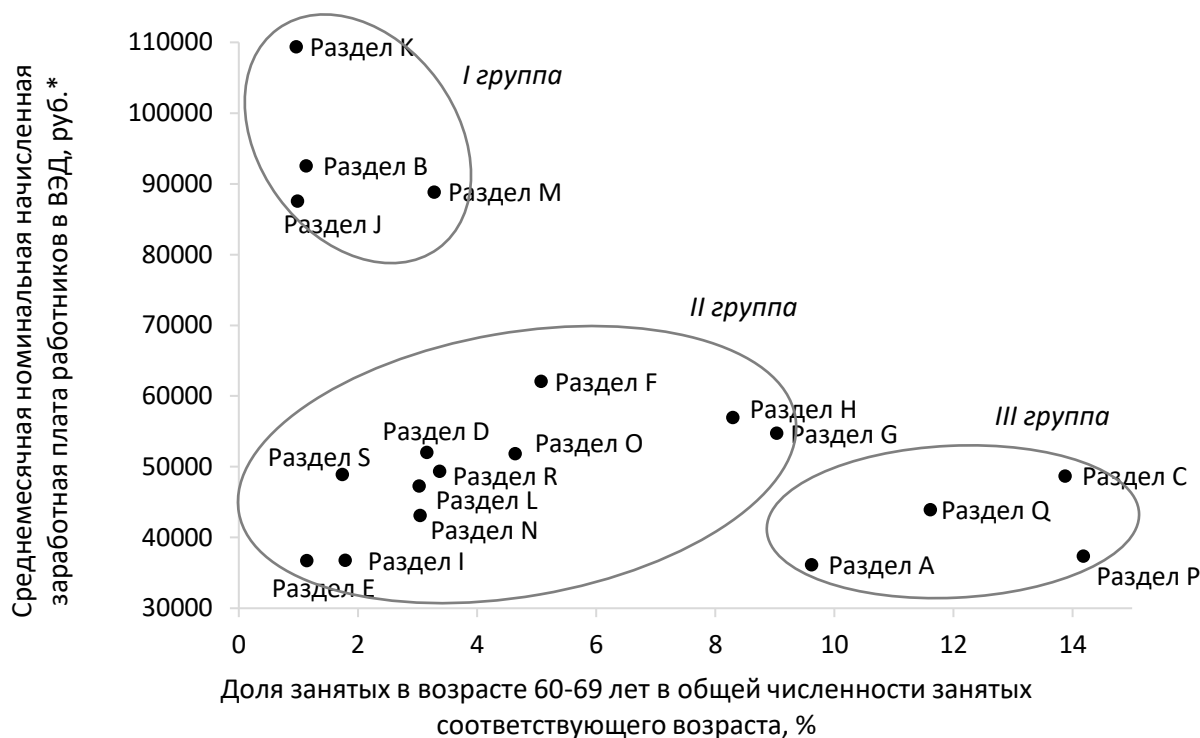

Рисунок 4.2. Распределение занятых в возрасте 60-69 лет по виду экономической деятельности, 2019 г.

Источник: Росстат.

Примечание: * - без субъектов малого предпринимательства.

Разделы ВЭД обозначены в соответствии с Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (Приказ Росстандарта от 31.01.2014 №14-ст «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (ред. от 12.02.2020)):

Раздел А. Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство

Раздел В. Добыча полезных ископаемых

Раздел С. Обрабатывающие производства

Раздел D. Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха

Раздел E. Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений

Раздел F. Строительство

Раздел G. Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов

Раздел H. Транспортировка и хранение

Раздел I. Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания

Раздел J. Деятельность в области информации и связи

Раздел K. Деятельность финансовая и страховая

Раздел L. Деятельность по операциям с недвижимым имуществом

Раздел M. Деятельность профессиональная, научная и техническая

Раздел N. Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги

Раздел O. Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение

Раздел P. Образование

Раздел Q. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг

Раздел R. Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений

Раздел S. Предоставление прочих видов услуг

Кроме того, здесь необходимо учесть и качество человеческого капитала оставшихся работников на рынке труда из-за отложенного выхода на пенсию. Состояние здоровья старшего поколения является достаточно низким, что ограничивает их работоспособность. Опросы предприятий¹ показывают, что «речь идет, прежде всего, о дефиците квалифицированной рабочей силы». С возрастом же потребность в переобучении работников для поддержания их квалификации увеличивается, что требует определенных инвестиций. Особенно остро этот вопрос встает в условиях создания и модернизации высокопроизводительных рабочих мест.

Во-вторых, с повышением пенсионного возраста рынок труда пополнится работниками с относительно невысокими заработными платами, поскольку для России характерно довольно раннее и резкое снижение заработной платы в старших возрастах. Анализ рынка труда России, проведенный ВШЭ², констатирует очень ранний пик заработков (в 35–39 лет), в то время как в большинстве стран он наступает в предпенсионные годы (рисунок 4.3). Более того, в России наблюдается тенденция к усилению разрыва в оплате труда по возрастам. Если в 2005 г. работники в возрасте 60-64 лет получали на 11,3% меньше, чем работники в возрасте 30-34 лет, то в 2019 г. этот разрыв составлял уже 24,2%. На сложившуюся возрастную дифференциацию заработная плата может отреагировать своим снижением.

В-третьих, на снижение уровня оплаты труда также могут повлиять ее гендерные различия. «Они проявляются как на межотраслевом уровне – преимущественно «женские» сферы занятости в основном характеризуются низкой оплатой труда, – так и внутри отраслей, что свидетельствует о гендерных различиях в статусных позициях»³. По приблизительным расчетам Коровкина А.Г., Единак

---

¹ Кувалин Д.Б., Моисеев А.К. Российские предприятия весной 2014 г.: деятельность в условиях замедления экономического роста // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 6. – С. 99-114.

² Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшниковой и С. Рощина. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 148 с.

³ Калабихина И.Е. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета. – 2011. – № 1. – С.149-176.

Е.А. и Королева И.Б.¹, «при повышении пенсионного возраста для обоих полов до 65 лет прирост предложения рабочей силы почти на 70% будет обеспечиваться увеличением женщин на рынке труда».

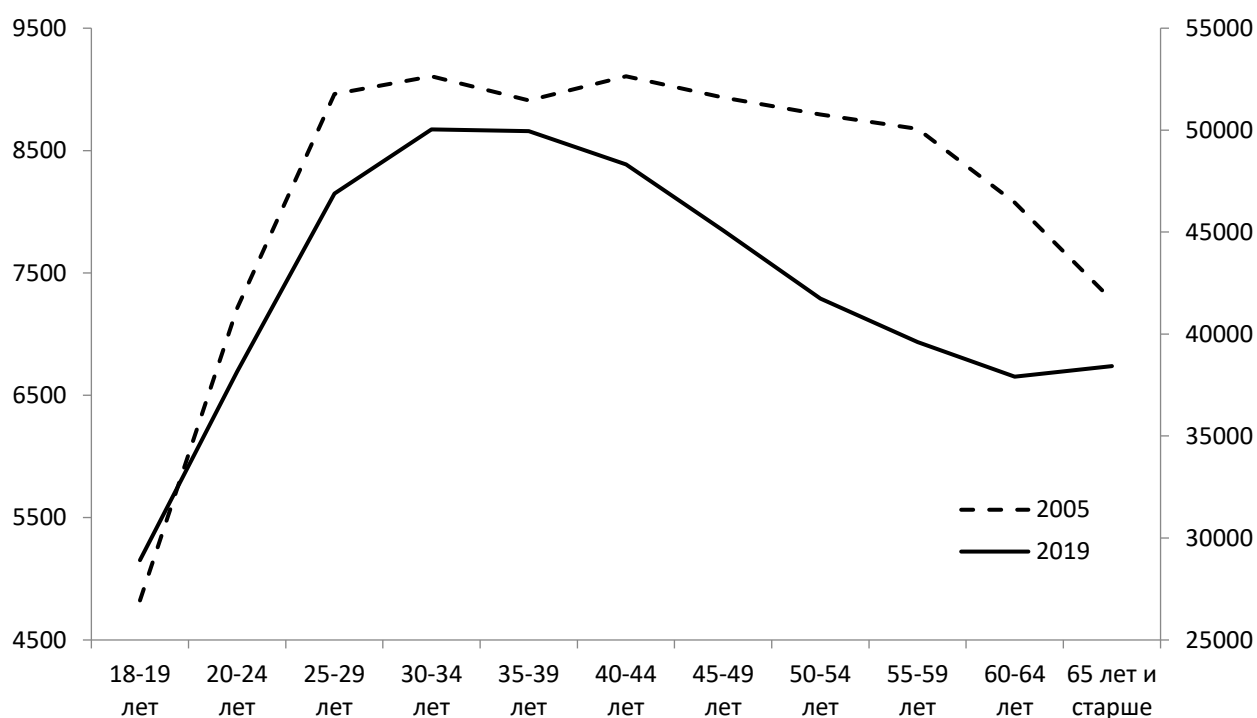

Рисунок 4.3. Средняя начисленная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) по возрастным группам, руб.

Примечание: значения за 2005 г. даны по левой вертикальной оси, за 2019 г. – по правой.

Источник: Росстат.

Как показывают зарубежные исследования, повышение возраста выхода на пенсию может негативно сказаться на уровне жизни всего населения. Крибб Дж. и Эммерсон К.² сделали попытку оценить влияние повышения пенсионного возраста на уровень жизни домохозяйств в Великобритании. В своем исследовании они пришли к выводу, что повышение пенсионного возраста с 60 до 63 лет уменьшает чистый доход женщин в возрасте 60-62 лет в среднем на £32 (\$42) за неделю, а для

¹ Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королев И.Б. Повышение пенсионного возраста, российский рынок труда и система образования // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием: Том II. / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: Институт экономики УрОРАН, 2015. – С. 431-437.

² Cribb J., Emmerson C. Can't wait to get my pension: the effect of raising the female early retirement age on income, poverty and deprivation // Journal of Pension Economics and Finance. – 2018. – P. 1-23. – DOI:10.1017/S1474747218000057.

женщин в домохозяйствах с низким доходом уровень бедности выше на 6,4 процентных пункта. Фер Х., Калвайт М. и Киндерман Ф.¹ оценили эффект увеличения нормального пенсионного возраста с 65 до 67 лет в модели пересекающихся поколений, обнаружив, что более высокий пенсионный возраст приводит к более высоким уровням бедности по старости.

Таким образом, увеличение доли работающего пожилого населения с невысокой зарплатой может привести к снижению средней зарплаты по экономике, что в свою очередь сократит размер поступлений в пенсионную систему. На рисунке 4.4 представлена схема влияния стимулирования занятости пожилого населения на параметры рынка труда и пенсионное обеспечение. Эта схема демонстрирует, что увеличение участия пожилого населения в рабочей силе будет способствовать снижению цены труда и соответственно доходов пенсионной системы.

Широко представленный в научной литературе зарубежный опыт повышения трудовой активности пожилого населения и достаточно большое количество гипотетических предположений относительно его последствий в России чаще диаметрально противоположны. Так, Ляшок В.Ю., Малева Т.М., Горлин Ю.М.² утверждают, что «совокупный эффект от повышения пенсионного возраста существенно превышает возможные экономические и социальные риски».

В то же время, как показывает исследование Щетининой И.В.³, необходимые затраты на проведение пенсионной реформы могут превысить полученную экономию бюджетных средств от повышения пенсионного возраста. Чтобы оценить влияние повышения возраста выхода на пенсию, в рамках диссертационного исследования поставлена

---

¹ Fehr H., Kallweit M., Kindermann F. Pension Reform with Variable Retirement Age – A Simulation Analysis for Germany // Netspar Discussion Paper. – 2010. – No. 02/2010-013. February 1, 2010. DOI: 10.2139/ssrn.1625789.

² Ляшок В.Ю., Малева Т.М., Горлин Ю.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. – 2018. – №13(1). – С. 148-179.

³ Щетинина И.В. Увеличение пенсионного возраста: аргументы «за» и «против» // ЭКО. – 2018. – №11(533). – С. 96-115.

Рисунок 4.4. Схема влияния стимулирования занятости пожилого населения на параметры рынка труда и пенсионной системы

***Гипотеза 1:** повышение трудовой активности пожилого населения приведет к увеличению предложения рабочей силы, что будет способствовать снижению средней заработной платы на рынке труда, а, следовательно, и страховых взносов в пенсионную систему.*

Для проверки ***Гипотезы 1*** разработан алгоритм моделирования. С целью получения взаимосвязанной оценки о последствиях для уровня безработицы, заработной платы и сбора страховых взносов в ПФР в качестве меры привлечения на рынок труда пожилого населения рассмотрено повышение пенсионного возраста на 1 год.

Информационной базой диссертационного исследования являются официальные данные Росстата, включая данные, полученные при проведении выборочных обследований населения по проблемам занятости (обследований

рабочей силы)¹ и комплексных наблюдений условий жизни населения². В ходе сбора и обработки данные выявлена определенная ограниченность имеющейся официальной статистической информации, предоставляемой Росстатом. В частности, отсутствие возможности сопоставления данных в связи с применением различной возрастной группировки (как по отдельному показателю, так и по нескольким) и новой редакции Общероссийского классификатора видов экономической деятельности³ (ОКВЭД-2). По отдельным показателям (к примеру, средняя начисленная заработная плата работников по возрастным группам) информация предоставляется не ежегодно, т.к. обследования проводятся раз в 2 года. Кроме того, поскольку данные указанных выборочных обследований на региональном уровне не являются достаточно надежными и репрезентативными, то информацию по видам экономической деятельности (и группам занятий) в разрезе субъектов РФ Росстат не разрабатывает (или представляет не в полном объеме). В результате этих ограничений в диссертационном исследовании были сделаны несколько допущений:

- для приведения данных, разбитых по различной возрастной группировке, в сопоставимый вид применяется средневзвешенная оценка;
- в модель включены только 69 субъектов РФ из 85, по которым имеется вся статистическая информация за текущий и репрезентативный период.

Алгоритм моделирования разработан совместно с д.т.н. Тырсиним А.Н. и включает в себя три этапа. В рамках первого этапа ставится задача – оценить, насколько изменится размер заработной платы, при условии, что число рабочих мест будет соответствовать возросшей потребности, т.е. безработица останется на прежнем уровне.

---

¹ Обследование рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766; Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918584312.

² Комплексное наблюдение условий жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html.

³ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 29.03.2018).

Среднюю начисленную заработную плату у мужчин и женщин можно рассчитать как среднее арифметической взвешенное

$$\bar{w} = \frac{\sum_{i=15}^{i=72} w(i)e(i)}{\sum_{i=15}^{i=72} e(i)}, \quad (4.1)$$

где $w(i)$ – средняя начисленная заработная плата по возрастам работающих мужчин и женщин, руб.;

i – возраст, лет ($i = 15, 16, \dots, 72$);

$e(i)$ – численность занятых в экономике мужчин и женщин по возрастам, тыс. чел.

С повышением пенсионного возраста структура численности занятых в экономике изменится, поскольку на рынке труда останутся 37,2% от численности 60-летних мужчин и 33,8% от 55-летних женщин¹, которые должны были уйти. Формула расчета численности занятых в экономике мужчин и женщин примет следующий вид:

$$\tilde{e}_m(60) = e_m(60) + n_m(60) \frac{k_m}{100}, \quad \text{– для мужчин,} \quad (4.2)$$

$$\tilde{e}_f(55) = e_f(55) + n_f(55) \frac{k_f}{100}, \quad \text{– для женщин,} \quad (4.3)$$

где $n(i)$ – среднегодовая численность мужчин (m) и женщин (f) по возрастам, тыс. чел.;

k – доля населения, прекращающая свою трудовую деятельность в год назначения пенсии по старости (в связи с достижением общеустановленного пенсионного возраста), $k_m = 37,2\%$ и $k_f = 33,8\%$.

Тогда формула (4.1) будет иметь вид:

$$\tilde{w}_d = \frac{\sum_{i=15}^{i=72} w_d^1(i) \tilde{e}_d^1(i)}{\sum_{i=15}^{i=72} \tilde{e}_d^1(i)}. \quad (4.4)$$

---

¹ Согласно данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом, 37,2% мужчин и 33,8% женщин прекращают трудовую деятельность в год назначения пенсии по старости (в связи с достижением общеустановленного пенсионного возраста).

Путем сопоставления значений, рассчитанных по формулам (4.1) и (4.4), оценивается влияние повышение пенсионного возраста в России на уровень заработной платы. Разница между этими значениями ($\Delta w = \tilde{w}_d - \bar{w}_d$) показывает, насколько увеличится или снизится средняя начисленная заработная плата в регионе с увеличением пенсионного возраста на один год:

- $\Delta w > 0$ – положительное влияние, средняя начисленная заработная плата возрастет;
- $\Delta w < 0$ – отрицательное влияние, средняя начисленная заработная плата снизится;
- $\Delta w = 0$ – нейтральное влияние, средняя начисленная заработная плата не изменится.

На втором этапе оценки последствий повышения пенсионного возраста поставлена задача – исследовать связь между уровнем безработицы и заработной платы в регионах России. С целью оценить потенциальный эффект роста предложения на рынке труда в рамках решения данной задачи число рабочих мест зафиксировано.

Оценивание эффекта повышения пенсионного возраста при фиксированном числе рабочих мест проводилось путем построения регрессионной зависимости между заработной платой и уровнем безработицы, различия по возрастным группам учитывались путем введения в модель фиктивных переменных сдвига и наклона. Чтобы исключить дифференциацию регионов по стоимости жизни, регрессионный анализ проводится не только для уровня безработицы и средней начисленной заработной платы, но и для уровня безработицы и отношения средней начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума в регионе.

Учет влияния возраста на зависимость между уровнем безработицы и заработной платой реализуется введением пяти возрастных групп (таблица 4.3).

Таблица 4.3. Возрастные группы исследования

Группа	Возраст
группа G_0	20 – 29 лет
группа G_1	30 – 39 лет
группа G_2	40 – 49 лет
группа G_3	50 – 59 лет
группа G_4	60 – 72 лет

Регрессионная модель имеет вид

$$Y_i = \alpha_0 + \alpha_1 X_i + \sum_{j=1}^4 (\alpha_0^j + \alpha_1^j X_i) D_i^j + \varepsilon_i, \quad (4.5)$$

где Y_i – значения отношений средней начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума в регионе;

X_i – значения уровней безработицы, %;

ε_i – случайная компонента (ошибка);

$\alpha_0, \alpha_1, \alpha_0^j, \alpha_1^j$ – теоретические значения коэффициентов регрессии;

D_i^j – фиктивные переменные сдвига и наклона, учитывающие влияние возраста, задаваемые по формуле:

$$D_i^j = \begin{cases} 1, & X_i \in G_j, \\ 0, & X_i \notin G_j. \end{cases}$$

Для модели (4.5) по имеющимся статистическим данным $(x_i, y_i), i = \overline{1, N}$, $N = 5 \cdot 69$, построим с помощью метода наименьших квадратов уравнение регрессии

$$\hat{y}_i = a_0 + a_1 x_i + \sum_{j=1}^4 (a_0^j + a_1^j x_i) D_i^j, \quad (4.6)$$

где $\hat{y}_i$ – условное среднее значение величины Y_i ;

a_0, a_1, a_0^j, a_1^j – оценки коэффициентов регрессии.

Из (4.6) получим уравнения регрессии для всех пяти возрастных групп

$$\hat{y}_i^k = a_0^{(k)} + a_1^{(k)} x_i^k, \quad k = \overline{0, 4}, \quad (4.7)$$

где $a_0^{(k)} = a_0 + a_0^k, a_1^{(k)} = a_1 + a_1^k$.

Отметим, что для первых четырех возрастных групп коэффициенты при объясняющей переменной оказались статистически значимыми с вероятностью ошибки первого рода не более 0,05. Статистическая незначимость уравнения регрессии (4.7) для последней возрастной группы (60-72 лет) объясняется противоречивыми тенденциями в этой группе: у людей, с одной стороны, наблюдается снижение трудовой активности, а с другой стороны, – возрастает доля высококвалифицированных и высокооплачиваемых работников.

На третьем этапе оценивается влияния привлечения дополнительных работников за счет увеличения пенсионного возраста на изменение поступлений в пенсионную систему. Учитывая дизайн действующей пенсионной системы России и особенности ее реформирования, очевидно, что именно распределительная (солидарная) компонента будет оставаться основной для российской пенсионной системы. Условно такую пенсионную систему можно представить в виде балансового уравнения, где левая часть – это ее доходы, а правая – расходы¹:

$$F \cdot W \cdot E = P \cdot R,$$

где F – тариф взносов на пенсионное обеспечение, %;

W – средняя номинальная заработная плата, руб.;

E – численность застрахованных работников, тыс. чел.;

P – средний номинальный размер пенсии, руб.;

R – численность пенсионеров, тыс. чел.

Предложенный алгоритм моделирования влияния трудовой активности пожилого населения на параметры рынка труда и пенсионной системы направлен на оценку защиты государственных интересов и интересов пожилого населения, а также возможности их согласования. Апробация алгоритма позволит обосновать параметры формирования и реализации политики активного долголетия.

---

¹ Доклад Минздравсоцразвития. Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации с учетом влияния мирового финансового кризиса. Режим доступа: <http://pensionreform.ru/607959>.

4.2. Многофакторная модель дифференциации заработной платы по возрастным группам на российском рынке труда¹

Значительным ограничением реализации трудовой потенциал пожилого населения является существенный разрыв зарплаты между возрастными группами на российском рынке труда². Монотонный рост зарплаты на протяжении почти всей трудовой жизни в развитых странах описан и обоснован Минсером Дж.³ и Беккером Г.⁴ в рамках теории человеческого капитала. Согласно этой теории, зарплата работника имеет тенденцию роста по мере увеличения его трудового стажа, но с затухающим темпом. Накопленный в течение трудовой деятельности человеческий капитал позволяет работникам старшего возраста демонстрировать более высокую производительность своего труда и, следовательно, получать за него более высокую плату. Однако на российском рынке труда, как показала серия научных работ Гимпельсона В.Е. и Капелюшников Р.И.⁵, «человеческий капитал накапливается в начале трудовой карьеры, но с возрастом он обесценивается, что отражается в «нестандартном» профиле заработной платы». Как отмечают ученые, «в России, как в менее развитой стране, высокая доля рабочих мест, где освоение профессии происходит быстро, сложное и непрерывное обучение от работников не требуется, поэтому пик заработков здесь достигается раньше».

В научной литературе нет однозначных доказательств того, что интеллектуальные и когнитивные способности у работников с возрастом

---

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работе автора: Васильева Е.В., Тырсин А.Н. Возрастная дифференциация в заработной плате на российском рынке труда: выявление причин // *Пространственная экономика*. – 2021. – Т. 17. № 3. – С. 103-132. DOI: 10.14530/se.2021.3.103-132.

² Черных Н.А., Тарасова А.Н., Сырчин А.Е. Предпенсионеры на рынке труда: проблемы занятости и меры поддержки // *Экономика региона*. – 2020. – Вып. 16, № 4. – С. 1178-1192.

³ Mincer J. *Schooling, Experience, and Earnings*. – NBER, 1974. – 154 p.

⁴ Becker G. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. – University of Chicago Press, 2009. – 412 p.

⁵ Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / отв. ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, 2-е изд. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2008. – 575 с.; Гимпельсон В.Е. Возраст, производительность, заработная плата: препринт WP3/2018/07 /. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 66 с.; Российский работник: образование, профессия, квалификация / отв. ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. – 576 с.

снижаются¹. Как показало голландское исследование², «возрастные изменения в когнитивных функциях у сотрудников старше 65 лет влияют на производительность труда только тогда, когда требования к работе слишком высоки по сравнению с имеющимся контролем за работой». Шотландские ученые³ подтвердили гипотезу дифференциального старения, которая гласит, что снижение способностей с возрастом будет медленнее у людей с более высокими умственными способностями, образованием и социальным классом. Американские исследователи⁴ выявили, что руководители старшего возраста набрали более высокие показатели кристаллизованного интеллекта (способности, которые приходят с опытом) и более низкие показатели подвижного интеллекта (способности к обучению и приобретению новых навыков), чем руководители младшего возраста. В своем исследовании Скирбекк В.⁵ приходит к выводу, что «работодателям следует провести реорганизацию, чтобы позволить пожилым работникам выполнять такие задачи, для которых у них есть сравнительные преимущества (опыт, управленческие и коммуникационные навыки), а не задачи, требующие высокой скорости обработки и быстрой переориентации».

Процесс старения также сопровождается снижением различных физиологических и физических способностей, которое негативно влияет на производительность труда и его безопасность⁶. Более того, утверждение, что каждое поколение будет здоровее и проживет дольше, чем предыдущее, в научных исследованиях не подтвердилось. Как показано в работе Кримминс Э.М., Бельтран-

---

¹ Salthouse T. Consequences of age-related cognitive declines // *Annual Review of Psychology*. – 2012. – Vol. 63. – P. 201-226. DOI: 10.1146/annurev-psych-120710-100328.

² Muller A., De Lange A., Weigl M., Van der Heijden B., Ackermans J., Wilkenloh J. Task Performance Among Employees Above Age 65: The Role of Cognitive Functioning and Job Demand-Control // *Work, Aging and Retirement*. – 2015. No.1(3). – P. 296-308. DOI: 10.1093/workar/wav001.

³ Deary I.J., Starr J.M., MacLennan W.J. Is age kinder to the initially more able?: differential ageing of a verbal ability in the Healthy Old People in Edinburgh study // *Intelligence*. – 1998. – No. 26(4). – P. 357-375. DOI:10.1016/s0160-2896(99)00005-7.

⁴ Klein R.M., Dilchert S., Ones D.S., Dages K.D. Cognitive predictors and age-based adverse impact among business executives // *Journal of Applied Psychology*. – 2015. – No.100(5). – P. 1497-1510. DOI:10.1037/a0038991.

⁵ Skirbekk V. Age and Productivity Capacity: Descriptions, Causes and Policy Options // *Ageing Horizons*. – 2008. – No. 8. P. 4-12.

⁶ Maertens J.A., Putter S.E., Chen P.Y., Diehl M., Huang Y.-H. Physical capabilities and occupational health of older workers // *The Oxford Handbook of Work and Aging* / J.W. Hedge, W.C. Borman (Eds.). New York: Oxford University Press, – 2012. – P. 215-235.

Санчес Х.¹, «мало что указывает на меньшее количество заболеваний, хотя растущая распространенность заболеваний может в какой-то степени отражать лучшую диагностику». Тем не менее, достигнуты значительные успехи в борьбе с последствиями болезней – они стали менее смертельными и инвалидизирующими.

Инвестиции в образование и поддержание состояния здоровья могут компенсировать износ и обесценение человеческого капитала пожилого работника. Хертел Г. и Захер Х.² пришли к выводу, что, когда «пожилые люди ожидают, что будут работать дольше, у них появляются стимулы вкладывать больше средств в обучение, расширение профессиональных навыков, поддержание здоровья и трудоспособности».

Кроме того, разрыв оплаты труда пожилых работников объясняется не только истощением их человеческого капитала (плохим состоянием здоровья, устаревшими знаниями, «неактуальными» профессиональными навыками и др.), объективно отражающимся на их низкой производительности труда, но и возрастной дискриминацией по отношению к ним (эйджизмом). Многочисленные зарубежные и отечественные исследования³ показали, что в обществе, в т.ч. российском, сложились негативные стереотипы относительно пожилых людей и их профессиональных характеристик, создающие существенные барьеры для них на рынке труда, особенно при трудоустройстве.

Предубежденность работодателей может быть «оправданной», поскольку дискриминация демотивирует представителей ущемленных групп к саморазвитию и инвестированию в собственный человеческий капитал. В научной литературе этот феномен обозначается «самосбывающимся пророчеством» или «порочным

---

¹ Crimmins E.M., Beltrán-Sánchez H. Mortality and morbidity trends: is there compression of morbidity? // *Journal of Gerontology: Social Sciences*. – 2011. – No. 66B(1). – P. 75-86. DOI: 10.1093/geronb/gbq088.

² Hertel G., Zacher H. Managing the aging workforce // *The SAGE Handbook of Industrial, Work, & Organization Psychology* / Ones D.S., Anderson N., Viswesvaran C., Sinangil H.K. (eds.). – Sage, 2018. – P. 396-428.

³ Egdell V., Maclean G., Raeside R., Chen T. Age Management in the Workplace: Manager and Older Worker Accounts of Policy and Practice // *Ageing and Society*. – 2020. – No. 40(4). – P. 784- 804. DOI: 10.1017/S0144686X 18001307; Вишневецкая Н.Т. Работники старших возрастов на рынке труда в странах ОЭСР // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. – 2017. – Вып. 21, №4. – С. 680-701.

кругом»¹. Как справедливо отмечает Тагаров Б.Ж.², «затрудняет выход из этого «порочного круга» низкая самооценка пожилых людей и их пессимистичные ожидания о своем уровне зарплаты». Результаты качественных интервью с пожилыми работниками в возрасте 50 лет и старше в Великобритании³ показали, что для некоторых людей продолжать работать до 70 лет нереально, поскольку чувство онтологической нестабильности среди пожилых работников является обычным явлением. Более того, негативные возрастные стереотипы отрицательно влияют на когнитивные функции, память, самочувствие и здоровье пожилых людей⁴. В то же время научные исследования не только опровергают многие стереотипы в отношении пожилого населения⁵, но и демонстрируют положительные деловые качества возрастных работников (надежность, добросовестность и др.)⁶.

В российских условиях ранний пик заработных плат может быть связан со сложившимся эйджизмом. Тем более что Котова Н.Н. и Черепанова А.Е.⁷ выделяют в качестве одной из особенностей российского рынка труда «скрытую дискриминацию людей с относительно молодого возраста – старше 40 лет». Как

---

¹ Arrow K.J. The Theory of Discrimination // *Discrimination in Labor Markets* / Ashenfelter O., Rees A. (eds.). – Princeton University Press, 1973. – P. 3-33; Golub S.A., Langer E.J. Challenging assumptions about adult development: implications for the health of older adults // *Handbook of Health Psychology and Aging* / Aldwin C.M., Park C.L. and Spiro A. III (eds.). – New York: The Guildford Press, 2007. – P. 9-29.

² Тагаров Б.Ж. Экономические принципы эйджизма на рынке труда // ЭКО. – 2019. – № 8. – С. 66-82. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2019- 8-66-82.

³ Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S. Understanding Older Worker Precarity: the Intersecting Domains of Jobs, Households and the Welfare State // *Ageing and Society*. – 2019. – Issue 39. – P. 2219-2241. DOI: 10.1017/S0144686X18001253.

⁴ Hess T.M., Hinson J.T. Age-related variation in the influences of aging stereotypes on memory in adulthood // *Psychology & Aging*. – 2006. – No. 21. – P. 621-625. DOI: 10.1037/0882-7974.21.3.621; Levy B. Mind matters: cognitive and physical effects of aging self-stereotypes // *The Journals of Gerontology*. – 2003. – No. 58B. – P. 203-211. DOI: 10.1093/geronb/58.4.P203; Coudin G., Alexopoulos T. Help me! I'm old! How negative aging stereotypes create dependency in older adults // *Ageing and Mental Health*. – 2010. – No. 14. – P. 516-523; Rothermund K. Effects of age stereotypes on self-views and adaptation // *The Adaptive Self. Personal Continuity and Intentional Self-development* / Greve W., Rothermund K., Wentura D. (eds.). – Göttingen, Germany: Hogrefe, 2005. – P. 223-242; Levy B., Ferrucci L., Zonderman A.B., Slade M.D., Troncoso J., Resnick S.M. A culture-brain link: negative age stereotypes predict Alzheimer's disease biomarkers // *Psychology & Aging*. – 2016. – No. 31. – P. 82-88. DOI: 10.1037/pag0000062.

⁵ Biggs S., Carstensen L., Hogan P. Social capital, lifelong learning and social innovation // *Global Population Ageing: Peril or Promise?* World Economic Forum / Beard J.L., Biggs S., Bloom D.E., Fried L.P., Kalache A., Olshansky S.J. (eds). – Geneva, 2012. – P. 39-41; Ng T.W.H., Feldman D.C. Evaluating six common stereotypes about older workers with meta-analytical data // *Personnel Psychology*. – 2012. – No. 65. – P. 821-858.

⁶ van Ours J.C., Stoeldraijer L. Age, Wage and Productivity in Dutch Manufacturing // *De Economist*. – 2011. – No. 159. – P. 113-137. DOI: 10.1007/s10645-011-9159-4; Хоткина З.А. Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // *Народонаселение*. – 2013. – № 3(61). – С. 27-37.

⁷ Котова Н.Н., Черепанова А.Е. Проблемы современного рынка труда (тенденция развития) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. – 2017. – № 4. – С. 38-45. DOI: 10.14529/em170405.

отмечают Попова Л.А. и Терентьева М.А.¹ эта проблема, «зародившаяся в России еще в период социально-экономических реформ 1990-х гг., сохраняется даже с принятием поправки в Закон о занятости населения, запрещающие дискриминацию в объявлениях о вакантных рабочих местах, только сами дискриминационные практики стали более скрытыми». Результаты исследования Клепиковой Е.А. и Колосницыной М.Г.² выявили также наличие в России значительной дискриминации пожилых работников в заработной плате.

Таким образом, в научной литературе значительная дифференциация заработной платы между возрастными группами объясняется как обесцениваемое человеческого капитала работника в конце его трудовой карьеры, так и влиянием возрастной дискриминацией. Определить причины возрастной дифференциации в уровне заработной платы представляет собой сложную научную задачу, поскольку, с одной стороны, сложность составляет оценка труда (его производительности³, эффективности, продуктивности и др.), особенно такого труда, который зависит от навыков и квалификации работника⁴. С другой стороны, на практике не всегда можно четко идентифицировать дискриминацию. В исследовании Хоткиной З.А.⁵ показано, что «не все различия в обращении, связанные с возрастом, могут рассматриваться как дискриминация, особенно в сфере трудовых отношений». Как справедливо отмечает Клепикова Е.А.⁶, если «отдельный пожилой работник менее продуктивен (в силу своего человеческого капитала), чем молодой, то предпочтение, отданное второму, не является дискриминацией». Основываясь на обзоре литературы, в рамках диссертационного исследования сформулированы:

---

¹ Попова Л.А., Терентьева М.А. Вопросы реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера - 2020. Сборник статей Седьмой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 2 ч. Сыктывкар, 2020. – С. 96-106.

² Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. – 2017. – Том 15, № 1. – С. 69-88. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.104.

³ Клепикова Е.А. Возрастная дискриминация при найме: результаты экспериментального исследования // Экономическая политика. – 2019. – Вып. 14, №2. – С. 64-89.

⁴ Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. – 2019. – Т. 23. № 2. – С. 185-237.

⁵ Хоткина З.А. Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народонаселение. – 2013. – № 3(61). – С. 27-37.

⁶ Клепикова Е.А. Возрастная дискриминация при найме: результаты экспериментального исследования // Экономическая политика. – 2019. – Вып. 14, №2. – С. 64-89.

Гипотеза 2: заработная плата пожилых работников определяется эйджизмом – сложившимися в рынке труда стереотипами, которые негативно влияют на оценку их профессиональных качеств;

Гипотеза 3: заработная плата пожилых работников зависит от их накопленного человеческого капитала (образования, навыков и здоровья).

Информационной базой исследования являются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ¹ за 2000-2019 гг. Данные мониторинга рассмотрены не только по возрастным группам, но и полу, поскольку сложились существенные гендерные различия в трудовых траекториях².

Для выявления причин возрастной дифференциации в уровне заработной платы совместно с совместно с д.т.н. Тырсиным А.Н. предложена модель. В модель включены данные по 11 пятилетним возрастным подгруппам (таблица 4.4) и полу населения. Исключены из рассмотрения возрастные подгруппы «16-19 лет» и «75 лет и старше», поскольку, как правило, первая подгруппа еще не окончила обучение в системе образования и полностью «не принадлежат» рынку труда, а вторая – уже вышла из состава рабочей силы, что существенно отличает их от остальных подгрупп.

Были выделены три условные возрастных группы:

- группа трудоспособного возраста D_0 (мужчины в возрасте 20-54 лет и женщины в возрасте 20-49 лет);
- группа предпенсионного возраста D_1 (мужчины в возрасте 55-59 лет и женщины в возрасте 50-54 лет);

---

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>)

² Скопек Я., Тривенти М., Косякова Ю., Букхольц С., Блоссфельд Х.-П. Гендер и начало трудового пути: результаты международного сравнительного исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Вып. 19, № 5. – С. 98-126; Ощепков А.Ю. Гендерные различия в оплате труда в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Вып. 10, №4. – С. 590-619.

- группа пенсионного возраста D_2 (мужчины в возрасте 60-74 лет и женщины в возрасте 55-74 лет).

Таблица 4.4. Возрастные группы и подгруппы исследования

Возраст, лет	Подгруппы	Группы для мужчин	Группы для женщин
20-24	d_1	D_0	D_0
25-29	d_2		
30-34	d_3		
35-39	d_4		
40-44	d_5		
45-49	d_6		
50-54	d_7		
55-59	d_8	D_1	D_2
60-64	d_9	D_2	
65-69	d_{10}		
70-74	d_{11}		

Включенные в модель переменные представлены в таблице 4.5.

Человеческий капитал в модели описан четырьмя переменными, отражающими:

- наличие профессионального образования (A_1),
- обучение новым знаниям (A_1),
- наличие навыков работы с компьютером (A_1),
- состояние здоровья (самочувствие) (A_1).

Важно отметить, что последний из них является самооценкой, не имеющей четких критериев (в отличие от других ее сложно подтвердить), поэтому при использовании ее в эконометрических моделях может возникать проблема эндогенности. Однако, как показано в работе Ляшюка В.Ю. и Рощина С.Ю.¹, сравнение данных РМЭЗ-ВШЭ о самооценке здоровья с объективными оценками (наличие хронических заболеваний, получение пенсии по инвалидности) не выявило значимых различий. Тем более на самооценке здоровья отражается

¹ Ляшюк В.Ю., Рощин С.Ю. Влияние здоровья на предложение труда пожилых // Прикладная эконометрика. – 2015. – № 40 (4). – С. 6–27; Ляшюк В.Ю. Пенсии, здоровье и спрос на труд как детерминанты экономической активности населения старшего возраста в России : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Ляшюк Виктор Юрьевич; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики"]. – Москва, 2017. – 159 с.

эмоциональный настрой и оптимизм, которые оказывают влияние на трудовые траектории населения, что соответствует задачам диссертационного исследования.

Таблица 4.5. Переменные для построения модели

Обозначение показателя	Название показателя, единица измерения	Исходный показатель вопросника РМЭЗ-ВШЭ
A_1	Доля населения с законченным профессиональным образованием по возрастным группам, %	Законченное образование (группа)
A_2	Доля населения, прошедшего обучение на курсах, по возрастным группам, %	В течение последних 12 месяцев Вы учились или учитесь на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков, обучение на рабочем месте?*
A_3	Доля населения, использующего персональный компьютер, по возрастным группам, %	Приходилось ли Вам в течение последних 12 месяцев пользоваться персональным компьютером в любых целях?
A_4	Доля населения, оценивающего свое здоровье как хорошее и очень хорошее, по возрастным группам, %	Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете Ваше здоровье?
A_5	Доля работающего населения в профессиональной группе «специалист среднего уровня» и выше, %	Профессиональная группа – по коду J2COD08
Z	Среднемесячная заработная плата возрастной группы, руб. (в ценах 2019 г.)	За последние 12 месяцев какова была Ваша среднемесячная зарплата на этом предприятии после вычета налогов - независимо от того, платят Вам ее вовремя или нет?

Примечание: *в 2000 г. – «В течение последних 2-х лет Вы учились или учитесь на профессиональных курсах, курсах повышения квалификации или любых других курсах, включая курсы иностранных языков, обучение на рабочем месте?».

Поскольку должность работника и соответственно его зарплата, как правило, определяется его стажем, который, в свою очередь, может увеличиваться только с возрастом, в модели учтена эта возрастная специфика. Различия в должностных позициях между возрастными группами отражены через показатель профессиональной группы (A_5).

Для учета инфляции скорректирована среднемесячная заработная плата (*B*) путем ее перерасчета к ценам 2019 г. через индекс потребительских цен.

Предложенная многофакторная модель дифференциации заработной платы по возрастным группам на российском рынке труда направлена на анализ формирования «нестандартного» возрастного профиля заработной платы в России. Выявление факторов существенного разрыва в уровне заработной платы работников разных возрастов позволит обосновать управленческое воздействие по согласованию государственных интересов и интересов пожилого населения в сфере рынка труда.

4.3. Подход к выявлению зависимости между занятостью пожилого населения и их состоянием здоровья¹

Вовлечение пожилых людей в трудовую деятельность и наращивание потенциала активного долголетия, как отмечают исследователи ВШЭ², могут столкнуться с весомым ограничением – состояние здоровья старшего поколения. Исследование Малевой Т.М. и Синявской О.В.³ показало, что «к моменту, когда человек достигает пенсионного возраста, у него обычно есть ряд хронических заболеваний, а нередко – инвалидность». Состояние здоровья пенсионеров может ограничивать их работоспособность⁴. Поэтому разрабатываемая и реализуемая государственная политика в области активного долголетия должна не только создать возможности продления периода трудовой деятельности населения в пожилом возрасте, но обеспечить сохранение удовлетворительного состояния здоровья.

---

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работе автора: Васильева (Чистова) Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. № 1. – С. 204–216. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.12.

² Вишневский А.Г., Васин С.А., Рамонов А.В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. – 2012. – № 9. – С. 88-109.

³ Малева Т.М., Синявская О.В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 8. – С. 117-137.

⁴ Шабунова А.А., Россошанский А.И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. – 2018. – № 3 (95). – С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.1.

Как показали данные мониторинга общественного здоровья населения Вологодской области, проводимого ИСЭРТ РАН¹, «работающие пенсионеры позитивно характеризуют собственное здоровье». Результаты количественного исследования, проведенного в 2012 г. в Ивановской области², выявили, что большее влияние на субъективную оценку здоровья оказывает не возраст, а наличие высшего образования, текущей занятости, разнообразия в трудовых практиках. Рогозин Д.М. объясняет это тем, что работающие пенсионеры самостоятельно распоряжаются своим временем, включены в различные социальные сети и не зависят от заботы со стороны государства. Аналогичные результаты получены Лежниной Ю.П. по данным исследования ИС РАН «Социальная политика и социальные реформы глазами россиян»³. Вовлеченность пенсионеров в трудовой процесс дает им не только дополнительные доходы, но и повышает у них самооценку и улучшает самочувствие.

В то же время исследование Егоровой О.В.⁴, базой которого были данные поликлиник, выявило, что «работающие женщины пенсионного возраста имеют более высокий уровень общей и хронической заболеваемости». Комплексное медико-социальное исследование по изучению образа жизни и состояния здоровья работающих женщин пенсионного возраста (на примере Пензенской области)⁵ продемонстрировало, что среди работающих женщин старше 60 лет никто не отметил положительного влияния работы на здоровье. Опрос населения, проведенный в 2013 г. Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС⁶, показал, что причинами прекращения работы по достижению

---

¹ Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – № 4 (32). – С. 643-657.

² Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 62-93.

³ Лежнина Ю.П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 178-195.

⁴ Егорова О.В. Образ жизни и состояние здоровья работающих женщин пенсионного возраста : дис. ... кандидата медицинских наук : 14.02.03 [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т ж.-д. гигиены]. – Москва, 2011. – 173 с.

⁵ Толченова Е.А., Егорова О.В. Роль руководящего состава учреждений здравоохранения в охране здоровья работающих женщин пенсионного возраста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. – 2009. – № 4. – С. 705-706.

⁶ Малева Т.М. Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. – 2014. – №2. – С. 55-84; Влияние трудового и пенсионного поведения населения на обеспечение долгосрочной устойчивости пенсионной системы в российской федерации и снижение рисков депривационной бедности среди граждан пожилого возраста /

пенсионного возраста являются нездоровье и усталость, поскольку именно они определяют возможности пожилого человека трудиться. Результаты социологического исследования «Проблемы третьего возраста»¹, проведенного Поповой Л.А. и Зориной Е.Н. на территории Республики Коми в 2018 г., показали аналогичные выводы: «63,7% неработающих опрошенных старше 55 лет указали в качестве причины незанятости «заслужили отдых» и 17% – состояние здоровья».

Таким образом, в научной литературе сложились две точки зрения относительно здоровья работающих пенсионеров. Первая точка зрения предполагает, что вовлечение пожилых людей в трудовую деятельность позволит решить не только проблемы, связанные со старением населения (дефицит рабочей силы, нагрузка на занятое население и пр.), но и будет способствовать сохранению их здоровья. Вторая же точка зрения учитывает то, что российские пожилые люди к пенсии подходят с подорванным здоровьем, а продолжение трудовой активности может усугубить их состояние. Диссертационное исследование направлено на обоснование этих точек зрения для этого были выявлены причинно-следственной связи между занятостью пожилых людей и их здоровьем. На основании рассмотренных теоретических моделей и социологических обследований населения были выдвинуты:

Гипотеза 4: пожилые люди продолжают работать, что сохраняет им хорошее состояние здоровья;

Гипотеза 5: продолжают работать те пожилые люди, которым позволяет их здоровье.

Если в *Гипотезе 4* удовлетворительное состояние здоровья пожилых людей выступает как следствие их трудовой активности, то в *Гипотезе 5* – противоположная ситуация, здесь состояние здоровья является причиной наличия занятости. Как правило, исследования здоровья и трудовой активности пожилых

А.Я. Бурдяк, Е.Е. Гришина, Ю.А. Дормидонтова, Ю.М. Казакова, В.Ю. Ляшок, Е.А. Цацура; препринт. – М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2014. – 80 с.

¹ Попова Л.А., Зорина Е.Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. № 2. – С. 143-156.

людей проводятся в разрезе стимулов и ограничений¹. Для проверки *Гипотез 4 и 5* сформирована схема причинно-следственных связей между занятостью пожилых людей и их здоровьем, в которой также отображены и другие потенциальные факторы влияния (рисунок 4.5).

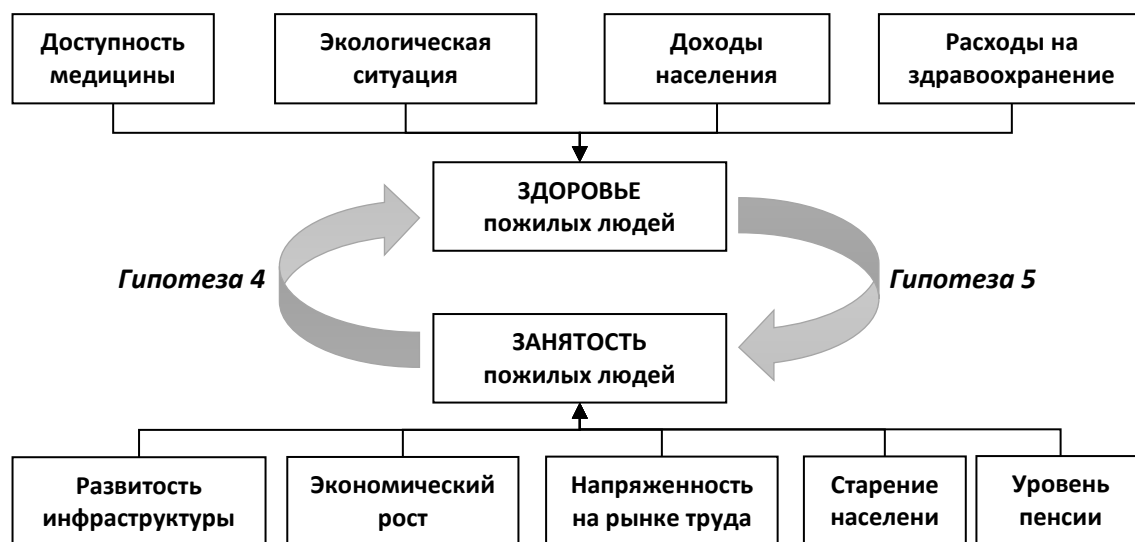

Рисунок 4.5. Схема зависимости между занятостью пожилых людей, их здоровьем и другими факторами

На основе предложенной схемы построены совместно с д.т.н. Тырсиным А.Н. две многомерные линейные регрессионные модели. Регрессионная модель для проверки *Гипотезы 4* включает зависимую переменную – здоровье пожилых людей, на которое влияют такие факторы (входные переменные), как:

- занятость,
- доступность медицины,
- экологическая ситуация,
- доходы населения,
- государственные расходы на здравоохранение.

Данный набор переменных основан на предложенных ВОЗ² факторах, влияющих на здоровье: образ жизни, генетика, состояние здравоохранения и

¹ Мальцева Е. Слабое здоровье мешает пенсионерам работать // Научно-образовательный портал IQ. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177667217.html>.

² Черешнев В.А. Экология. Иммуитет. Здоровье. – СПб.: СПбГУП, 2016. – 32 с.

окружающей среды. Первый из этих фактор в нашей модели описывается показателями занятости пожилых людей и доходов населения, третий – показателями обеспеченности населения врачами и расходов на здравоохранение, четвертый – показателем экологической ситуации. Второй фактор не включен в модель, поскольку, как отмечает Черешнев В.А.¹, он актуален для детей до 3-6 лет.

Во вторую модель (*Гипотеза 5*) вошли зависимая переменная – занятость пожилых людей, и объясняющие переменные:

1) внутренние факторы:

- здоровье пожилых людей,
- уровень пенсионного обеспечения,

2) факторы внешней среды:

- напряженность на рынке труда,
- экономический рост,
- демографическая ситуация,
- развитость инфраструктуры.

Согласно многочисленным опросам, именно внутренние факторы оказывают большее влияние на трудовую активность пожилых людей. Выбор внутренних факторов обоснован результатами многочисленных социологических исследований. Согласно ним, вовлечение пожилых людей в трудовую деятельность носит вынужденный характер². Причинами же прекращения работы по достижению пенсионного возраста, как уже отмечалось, являются неудовлетворительное состояние здоровья³.

---

¹ Черешнев В.А. Экология. Иммуитет. Здоровье. – СПб.: СПбГУП, 2016. – 32 с.

² Влияние трудового и пенсионного поведения населения на обеспечение долгосрочной устойчивости пенсионной системы в российской федерации и снижение рисков депривационной бедности среди граждан пожилого возраста / А.Я. Бурдяк, Е.Е. Гришина, Ю.А. Дормидонтова, Ю.М. Казакова, В.Ю. Ляшок, Е.А. Цацура; препринт. – М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2014. – 80 с.; Черкашина Т.Ю. Работа на пенсии: необходимость или возможность? // ЭКО. – 2011. – №4. – С. 101-114; Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1(43). – С. 195-213.

³ Малева Т.М. Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. – 2014. – №2. – С. 55-84; Особенности трудовой занятости российских пенсионеров // Центр изучения пенсионной реформы. Режим доступа: <http://rospens.ru/research/analytics/osobennosti-trudovoy-zanyatosti-rossiyskikh-pensionerov.htm>; Влияние трудового и пенсионного поведения населения на обеспечение долгосрочной устойчивости пенсионной системы в российской федерации и снижение рисков депривационной бедности среди граждан пожилого возраста / А.Я.

Помимо отмеченных факторов, на решение пенсионеров о возможности продолжения трудовой деятельности влияет внешняя среда. Трудовая активность пенсионеров рассматривается как инструмент смягчения дефицита рабочей силы¹, поэтому в модель включены факторы внешней среды:

- Напряженность на рынке труда описывается уровнем безработицы. Поскольку на рынке труда конкурентоспособность людей в пенсионном возрасте является крайне низкой², и их шансы на трудоустройство ниже, чем у молодых кандидатов³, то наличие вакантных рабочих мест формирует потребность в дополнительной рабочей силе.
- Экономический рост отражает формирование заинтересованности в трудовом участии пенсионеров и, как правило, сопровождается антропогенной нагрузкой на окружающую среду⁴, что учтено в модели.
- Уровень демографического старения естественным образом увеличивает средний возраст занятого населения в экономике. Как отмечают демографы⁵, демографическая пирамида экономически активного населения России в целом повторяет демографическую пирамиду страны в возрастном интервале от 15 до 72 лет.

Бурдяк, Е.Е. Гришина, Ю.А. Дормидонтова, Ю.М. Казакова, В.Ю. Ляшок, Е.А. Цацура; препринт. – М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2014. – 80 с.

¹ Иванова М.А., Балаев А.И., Гурвич Е.Т. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. – 2017. – № 3. – С. 1-18; Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Labor shortage in the Russian economy: A macroeconomic estimate // Studies on Russian Economic Development. – 2006. – Vol. 17, No 4. – P. 365-376. DOI: 10.1134/S1075700706040022.

² Богданова А.Е. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – №14(4). – С. 535-550.

³ Клепикова Е.А. Возрастная дискриминация при найме: результаты экспериментального исследования // Экономическая политика. – 2019. – №14(2). – С. 64-89.

⁴ Забелина И.А., Клевакина Е.А. Система индикаторов для оценки качества роста региональных экономик // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2014. – № 6 (29). – С. 23-32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.6.3>; Экономический рост сопровождается увеличением выбросов в атмосферу загрязняющих веществ // Демоскоп Weekly. – 2004. – № 173-174. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0173/barom01.php>.

⁵ Васин С., Вишневецкий А., Денисенко М. Старение работающего населения противодействует модернизационным процессам // Демоскоп Weekly. – 2010. – №429-430. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0429/tema07.php>.

- Развитость инфраструктуры (а именно, здравоохранения, что особенно важно в пожилом возрасте) формирует условия для жизнедеятельности, в т.ч. воспроизводства трудовых ресурсов¹.

Логика исследования взаимосвязи между занятостью пожилых людей и их здоровьем заключается в следующем. Если объясняющая переменная статистически значимо связана с зависимой переменной, то гипотеза не отклоняется (принимается). В качестве критерия использовалась статистическая значимость коэффициента перед объясняющей переменной в многомерной линейной регрессионной зависимости. При этом регрессионная модель должна удовлетворять показателям качества.

Обычно в исследованиях состояния здоровья пожилого населения используют данные социологических обследований, что для построения регрессионных моделей имеет свои ограничения. Эти данные о состоянии здоровья являются самооценкой индивида, как справедливо отмечают Ляшок В.Ю. и Роцин С.Ю.², не имеющей четких критериев выбора ответа. Поскольку результаты самооценки населением состояния здоровья носят субъективный характер, Решетников А.В.³ утверждает, что они не являются и не могут являться основанием для точных научных выводов о состоянии здоровья населения. Поэтому статистической базой исследования стали данные Росстата, Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и Федерального казначейства.

Для оценки состояния здоровья используются показатели смертности. Такой выбор оправдан, во-первых, наличием очевидной тесной корреляционной связью между здоровьем населения в пожилом возрасте и их смертностью. По данным Центрального научно-исследовательского института организации и

---

¹ Кривова Д.А. Противоречия развития социальной инфраструктуры в малом городе Среднего Урала // Вопросы управления. – 2012. – №2(19). – С. 213-218; Жихаревич Б.С., Логачева Н.М. Социальная инфраструктура и человеческий капитал российских регионов: подход к оценке взаимовлияния // Экономика и управление. – 2012. – № 3 (77). – С. 150–156.

² Ляшок В.Ю. Роцин С.Ю. Влияние здоровья на предложение труда пожилых // Прикладная эконометрика. – 2015. – №40 (4). – С. 6-27.

³ Решетников А.В. Социальный портрет потребителя медицинских услуг // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 12. –С. 5-19.

информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения РФ¹ за 2017 г., 88,9% смертности в пожилом возрасте происходит по эндогенным причинам, т.е. вызванным болезнями, а не от внешних причин. Во-вторых, использование показателей смертности в оценке состояния здоровья населения позволяет нивелировать влияния проблем недоучета и выявляемости латентной заболеваемости. Существующие проблемы в медицинской статистике² (от проблем с выявляемостью скрытой латентной заболеваемости населения³ до умышленного искажения информации⁴) приводят зачастую к тому, что статистические данные противоречивы или закрыты⁵. Поэтому использование показателей смертности широко применяется во многих исследованиях, в т.ч. медицинских. К примеру, индекс достоверности учета (отношение числа умерших к числу первично учтенных случаев злокачественных новообразований) считается одним из наиболее объективных показателей оценки состояния онкологической помощи населению, показывающих уровень недоучета первичных случаев⁶. Тем более что статистическая информация о заболеваемости населения старше трудоспособного возраста Министерством здравоохранения РФ разрабатывается лишь с 2010 г.

Регрессионные модели строятся на примере данных по женщинам 55-59 лет, что было обусловлено, с одной стороны, методологией исследования. По итогам Комплексного наблюдения условий жизни населения⁷, средний трудовой стаж после назначения пенсии составляет 6,4 лет. С другой стороны, в предоставляемой

---

¹ Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2017 году: Стат. справочник/ Минздрав России. – М., 2018. – 264 с.

² Какорина Е.П., Огрызко Е.В. Современное состояние медицинской статистики в Российской Федерации // Врач и информационные технологии. – 2012. – №2. – С. 47-53.

³ Авилов К.К., Романюха А.А. Математическое моделирование процессов распространения туберкулеза и выявления больных // Автоматика и телемеханика. – 2007. – Т. 9. – С. 145-160; Вейхер А.А. Оценка скрытой заболеваемости методами представительных опросов: необходимость, возможности и ограничения // XV апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах; под редакцией: Е. Г. Ясин Кн. 4. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. – С. 197-205.

⁴ Крашенинникова Ю.А. Медицинская статистика как способ легитимации распределения ресурсов в российской системе здравоохранения // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – №4. – С. 28-42; ... о приписках в медицине // Демоскоп Weekly. – 2015. – №667-668. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0667/gazeta013.php>.

⁵ Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России: 2018-2024 гг. Что надо делать? // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. – 2018. – №1. – С. 9-19. DOI: 10.24411/2411-8621-2018-00001.

⁶ Мерабишвили В.М. Аналитические показатели. Индекс достоверности учета // Вопросы онкологии. – 2018. – №3. – С. 445-452.

⁷ Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html.

Росстатом статистической информации занятость мужчин в пенсионном возрасте представлена только одной возрастной группой – 60-72 лет, что для целей исследования является достаточно большим временным отрезком.

Для каждой гипотезы подобран свой набор информативных показателей. Для проверки *Гипотезы 4* в качестве зависимой переменной (G_1) взят возрастной коэффициент смертности женщин 55-59 лет (промилле). В качестве входных (объясняющих) переменных использован ряд показателей:

- доля женщин в возрасте 55-59 лет в общей численности занятых, % (H_1);
- численность врачей на 10000 человек населения (H_2);
- выбросы загрязняющих атмосферу веществ на человека, кг (H_3);
- среднедушевые денежные доходы населения (в ценах 2018 г.), тыс. руб. (H_4);
- расходы консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации и территориального государственного внебюджетного фонда на здравоохранение (в ценах 2018 г.) на человека, тыс. руб. (H_5).

Для проверки *Гипотезы 5* в качестве зависимой переменной (G_2) рассмотрена доля женщин в возрасте 55-59 лет в общей численности занятых (%). В качестве входных (объясняющих) переменных используются такие показатели, как:

- ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при достижении женщин 55 лет, лет (H_6);
- численность врачей на 10000 человек населения (H_2);
- выбросы загрязняющих атмосферу веществ на человека, кг (H_3);
- уровень безработицы (по методологии МОТ), % (H_7);
- доля населения в возрасте старше трудоспособного в общей численности населения, % (H_8);
- коэффициент замещения (уровень замещения пенсией утраченного заработка), % (H_9).

Представленный подход к выявлению зависимости между занятостью пожилого населения и их состоянием здоровья дает возможность обосновать

управленческие воздействия по согласованию государственных интересов и интересов пожилого населения в сфере рынка труда для формирования и реализации политики активного долголетия.

Проведенный обзор результатов теоретических и эмпирических исследований не позволяет сделать однозначное заключение о возможности согласования государственных интересов и интересов пожилого населения в сфере рынка труда. Для формирования и реализации политики активного долголетия требуется проверить поставленные пять гипотез исследования. Для этого разработан методический инструментарий, позволяющий:

- оценить влияние повышения трудовой активности пожилого населения на уровень безработицы, заработную плату и сбор страховых взносов в пенсионную систему;*
- выявить причины возрастной дифференциации в уровне заработной платы;*
- исследовать взаимосвязь между занятостью пожилых людей и их здоровьем.*

С помощью такого методического инструментария в диссертационном исследовании проверены поставленные гипотезы и определены возможности согласования государственных интересов и интересов пожилого для формирования и реализации политики активного долголетия.

ГЛАВА 5. СОГЛАСОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ И ИНТЕРЕСОВ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

5.1. Оценка влияния повышения трудовой активности пожилого населения на заработную плату, безработицу и сбор страховых взносов¹

При повышении возраста выхода на пенсию на один год численность занятого населения в экономике, согласно расчетам по данным за 2017 г., увеличится на 735,8 тыс. человек, включая 321,95 тыс. мужчин и 413,9 тыс. женщин. Исходя из этого роста предложения труда, при условии сохранения безработицы на прежнем уровне, рассчитана заработная плата, которая для мужчин снизится на 85,06 руб., а для женщин – на 29,52 руб. Такое снижение обусловлено в первую очередь сложившейся возрастной дифференциацией заработной платы. Результаты оценки изменения средней начисленной заработной платы по группам занятий представлены в таблице 5.1.

Таблица 5.1. Расчет изменения средней начисленной заработной платы по группам занятий при повышении пенсионного возраста на один год

Группы занятий	Разница между фактической средней начисленной заработной платы и расчетной, руб.
Руководители	-115,07
Специалисты высшего уровня квалификации	-23,86
Специалисты среднего уровня квалификации	-40,64
Служащие, занятые подготовкой и оформлением документации, учетом и обслуживанием	-18,31
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	-32,81
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	-28,47
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	-38,23

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работе автора: Чичканов В.П., Васильева (Чистова) Е.В., Тырсин А.Н., Степанов А.Н. Последствия повышения пенсионного возраста для рынка труда регионов России // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2018. – Т. 17. № 6. – С. 1037-1055. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.6.047.

Группы занятий	Разница между фактической средней начисленной заработной платы и расчетной, руб.
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	-65,53
Неквалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	-11,94

При условии, что с повышением пенсионного возраста на один год на рынке труда будут вакантные рабочие места в количестве не меньшем, чем число лиц, задерживаемых на рынке, в большей степени снизится уровень оплаты труда у руководителей (на 115,07 руб.), что объясняется высокой заработной платой у этой группы. У неквалифицированных рабочих сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства, напротив, ее снижение составит не более 12 руб.

С целью оценки последствий повышения пенсионного возраста для рынка труда на втором этапе исследования установлена связь между уровнем безработицы и заработной платой в регионах России, чтобы оценить потенциальный эффект. Коэффициенты корреляции, построенные за 2001-2017 гг., представлены на рисунке 5.1. Связь между уровнем безработицы и средней начисленной заработной платой является слабой отрицательной. Она достигла своего пика перед финансовым кризисом 2008 г., а во время экономической нестабильности заметно снизилась.

Коэффициент корреляции приблизился к нулю в 2014 г., когда произошел экономический спад под воздействием внешних факторов (санкций, падения цен на нефть), что привело к девальвации и росту инфляции. К 2017 г. теснота связи между уровнем безработицы и заработной платой незначительно повысилась. Такая динамика говорит о возрастании региональной неоднородности в периоды нестабильности. Чтобы исключить дифференциацию регионов по стоимости жизни, регрессионный анализ был проведен для уровня безработицы и отношения средней начисленной заработной платы к величине прожиточного минимума в регионе. Эта связь уже сильнее – умеренная отрицательная. На протяжении рассматриваемого периода не наблюдается резких изменений в динамике, но в

кризисный период также отмечается ослабление связи. Как показывают результаты полученного анализа, рынок труда в регионах России характеризуется высокой гибкостью, т.е. наличием эластичной реакции заработной платы на изменение уровня безработицы. Такая закономерность в поведении людей и экономических тенденциях описана в исследовании Гимпельсон В., Капелюшникова Р. и Ратниковой Т.¹. Рост безработицы усиливает страх у работников, ослабляя их позиции и заставляя умерять требования к оплате, а снижение или замораживание роста заработной платы сдерживает безработицу. По мере восстановления экономического роста и снижения уровня безработицы действие этого эффекта ослабевает.

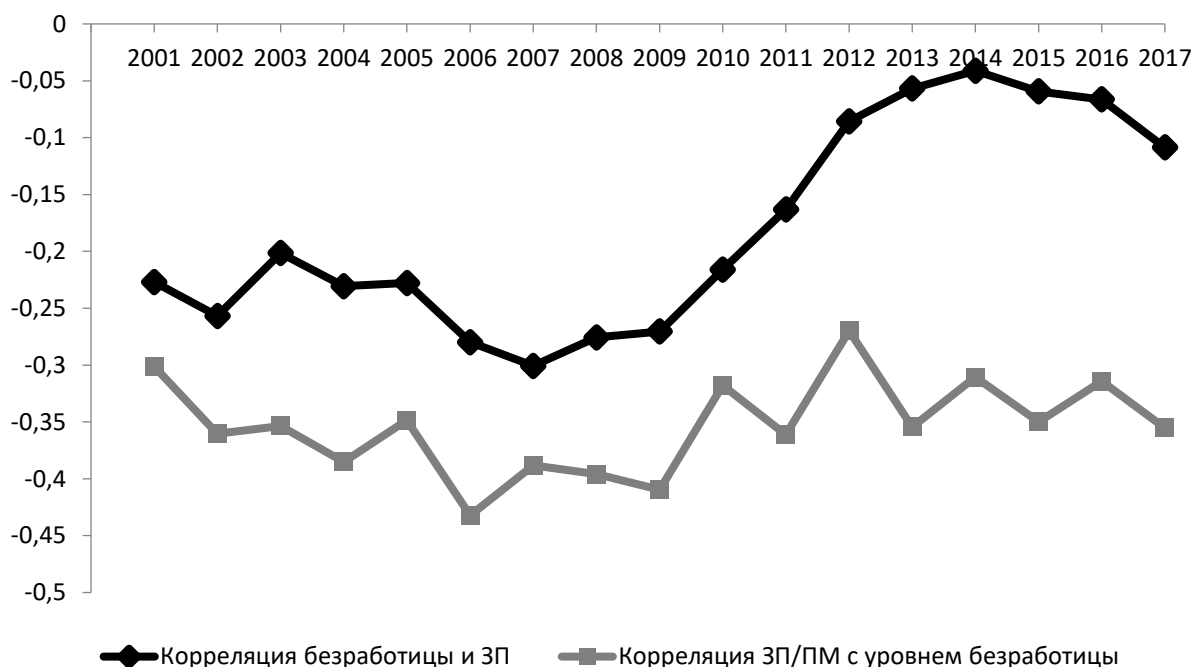

Рисунок 5.1. Коэффициенты корреляции между показателями безработицы и заработной платой в субъектах РФ

Обозначение: ЗП – заработная плата, ЗП/ПМ – соотношение заработной платы с прожиточным минимумом.

При сохранении числа рабочих мест с повышением пенсионного возраста рост предложения на рынке труда спровоцирует повышение безработицы во всех

¹ Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т. Велики ли глаза у страха? Страх безработицы и гибкость заработной платы в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – №4. – С. 44-58

возрастных группах, тем более что планируется установить для работодателей уголовную ответственность за увольнение работников предпенсионного возраста. Согласно результатам регрессионного анализа, рост уровня безработицы в большей степени отрицательно сказывается на оплате труда населения в возрастных группах 30-39 лет и 40-49 лет, а уровень заработной платы лиц пенсионного возраста (60-72 лет), напротив, незначительно повышается (таблица 5.2).

Таблица 5.2. Результаты регрессионного анализа

	Всего	в т.ч. по возрастным группам				
		20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-72 лет
<i>Коэффициенты линейной регрессии</i>						
a_0	3,899	3,910	4,208	4,007	3,508	2,585
a_1	-0,120	-0,085	-0,138	-0,141	-0,099	0,006
<i>Параметры линейной регрессии</i>						
Множественный R	0,531	0,527	0,571	0,552	0,444	0,034
Значимость F	2,6E-06	3,23E-06	2,93E-07	9E-07	0,0003	0,783

При повышении пенсионного возраста 37,2% от численности 60-летних мужчин и 33,8% от 55-летних женщин расширят предложение на рынке труда, тем самым увеличат уровень безработицы на 0,908%. Основываясь на полученных результатах регрессионного анализа, была рассчитана средняя начисленная заработная плата по субъектам РФ при повышении пенсионного возраста на один год. Согласно полученным расчетам, ее снижение составит от 849,6 руб. до 1803,6 руб. в зависимости от субъекта РФ. В таблице 5.3 составлена группировка субъектов РФ по величине соотношения расчетной средней заработной платой и фактической (приложение Д). Эта величина варьируется от 94,6% до 97,6%, т.е. с повышением пенсионного возраста заработная плата снизится не более чем на 6%. Исходя из представленной группировки, видно, что в субъектах РФ, где заработная плата невысокая, ее снижение больше. Как показывают расчеты, повышение возраста выхода на пенсию снизит уровень оплаты труда у трудоспособного населения. В меньшей степени затронет уровень заработной платы молодежи (20-

29 лет), даже в субъектах РФ с «молодой» возрастной структурой. Для возрастной группы 40-49 лет снижение более заметное.

Таблица 5.3. Группировка субъектов РФ по величине соотношения расчетной средней заработной платой и фактической при повышении пенсионного возраста на один год

Соотношение расчетной средней заработной платой и фактической		
94,6 – 95,9%	96,0 – 96,9%	97,0 – 97,6%
Республика Дагестан Кабардино-Балкарская Республика Псковская область Республика Северная Осетия Республика Калмыкия Карачаево-Черкесская Республика Республика Алтай Ивановская область Костромская область Курганская область Брянская область Кировская область Алтайский край	Республика Адыгея Республика Карелия Орловская область Смоленская область Красноярский край Республика Крым Чувашская Республика Тамбовская область Тверская область Саратовская область Ставропольский край Ульяновская область Ростовская область Новгородская область Краснодарский край Пензенская область Владимирская область Волгоградская область Астраханская область Республика Мордовия Приморский край Курская область Забайкальский край Пермский край Новосибирская область Вологодская область Ярославская область Хабаровский край Омская область Рязанская область Калининградская область Оренбургская область Удмуртская Республика Самарская область Мурманская область Республика Коми Республика Бурятия Липецкая область Тульская область Томская область Республика Марий Эл	Республика Саха (Якутия) Белгородская область Республика Хакасия Свердловская область Воронежская область Челябинская область Амурская область Нижегородская область Кемеровская область Республика Башкортостан Республика Татарстан Иркутская область Калужская область Московская область Ленинградская область

Примечание: субъекты РФ расположены в порядке возрастания соотношения.

Согласно полученным результатам, заработная плата возрастет только у лиц пенсионного возраст (60-72 лет) в среднем по рассматриваемым субъектам РФ на 47,4 руб. Такие разнонаправленные тенденции в оплате труда для трудоспособного и нетрудоспособного населения связаны с особенностью занятости пенсионеров, а также с расчетом их уровня безработицы по методологии МОТ. Как отмечается во многих исследованиях¹, оценка уровня безработицы среди лиц пенсионного возраста серьезно занижена, поскольку пенсионеры готовы быть экономически активными, только если находятся в состоянии занятости, в противном случае – они уходят с рынка труда, не пополняя численность безработных. С ростом напряженности на рынке труда снижаются доходы домохозяйств, пенсионеры, стремясь их повысить, сохраняют свою трудовую активность, как это было в периоды экономической нестабильности. Их значительная часть занята в государственном секторе, работа в котором не пользуется широким спросом у других возрастных групп (особенно у молодежи) в силу относительно невысокой оплаты труда². Кроме того, рост заработной платы у старшего поколения можно объяснить тем, что в эту возрастную группу вошли 60-летние мужчины, которые ранее заработную плату рассматривали как дополнительный доход к пенсии. С повышением же пенсионного возраста заработная плата для них является основным доходом.

На третьем этапе проведен расчет изменения в размере сбора страховых взносов в пенсионную систему. Предполагается, что с повышением пенсионного возраста увеличится численность плательщиков страховых взносов (F), однако, как показали результаты моделирования, появление дополнительных работников приведет к снижению средней заработной платы на рынке труда (W), вызванному возрастной дифференциацией в оплате труда. Так, доходы пенсионной системы в 2017 г. составляли 7477,5 млрд руб., а с учетом смоделированного влияния

---

¹ Ляшок В.Ю., Роцин С.Ю. Молодые и пожилые работники на российском рынке труда: являются ли они конкурентами? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – №1 (33). – С. 117–140; Иванова М.А., Балаев А.И., Гурвич Е.Т. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. – 2017. – № 3. – С. 1–18.

² Сони́на Ю.В., Колосни́цына М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. – 2015. – № 2. – С. 37-53.

повышения пенсионного возраста на уровень заработной платы и численность занятых они будут равняться 7347,0 млрд руб. Другими словами, по нашим расчетам, пенсионная система от повышения возраста выхода на пенсию потеряет только в первый год 130,5 млрд руб. Поэтому, согласно расчетам, главная задача повышения пенсионного возраста – обеспечить устойчивость и финансовую стабильность пенсионной системы, не будет достигнута. Как справедливо отмечает Соловьев А.К.¹, решение этой задачи может быть достигнуто только при осуществлении комплекса мероприятий не только в самой пенсионной системе, но и во «внешних» факторах ее функционирования. Оценивая шансы на занятость работников, Агранович М.Л.² приходит к аналогичному выводу, что повышение пенсионного возраста должно сопровождаться выработкой и реализацией мер по обеспечению занятости соответствующей категории населения.

Согласно расчетам по балансовому уравнению, на данный момент объем взимаемых страховых сборов (доходы) даже превышает объем средств, необходимых для выплат пенсий (расходы), что показано в таблице 5.4. Низкое же пенсионное обеспечение связано с недофинансированием из федерального бюджета на валоризацию, доплаты к пенсиям, компенсацию «нестраховых» периодов и выпадающих доходов из-за льготных тарифов, а не с дефицитом пенсионной системы.

Таким образом, Гипотеза 1 подтвердилась, повышение пенсионного возраста без реализации политики активного долголетия негативно отразится на рынке труда и системе пенсионного обеспечения, а, в конечном счете, на социально-экономическом развитии территории. Даже при условии того, что число рабочих мест будет соответствовать возросшей потребности, с повышением пенсионного возраста заработная плата снизится, причем в большей степени у мужчин (на 85 руб.) и у руководителей (на 115 руб.).

---

¹ Соловьев А.К.: Пенсионный возраст как фактор регулирования дефицита государственной пенсионной системы // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 1(166). С. 117-128.

² Агранович М.Л.: Оценка шансов на занятость работников пенсионного и предпенсионного возрастов // Экономическая политика. – 2019. – №14(2). – С. 90-109.

Таблица 5.4. Сравнения доходов и расходов пенсионной системы России по балансовому уравнению

Параметры «доходной» части уравнения			Соотношение (профицит пенсионной системы), млрд руб.	Параметры «расходной» части уравнения	
<i>F</i>	<i>W</i> ¹⁾	<i>E</i>		<i>P</i> ²⁾	<i>R</i> ²⁾
2012 г.					
22	26629	71545,4	596 5030 > 4434	9153,6	40367,5
2013 г.					
22	29792	71391,5	705 5615 > 4910	10029,7	40796,0
2014 г.					
22	32495	71539,0	749 6137 > 5388	10888,7	41237,5
2015 г.					
22	34030	72323,6	395 6497 > 6102	12080,9	42092,5
2016 г.					
22	36709	72392,6	611 7016 > 6405	12425,6 ³⁾	42953,0
2017 г.					
22	39167	72315,9	522 7477 > 6955	13323,1	43504
2018 г.					
22	43445	72531,6	896 8319 > 7423	14102,1	43865

Источник: Росстат, ПФР.

Примечание:

¹⁾ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций, руб.

²⁾ По состоянию на 1 января последующего года.

³⁾ Без учета единовременной денежной выплаты, назначенной в соответствии с Федеральным законом от 22 ноября 2016 г. № 385-ФЗ в размере 5 тысяч рублей.

В противном случае, т.е. без создания дополнительных рабочих мест, снижение заработной платы уже выше, оно составит примерно 3,4%, от 850 руб. до 1804 руб. в зависимости от субъекта РФ. Снижение средней заработной платы в экономике приведет к сокращению страховых отчислений в пенсионную систему. Полученные результаты моделирования демонстрируют принципиальное значение создания соответствующего числа рабочих мест при вовлечении на рынок труда пожилого населения. Таким образом, в России сложилась возрастная дискриминация, обесценивающая идеи активного

долголетия и создания безбарьерной среды для всех граждан. В текущих условиях вовлечение пожилого населения в трудовую деятельность приведет не к росту, а к снижению доходов пенсионной системы, негативно отразится на рынке труда и увеличит социальную напряженность в обществе. Противоречие между государственным интересом и интересом пожилого населения «увеличение численности плательщиков страховых взносов в пенсионную систему vs гарантии пенсионных прав и недопущения их секвестирования» невозможно разрешить без решения проблемы возрастной дифференциации заработной платы на российском рынке труда. Поэтому для формирования и реализации политики активного долголетия необходимо выявить причины этой дифференциации на российском рынке труда.

5.2. Анализ факторов возрастной дифференциации заработной платы на российском рынке труда¹

Учитывая сложившиеся существенные гендерные различия в трудовых траекториях, были проведены отдельные исследования причин возрастной дифференциации в уровне заработной платы мужчин и женщин. В период за 2000-2019 гг. скорректированная зарплата и мужчин, и женщин имела значительный положительный тренд по всем возрастным группам (она выросла за 20 лет примерно в 3-4 раза). Для учета этого тренда введена замещающая переменная, характеризующая год. Для удобства она обозначена как $T = \ln(\text{год} - 1999)$.

Для проверки *Гипотез 2 и 3* исследования были введены фиктивные переменные сдвига, обозначающие принадлежность мужчин и женщин к предпенсионному и пенсионному возрастам (таблица 5.5).

---

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работе автора: Васильева Е.В., Тырсин А.Н. Возрастная дифференциация в заработной плате на российском рынке труда: выявление причин // *Пространственная экономика*. – 2021. – Т. 17. № 3. – С. 103-132. DOI: 10.14530/se.2021.3.103-132.

Таблица 5.5. Фиктивные переменные сдвига

D_1	Фиктивная переменная сдвига для возрастной группы D_1 ($D_1 = 1$, для мужчин в возрасте 55-59 лет и для женщин в возрасте 50-54 лет; $D_1 = 0$, в противном случае)
D_2	Фиктивная переменная сдвига для возрастной группы D_2 ($D_2 = 1$, для мужчин в возрасте 60-74 лет и для женщин в возрасте 55-74 лет; $D_2 = 0$, в противном случае)

Мужчины. Проверка исследуемых данных на мультиколлинеарность показала ее наличие (таблица 5.6). Определитель корреляционной матрицы по всем непрерывным объясняющим переменным оказался равен 0,0369.

Таблица 5.6. Корреляционная матрица

	A_1	A_2	A_3	A_4	A_5	Z
A_1	1,000	0,053	0,579	0,412	0,068	0,459
A_2	0,053	1,000	0,457	0,721	-0,406	0,165
A_3	0,579	0,457	1,000	0,877	-0,316	0,754
A_4	0,412	0,721	0,877	1,000	-0,375	0,550
A_5	0,068	-0,406	-0,316	-0,375	1,000	-0,195
Z	0,459	0,165	0,754	0,550	-0,195	1,000

Для проверки **Гипотезы 2** применен регрессионный анализ. После устранения мультиколлинеарности, удаления доминантных и статистически незначимых переменных получено следующее уравнение регрессии для среднемесячной зарплаты мужчин:

$$Z = 10308,83 + 6292,82 \ln T - 5415,98 D_1 - 11440,59 D_2 + 88,26 A_3 - 85,56 A_4 + 196,38 A_5. \quad (5.1)$$

Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной Z и показатели качества регрессионного уравнения (5.1) приведены в таблицах 5.7 и 5.8.

Таблица 5.7. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной Z

N=209	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(202)	p-level
Intercept			10308,8	1870,563	5,5111	0,000000
T	0,591262	0,051824	6292,8	551,559	11,4092	0,000000
D ₁	-0,188381	0,037843	-5416,0	1088,006	-4,9779	0,000001
D ₂	-0,616471	0,059053	-11440,6	1095,916	-10,4393	0,000000
A ₃	0,292580	0,105121	88,3	31,712	2,7833	0,005892
A ₄	-0,212755	0,100244	-85,6	40,314	-2,1224	0,035025
A ₅	0,177416	0,037926	196,4	41,979	4,6780	0,000005

Таблица 5.8. Показатели качества регрессионного уравнения (5.1)

Показатель	Значение
Multiple R	0,900
Multiple R ²	0,809
Adjusted R ²	0,804
F(6,202)	142,966
p	0,000
Std.Err. of Estimate	3670,381

Определитель корреляционной матрицы по переменным A₃, A₄, A₅ равен 0,198.

Для проверки степени различия между возрастными группами мужчин D₀ и D₁, D₀ и D₂, D₁ и D₂ использован дискриминантный анализ. Для каждой пары построены дискриминантные функции с минимальным p-уровнем, который составил менее 0,0001. В результирующие модели попали признаки, p-уровень которых оказался меньше 0,05. В таблицах 5.9 и 5.10 представлены результаты анализа между группами D₀ и D₁.

Таблица 5.9. Результаты дискриминантного анализа между возрастными группами мужчин D₀ и D₁. Wilks' Lambda: 0,66445 approx. F(2,149) = 37,622
p < 0,0000

N=152	Wilks' Lambda	Partial Lambda	F-remove (1,149)	p-level	Toler.	1-Toler. (R-Sqr.)
A ₁	0,694227	0,957115	6,67624	0,010732	0,699607	0,300393
A ₄	0,977636	0,679654	70,22910	0,000000	0,699607	0,300393

Таблица 5.10. Результаты классификации возрастных групп мужчин D_0 и D_1

Group	Percent Correct	G_1:0 p=0,87500	G_2:1 p=0,12500
G_1:0	97,74436	130	3
G_2:1	68,42105	6	13
Total	94,07895	136	16

Согласно таблице 5.10, средняя вероятность правильного распознавания составила 94,079%, что несколько ниже требуемой величины 95%. Это означает, что у мужчин в возрастных группах 20-54 лет (D_0) и 55-59 лет (D_1) существует некоторое различие в значениях исходных признаков $A_1 - A_5$, которое является статистически не значимым (для надежности 95%).

В таблицах 5.11 и 5.12 представлены результаты дискриминантного анализа между группами D_0 и D_2 .

Таблица 5.11. Результаты дискриминантного анализа между возрастными группами мужчин D_0 и D_2 . Wilks' Lambda: 0,26618 approx. $F(4,185) = 127,50$
 $p < 0,0000$

N=190	Wilks' Lambda	Partial Lambda	F-remove (1,185)	p-level	Toler.	1-Toler. (R-Sqr.)
A_1	0,273544	0,973096	5,11481	0,024886	0,661579	0,338421
A_2	0,275155	0,967398	6,23459	0,013401	0,757897	0,242103
A_4	0,392765	0,677719	87,97433	0,000000	0,589541	0,410459
A_5	0,303731	0,876384	26,09469	0,000001	0,969973	0,030027

Таблица 5.12. Результаты классификации возрастных групп мужчин D_0 и D_2

Group	Percent Correct	G_1:0 p=0,70000	G_2:2 p=0,30000
G_1:0	100,0000	133	0
G_2:2	98,2456	1	56
Total	99,4737	134	56

Средняя вероятность правильного распознавания составила 99,474%, поэтому можно утверждать, что у мужчин в возрастных группах 20-54 лет (D_0) и 60-74 лет (D_2) существует статистически значимое различие в значениях исходных признаков $A_1 - A_5$.

В таблицах 5.13 и 5.14 представлены результаты дискриминантного анализа групп между группами D_1 и D_2 .

Таблица 5.13. Результаты дискриминантного анализа между возрастными группами мужчин D_1 и D_2 . Wilks' Lambda: 0,31208 approx. $F(2,73) = 80,457$
 $p < 0,0000$

N=76	Wilks' Lambda	Partial Lambda	F-remove (1,73)	p-level	Toler.	1-Toler. (R-Sqr.)
A_2	0,442565	0,705162	30,52225	0,000000	0,999734	0,000266
A_4	0,523758	0,595848	49,51447	0,000000	0,999734	0,000266

Таблица 5.14. Результаты классификации возрастных групп мужчин D_1 и D_2

Group	Percent Correct	G_1:1 p=0,25000	G_2:2 p=0,75000
G_1:1	94,73684	18	1
G_2:2	98,24561	1	56
Total	97,36842	19	57

Как видно из таблицы 5.14, средняя вероятность правильного распознавания составила 96,842% – у мужчин в возрастных группах 55-59 лет (D_1) и 60-74 лет (D_2) существует статистически значимое различие в значениях исходных признаков A_1 – A_5 .

С помощью проверки статистических гипотез однородности оценена степень различия среднемесячной заработной платы у мужчин между возрастными группами. Нулевые гипотезы о равенстве среднемесячной заработной платы у мужчин в возрастных группах D_0 и D_1 , D_0 и D_2 , D_1 и D_2 с помощью Т-критерия Стьюдента и критерия Вилкоксона-Манна-Уитни для уровня значимости 0,05 отклонены во всех случаях. Это означает наличие статистически значимого различия в средней зарплате в возрастных группах D_0 и D_1 , D_0 и D_2 , D_1 и D_2 .

Результаты проверки **Гипотезы 2** показали, что:

- на размер средней заработной платы мужчин (Z) существенное отрицательное влияние оказывают наступления предпенсионного (D_1) и пенсионного (D_2) возрастов;

- при прочих равных условиях (т.е. с одинаковым накопленным человеческим капиталом) мужчины в предпенсионном возрасте (55-59 лет) зарабатывают в месяц в среднем на 5416,0 руб. меньше, чем мужчины в возрасте 20-55 лет, что свидетельствует о проявлении эйджизма;
- при прочих равных условиях мужчины в пенсионном возрасте (60-74 лет) зарабатывают в месяц в среднем на 11440,6 руб. меньше, чем мужчины в возрасте 20-54 лет и на 6024,6 руб. меньше, чем мужчины в предпенсионном возрасте, что также показывает наличие дискриминацией по отношению к пенсионерам;
- отрицательно (но несущественно, на 85,6 руб.) на размер зарплаты мужчин (Z) влияет улучшение их самочувствия (A_4), такая взаимосвязь объясняется тем, что высокооплачиваемая работа, как правило, является более напряженной (тяжелой)¹ и негативно отражается на здоровье работника;
- наличие навыков работы с компьютером (A_3) и принадлежность к более высокой профессиональной группе (A_5) незначительно повышают уровень заработной платы мужчин (Z) (на 88,3 руб. и 196,4 руб. соответственно);
- наличие законченного профессионального образования (A_1) и прохождение дополнительных курсов (A_2) являются статистически незначимыми для средней заработной платы мужчин (Z), что объяснимо эффективностью рынка труда, на котором для отдельных работников становится выгодным работать на уровне, несоответствующем полученному образованию²;
- подтверждает проявление эйджизма в оплате труда наличие статистически значимой разницы в среднемесячной зарплате между всеми возрастными группами мужчин.

¹ Как показали результаты опроса, проведенного Иванкиной Л. и Ивановой В., основной причиной проблем со здоровьем является работа (так ответили 47% респондентов). Ivankina L., Ivanova V. Social well-being of elderly people (based on the survey results) // SHS Web of Conferences. – 2016. – Vol. 28. – P. 01046 (1-5). DOI: 10.1051/shsconf/20162801046.

² Ощепков А.Ю. Отдача от высшего образования в российских регионах // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Вып. 14, № 4. – С. 468-491; Кюи Н.Е. Образование, выбор категории профессиональной занятости и заработная плата в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Вып. 12, №3. – С. 365-399.

Исходя из полученных результатов, **Гипотеза 2** исследования в отношении мужчин предпенсионного и пенсионного возрастов подтверждена.

Для проверки **Гипотезы 3** в модель (5.1) введены фиктивные переменные наклона:

- $A_1D_1 = A_1 \cdot D_1$,
- $A_1D_2 = A_1 \cdot D_2$,
- $A_2D_1 = A_2 \cdot D_1$,
- $A_2D_2 = A_2 \cdot D_2$,
- $A_3D_1 = A_3 \cdot D_1$,
- $A_3D_2 = A_3 \cdot D_2$,
- $A_4D_1 = A_4 \cdot D_1$,
- $A_4D_2 = A_4 \cdot D_2$,
- $A_5D_1 = A_5 \cdot D_1$,
- $A_5D_2 = A_5 \cdot D_2$.

Эти переменные характеризуют различия влияния человеческого капитала на заработную плату между возрастными группами мужчин. Уравнение регрессии со статистически значимыми переменными приняло следующий вид:

$$\begin{aligned} Z = & 8568,29 + 5783,30\ln T - 15789,32D_2 - 293,49A_1 + 427,61A_1D_2 + \\ & + 137,96A_3 - 176,71A_3D_2 - 103,95A_4 + 622,08A_4D_2 + 668,42A_5 - \\ & - 183,29A_5D_1 - 547,06A_5D_2. \end{aligned} \quad (5.2)$$

Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной Z и показатели качества регрессионного уравнения (5.2) приведены в таблицах 5.15 и 5.16. Согласно уравнению (5.2) отдельно построены уравнения регрессии для трех возрастных групп:

- для мужчин в возрастной группе 20-54 лет

$$Z = 8568,29 + 5783,30\ln T - 293,49A_1 + 137,96A_3 - 103,95A_4 + 668,42A_5;$$

- для мужчин предпенсионного возраста (55-59 лет)

$$Z = 8568,29 + 5783,30\ln T - 293,49A_1 + 137,96A_3 - 103,95A_4 + 485,13A_5;$$

- для мужчин пенсионного возраста (60-74 лет)

$$Z = -7221,03 + 5783,30\ln T + 134,12A_1 - 38,75A_3 + 518,13A_4 + 121,36A_5.$$

Таблица 5.15. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной Z

N=209	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(197)	p-level
Intercept			8568,3	2392,617	3,58114	0,000431
T	0,54339	0,049171	5783,3	523,324	11,05108	0,000000
D ₂	-0,85080	0,273473	-15789,3	5075,166	-3,11109	0,002141
A ₁	-0,24342	0,049690	-293,5	59,910	-4,89888	0,000002
A ₁ D ₂	0,95581	0,236921	427,6	105,994	4,03429	0,000078
A ₃	0,45732	0,102899	138,0	31,042	4,44431	0,000015
A ₃ D ₂	-0,19267	0,071708	-176,7	65,768	-2,68683	0,007830
A ₄	-0,25849	0,092350	-104,0	37,139	-2,79897	0,005636
A ₄ D ₂	0,38702	0,104458	622,1	167,903	3,70501	0,000275
A ₅	0,60388	0,074058	668,4	81,973	8,15410	0,000000
A ₅ D ₁	-0,17996	0,034290	-183,3	34,924	-5,24829	0,000000
A ₅ D ₂	-1,17871	0,217174	-547,1	100,794	-5,42750	0,000000

Таблица 5.16. Показатели качества регрессионного уравнения (5.2)

Показатель	Значение
Multiple R	0,924
Multiple R ²	0,854
Adjusted R ²	0,846
F(11,197)	104,971
p	0,000
Std.Err. of Estimate	3250,010

Результаты проверки *Гипотезы 3* показали, что:

- значительное влияние на заработную плату мужчин (Z) оказывает наступление пенсионного возраста (D₂), средняя зарплата у мужчины в пенсионном возрасте ниже на 15789,3 руб., чем у мужчины в возрасте 20-54 лет с аналогичным накопленным человеческим капиталом;
- определяющее значение для размера заработной платы (Z) пенсионеров имеют наличие у них профессионального образования (A₁) и их самооценка здоровья (A₄), что не характерно для оплаты труда мужчин в других возрастных группах (20-54 лет и 55-59 лет);

- наличие навыков работы с компьютером (A_3) увеличивает среднюю заработную плату мужчин (Z) только в возрастных группах 20-54 лет и 55-59 лет;
- положительное влияние принадлежности к более высокой профессиональной группе (A_5) на зарплату мужчин (Z) снижается с возрастом;
- отсутствуют различия во влиянии факторов на размер заработной платы мужчины (Z) между возрастными группами 20-54 лет и 55-59 лет (за исключением фактора A_5);
- обучение новым знаниям (A_2) является статистически незначимым фактором заработной платы мужчин (Z).

Таким образом, результаты исследования подтвердили **Гипотезу 3** – вне зависимости от накопленного человеческого капитала работа мужчин предпенсионного возраста в более высокой профессиональной группе и мужчин пенсионного возраста оплачивается ниже, чем мужчин в возрасте 20-54 лет. В то же время только для пенсионеров такие компоненты человеческого капитала, как профессиональное образование и здоровье, играют определяющую роль в размере заработной платы.

Женщины. В данных выявлена мультиколлинеарность, определитель корреляционной матрицы (таблица 5.17) по всем непрерывным объясняющим переменным составил 0,0381.

Таблица 5.17. Корреляционная матрица

	A_1	A_2	A_3	A_4	A_5	Z
A_1	1,000	0,493	0,725	0,581	0,516	0,673
A_2	0,493	1,000	0,563	0,667	0,319	0,235
A_3	0,725	0,563	1,000	0,881	0,426	0,752
A_4	0,581	0,667	0,881	1,000	0,326	0,470
A_5	0,516	0,319	0,426	0,326	1,000	0,413
Z	0,673	0,235	0,752	0,470	0,413	1,000

С помощью регрессионного анализа была проверена *Гипотеза 2*. После устранения мультиколлинеарности, удаления доминантных и статистически незначимых переменных получили следующее уравнение регрессии для среднемесячной зарплаты женщин:

$$Z = 3940,28 + 4916,30 \ln T - 1383,82 D_1 - 2685,68 D_2 + 364,16 A_2 + 112,98 A_3 - 149,56 A_4 + 47,95 A_5. \quad (5.3)$$

Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной Z и показатели качества регрессионного уравнения (5.3) приведены в таблицах 5.18 и 5.19.

Таблица 5.18. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной Z

N=209	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(201)	p-level
Intercept			3940,28	1451,540	2,71455	0,007214
T	0,662383	0,043771	4916,30	324,878	15,13275	0,000000
D_1	-0,069020	0,032222	-1383,82	646,034	-2,14202	0,033395
D_2	-0,224144	0,064869	-2685,68	777,253	-3,45535	0,000670
A_2	0,186899	0,055477	364,16	108,094	3,36892	0,000905
A_3	0,571190	0,081151	112,98	16,051	7,03859	0,000000
A_4	-0,512268	0,070281	-149,56	20,518	-7,28890	0,000000
A_5	0,058266	0,027750	47,95	22,838	2,09973	0,037001

Таблица 5.19. Показатели качества регрессионного уравнения (5.3)

Показатель	Значение
Multiple R	0,938
Multiple R ²	0,880
Adjusted R ²	0,876
F(7,201)	210,622
p	0,000
Std.Err. of Estimate	2035,791

Определитель корреляционной матрицы по переменным A_2, A_3, A_4 и A_5 равен 0,097.

С помощью дискриминантного анализа осуществлена проверка степени различия между группами D_0 и D_1, D_0 и D_2, D_1 и D_2 . Построены дискриминантные функции для этих трех пар с минимальным p -уровнем, который составил менее 0,0001. В результирующую модель попали признаки, p -уровень которых оказался

меньше 0,05. В таблицах 5.20 и 5.21 представлены результаты дискриминантного анализа групп D_0 и D_1 .

Таблица 5.20. Результаты дискриминантного анализа между возрастными группами женщин D_0 и D_1 . Wilks'Lambda: 0,58389 approx. $F(2,130) = 46,322$
 $p < 0,0000$

N=133	Wilks' Lambda	Partial Lambda	F-remove (1,130)	p-level	Toler.	1-Toler. (R-Sqr.)
A_2	0,699670	0,834526	25,77711	0,000001	0,966969	0,033031
A_4	0,859439	0,679388	61,34859	0,000000	0,966969	0,033031

Таблица 5.21. Результаты классификации возрастных групп женщин D_0 и D_1

Group	Percent Correct	G_1:0 p=0,85714	G_2:1 p=0,14286
G_1:0	96,49123	110	4
G_2:1	84,21053	3	16
Total	94,73684	113	20

Как видно из таблицы 5.21, средняя вероятность правильного распознавания составила 94,737%, что несколько ниже требуемой величины 95% (на 0,263%). Это означает, что у женщин в возрастных группах 20-49 лет (D_0) и 50-54 лет (D_1) существует некоторое различие в значениях исходных признаков $A_1 - A_5$, которое является статистически не значимым.

В таблицах 5.22 и 5.23 представлены результаты дискриминантного анализа возрастных групп женщин D_0 и D_2 .

Таблица 5.22. Результаты дискриминантного анализа между возрастными группами женщин D_0 и D_2 . Wilks'Lambda: 0,14851 approx. $F(2,187) = 536,07$
 $p < 0,0000$

N=190	Wilks' Lambda	Partial Lambda	F-remove (1,187)	p-level	Toler.	1-Toler. (R-Sqr.)
X_2	0,315830	0,470235	210,6735	0,000000	0,989177	0,010823
X_4	0,251465	0,590597	129,6289	0,000000	0,989177	0,010823

Таблица 5.23. Результаты классификации возрастных групп женщин D_0 и D_2

Group	Percent Correct	G_1:0 p=0,60000	G_2:2 p=0,40000
G_1:0	100,0000	114	0
G_2:2	100,0000	0	76
Total	100,0000	114	76

Средняя вероятность правильного распознавания составила 100%, что говорит о существовании статистически значимого различия в значениях исходных признаков $A_1 - A_5$ у женщин в возрастных группах 20-49 лет (D_0) и 55-74 лет (D_2).

В таблицах 5.24 и 5.25 представлены результаты дискриминантного анализа групп D_1 и D_2 .

Таблица 5.24. Результаты дискриминантного анализа между возрастными группами женщин D_1 и D_2 . Wilks' Lambda: 0,29829 approx. $F(4,90) = 52,930$
 $p < 0,0000$

N=95	Wilks' Lambda	Partial Lambda	F-remove (1,90)	p-level	Toler.	1-Toler. (R-Sqr.)
A_2	0,479292	0,622355	54,61211	0,000000	0,704658	0,295342
A_3	0,320961	0,929365	6,84035	0,010450	0,213375	0,786625
A_5	0,331399	0,900092	9,98980	0,002145	0,193774	0,806226
A_6	0,319225	0,934417	6,31670	0,013740	0,838884	0,161116

Таблица 5.25. Результаты классификации возрастных групп женщин D_1 и D_2

Group	Percent Correct	G_1:1 p=0,20000	G_2:2 p=0,80000
G_1:1	89,47369	17	2
G_2:2	98,68421	1	75
Total	96,84210	18	77

Поскольку средняя вероятность правильного распознавания составила 96,842%, то у женщин в возрастных группах 50-54 лет (D_1) и 55-74 лет (D_2) существует статистически значимое различие в значениях исходных признаков $A_1 - A_5$.

Оценена степень различия среднемесячной зарплаты между возрастными группами женщин с использованием проверки статистических гипотез однородности. С помощью Т-критерия Стьюдента и критерия Вилкоксона-Манна-

Уитни для уровня значимости 0,05 нулевая гипотеза о равенстве среднемесячной зарплаты женщин не отклонена в обоих случаях только в возрастных группах 20-49 лет (D_0) и 50-54 лет (D_1). Это означает отсутствие статистически значимого различия в средней зарплате в этих возрастных группах. В то же время результаты оценки показали наличие статистически значимого различия в средней заработной плате женщин между возрастными группами D_0 и D_2 , D_1 и D_2 .

Результаты проверки *Гипотезы 2* показали, что:

- на среднюю заработную плату женщин (Z) влияние оказывает их принадлежность к предпенсионному (D_1) и пенсионному (D_2) возрастам;
- при прочих равных условиях женщины в предпенсионном возрасте 50-54 лет зарабатывают в месяц в среднем на 1383,82 руб. меньше чем женщины в возрасте 20-49 лет. Однако, согласно критериям однородности, отсутствует статистически значимая разница в среднемесячной зарплате в целом у женщин между этими возрастными группами, поэтому нельзя утверждать о проявлении эйджизма в отношении женщин предпенсионного возраста;
- при прочих равных условиях женщины в пенсионном возрасте 55-74 лет зарабатывают в месяц в среднем на 2685,68 руб. меньше, чем женщины в возрасте 20-49 лет. Это свидетельствует о проявлении эйджизма, который подтверждается наличием статистически значимой разницы в среднемесячной зарплате в целом у женщин в возрасте 20-49 лет и 55-74 лет.
- обучение на курсах (A_2), наличие компьютерных навыков (A_3) и принадлежность к профессиональной группе (A_5) повышает среднюю зарплату женщин (Z) на 364,16, 112,98 и 47,95 руб. соответственно;
- установлена отрицательная связь между самочувствием женщин (A_4) и их заработной платой
- наличие законченного профессионального образования (A_1) статистически не значимо для средней заработной платы женщин (Z)

Таким образом, результаты исследования подтвердили *Гипотезу 2* только в отношении женщин пенсионного возраста. Дискриминация женщин по возрасту не столь значительна, что объясняется гендерным разрывом в оплате труда. В то

же время важно подчеркнуть, это не означает, что эйджизм не проявляться в другом виде. Как показывают исследования и результаты глубинных интервью¹, работодатели оказываются более лояльными к своим возрастным работникам, но относятся с предубеждением к тем, кто только трудоустраивается в организацию.

Для исследования влияния накопленного человеческого капитала пожилых работников на их заработную плату в модель (5.3) введены фиктивные переменные наклона:

- $A_1D_1 = A_1 \cdot D_1$,
- $A_1D_2 = A_1 \cdot D_2$,
- $A_2D_1 = A_2 \cdot D_1$,
- $A_2D_2 = A_2 \cdot D_2$,
- $A_3D_1 = A_3 \cdot D_1$,
- $A_3D_2 = A_3 \cdot D_2$,
- $A_4D_1 = A_4 \cdot D_1$,
- $A_4D_2 = A_4 \cdot D_2$,
- $A_5D_1 = A_5 \cdot D_1$,
- $A_5D_2 = A_5 \cdot D_2$.

Уравнение регрессии со статистически значимыми переменными приняло следующий вид:

$$\begin{aligned}
 Z = & 2493,94 + 5033,77\ln T + 343,25A_2 + 640,64A_2D_2 + 127,75A_3 - \\
 & - 107,59A_3D_2 - 171,67A_4 - 107,83A_4D_1 + 340,11A_4D_2 + \\
 & + 72,34A_5 - 80,28A_5D_2.
 \end{aligned}
 \tag{5.4}$$

Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной Z и показатели качества регрессионного уравнения (5.4) приведены в таблицах 5.26 и

---

¹ Karpinska K., Henkens K., Schippers J. Hiring Retirees: Impact of Age Norms and Stereotypes // Journal of Managerial Psychology. – 2013. – Vol. 28 (7/8). – P. 886-906. DOI: 10.1108/JMP-07-2013-0223; Lössbroek J., Lancee B., Van Der Lippe T., Schippers J. Understanding Old-Age Adaptation Policies in Europe: the Influence of Profit, Principles and Pressures // Ageing & Society. – 2019. – No 39 (5). – P. 924-950. DOI: 10.1017/S0144686X17001295; Gries T., Jungblut S., Krieger T., Meyer H. Economic Retirement Age and Lifelong Learning: A Theoretical Model with Heterogeneous Labor, Biased Technical Change and International Sourcing // German Economic Review. – 2019. – No. 20 (2). – P. 129-170. DOI: 10.1111/geer.12140.

5.27. Согласно уравнению (5.4) построены уравнения регрессии для трех различных возрастных групп женщин:

- для женщин в возрастной группе 20-49 лет

$$Z = 2493,94 + 5033,77\ln T + 343,25A_2 + 127,75A_3 - 171,67A_4 + 72,34A_5;$$

- для женщин предпенсионного возраста (50-54 лет)

$$Z = 2493,94 + 5033,77\ln T + 343,25A_2 + 127,75A_3 - 279,50A_4 + 72,34A_5;$$

- для женщин пенсионного возраста (55-74 лет)

$$Z = 2493,94 + 5033,77\ln T + 471,00A_2 + 20,16A_3 + 168,44A_4 - 7,93A_5.$$

Таблица 5.26. Результаты регрессионного анализа для зависимой переменной Z

N=209	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(198)	p-level
Intercept			2493,940	1184,194	2,10602	0,036462
T	0,678209	0,041881	5033,768	310,848	16,19365	0,000000
A ₂	0,176164	0,056682	343,247	110,442	3,10793	0,002161
A ₂ D ₂	0,103288	0,050170	640,638	311,178	2,05875	0,040827
A ₃	0,645899	0,092401	127,754	18,276	6,99016	0,000000
A ₃ D ₂	-0,256873	0,072894	-107,593	30,532	-3,52391	0,000528
A ₄	-0,588023	0,074541	-171,673	21,762	-7,88861	0,000000
A ₄ D ₁	-0,090317	0,028347	-107,825	33,842	-3,18615	0,001675
A ₄ D ₂	0,231330	0,101541	340,110	149,290	2,27819	0,023783
A ₅	0,087901	0,031093	72,343	25,589	2,82707	0,005180
A ₅ D ₂	-0,334948	0,090653	-80,276	21,727	-3,69482	0,000285

Таблица 5.27. Показатели качества регрессионного уравнения (5.4)

Показатель	Значение
Multiple R	0,930
Multiple R ²	0,864
Adjusted R ²	0,857
F(10,198)	125,813
p	0,000
Std.Err. of Estimate	2183,663

Сформулированы следующие выводы по модели (5.4):

- дополнительное обучение на курсах (A₂) и наличие навыков работы с компьютером (A₃) положительно влияют на среднюю зарплату женщин (Z) всех возрастных групп, причем в пенсионном возрасте (D₂) на оплату труда влияние первого фактора усиливается, а второго, наоборот – ослабевает;

- различий во влиянии человеческого капитала на заработную плату женщин между возрастными группами 20-49 лет и 50-54 лет практически не выявлено: лишь увеличивается обратная связь между размером заработной платы женщин (Z) и их самочувствием (A_4) в предпенсионном возрасте;
- выявлены отличия во влиянии человеческого капитала на оплату труда женщин пенсионного возраста: их самооценка здоровья (A_4) оказывает существенное положительное влияние, а принадлежность к профессиональной группе (A_5), наоборот – незначительное отрицательное;
- влияние законченного профессионального образования (A_1) на среднюю зарплату женщин (Z) несущественно.

На основе этих выводов **Гипотеза 3** частично подтверждена: средняя заработная плата женщин пенсионного возраста существенно зависит от такого человеческого капитала, как здоровье.

Результаты многомерного статистического анализа данных показали, что влияние возрастной дискриминацией на заработную плату мужчин предпенсионного и пенсионного возрастов, а также женщин пенсионного возраста. Гипотеза о том, что обесценивающийся с возрастом человеческий капитал отражается на оплате труда пожилых работников, частично подтвердилась. Для пенсионеров обоих полов значимым фактором заработной платы является их самочувствие. Положительная отдача от законченного профессионального образования выявлена только для размера зарплаты мужчин пенсионного возраста, что связано с неэффективностью функционирования российского рынка труда. Прохождение дополнительного обучения на курсах положительно влияет на среднюю заработную плату только женщин, для оплаты труда мужчин этот фактор является статистически незначимым. Наличие навыков работы с компьютером повышает заработную плату работников, за исключением мужчин старше 60 лет. Существенных различий во влиянии накопленного человеческого капитала на заработную плату работников трудоспособного возраста и предпенсионного возраста практически не выявлено.

Таким образом, проведенное исследование, показало, что сложившийся на российском рынке труда разрыв в заработной плате между возрастными группами значительно препятствует реализации политики активного долголетия. Противоречие между государственным интересом и интересом пожилого населения «увеличение численности плательщиков страховых взносов в пенсионную систему vs гарантии пенсионных прав и недопущения их секвестирования» возможно согласовать не через изменение соотношения численности работающего населения и пенсионеров, а за счет сглаживания разрыва уровня заработной платы между возрастными группами. Поэтому выявленные причины значительной возрастной дифференциации в уровне заработной платы (возрастная дискриминация и снижение качества человеческого капитала в старших возрастах) должны найти отражение в параметрах формирования и реализации политики активного долголетия.

5.3. Оценка взаимосвязи между здоровьем и занятостью пожилого населения¹

Проверка Гипотезы 4. Для выявления причинно-следственной связи между занятостью женщин 55-59 лет и их здоровьем был проведен корреляционно-регрессионный анализ. В таблице 5.28 приведена корреляционная матрица по входным и зависимой переменным.

Таблица 5.28. Корреляционная матрица по входным и зависимой переменным

	H_1	H_2	H_3	H_4	H_5	G_1
H_1	1,000	-0,136	-0,430	0,797	0,786	-0,848
H_2	-0,136	1,000	0,362	0,155	0,213	0,143
H_3	-0,430	0,362	1,000	-0,637	-0,483	0,787
H_4	0,797	0,155	-0,637	1,000	0,944	-0,912
H_5	0,786	0,213	-0,483	0,944	1,000	-0,846
G_1	-0,848	0,143	0,787	-0,912	-0,846	1,000

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично изложены в работе автора: Васильева (Чистова) Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. № 1. – С. 204–216. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.12.

Входные переменные оказались мультиколлинеарными¹ – определитель корреляционной матрицы равен 0,0058. После удаления из модели статистически незначимых факторов (H_2 и H_4) была получена регрессионная модель (таблицы 5.29 и 5.30). Мультиколлинеарность по трем оставшимся значимым факторам отсутствует – определитель корреляционной матрицы по входным переменным (H_1 , H_3 и H_5) равен 0,2902.

Таблица 5.29. Результаты регрессионного анализа

	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(13)	p-level
Intercept			13,5647	3,64125	3,72528	0,002544
H_1	-0,41793	0,078887	-0,34714	0,065524	-5,29787	0,000144
H_3	0,466521	0,055641	0,0633	0,007551	8,38455	0,000001
H_5	-0,2925	0,081338	-0,0902	0,025092	-3,59609	0,003256

Таблица 5.30. Основные статистики регрессионного анализа

Показатель	Значение
Multiple R	0,9846
Multiple R^2	0,9694
Adjusted R^2	0,9623
$F(3,13)$	137,2551
p	0,0000
Std.Err. of Estimate	0,3658

Дополнительно была рассчитана парная и частная корреляция между входными переменными и зависимой переменной (таблица 5.31).

Таблица 5.31. Парные и частные коэффициенты корреляции между входными переменными и зависимой переменной

i	1	2	3	4	5
r_{H_iG}	-0,848	0,143	0,787	-0,912	-0,846
$r_{H_iG \setminus H_1..H_5}$	-0,744	-0,122	0,789	-0,028	-0,366

¹ Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс: 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 2004. – 576 с.

Результаты, представленные в таблице 5.31, согласуются с результатами регрессионного анализа. Переменные H_2 и H_4 также оказались при фиксации остальных факторов некоррелированными с зависимой переменной G_1 . Высокая парная корреляция между H_4 и G_1 была вызвана влиянием других факторов (эффект мультиколлинеарности входных переменных).

Таким образом, получили регрессионную модель для зависимости возрастного коэффициента смертности женщин 55-59 лет от доли женщин в возрасте 55-59 лет в общей численности занятых, удельных выбросов загрязняющих атмосферу веществ и удельных расходов консолидированного бюджета субъекта РФ и территориального государственного внебюджетного фонда на здравоохранение

$$\overline{G_1}(H) = 13,565 - 0,347H_1 + 0,0633H_3 - 0,0902H_5. \quad (5.5)$$

Как показывает уравнение (5.5), с ростом занятости женщин в возрасте 55-59 лет на 1% коэффициент смертности женщин этого же возраста снизится на 0,347 промилле при сохранении на том же уровне выбросов загрязняющих атмосферу веществ и государственных расходов на здравоохранение.

Формально для оценки параметров модели (5.5) достаточно выполнения условия $RgX = m + 1 = 4 < n$, т.е. число линейно независимых наблюдений должно быть более 4 (число параметров модели)¹. Однако для обеспечения статистической надежности оценивания модели обычно требуют, чтобы число наблюдений (в данном случае $n = 17$) по крайней мере в 3 раза превосходило число оцениваемых параметров (для модели (5.5) оно равно 4)². Очевидно, что это условие выполняется и выборку можно считать репрезентативной.

Проверка Гипотезы 5. Статистические данные были взяты из справочников Росстата за 2000-2018 гг. Для проверки **Гипотезы 5** также была построена корреляционная матрица по входным и зависимой переменным, ее результаты представлены в таблице 5.32.

---

¹ Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 1005 с.

² Бородич С.А. Эконометрика. – Минск: Новое знание, 2001. – 408 с.

Таблица 5.32. Корреляционная матрица по входным и зависимой переменным

	H_6	H_2	H_3	H_7	H_8	H_9	G_2
H_6	1,000	0,024	-0,632	-0,835	0,957	0,531	0,704
H_2	0,024	1,000	0,391	-0,111	-0,206	-0,048	0,304
H_3	-0,632	0,391	1,000	0,249	-0,724	-0,861	-0,023
H_7	-0,835	-0,111	0,249	1,000	-0,780	-0,144	-0,902
H_8	0,957	-0,206	-0,724	-0,780	1,000	0,548	0,613
H_9	0,531	-0,048	-0,861	-0,144	0,548	1,000	0,049
G_2	0,704	0,304	-0,023	-0,902	0,613	0,049	1,000

Как показал расчет определителя корреляционной матрицы (он равен 0,00027), входные переменные являются мультиколлинеарными, чтобы это исключить, из модели были удалены статистически незначимыми факторы (H_6 , H_2 и H_8). Полученная регрессионная модель представлена в таблицах 5.33 и 5.34. Мультиколлинеарность по трем оставшимся значимым факторам отсутствует – определитель корреляционной матрицы по входным переменным (H_3 , H_7 и H_9) равен 0,2378.

Таблица 5.33. Результаты регрессионного анализа

	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	$t(15)$	p -level
Intercept			6,0613	21,2036	0,2859	0,7789
H_3	0,5491	0,1713	0,2121	0,0662	3,2050	0,0059
H_7	-0,9837	0,0881	-3,2787	0,2935	-11,1709	0,0000
H_9	0,3803	0,1677	0,5114	0,2255	2,2681	0,0385

Таблица 5.34. Основные статистики регрессионного анализа

Показатель	Значение
Multiple R	0,9450
Multiple R^2	0,8931
Adjusted R^2	0,8717
$F(3,15)$	41,7754
p	0,0000
Std.Err. of Estimate	1,8418

Результаты расчетов парной и частной корреляции между входными переменными и зависимой переменной представлены в таблицах 5.35.

Таблица 5.35. Парные и частные коэффициенты корреляции между входными переменными и зависимой переменной

i	6	2	3	7	8	9
$r_{H_i G}$	0,704	0,304	-0,023	-0,902	0,613	0,049
$r_{H_i G \setminus H_2 H_3 H_6 \dots H_9}$	-0,040	0,051	0,575	-0,682	0,247	0,446

Результаты, представленные в таблицах 5.35, так же согласуются с полученными результатами регрессионного анализа. Переменные H_6 , H_2 и H_8 также оказались при фиксации остальных факторов некоррелированными (H_6 , H_2) или слабо коррелированными (H_8) с зависимой переменной G_2 . Отличия частных коэффициентов корреляции от парных коэффициентов, соответственно, была вызвана влиянием других факторов за счет эффекта мультиколлинеарности.

В результате получили регрессионную модель для зависимости доли женщин в возрасте 55-59 лет в общей численности занятых от удельных выбросов загрязняющих атмосферу веществ, уровня безработицы и коэффициента замещения пенсией утраченного заработка

$$\overline{G_2}(H) = 6,061 + 0,212H_3 + 3,279H_7 + 0,511H_9. \quad (5.6)$$

Анализ уравнения (5.6) позволяет сделать выводы – с ростом выбросов загрязняющих атмосферу веществ в расчете на 1 кг/чел. доля занятых в экономике женщин в возрасте 55-59 лет возрастает на 0,212% при неизменности других факторов. Такая зависимость соответствует экологической кривой Кузнеця, которая представляет собой перевернутую U-образную кривую и описывает воздействие экономики на окружающую среду. Предполагается, что с ростом благосостояния населения до определенного уровня объем загрязнений растет¹. Кроме того, показатель антропогенной нагрузки характеризует определенную структуру экономики региона: в аграрных регионах, где выше доля сельского

¹ Шкиперова Г.Т. Экологическая кривая Кузнеця как инструмент исследования регионального развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 19(322). – С. 8-16.

населения, распространено ведение подсобных хозяйств, что снижает занятость пожилых людей.

Рост уровня безработицы на 1% приведет к снижению занятости среди женщин 55-59 лет на 3,279% при фиксации значений других факторов. Увеличение коэффициента замещения на 1% при неизменных значениях остальных факторов предполагает дополнительный рост занятости на 0,511%. Иными словами, чем выше уровень замещения утраченного дохода, тем больше работающих пенсионеров, стремящихся сохранить свой прежний уровень материального обеспечения. Оценивание параметров модели (5.6) проводилось по 19 наблюдениям, поэтому выборка данных является репрезентативной, а оценки параметров обладают достаточной статистической надежностью.

Результаты проведенного исследования подтвердили гипотезу о том, что трудовая активность пожилых людей сохраняет им здоровье. Доля работающих женщин в возрасте 55-59 лет статистически значимо связана с коэффициентом смертности женщин соответствующего возраста. При фиксации остальных факторов увеличение доли работающих женщин на 1% в среднем снижает их смертность на 0,347 промилле, или на 3,79% смертность за рассмотренный период. В ходе исследования была отклонена гипотеза о влиянии состояния здоровья на решение женщин 55-59 лет о продолжении трудовой деятельности. Статистически значимыми факторами, влияющими на занятость женщин 55-59 лет, оказались экономический рост (сопровождающийся антропогенной нагрузкой на окружающую среду в виде выбросов в атмосферу), напряженность на рынке труда (вызывающая безработицу) и уровень пенсионного обеспечения (уровень замещения пенсией утраченного заработка). Первые два фактора описывают спрос на рабочую силу со стороны рынка труда, третий фактор – финансовую заинтересованность со стороны самих пожилых людей.

Таким образом, полученные результаты диссертационного исследования свидетельствуют, что возраст активного долголетия длится дольше, чем трудоспособный возраст, поэтому в условиях старения населения (нарастания дефицита рабочей силы и экономической нагрузки на работающее население)

пожилые люди являются существенным трудовым резервом, обладающим необходимым опытом и навыками. В то же время их вовлечение в экономическую деятельность не должно носить чрезмерный и всеобщий характер, при трудоустройстве необходимо учесть их возможности и запросы. Поэтому для согласования противоречия интересов «продление трудовой жизни vs продления здоровой жизни» в краткосрочной и среднесрочной перспективе, интересы пожилого населения должны быть поставлены выше, что позволит обеспечить социально-экономическое развитие территории на основе концепции активного долголетия в долгосрочной перспективе.

ГЛАВА 6. ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ¹

6.1. Подходы к оценке системы мер в области старения населения

Несмотря на общепризнанную важность концепции активного долголетия в качестве ведущей стратегии глобальной политики в Европе², единого подхода к измерению ее мер до сих пор не сложилось. Предпринимаемые попытки построения индексов направлены на получение оценки по ключевым показателям эффективности управленческих решений в отношении пожилых людей.

Наиболее распространенным инструментом измерения является *Индекс активного долголетия*. Этот многомерный сводный индекс разработан в 2012 г. в рамках совместного проекта Генерального директората Европейской комиссии по занятости, социальным вопросам и интеграции и Группы по вопросам народонаселения ЕЭК ООН³. Индекс представляет собой инструмент мониторинга мер в области активного долголетия и направлен для оценки степени реализации потенциала пожилых людей. В 2015 г. Рабочая группа ЕЭК ООН по проблемам старения рекомендовала странам этого региона использовать показатели этого индекса для мониторинга реализации третьего цикла Мадридского международного плана действий по проблемам старения и его Региональной

---

¹ Основные научные результаты данной главы частично изложены в работах автора: Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с. DOI: 10.17059/661-5; Васильева Е.В. Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход // Народонаселение. – 2022. – Т. 25. № 3. – С. 128-143. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.1; Черешнев В.А., Васильева (Чистова) Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16, № 12. – С. 2206 – 2223. DOI: 10.24891/ea.16.12.2206; Васильева (Чистова) Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. № 1. – С. 204-216. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.12; Васильева Е.В. Подходы к построению пенсионной системы: международный и российский опыт // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 79. – С. 5-25. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10046.

² Walker A. Commentary: The emergence and application of active aging in Europe // Journal of Aging and Social Policy. – 2009. – Vol. 21, no. 1. – P. 75-93.

³ Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level: Guidelines / prepared by Varlamova M., under contract with United Nations Economic Commission for Europe (Geneva), co-funded by the European Commission's Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion. – Brussels: UNECE / European Commission, 2018. – 48 p.

стратегии реализации (MIRAA/RIS). Индекс активного долголетия состоит из 22 показателей, которые сгруппированы в четыре домена:

- занятость;
- участие в жизни общества;
- независимая, здоровая и безопасная жизнь;
- потенциал и благоприятная среда для активного долголетия.

Индекс активного долголетия публиковался для применения в 28 странах Европейского союза (ЕС), и, соответственно, опирался на данные европейских опросов населения. Поэтому основная проблема при расчете индекса для стран за пределами ЕС и на субнациональном уровне заключается в отсутствии необходимых источников статистики. Использование же альтернативных переменных может снизить сопоставимость с результатами стран ЕС. В настоящее время были сделаны попытки адаптировать подход к расчету индекса для других стран¹. В России была утверждена в 2019 г. методика расчета Индекса активного долголетия² на основе данных, формируемых Федеральной службой государственной статистики (данные Всероссийской переписи населения, текущей демографической статистики и федеральных статистических наблюдений). Эта методика разработана с учетом методического Руководства по измерению Индекса активного долголетия в странах, не являющихся членами ЕС и субнациональных образованиях³, и вносит незначительные изменения в структуре индекса.

Ранее российские ученые проводили уже исследования по применимости этого подхода к измерению активного долголетия в России. В 2014 г. Засимова Л. и Шелунцова М.⁴ оценили активное долголетие пожилых людей в России с

---

¹ Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level: Guidelines / prepared by Varlamova M., under contract with United Nations Economic Commission for Europe (Geneva), co-funded by the European Commission's Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion. – Brussels: UNECE / European Commission, 2018. – 48 p.

² Приказ Федеральной службы государственной статистики от 31 октября 2019 г. № 634 «Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации».

³ Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level: Guidelines / prepared by Varlamova M., under contract with United Nations Economic Commission for Europe (Geneva), co-funded by the European Commission's Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion. – Brussels: UNECE / European Commission, 2018. – 48 p.

⁴ Zasimova L., Sheluntcova M. Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia, basic research program: working paper, series: public administration, WP BRP 11/PA/2014. – Moscow: HSE, 2014. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2014/01/27/1326230041/11PA2014.pdf>.

использованием одного источника – базы данных Исследования глобального старения и здоровья взрослых людей (SAGE), проводимого ВОЗ. Однако этот подход был подвергнут критике. Так, Варламова М.А., Ермолина А.А. и Синявская О.В.¹ отмечают, что, во-первых, попытка соотнести критерии активного долголетия с характеристиками отдельных людей противоречит всеобъемлющей характеристике активного долголетия, предложенной ВОЗ. Во-вторых, компоненты активного долголетия плохо описаны имеющимися показателями базы SAGE, акцент сделан скорее на состоянии здоровья пожилых людей, чем на условиях и потенциале пожилых людей вносить свой вклад в экономику и общество. В-третьих, сравнительные возможности предложенного подхода ограничены количеством стран-участниц SAGE. Главной причиной отмеченных недостатков исследователи назвали узость базы данных, поэтому в своей версии индекса они использовали 7 источников информации. Такой подход позволил полностью повторить оригинальную структуру Индекса активного долголетия.

Разработчики Индекса активного долголетия подчеркивают, что более высокий уровень экономической и социальной активности необязательно отражает благополучие пожилых людей. Для оценки благополучия пожилых людей организацией HelpAge International в партнерстве с Заиди А. в 2013 г. был разработан *глобальный индекс AgeWatch*. Индекс создан для измерения качества жизни пожилых людей, выявления успехов и недостатков мер, принимаемых странами в связи со старением населения, и стимулирования спроса и предложения данных с разбивкой по возрасту². Этот индекс рассчитывается по 13 показателям, сгруппированным в четыре домена:

- материальная обеспеченность,
- состояние здоровья,
- возможности (занятость и образование),
- благоприятные условия.

---

¹ Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O. Active Ageing Index as an evidence base for developing a comprehensive active ageing policy in Russia // Journal of Population Ageing. – 2017. – Vol. 10, no. 1 (special volume). – P. 41–71.

² Global AgeWatch Index 2015: insight report. – London: HelpAge International, 2015. – 28 p.

Методология расчета глобального индекса AgeWatch аналогична Индексу активного долголетия, но расчет индекса базируется на сочетании источников данных, большинство из которых находятся в открытом доступе (например, Всемирный банк, ВОЗ, Международная организация труда, Евростат, ОЭСР), а один, Gallup WorldView, являясь собственностью, – в закрытом доступе. Такая информационная база индекса является его преимуществом, поскольку существенно расширяет круг стран, для которых возможна его оценка. Рейтинг Индекса AgeWatch публиковался в течение 2013-2015 гг., в 2017 г. HelpAge International в партнерстве с Американской ассоциацией пенсионеров изменил дизайн индекса, чтобы он стал глобальным информационно-пропагандистский инструментом Global AgeWatch Insights, который изучает положение пожилых людей в странах с низким и средним уровнем дохода. Этот инструмент фокусируется на здоровье пожилого населения, реализации их права на здоровье и барьерах, ограничивающих доступ к системе здравоохранения¹.

Для оценки того, как национальные государственные программы, культурные нормы и социальные и экономические факторы влияют на благосостояние пожилых людей на национальном уровне, Справочное бюро по народонаселению (PRB) и Стэнфордский центр долголетия (SCL) совместно разработали **Индекс благосостояния пожилых людей SCL/PRB**. Индекс SCL/PRB помогает оценить общее благосостояние пожилых групп населения одной страны по сравнению с другими и определить, какие факторы влияют на относительное положение страны. Индекс суммирует 12 ключевых показателей благополучия по четырем доменам:

- материальное благополучие,
- физическое благополучие,
- социальное благополучие
- эмоциональное благополучие.

---

¹ Cruz-Martinez G., Cerev, G. Global AgeWatch Index and Insights // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. – 2019. – P. 1-6. DOI:10.1007/978-3-319-69892-2_229-1.

Индекс SCL/PRB почти полностью основан на данных обследований населения: «Обследование здоровья и выхода на пенсию в Соединенных Штатах» и «Исследование здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе». Использование этих данных сводит к минимуму несоответствия в межнациональных измерениях, но размеры выборки для каждой страны существенно различаются, варьируясь от примерно 1000 в Швейцарии до более чем 12 000 в Соединенных Штатах.

Для измерения прогресса стран в подготовке к старению населения Центром стратегических и международных исследований в 2010 г. был разработан *глобальный индекс готовности к старению населения*¹ (в 2013 г. была опубликована его редакция²). Для того чтобы в полной мере отразить последствия демографических изменений, строятся модели долгосрочного прогнозирования на период до 2040 г. Индекс состоит из двух субиндексов:

- устойчивость бюджета,
- достаточность дохода.

Эти субиндексы, в свою очередь, основаны на показателях, сгруппированных в отдельные категории, каждая из которых касается специфического аспекта общей задачи. Результат оценки показывает относительную позицию стран по отношению к другим странам. Субиндексы рассчитываются по 20 странам на основе баз данных ОЭСР, ВОЗ, World Economic Outlook, а также по прогнозам Международного валютного фонда, Отдела народонаселения ООН, Европейской комиссии, Standard & Poor's и национальных правительств. Результаты оценки в 2010 г. показали, что продление срока трудовой деятельности и увеличение накопительных пенсионных сбережений являются наилучшими и даже единственными средствами поддержания и повышения уровня жизни пожилых людей.

---

¹ Jackson R., Howe N., Nakashima K. The Global Aging Preparedness Index. – Washington: Center for Strategic and International Studies and Prudential plc, 2010. – 76 p.

² Jackson R., Howe N., Peter T. The Global Aging Preparedness Index. Second Edition. – Washington: Center for Strategic and International Studies and Prudential plc, 2013. – 72 p.

Финансовыми компаниями Natixis и CoreData Research в 2012 г. был разработан *глобальный пенсионный индекс*¹ – инструмент изучения факторов, определяющих пенсионное обеспечение, и сравнения лучших практик в пенсионной политике. Индекс включает 18 показателей, сгруппированных в четыре субиндекса, которые охватывают ключевые аспекты благосостояния населения на пенсии:

- здоровье,
- финансы на пенсии,
- материальное благополучие,
- качество жизни.

Данные для расчета индекса получены от ряда международных организаций и академических источников. Субиндексы дают представление о том, какие конкретные характеристики способствуют улучшению или ухудшению положения каждой страны.

На региональном уровне так же применяются различные индексы для оценки мер в области старения населения. Утвержденная Росстатом в 2019 г. методика расчета Индекса активного долголетия разработана для оценки ситуации в целом по Российской Федерации. Но, как отмечено в докладе начальника Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Росстата², в дальнейшем планируется продолжение работ по внедрению в статистическую практику индекса, в т.ч. формирование алгоритмов расчета по субъектам РФ. Однако уже в настоящее время для региональной оценки российские исследователи адаптируют Индекс активного долголетия или предлагают свои подходы к измерению. Так, Фролова Е.А. и Маланина В.А.³ на основе оригинальной методики Индекса активного долголетия проведена *оценка индикаторов активного долголетия* для городских и сельских населенных

---

¹ 2020 Global Retirement Index An in-depth assessment of welfare in retirement around the world. – Natixis, 2020. – 67 p. Режим доступа: https://investtrends.ch/site/assets/files/27652/natixis_gri_2020.pdf.

² Фролова Е.Б. Индекс активного долголетия (Active Ageing Index) // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf>.

³ Фролова Е.А., Маланина В.А. Индекс активного долголетия в регионах Сибири // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, вып. 1. – С. 209-222. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-16.

пунктов Сибирского федерального округа. При адаптации методики были использованы данные Комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного Росстатом, текущей статистики «Старшее поколение» Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE).

Бурцева Т.А., Гагарина С.Н. и Чаусов Н.Ю.¹ для составления плана конкретных мероприятий и реализации политики активного долголетия в РФ предлагают подход к *оценке качества жизни населения старших возрастов*. В предлагаемой методике выделены четыре критерия:

- качество пожилого населения,
- уровень благосостояния пожилого населения,
- качество трудовой сферы пожилого населения,
- качество социальной сферы пожилого населения.

Наряду с группировкой индикаторов качества жизни, авторы предлагают нормативно-оценочную модель, разработанную на основе метода динамического норматива. Сформированные группы показателей, характеризующие поставленную цель – повышение качества жизни населения старших возрастов – в максимальной степени отражают реальное состояние исследуемого объекта в динамике. Индекс рассчитывается по данным Росстата.

Алешниковой В.И., Бурцевой Т.А. и Нуриддиновым З.А.² был предложен альтернативный подход к мониторингу региональных стратегий и программ реализации активного долголетия. Авторы предлагают минимальную *систему измерителей их социального эффекта* на основе данных Росстата и ВОЗ:

- здоровье,
- социальная защищенность,
- уровень участия в социальной жизни.

---

¹ Бурцева Т.А., Чаусов Н.Ю., Гагарина С.Н. Оценка качества жизни пожилого населения России // Российский экономический интернет-журнал. – 2018. – №2. Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Burtseva.pdf>.

² Алешникова В.И., Бурцева Т.А., Нуриддинов З.А. Социальный эффект реализации стратегий активного долголетия // Управление. – 2020. – Вып. 8, №4. – С. 86-93.

Однако предлагаемая система носит перспективный характер, т.к. базируется, в т.ч. на данных цифровой интернет-переписи населения России, результаты которой еще не опубликованы.

Исследовательский коллектив благотворительного фонда «Нужна помощь» сформировал интегральный показатель, оценивающий *благополучие старшего поколения в регионах России*¹. При расчете индекса используются доступные статистические данные федеральных и региональных ведомств по пяти сферам жизнедеятельности пожилого населения:

- здоровье,
- занятость,
- материальное положение,
- социальное обслуживание,
- социальная активность.

Павлова И.А., Монастырный Е.А., Гуменников И.В. и Барышева Г.А. разработали *Российский индекс благополучия старшего поколения*², рассчитанный с учетом всех регионов России. Источниками данных для расчета являются формы и показатели Росстата. Индекс включает в себя четыре домена:

- экономическое измерение,
- социальное измерение,
- здоровье,
- региональное пространство и инфраструктура.

Рейтинговое агентство РИА Рейтинг³ предложило подход к *региональной оценке привлекательности рынка труда регионов для пенсионеров*. Составленный рейтинг характеризует регионы по девяти показателям возможности для пенсионеров по поиску достойной работы, экономической активности людей

---

¹ Старость в регионах России. Оценка благополучия старшего поколения на основе открытых статистических данных, 2019 г. – Москва, 2021.

² Павлова И.А., Монастырный Е.А., Гуменников И.В., Барышева Г.А. Российский индекс благополучия старшего поколения: методология, методика, апробация // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – Вып. 16, №1. – С. 23-36.

³ Рейтинг регионов по привлекательности рынка труда для пенсионеров // РИА Рейтинг. Режим доступа: <https://riarating.ru/regions/20181120/630111648.html>.

пенсионного возраста, зарплаты пенсионеров, а также здоровья и долголетия пожилых людей.

В приложении Е представлены структуры рассмотренных индексов и методологии их расчета. Существующие подходы имеют свои преимущества и недостатки для анализа ситуации на уровне регионов России. Ценность подобных индексов состоит в том, что они фокусируют внимание органов государственного управления на острые проблемы социально-экономического развития страны, а результаты индексов должны приниматься ими во внимание как показания независимой экспертизы для повышения благосостояния населения. Преимуществом построения композитного (многомерного) индекса является возможность сравнивать ситуацию по выбранным критериям с другими территориями для выявления и внедрения лучших практик.

В то же время у индексов есть свои недостатки в применении, главное из которых является недоступность данные, на основе которых строятся индексы. Такого рода индексов базируются не только на статистических данных, но и результатах социологических исследованиях и экспертных оценках. Социологические исследования, бесспорно, являются полезным, но для получения репрезентативных результатов с учетом региональных особенностей их проведение должно осуществляться регулярно для каждого субъекта РФ. Поэтому расчет ситуации по России и ее региона на основе зарубежных методик полностью невозможен в силу дефицита фактических данных и различий в методологии статистического учета. Разработанные российскими учеными инструменты для оценки стратегий и программ реализации активного долголетия в регионах России так же находятся в рамках ограниченного круга доступных данных. Так, к примеру, широко используемый источник данных для построения таких индексов – Комплексное наблюдение условий жизни населения (Росстат), проводится только 1 раз в два года, что снижает его информативность и нарушает непрерывность оценки.

Обзор подходов к измерению активного долголетия и оценке мер в области старения населения показал, что для оценки политических инициатив до сих пор

сохраняется потребность в разработке инструмента, основанного на фактических данных. Построение многомерного индекса является весьма полезным базовым инструментарием для государственного управления, но требует доработки и дальнейших исследований, которые бы более полно отражали региональные целевые ориентиры, что даст более точное представление о реализации политики активного долголетия в России. Отсутствие же необходимого инструмента оценки приводит к снижению качества региональных стратегических документов. Таким образом, выявленные ограничения в доступности статистических данных подчеркивают актуальность дальнейшего совершенствования подхода к оценке мер в области старения населения на региональном уровне. Для оценки политики активного долголетия предложена методика на региональном уровне, учитывающая государственные интересы и интересы пожилого населения.

6.2. Методический подход к оценке результативности политики активного долголетия на региональном уровне

Для оценки политики активного долголетия предложена методика расчета интегрального индекса на региональном уровне. Ее содержание заключается в агрегировании имеющейся информации об обеспечении защиты государственных интересов и интересов пожилого населения в регионе. Ввиду многомерности понятия активного долголетия существует проблема его формализации и выбора отдельных показателей. Для решения этой проблемы сформированы пять критериев отбора показателей:

- статистические источники данных находятся в открытом доступе для возможности расчета индекса активного долголетия в региональном разрезе;
- показатели характеризуют результат действий (а не «усилия» для его достижения) и являются целевыми ориентирами, учитывающими государственные интересы и интересы пожилого населения;

- подбор показателей осуществляется в соответствии с методологией близости к целевому показателю («proximity-to-target»¹), что облегчает сравнение территорий;
- показатели имеют «положительное» оценочное суждение (т.е. чем выше значение показателя, тем лучше ситуация) для получения однородного состава индекса активного долголетия;
- в состав индекса входит минимальное количество показателей для повышения надежности его оценки.

С учетом этих критериев подобраны пять показателей индекса (таблица 6.1) по трем доменам: здоровье, участие и безопасность.

Таблица 6.1. Перечень показателей индекса активного долголетия в регионе

Домен	Показатель, единица измерения	Обозначение
Здоровье	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для мужчин, достигших 60 лет, лет	k_{LEM}^t
	Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для женщин, достигших 55 лет, лет	k_{LEf}^t
Участие	Уровень занятости населения в возрасте 60 лет и старше, %	k_E^t
	Доля населения в возрасте 60 лет и старше, работающего в качестве волонтеров, % в общей численности населения соответствующего возраста	k_V^t
Безопасность	Отношение среднего размера пенсии к прожиточному минимуму пенсионера, раз	k_{PM}^t
	Коэффициент замещения, %	k_{PW}^t

Построение индекса активного долголетия в регионе включает четыре последовательных этапа (рисунок 6.1).

Рисунок 6.1. Этапы построения индекса активного долголетия в регионе

Первый этап заключается в сборе и обработке данных. Информационной базой исследования являются данные Росстата (в т.ч. итоги выборочных

¹ Emerson J. W., Hsu A., Levy M. A., de Sherbinin A., Mara V., Esty D. C., Jaiteh M. 2012 Environmental Performance Index and Pilot Trend Environmental Performance Index. – New Haven, CT: Yale Center for Environmental Law & Policy, 2012. – 99 p.

обследований рабочей силы) и ПФР. Показатель «Уровень занятости населения в возрасте 60 лет и старше» (k_E^t) рассчитывается по формуле:

$$k_E^t = \frac{E^t}{(N_{60-72}^t + N_{60-72}^{t+1})/2} \cdot 100$$

где E^t – численность занятого населения в возрасте 60 лет и старше в анализируемом t году, тыс. человек,

N_{60}^t – численность населения в возрасте 60 лет и старше на 1 января в анализируемом t году, тыс. человек.

Показатель «Доля населения в возрасте 60 лет и старше, работающего в качестве волонтеров» (k_V^t) рассчитывается по формуле:

$$k_V^t = \frac{V^t \cdot \alpha_{60}^t}{(N_{60}^t + N_{60}^{t+1})/2}$$

где V^t – средняя численность добровольцев (волонтеров), всего по обследуемым видам экономической деятельности в анализируемом t году, человек,

α_{60}^t – доля населения в возрасте 60 лет и старше, работающего в качестве волонтеров, в анализируемом t году, % в общей численности волонтеров.

Показатель «Отношение среднего размера пенсии к прожиточному минимуму пенсионера» (k_{PM}^t) рассчитывается по формуле:

$$k_{PM}^t = \frac{(P^t + P^{t+1})/2}{M_P^t} \cdot 100$$

где P^t – средний размер назначенных пенсий по старости (возрасту) на 1 января в анализируемом t году, руб.,

M_P^t – величина прожиточного минимума пенсионера в целях установления социальной доплаты к пенсии, руб.

Показатель «Коэффициент замещения» (k_{PW}^t) рассчитывается по формуле:

$$k_{PW}^t = \frac{(P^t + P^{t+1})/2}{W^t} \cdot 100$$

где W^t – среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике, руб.

Значения показателей ожидаемой продолжительности предстоящей жизни для мужчин (k_{LEm}^t) и женщин (k_{LEf}^t) берутся напрямую из данных статистической отчетности.

На *втором этапе* производится нормирование показателей, чтобы избежать нежелательных эффектов их разномасштабности, возникающих при сопоставлении показателей различных по структуре и единицам измерения. Для получения нормализованных показателей устанавливаются пороговые значения – минимумы и максимумы (таблица 6.2). Как отмечает Сенчагов В.К.¹, только при условии, что теория безопасности включает в себя теорию предельных значений объекта, она имеет практическое значение, поскольку пороговые значения позволяют оценить соответствие сложившихся тенденций развития экономики национальным интересам страны.

Таблица 6.2. Пороговые значения показателей индекса активного долголетия

Показатели, единица измерения	Пороговые значения показателей	
	Минимум	Максимум (целевое значение)
Домен «Здоровье»		
Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для мужчин, достигших 60 лет, лет	$\min(k_{LEm}^t)$	20
Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для женщин, достигших 55 лет, лет	$\min(k_{LEf}^t)$	25
Домен «Участие»		
Уровень занятости населения в возрасте 60 лет и старше, %	$\min(k_E^t)$	$\max(k_E^t)$
Доля населения в возрасте 60 лет и старше, работающего в качестве волонтеров, % в общей численности населения соответствующего возраста	$\min(k_V^t)$	$\max(k_V^t)$
Домен «Безопасность»		
Отношение среднего размера пенсии к прожиточному минимуму пенсионера, раз	$\min(k_{PM}^t)$	2,5
Коэффициент замещения, %	$\min(k_{PW}^t)$	40

¹ Сенчагов В.К. Методология обеспечения экономической безопасности // Экономика региона. – 2008. – №3. – С. 28-39.

Для всех показателей доменов «Здоровье» и «Безопасность» в качестве максимумов определяются целевые значения показателя. Обоснование целевых значений (максимумов) показателей ожидаемой продолжительности предстоящей жизни представлено в главе 2, для мужчин оно составляет 20 лет, для женщин – 25 лет. В Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ¹ установлены целевые ориентиры:

- средний размер пенсии – не менее 2,5 прожиточного минимума пенсионера;
- коэффициент замещения – до 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате.

Для определения порогового значения (максимума) показателей «Участие» выявляется максимальное значение среди субъектов РФ как индикатор реализации лучшей практики. Минимумы по всем показателям определяются как наихудшее наблюдаемое значение в выборке для каждого показателя и характеризуют, соответственно, наихудший из возможных сценариев реализации политики активного долголетия.

Для показателей их нормированное значение определяется по формуле:

$$I_{ij} = \frac{k - k_{\min}}{k_{\max} - k_{\min}} \cdot 100 \quad (6.1)$$

где I – нормализованное значение показателя, балл;

k – фактическое значение показателя, именованные ед.;

$k_{\min}$ – минимальное значение показателя среди регионов, именованные ед.;

$k_{\max}$ – максимальное (целевое) значение показателя среди регионов, именованные ед.

Значения нормализованных показателей находятся в диапазоне от 0,01 (вместо 0 для облегчения дальнейших расчетов) до 100 баллов (в случае превышения – полученное значение приравнивается к 100).

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. N 2524-р О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ (с изменениями и дополнениями).

Расчет значения интегрального индекса активного долголетия производится на *третьем этапе*. Значения нормализованных показателей доменов «Здоровье» и «Безопасность» агрегируются в индексы путем расчета среднего геометрического значения по ним. Среднее геометрическое значение имеет преимущество по сравнению со средним арифметическим. Использование среднего арифметического подразумевает, что снижение уровня одной из переменной может быть компенсировано равным увеличением уровня другой без учета уровня каждой. Поскольку полная взаимозаменяемость показателей неприменима для целей данного исследования, то при оценке степени достижения результатов активного долголетия используется расчет средней геометрической. Формула средней геометрической чувствительна к неоднородности значений составляющих переменных, к экстремальным значениям в распределении. Геометрическое агрегирование является вариантом неполной компенсации, т.е. низкий уровень одной переменной только частично компенсируется высоким уровнем другой.

На *четвертом этапе* индексы доменов включаются в модель с определенным весом, который характеризует их значимость в общем индексе¹. Весовые коэффициенты составлены с учетом рекомендаций Группы экспертов Европейской экономической комиссии ООН² и утвержденной методике Росстата³ и представлены в таблице 6.3.

Сумма всех значений весовых коэффициентов равняется единице. Все индексы доменов и весовые коэффициенты агрегируются в интегральный индекс активного долголетия путем получения их средневзвешенного арифметического значения.

---

¹ Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M.M., Lelkes O., Marin B., Rodrigues R., Schmidt A., Vanhuyse P., Zolyomi E. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. – Vienna: European Centre, 2013. Режим доступа: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf.

² Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level: Guidelines / prepared by Varlamova M., under contract with United Nations Economic Commission for Europe (Geneva), co-funded by the European Commission's Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion. – Brussels: UNECE / European Commission, 2018. – 48 p.

³ Приказ Федеральной службы государственной статистики от 31 октября 2019 г. № 634 «Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации».

Таблица 6.3. Весовые коэффициенты индексов доменов активного долголетия

Домен	Значение весового коэффициента
Здоровье	0,2
Участие	0,7
Безопасность	0,1

Составлено по: Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level: Guidelines / prepared by Varlamova M., under contract with United Nations Economic Commission for Europe (Geneva), co-funded by the European Commission's Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion. – Brussels: UNECE / European Commission, 2018. – 48 p.; Приказ Федеральной службы государственной статистики от 31 октября 2019 г. № 634 «Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации».

Диапазон индекса так же находится в пределах от 0 до 100 баллов. Чтобы получить 100 баллов по индексу, регион должен иметь максимальное значение по всем пяти показателям. Максимальное значение интегрального индекса характеризует полное достижение результатов активного долголетия в регионе, остальные значения индекса разбиваются по трем степеням (таблица 6.4).

Таблица 6.4. Степени достижения результатов политики активного долголетия

Уровни достижения результатов политики активного долголетия	Значение индекса активного долголетия
Полное достижение	100
Высокая степень	70 – 100
Средняя степень	40 – 70
Низкая степень	0 – 40

На *пятом этапе* обрабатываются полученные результаты. Все субъекты РФ ранжируются по индексу активного долголетия таким образом, чтобы более высокое значение означало наилучшее наблюдаемое значение – «лучшую практику» среди регионов. Методический подход к построению индексу активного долголетия в регионе был апробирован на данных за 2021 г. (таблица 6.5, приложение Ж). Согласно полученным результатам за 2021 г., все субъекты РФ имеют низкую степень достижения результатов активного долголетия. Значения индекса по субъектам РФ варьируются в диапазоне от 3 баллов в Забайкальском крае до 21 балла в Москве. Субъекты РФ, находящиеся в верхней части рейтинга,

заняли свои места не вследствие эффективной проводимой политики активного долголетия, а из-за их региональных особенностей.

Таблица 6.5. Индекс активного долголетия в субъектах РФ, 2021 г.

Место в рейтинге	Субъект РФ	Значение индекса	Место в рейтинге	Субъект РФ	Значение индекса
1 (↑3)	г. Москва	21	44 (↑31)	Орловская область	7
2 (↑5)	Карачаево-Черкесская Респ.	17	45 (↓36)	Республика Алтай	7
3 (↑10)	г. Севастополь	17	46 (↑12)	Вологодская область	7
4 (↑6)	Республика Дагестан	14	47 (↓15)	Тюменская область	7
5(↑6)	Ямало-Ненецкий авт. округ	14	48 (↑20)	Удмуртская Республика	7
6 (↑79)	Ненецкий автономный округ	13	49 (↑2)	Ульяновская область	7
7 (↑42)	Новгородская область	13	50 (↑19)	Республика Марий Эл	7
8 (↑19)	Кабардино-Балкарская Респ.	13	51 (↓36)	Республика Коми	7
9 (↓6)	Республика Мордовия	13	52 (↓31)	Кировская область	7
10 (↑29)	Республика Татарстан	13	53 (↓36)	Республика Карелия	7
11 (↓10)	Магаданская область	13	54 (↓4)	Республика Саха (Якутия)	7
12 (↑21)	Псковская область	11	55 (↓13)	Липецкая область	7
13 (↑63)	Респ. Северная Осетия-Алания	11	56 (↓22)	Кемеровская область	7
14 (↑5)	Еврейская автономная область	11	57 (↑27)	Республика Тыва	7
15 (↑16)	Сахалинская область	11	58 (↓12)	Ханты-Мансийский авт. округ	7
16 (-)	Самарская область	11	59 (↓23)	Хабаровский край	7
17 (↑20)	Омская область	11	60 (-)	Тульская область	6
18 (↑12)	Ивановская область	10	61 (↓5)	Ростовская область	6
19 (↑26)	Приморский край	10	62 (↑20)	Рязанская область	6
20 (↓15)	Ярославская область	9	63 (↓22)	Томская область	6
21 (↑17)	Калининградская область	9	64 (↓2)	Тверская область	6
22 (↓2)	г. Санкт-Петербург	9	65 (-)	Алтайский край	6
23 (↑34)	Нижегородская область	9	66 (↓58)	Мурманская область	6
24 (↓18)	Камчатский край	9	67 (↑12)	Курганская область	6
25 (↑29)	Московская область	9	68 (↑6)	Амурская область	6
26 (↑46)	Волгоградская область	9	69 (↑8)	Воронежская область	6
27 (↓13)	Новосибирская область	9	70 (↓35)	Краснодарский край	6
28 (↓16)	Калужская область	8	71 (↓31)	Республика Крым	6
29 (↑19)	Чувашская Республика	8	72 (↑11)	Чеченская Республика	6
30 (↑36)	Республика Ингушетия	8	73 (↓2)	Курская область	5
31 (↓5)	Ленинградская область	8	74 (↓10)	Пермский край	5
32 (↓7)	Пензенская область	8	75 (↓52)	Астраханская область	5
33 (↑34)	Челябинская область	8	76 (↓17)	Республика Хакасия	5
34 (↓16)	Ставропольский край	8	77 (↓25)	Тамбовская область	5
35 (↓13)	Иркутская область	8	78 (↓49)	Республика Бурятия	5
36 (↑27)	Красноярский край	8	79 (↑2)	Республика Адыгея	5
37 (↓9)	Республика Калмыкия	8	80 (↓33)	Республика Башкортостан	5
38 (↑32)	Костромская область	8	81 (↓28)	Брянская область	5
39 (↑5)	Владимирская область	8	82 (↓21)	Саратовская область	5
40 (↑3)	Свердловская область	8	83 (↓5)	Смоленская область	4
41 (↑14)	Оренбургская область	8	84 (↓82)	Чукотский автономный округ	4
42 (↓18)	Архангельская область	7	85 (↓5)	Забайкальский край	3
43 (↑30)	Белгородская область	7	в среднем по России		11

Примечание: 1. В скобках стрелками обозначены тенденции изменения места в рейтинге в 2021 г. по сравнению с 2016 г. («↑» – положительная; «↓» – отрицательная; «-» – отсутствует); цифрами – на сколько позиций.

2. Архангельская и Тюменская области рассчитаны без автономных округов.

В рейтинге Москва существенно опережает остальные субъекты по индексу, превышая среднероссийское значение (11 баллов) в 2 раза. При относительно высоких значениях ожидаемой продолжительности предстоящей жизни и занятости пожилых людей в Москве, такое опережение сложилось в результате активного участия пожилых москвичей в волонтерской деятельности. Аналогичные детерминанты определили ситуацию в Санкт-Петербурге.

Высокие значения индекса в Севастополе, Новгородской области, республиках Мордовия и Татарстан определяются развитием волонтерского движения, в т.ч. среди пожилых людей, и относительным размером пенсионного обеспечения к средним заработным платам и прожиточному минимуму по соответствующим регионам.

Значение индекса в республиках Северного Кавказа, значительно выше, чем у остальных регионах России, из-за действия двух факторов. Во-первых, продолжительность жизни их населения достигла высоких значений благодаря благоприятным природно-климатическим условиям и традиционной приверженности населения к здоровому образу жизни¹. Во-вторых, для их рынка труда характерны значительная теневая занятость населения и высокий уровень безработицы среди молодого населения, в результате чего сложился высокий уровень занятости пожилого населения.

Относительно высокие значения индекса в Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах объяснимы их демографическими и социально-экономическими особенностями, в результате которых с выходом на пенсию пожилые люди:

- переезжают в более благоприятные для жизни регионы (в т.ч. с государственной поддержкой), а остаются в этих субъектах те пожилые люди, кто готов продолжить трудовую деятельность;
- пытаются поддержать высокий уровень доходов для обеспечения высокой стоимости жизни, характерной для этих субъектов.

---

¹ Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2022 N 1089-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 года».

Сочетание этих особенностей субъектов Крайнего Севера способствовало формированию относительно высоких значений ожидаемой продолжительности предстоящей жизни населения, достигшего пенсионного возраста, и их занятости.

В целом ни один субъект РФ по всем показателям индекса активного долголетия не достиг фиксированных пороговых (целевых) значений (таблица 6.6). Так, по двум показателям домена «Здоровье» только в Республике Ингушетия наблюдается достижение целевых показателей, указанных в таблице 6.2.

Таблица 6.6. Достижение фиксированных пороговых (целевых) значений показателям индекса активного долголетия в субъектах РФ, 2021 г.

Показатель	Субъекты РФ
Домен «Здоровье»:	1 субъект РФ (1,2% из 85 субъектов): Республика Ингушетия
Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для мужчин, достигших 60 лет, лет	1 субъект РФ (3,5% из 85 субъектов): Республика Ингушетия
Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для женщин, достигших 55 лет, лет	3 субъекта РФ (32,9% из 85 субъектов): Республика Ингушетия, Республика Дагестан, г. Москва
Домен «Безопасность»:	ни в одном субъекте РФ
Отношение среднего размера пенсии к прожиточному минимуму пенсионера, раз	ни в одном субъекте РФ
Коэффициент замещения, %	26 субъектов РФ (30,6% из 85 субъектов): Ивановская область, Чеченская Республика, Кировская область, Алтайский край, Орловская область, Псковская область, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, Костромская область, Республика Мордовия, Брянская область, Тамбовская область, Чувашская Республика, Смоленская область, Курганская область, Пензенская область, Ульяновская область, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Карачаево-Черкесская Республика, Новгородская область, Владимирская область, Удмуртская Республика, Республика Карелия, Ярославская область, Саратовская область

Примечание: субъекты РФ расположены в порядке убывания значения показателя.

Только в этой республике ожидаемая продолжительность предстоящей жизни мужчин, достигших 60 лет, превышает 20 лет. Уровень смертности среди женщин пожилого возраста значительно ниже, но не во всех регионах России. Лишь в 3 субъектах РФ: Москве, республиках Дагестан и Ингушетия, отмечено превышение ожидаемой продолжительности предстоящей жизни женщин, достигших 55 лет. На динамику показателя значительно повлияли последствия пандемии COVID-19, для сравнения, в 2020 г. в 28 субъектах РФ было отмечено превышение порога.

Ни в одном субъекте РФ не зафиксировано превышение пороговых значений по двум показателям домена «Безопасность». Если коэффициент замещения в 26 субъектах РФ превышает 40% (пороговое значение), то по показателю «Отношение среднего размера пенсии к прожиточному минимуму пенсионера» таких субъектов нет. Наиболее высокое значение соотношения размера пенсии и прожиточного минимума пенсионера в Республике Татарстан, в которой оно составляет 1,9 раз.

На рисунке 6.2 представлена тенденция изменения уровня занятости населения в возрасте 60 лет и старше по субъектам РФ. Наиболее высокий уровень занятости населения этой возрастной группы в субъектах Дальнего Востока. В 2021 г. на рынке труда в Магаданской области, Чукотском автономном округе Камчатском крае и Сахалинской области практически каждый третий был старше 60 лет.

Менее 10% людей старшего возраста работают в республиках Башкортостан, Бурятия, Адыгея, Пермском крае, Вологодской, Томской, Тюменской, Саратовской областях и Ханты-Мансийском автономном округе. В среднем по России уровень занятости населения в возрасте 60 лет и старше в 2020 г. составлял 15%, в большинстве же регионов (48 субъекте РФ) это значение ниже. За 2016-2021 гг. произошел некоторый рост среднероссийского уровня занятости пожилого населения. В 61 субъекте РФ за рассматриваемый период занятость населения в возрасте 60 лет и старше увеличилась, наиболее значительно в Чеченская Республика (с 4,3 до 19,2%), Ямало-Ненецком автономном округе (с 10,9% до 20,9%) и Республике Ингушетия (с 12,8% до 22,6%).

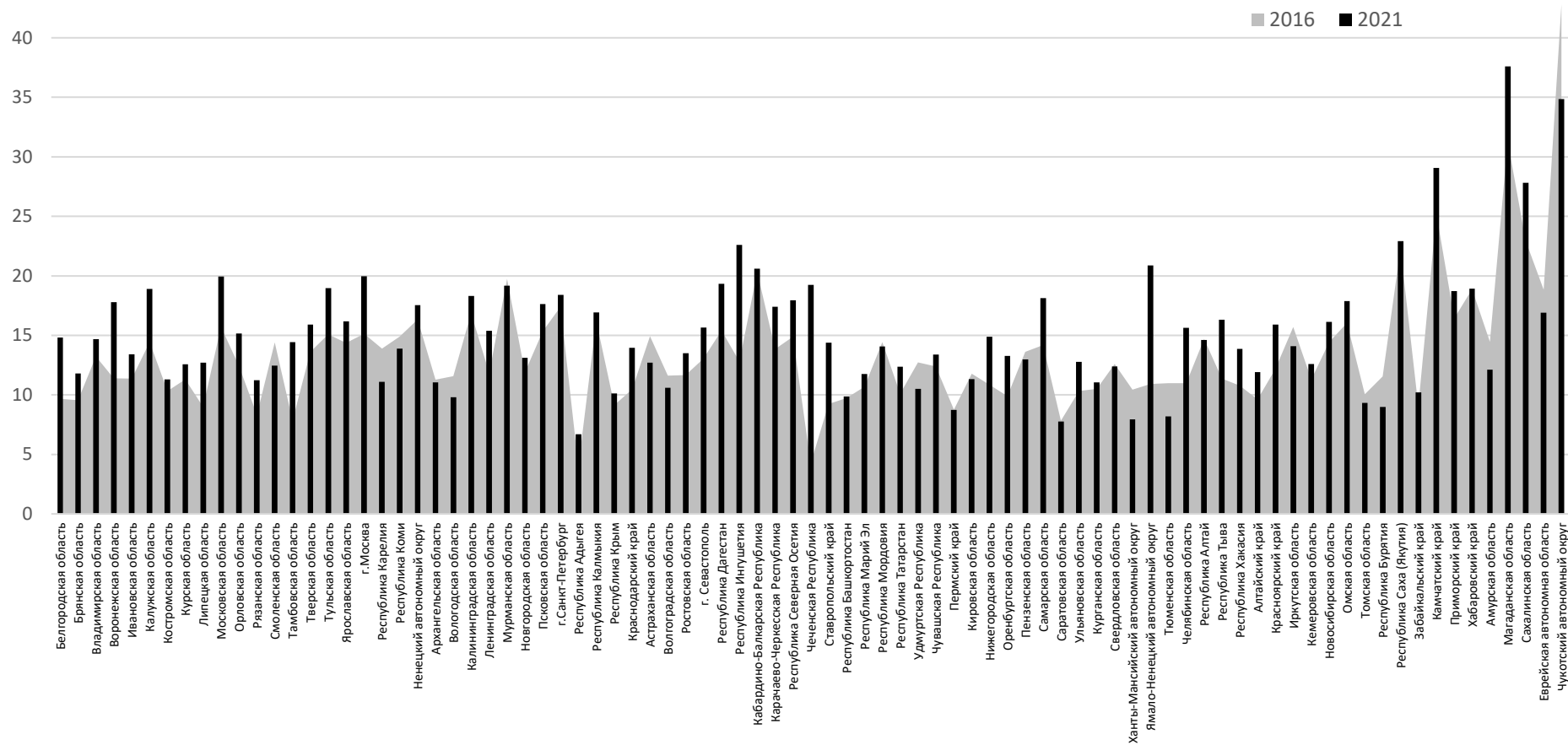

Рисунок 6.2. Уровень занятости населения в возрасте 60 лет и старше по субъектам РФ, 2016 г. и 2021 г., %

Примечание: данные за 2016 г. – уровень занятости населения в возрасте 60-72 лет, % (Приказ Федеральной службы государственной статистики от 30.06.2017 г. №445).

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа:

<https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>.

Как показывает статистика, волонтерство в России динамично развивается, особенно благодаря созданной инфраструктуре в рамках реализации Концепция развития добровольчества (волонтерства) в РФ до 2025 г., утвержденной в 2018 г. Так, в 2019 г. рост средней численности волонтеров по всем обследуемым видам экономической деятельности составил 138,1%, в возрасте 60 лет и старше – 144,0%. В 2020 г. наиболее высокая средняя численность волонтеров в возрасте 60 лет и старше отмечается в таких субъектах, как Москва (358,9 тыс. чел.), Санкт-Петербург (15,2), Свердловская область (12,7), Тюменская область (12,4), Самарская область (12,4) и Новгородская область (11,6). По уровню распространения волонтерства среди пожилого населения лидируют Москва (в 2021 г. доля населения в возрасте 60 лет и старше, работающего в качестве волонтеров, составляла 8,0% от общей численности населения соответствующего возраста), Новгородская область (7,4), Севастополь (5,8), Еврейская автономная область (5,1), Карачаево-Черкесская Республика (4,9), Республика Мордовия (4,6), Республика Татарстан (4,5), Ненецкий автономный округ (4,4), Ивановская область (3,2), Псковская область (3,0) и Ямало-Ненецкий автономный округ (2,9). На динамику участия в волонтерском движении пожилого населения значительное влияние оказал карантин, в среднем по России их численность в 2020 г. сократилась на 16,7%. Однако в отдельных субъектах напротив их численность увеличилась более чем в 2 раза: в Магаданской области (в 11,3 раза), Новгородской области (в 4,6), Чеченской Республике (в 3,3), Республике Крым (в 3,0) и Астраханской области (в 2,2).

В таблице 6.5 приведено сравнение результатов оценки индекса за 2021 г. с 2016 г., когда была утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения¹. На основе этого сравнения можно сделать вывод, что не во всех субъектах РФ реализация мер в области активного долголетия успешна, а ее результаты неравномерны. Причем на региональном уровне разрабатываются и реализуются свои стратегические документы в этой области. Так, за пять лет

---

¹Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. N 164-р О Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г.

практически половина субъектов РФ (41 субъект из 85, т.е. 48,2%) ухудшила свои позиции в рейтинге. Наиболее существенное снижение выявлено в 7 субъектах: Чукотский автономный округ (на 82 позиции), Мурманская область (на 58), Астраханская область (на 52), Республика Бурятия (на 49), Республика Карелия, Республика Коми, Республика Алтай (на 36), Краснодарский край (на 35), Республика Башкортостан (на 33), Республика Крым (31) и Кировская область (на 31). В то же время 41 субъекта РФ поднялись по рейтингу, наиболее значительно 8 из них: Ненецкий автономный округ (на 79 позиций), Республика Северная Осетия (на 63), Волгоградская область (на 46), Новгородская область (на 42), Республика Ингушетия (на 36), Нижегородская область, Челябинская область (на 34), Костромская область (на 32), Орловская область (на 31) и Белгородская область (на 30). Как на положительную, так и на отрицательную динамику существенно повлияли тенденции по трем показателям: уровень занятости пожилого населения, доля волонтеров и коэффициент замещения. Также в 2020 г. на снижение значений индекса в субъектах РФ повлиял спад продолжительности предстоящей жизни населения, вызванный последствиями пандемии.

Таким образом, актуальность построения рейтинга субъектов РФ по индексу активного долголетия, «ориентированного на результат», определяется востребованностью информации о степени обеспечения защиты государственных интересов и интересов пожилого населения от последствий старения населения. Для чего оценка опираться на систему пороговых значений – предельно допустимые значения, несоблюдение которых угрожает экономической безопасности региона, а достижение же лучших значений (результатов) отражает уже его социально-экономическое развитие.

Такой подход к оценке позволяет, во-первых, выявить недостатки региональных целевых индикаторов и несогласованность целей региональной политики с национальными целями и требованиями международных организаций; а, во-вторых, сравнить регионы с тем, как они справляются с достижением результатов активного долголетия, чтобы определить лучшие практики.

Разработанная методика дает возможность проанализировать вклад каждого домена активного долголетия в общую оценку, тем самым показывая, какие направления концепции должны заслуживать усиленных действий. Принципиально важным является то, что рейтинг построен на основе регулярно отслеживаемых показателей официальной статистики, доступных широкому кругу заинтересованных пользователей. В рейтинге не использовались экспертные оценки, что позволяет избежать ошибок субъективного суждения и предвзятости. Предложенная методика является основой для оценки политики активного долголетия на региональном уровне.

6.3. Параметры и механизм формирования и реализации политики активного долголетия в России на федеральном и региональном уровне

В настоящее время разрабатываемые государственные меры по повышению качества жизни пожилых людей ориентированы не столько на обеспечение различных механизмов социальной защиты, сколько на стимулирование развития и использования потенциала пожилого населения. Так, в рамках «новой пенсионной формулы» заложено поощрение более поздних сроков выхода на пенсию. Утвержденная «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г.» направлена на создание условий для активного долголетия пожилого населения, которые позволят повысить их уровень и качество жизни. С 2019 г. реализуется федеральный проект «Старшее поколение» в рамках нацпроекта «Демография», а также происходит постепенное повышение пенсионного возраста. На уровне Правительства РФ обсуждаются перспективы появления в России концепции активного долголетия¹. Но, как справедливо

---

¹ Татьяна Голикова провела заседание Совета по вопросам попечительства в социальной сфере // Правительство России. Режим доступа: <http://government.ru/news/33334/>.

отмечают Доброхлеб В.Г. и Барсуков В.Н.¹, такие документы дают лишь общие рекомендации, не учитывая разницу в стартовых условиях по регионам.

Идея активного долголетия получила широкий отклик на региональном уровне. Практически по всех субъектах РФ в рамках нацпроекта «Демография» утверждены региональные стратегические документы – программы (приложение И, таблица И.1). Сравнение опыта реализации политики активного долголетия в европейских странах и в российских регионах выявило значительное отличие в их содержании. Обзор европейского опыта реализации политики в области старения населения (приложение И, таблица И.2) показывает, что основной ее движущей силой является экономическая – общий императив ЕС в повышении уровня занятости, хотя учитывается и социальная повестка (равное обращение, справедливость, а борьба с социальной изоляцией). Политика в области старения населения европейских стран направлена на реализацию многомерной концепции активного старения, но с акцентом на повышение экономического участия людей пожилого возраста для социального и экономического развития. Реализация политики активного долголетия в российских регионах сосредоточена на организацию культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и досуговых мероприятиях среди пожилых людей.

Пожилые люди становятся все более активными участниками процесса социально-экономического развития регионов, что должно отражаться в разрабатываемых стратегиях и программах на всех уровнях. В реализуемых стратегических документах в России пожилое население выступает как пассивный участник – получатель услуг, что противоречит идеям активного долголетия. При выработке параметров формирования и реализации политики активного долголетия, определении стратегических ориентиров и адекватных мер необходимо учитывать текущие и перспективные оценки демографического старения регионов, а также условия и возможности. Именно поэтому требуется

---

¹ Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Пространственные особенности и закономерности процесса старения населения в регионах России // Международный демографический форум. Материалы заседания. – Воронеж, 2020. – С. 184-189.

дальнейшая работа по корректировке целевых ориентиров политики в отношении старшего поколения для разных уровней реализации.

Полученные в диссертации результаты оценки старения населения и моделирования последствий повышения трудовой активности пожилого населения позволили обосновать **параметры формирования и реализации политики активного долголетия в России на федеральном и региональном уровнях** (рисунок 6.3), которые нацелены на согласование государственных интересов и интересов пожилого населения и их защиту от угроз, вызванных социально-экономическими последствиями старения населения. Они включают в себя четыре приоритетных направления (П) и учитывают выявленные ограничения (О) в задачах (З) формирования и реализации политики активного долголетия на федеральном и региональном уровнях.

П₁: Здоровье населения – обеспечение качества и доступности услуг системы здравоохранения, в первую очередь мер профилактической медицины, а также создание условий для ведения здорового образа жизни населения всех возрастных групп.

О₁: В регионах России **старение населения** происходит «снизу», поскольку его причиной продолжает оставаться снижение рождаемости, а не смертности населения. Высокая смертность населения в России в первую очередь определяется высоким уровнем смертности среди мужчин в трудоспособном возрасте. Такой механизм старения населения говорит о незавершенности эпидемиологического перехода, при котором происходит сдвиг смертности к более поздним возрастам, и снижается доля смертности от инфекционных болезней и внешних причин. В то время как основными причинами смерти женщин трудоспособного возраста являются эндогенные (онкологические и сердечно-сосудистые заболевания), существенный вклад в смертность мужчин этого же возраста вносят, помимо заболеваний системы кровообращения, экзогенные причины (например, дорожно-транспортные происшествия, убийства).

Рисунок 6.3. Параметры формирования и реализации политики активного долголетия в России на федеральном и региональном уровнях

Примечание: П – приоритетное направление, О – ограничение, З – задача.

З₁: Развитие системы профилактической медицины. Меры по улучшению состояния здоровья в рамках данного направления должны быть применимы не только к пожилому населению, но и к населению всех возрастных групп. Основой сохранения жизни и здоровья населения является профилактическая модель здравоохранения, направленная на предупреждение возникновения заболеваний и устранение факторов риска их возникновения в период от младенчества до старческого возраста.

В первую очередь продолжают сохранять свою актуальность такие меры, как **диспансеризация и профилактические осмотры**, охват населения которыми является невысоким. По данным Министерства здравоохранения РФ¹, в 2019 г. профилактическими медицинскими осмотрами были охвачены менее 50% населения России, а в отдельных регионах – менее трети населения. Более того, вследствие введения ограничительных мер в 2020 г. число таких регионов увеличилось до 59 субъектов РФ. Значимость и эффективность мер раннего выявления заболеваний отмечены в нацпроекте «Здравоохранение»², в рамках реализации которого планируется увеличить охват профилактическими осмотрами всего населения (к 2024 г. – до 70%).

Применение профилактических подходов в системе здравоохранения позволяет не только снизить предотвратимые потери здоровья населения, но и сократить неэффективные затрат на оказание медицинской помощи. Поэтому, ожидается, что дальнейшее развитие современной российской системы здравоохранения будет базироваться на основе принципов «4П медицины» (прогностической, профилактической, персонализированной и партисипативной). В этом направлении уже с 2018 г. реализуется Концепция предиктивной, превентивной и персонализированной медицины³, утвержденная Приказом Министерства здравоохранения РФ. Реализация этой концепции основывается на

---

¹ Охват граждан профилактическими медицинскими осмотрами // ЕМИСС Государственная статистика. Режим доступа: www.fedstat.ru/indicator/59511.

² Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. №16).

³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 апреля 2018 г. №186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины».

прогнозировании перспективных направлений развития медицинской науки и выявлении актуальных научных и технологических трендов, с концентрацией исследований и разработок на таких направлениях. Профилактическая медицина обладает достаточным *технологическим потенциалом* для осуществления здоровьесберегающей деятельности. Так, например, российские ученые доказали новые возможности применения методов искусственного интеллекта для оптимизации профилактики и лечения заболеваний¹ и установили эффективность применения регуляторных пептидов для профилактики преждевременного старения и возрастной патологии².

Профилактика включает как медицинские мероприятия, так и формирование установок к *здоровому образу жизни* и создание безопасных условий труда и окружающей среды. В 2020 г. Министерством здравоохранения РФ утверждена Стратегия формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 г.³. Данная стратегия направлена на исключение и сокращение действия поведенческих факторов риска (употребление табака, вредное потребление алкоголя, нерациональное питание, отсутствие физической активности и неадаптивное преодоление стрессов). Однако, как показали результаты социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области, проводимого Вологодский научный центр РАН⁴, сохраняются невысокие показатели распространенности применения

---

¹ Ясницкий Л.Н., Думлер А.А., Черепанов Ф.М. Новые возможности применения методов искусственного интеллекта для моделирования появления и развития заболеваний и оптимизации их профилактики и лечения // *Терапия*. – 2018. – № 1(19). – С. 109-118; Голубков А.В., Гаврилова М.П. Применение искусственных нейронных сетей в профилактической и клинической медицине (научный обзор) // *Профилактическая и клиническая медицина*. – 2020. – № 4 (77). – С. 30-39.

² Болдырева Ю.В. Современная профилактическая медицина и регуляторные пептиды // *Университетская медицина Урала*. – 2017. – Т. 3. № 1 (8). – С. 8-10.

³ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15 января 2020 г. №8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года».

⁴ Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В. Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина // *Проблемы развития территории*. – 2021. – Т. 25. № 4. – С. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1; Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Князькова Е.А. Самосохранительное поведение россиян: оценка состояния здоровья и возможности долгожительства // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2020. – Т. 28. № 6. – С. 1275-1280. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-6-1275-1280.

здоровьесберегательных мер на практике, при том, что населением признается личная ответственность за свое здоровье.

Кроме того, существует проблема не только с распространением факторов риска в поведении, но с *идентификацией у населения нездорового образа жизни*. Как показало социологическое исследование¹, молодые люди сильно заблуждаются относительно своего образа жизни, считая его здоровым и в тех случаях, когда он таковым не является. Поэтому наиболее результативными считаются информационные меры (например, школьные уроки для детей от 7 до 11 лет), которые не требуют высоких затрат, но дают долгосрочный эффект. В отношении взрослого населения требуется корректировка уже сложившихся их предпочтений, достичь которую можно предоставив потребительский выбор (доступность физкультурно-спортивных сооружений и услуг, предоставление субсидии производителям и продавцам фруктов, овощей и других продуктов здорового питания, повышение «налогов на грех»²). Такой дифференцированный подход обоснован результатами исследования³ особенностей самосохранительного поведения населения различных поколений.

П₂: Трудовая активность пожилого населения – создание условий и стимулов для трудовой активности (участия в оплачиваемой деятельности) пожилого населения.

О₂: Более половины пожилого население работают в низкооплачиваемых отраслях, которые не пользуется широким спросом у других возрастных групп. Причем *дифференциация в оплате труда* по возрастам ежегодно усиливается. Решение проблемы значительного разрыва в зарплате между возрастными группами на российском рынке труда позволит нивелировать негативные последствия при реализации трудовой потенциал пожилого населения. Одной из

---

¹ Засимова Л.С., Колосницына М.Г. Формирование здорового образа жизни у российской молодежи: возможности и ограничения государственной политики (по материалам выборочных исследований) // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – №4. – С. 116-129.

² Налоги на грех (от англ. «sin taxes») – налоги, которые направлены на ограничение потребления облагаемых налогом товаров (алкоголь, табак и др.).

³ Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н. Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. № 5. – С. 261-276. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.15.

причин этого разрыва является *дискриминация в оплате труда* мужчин в предпенсионном и пенсионном возрастах и женщин в пенсионном возрасте.

О3: Выявлено обесценивание и ухудшение человеческого капитала у лиц пенсионного возраста. Для размера заработной платы пожилых людей имеют значения *уровень образования и навыки*. Причем, поскольку на рынке труда сложился гендерный разрыв в заработной плате (как на отраслевом уровне, так и в статусных позициях), для пожилых мужчин принципиальное значение имеет профессиональное образование, а для женщин – дополнительные курсы и компьютерные навыки.

О4: С одной стороны, трудовая активность пенсионеров сохраняет им *здоровье*. Вовлеченность пенсионеров в трудовой процесс дает им не только дополнительные доходы, но и повышает у них самооценку и улучшает самочувствие. С другой стороны, состояние здоровья пенсионеров не влияет на решение о продолжении трудовой деятельности. Статистически значимыми факторами, влияющими на *занятость пенсионеров*, оказался спрос на рабочую силу со стороны рынка труда.

З2: *Создание рабочих мест с гибкими графиками работы и механизмами выхода на пенсию*. С одной стороны, учитывая механизм старения и состояние здоровья пожилого населения, их вовлечение в трудовую активность (оплачиваемую деятельность) не должно носить вынужденный и всеобщий характер. С другой стороны, особенности российского рынка труда формируют потребность в создании условий и стимулов для их добровольного участия, учитывающие их возможности и запросы. С привлечение на рынок труда пожилого населения принципиальное значение имеет не просто создание соответствующего числа рабочих мест¹, но и формирование их качества.

Для продолжения трудовой активности в пожилом возрасте особое значение имеет *развитие гибких схем выхода на пенсию*. Такие схемы дают возможность сохранить частичную занятость с поэтапным сокращением трудовой нагрузки и

---

¹ Как показывает опыт финансового кризиса 2008 г., искусственное поддержание рабочих мест длительное время приводит к сохранению малопродуктивных и технологически отсталых рабочих мест.

получать при этом пенсию. В зарубежной практике широко реализуется стратегия создания рабочих мест, дружественных пожилым людям («Age Friendly Workplaces»), чтобы поддерживать их здоровье, безопасность и трудовую активность. Для повышения производительности, энергии и мотивации пожилых работников большое значение имеет улучшение их условий труда (изменение рабочего пространства, разработка и внедрение новых инструментов, методов и оборудования, отвечающих особым потребностям и проблемам пожилых работников)¹. Инновационные геронотехнологии разрабатываются и российскими специалистами, одна из таких² включает все этапы профессиональной реабилитации (учитывает индивидуальные особенности функционирования организма пожилых работников).

Зз: Борьба с возрастной дискриминацией. В России на уровне законодательства запрещена дискриминация по возрасту, однако, на практике она сохраняется. В зарубежной практике сложился широкий спектр специальных мер поддержки занятости пожилых людей: от законодательных (антидискриминационных) мер до инструментов экономического характера (льготы и субсидии работодателям на создание рабочих мест для пожилых работников). Причем важное значение в сокращении эйджизма играет роль работодателей, которые признают вклад пожилых работников, их знания, навыки и многолетний опыт. Многие европейские компании вносят ряд изменений (внедрение специальных стратегии найма, обучение менеджеров преимуществам возрастного разнообразия, организация наставничества молодых коллег и др.). *Оказание государственной поддержки* (организационной, финансовой и др.) *работодателей по вложению инвестиций* в повышение квалификации своих работников в течение всех их карьеры, что позволит компенсировать часть потерь, если обученный сотрудник уйдет от них.

---

¹ Kelly P. Integration and participation of older persons in development // UN Department of Economic and Social Affairs. Режим доступа: https://www.un.org/esa/socdev/documents/ageing/Integration_participation.pdf

² Башкирёва А.С., Шестакова В.П., Качан Е.Ю., Владимирова О.Н. Инновационные технологии «Age-Friendly Workplaces» в системе профессиональной реабилитации инвалидов // Медицина труда и промышленная экология. – 2015. – №9. – С. 32-33.

Павлова И.А. и Недоспасова О.П.¹ для преодоления эйджизма в сфере трудовых отношений предлагают установить формализованные критерии для работника, занимающего определенную должность. В качестве примера они приводят практику, сложившуюся в научном сообществе, где разработаны четкие профессиональные требования к той или иной должности, независимо от возраста человека.

З4: Развитие программ повышения квалификации и переобучения. Для обновления знаний и навыков пожилых людей требуются *специальные программы повышения квалификации и переобучения*. Такие программы будут способствовать повышению конкурентоспособности пожилого населения на рынке труда. Тем более, что как показали результаты социологического исследования «Проблемы третьего возраста»², люди старшего возраста не принимают участия в образовательных программах больше из-за существующих в обществе предубеждений, чем из-за собственной неспособности или нежелания обучаться. В 2020 г. Министерство труда и социальной защиты РФ утвердило новые типовые рекомендации по реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования лиц в возрасте 50-ти лет и старше³ в целях содействия их занятости. В новой редакции расширен возрастной круг потенциальных участников мероприятий по обучению, в их число включены не только граждане предпенсионного возраста⁴, но и граждане старшего поколения⁵. Однако, важно, чтобы подобные программы обеспечивали *доступ населения всех возрастных групп к обучению, профессиональной подготовке и переподготовке*. Именно возможности для работников всех возрастов изучать

---

¹ Павлова И.А., Недоспасова О.П. Методический подход к оценке социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17. № 3 (396). – С. 500-537.

² Попова Л.А., Зорина Е.Н. Уровень жизни и ресурсный потенциал пенсионеров северных регионов России // Регион: Экономика и Социология. – 2016. – № 1 (89). – С. 135-158.

³ Приказ Министерства занятости, труда и миграции Саратовской области от 5 февраля 2020 г. № 30 «Об утверждении типовых форм документов по реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан в возрасте 50 лет и старше, лиц предпенсионного возраста».

⁴ Граждане предпенсионного возраста – лица в течение 5 лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно.

⁵ Граждане старшего поколения – лица в возрасте 50-ти лет и старше.

новые технологии, повышать квалификацию, осваивать и совершенствовать навыки имеют неопределимое значение для укрепления солидарности между поколениями.

З5: Создание условий для добровольной трудовой активности пожилого населения на формальном рынке труда. Действующая пенсионная схема может препятствовать пожилым людям, получающим пенсии по старости, официально продолжать работать после достижения пенсионного возраста. Отмена *индексации пенсий работающим пенсионерам*¹ привела к росту занятости в неформальном секторе экономики. Так, за 2015-2019 гг. численность населения в возрасте 70 лет и старше, занятого в этом секторе, возросла с 47 тыс. чел до 129 тыс. чел.², т.е. в 2,7 раза. Причем сами пенсионеры заинтересованы в формальной занятости, поскольку таким образом они могут претендовать на повышение пенсии.

П3: Социальная активность пожилого населения – создание условий для участия пожилого населения в жизни общества, их самореализации в неоплачиваемой деятельности, а также организация культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях для межпоколенческого взаимодействия.

О5: Во многих регионах заметно увеличивается гендерный разрыв между продолжительностью жизни людей, достигших пенсионного возраста, что способствует *феминизации старения* населения. Этот процесс ведет к постоянно увеличивающейся численности пожилых женщин, живущих в одиночестве.

О6: Установлено, что определяющее положительное значение для размера заработной платы пенсионеров имеет их *самооценка здоровья*, в которой отражаются их эмоциональный настрой и оптимизм. Построенная причинно-следственная связь между занятостью пожилого населения (на примере женщин) и их здоровьем показала, с одной стороны, положительное влияние трудовой

---

¹ Федеральный закон от 29.12.2015 N 385-ФЗ (ред. от 22.11.2016) «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий».

² Рабочая сила, занятость и безработица в России - 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm.

активности на состояние здоровья, а, с другой стороны, вынужденный характер такой активности.

З6: Создание и развитие волонтерского движения. Не всегда человек, вышедший на пенсию, может самостоятельно организовать свою жизнь и направить ее в русло общественно полезного и социально значимого образа жизни¹. Вовлечение пожилых людей в общественную жизнь по средством соволонтерской деятельности дает им возможность избежать чувства одиночества и невостребованности. Такая деятельность, хотя и не приносит дохода пожилым людям, компенсирует им прежнюю занятость и позволяет реализовать свой потенциал. Как показывает статистика Росстат, пожилые люди принимают активное участие в волонтерских движениях (рисунок 6.4).

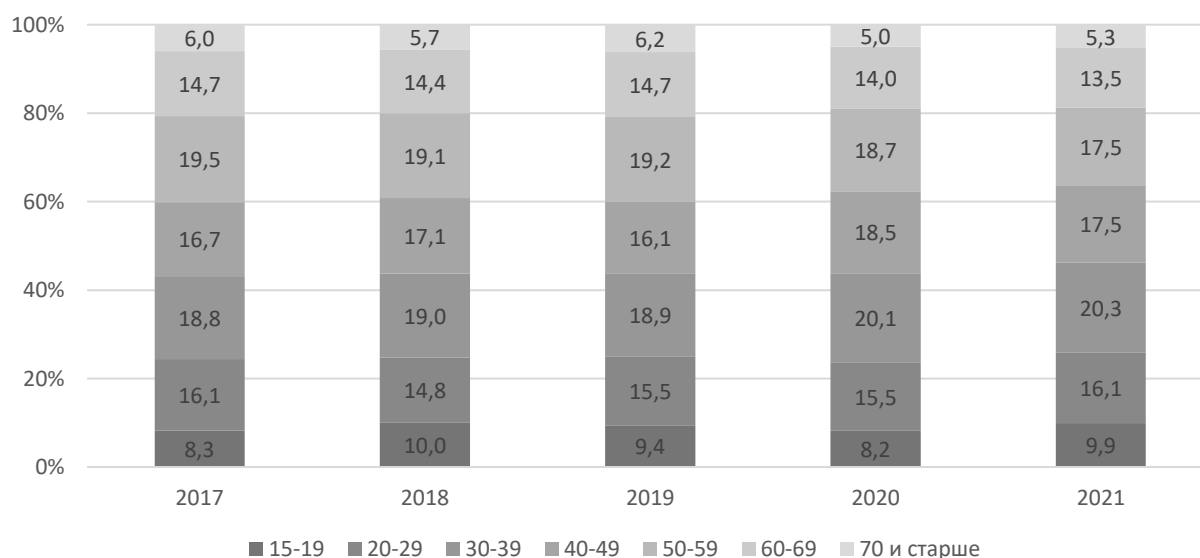

Рисунок 6.4. Возрастная структура населения, работающего в качестве волонтеров, %

Источник: Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики.

Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>.

В качестве направлений волонтерской деятельности пожилые люди выбирают те, которые позволяют расширить социальные связи и создают

¹ Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2. – С. 57-67.

ощущение значимости для других. По данным Росстат за 2021 г.¹, каждый третий волонтер, занимающихся «оказанием помощи животным» или принимающий «участие в работе общественных органов школ и других образовательных учреждений, общественных, религиозных и других некоммерческих организаций, клубов, союзов», был в пожилом возрасте (31,7% и 35,5% волонтеров в возрасте 60 лет и старшей в численности волонтеров по соответствующему виду выполняемых работ).

Однако нецелесообразно развивать волонтерские движения, сфокусированные на отдельных возрастных группах, включая так называемые «серебряные». Как показывает интервью² с волонтерами разных возрастов, совместная волонтерская практика легко стирает межпоколенческие барьеры: пожилые люди делятся своим опытом и знаниями, а молодежь помогает им лучше понимать современную жизненную реальность и адаптироваться к ней.

З7: Организация и поддержка досуговых мероприятий для межпоколенческого взаимодействия. Пожилые люди, особенно женщины, подвергаются риску социальной изоляции, что существенно влияет на их самочувствие и здоровье. Социальная же активность является ведущей составляющей благополучия пожилого населения, их самостоятельности и хорошего самочувствия, что уменьшает риск становления жертвами стереотипов, которые сопровождают пожилой возраст³. В этом контексте межпоколенческие программы в культурной, образовательной, оздоровительной и других сферах формируют позитивное отношение к старению и пожилым людям, а также укрепляют эмоциональную связь между людьми разных возрастов на основе

---

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>.

² Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Волонтеры "серебряного возраста": регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2017. – №4. – С. 35-47. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.3.

³ Venn S., Arber S. Day-time Sleep and Active Ageing in Later Life // Ageing Society. – 2011. – № 3. – P. 197-216. DOI: 10.1017/S0144686X10000954.

обмена опытом¹. Обзор² результатов таких программ показал, что они оказывают положительное влияние на оба поколения (в т.ч. на пожилых людей с деменцией) и на общество в целом в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Системный анализ межпоколенческих программ для школьников и пожилых людей³ выявил два условия их эффективности:

- осмысленность деятельности – программы должны дать всем участникам ощущение своей полезности и компетентности, что приносит удовольствие обеим группам участников;
- наличие знаний участников друг о друге – необходима подготовка каждой группы к встрече с другим поколением, чтобы снизить стресс.

Обзор⁴ отечественной и зарубежной практики работы с людьми позднего возраста показывает, что они потенциально социально активны, однако, выбор досуга зависит не только от их состояния здоровья, но и от финансовых возможностей. Поэтому организация досуговых мероприятий связана с необходимостью развития доступной инфраструктуры учреждений социальной сферы.

П4: Безопасность пожилого населения – удовлетворение потребностей и прав пожилого населения в социальном и финансовом обеспечении.

О7: Пожилые люди с более высоким уровнем пенсии стремятся сохранить трудовую активность. Иными словами, чем выше уровень замещения утраченного дохода, тем больше работающих пенсионеров, стремящихся *сохранить свой прежний уровень* материального обеспечения. Однако действующее российское пенсионное законодательство не стимулирует занятость пожилых людей. Основа

---

¹ Gualano M.R., Voglino G., Bert F., Thomas R., Camussi E., Siliquini R. The impact of intergenerational programs on children and older adults: a review // International Psychogeriatrics. – 2017. No.30(04). – P. 451-468. DOI:10.1017/s104161021700182x.

² Martins T., Midao L., Martínez Veiga S., Dequech L., Busse G., Bertram M., McDonald A., Gilliland G., Orte C., Vives M., Costa E. Intergenerational Programs Review: Study Design and Characteristics of Intervention, Outcomes, and Effectiveness // Journal of Intergenerational Relationships. – 2019. – No.17. – P. 93-109. DOI: 10.1080/15350770.2018.1500333

³ Giraudeau C., Bailly N. Intergenerational programs: What can school-age children and older people expect from them? A systematic review // European Journal of Ageing. – 2019. Vol. 16(3). – P. 363-376. DOI: 10.1007/s10433-018-00497-4.

⁴ Сулова Т.Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. – 2017. – Том 6, № 3. – С. 63-70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307.

пенсионной системы России была еще заложена в советский период, когда в совокупности с развитой системой государственных гарантий пенсия имела характер государственного социального пособия по старости¹. За свою тридцатилетнюю историю пенсионная система была подвержена реформированию несколько раз, но унаследованные недостатки советской пенсионной системы до сих пор не устранены (рисунок 6.5).

- пенсионная система становится все более ориентированной на борьбу с бедностью среди текущих пенсионеров за счет уравнивающих пенсионных выплат, финансируемых за счет страховых взносов и бюджетных средств.
- пенсионная система слишком часто подвергается реформированию, что подрывает не только доверие населения, но и ведет к принятию непоследовательных решений (отмена социальных взносов и возврат к ним; «заморозка» накопительной части пенсии и др.).
- ряд изменений в пенсионной системе ведет к нарушениям страховых принципов. Такие меры, как расширение системы доплат и досрочных пенсий, неиндексация пенсий работающим пенсионерам, противоречат страховому характеру пенсионной системы (персонифицированный характер страховых взносов, взаимосвязь пенсионных выплат и уплаченных взносов).

В результате российская пенсионная система утрачивает механизмы, мотивирующие уплату страховых взносов и участия работников (особенно высокооплачиваемых) в формировании пенсионных прав.

З8: Совершенствование механизмов, мотивирующих участие в формировании пенсионных прав. Как показывают исследования², в сознании граждан утратилось понимание экономической зависимости размера пенсии от величины трудового вклада, что, в свою очередь, стало фактором ослабления трудовой мотивации работников.

---

¹ Соловьев А.К. Экономический механизм регулирования государственных пенсионных обязательств // Экономическая наука современной России. – 2013. – №2 (61). – С. 103-113.

² Карпикова И.С., Соломеин А.А. Характеристика мотивационных возможностей систем пенсионного обеспечения // Известия Байкальского государственного университета. – 2013. – №1. – С. 140-145.

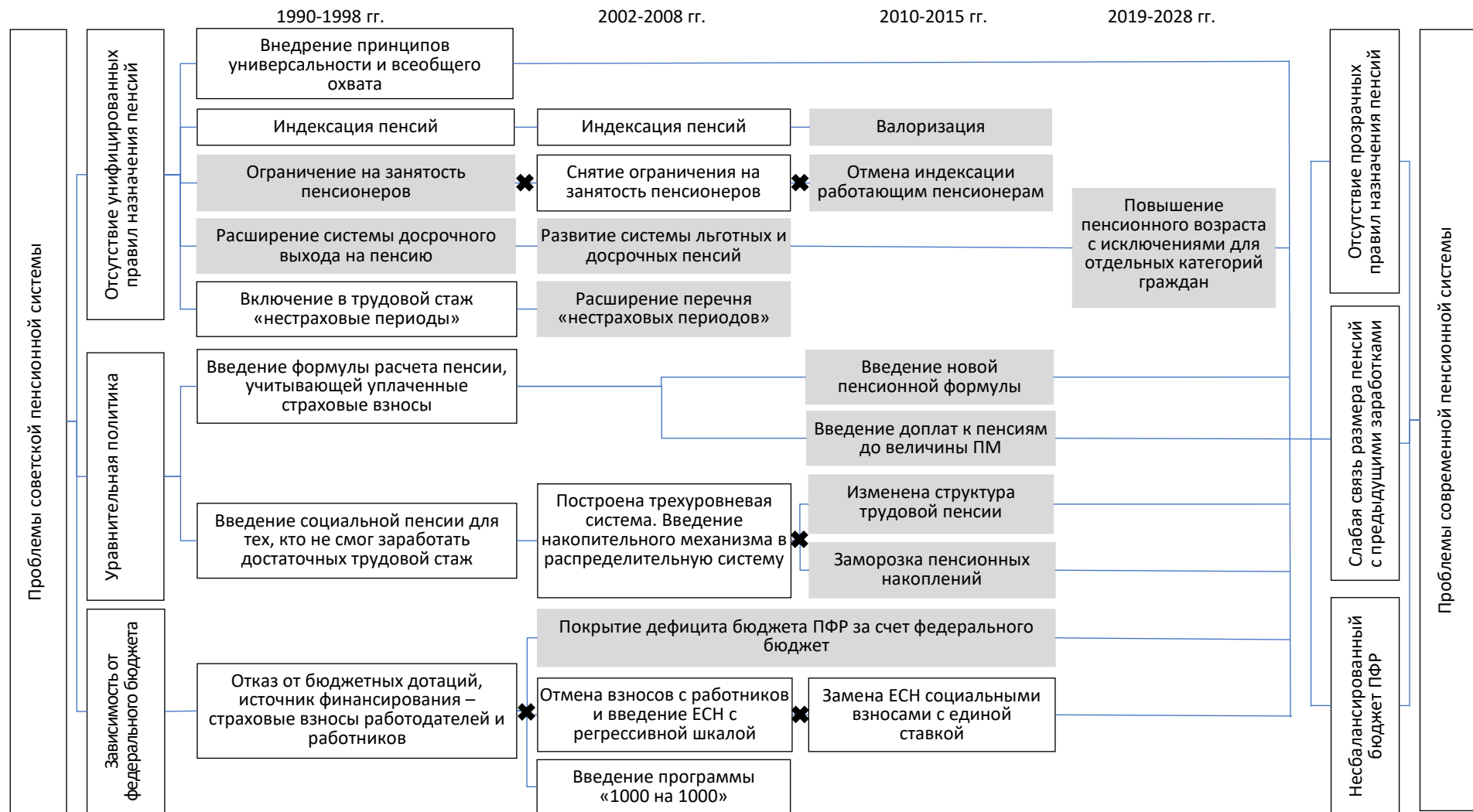

Рисунок 6.5. Реформирование пенсионной системы России

Примечание: 1. Цветом выделены изменения в пенсионной системе, нарушающие страховой принцип.

2. Зачеркнутая линия обозначает непоследовательное решение в пенсионной политике.

Эксперты¹ отмечают непрозрачность пенсионной формулы и в расчете значений коэффициентов индексации пенсии, оставляющем за правительством их установление. К тому же такая частая смена условий зарабатывания пенсионных прав (изменения в отношении накопительной части пенсии, резкое повышение пенсионного возраста и др.) подрывает доверие граждан². На вопрос: «Доверяете ли вы пенсионной системе РФ?», согласно опросу среди населения Челябинской области³, только 4% опрошенных ответили положительно. В конечном счете, отсутствие четких правил назначения пенсий не мотивирует граждан к уплате страховых взносов и активному участию работников в формировании своих пенсионных прав (в т.ч. после наступление пенсионного возраста).

Неудовлетворительный уровень пенсионного обеспечения населения России говорит о том, что процесс совершенствования пенсионной системы еще не завершен и требует дальнейших изменений. В соответствии с мировой практикой в России построена дифференцированная пенсионная система, включающая в себя распределительные и накопительные механизмы, но в виду отсутствия стратегического и целостного подхода реализуемые изменения вступают в противоречие со сложившимся порядком формирования пенсионных прав. Поэтому нерешенные проблемы действующей пенсионной системы накладываются на новые проблемы, что создает дисбаланс. Для формирования механизмов дальнейшего совершенствования пенсионной системы необходимо в полной мере оценить ее работоспособность и эффективность, что достаточно трудно, поскольку она находится в постоянном реформировании.

При сохранении существующей солидарной распределительной пенсионной системы перспективным механизмом может стать *усиление страхового принципа*, предполагающего персонафицированный характер страховых взносов и их прямую

---

¹ Горюнова М. Новая пенсионная формула: плюсы и подводные камни // Гарант.ру. Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/509573/>.

² Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. № 4. – С. 9-34; Бесконечные реформы подрывают доверие к пенсионной системе // Научно-образовательный портал IQ.HSE. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177667684.html>.

³ Вопилова С.Н. Пенсионная реформа РФ, ее экономические и социальные аспекты // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2019. – №4(49). – С. 4-13.

взаимосвязь с пенсионными выплатам. Такой подход повысит доверие граждан к пенсионной системе и их активность в формировании своих пенсионных прав. Для поддержания баланса интересов участников пенсионной системы реализуются две основные функции: социальная и экономическая¹ (рисунок 6.6).

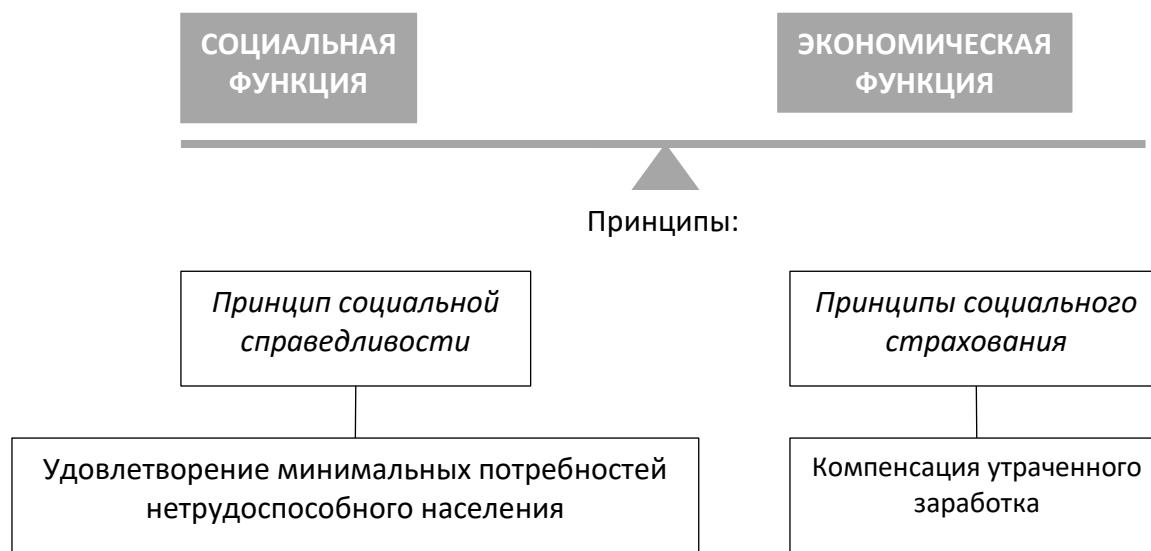

Рисунок 6.6. Функции пенсионной системы

Социальная функция основывается на принципе социальной справедливости и предполагает удовлетворение минимальных потребностей нетрудоспособного населения путем обеспечения минимальных стандартов жизни. Экономическая же функция реализуется на принципах социального страхования, обеспечивая связи между трудовым вкладом работника и размером его пенсии при наступлении страхового случая (старости, инвалидности и реализации других социальных рисков).

Поскольку пенсионная система должна быть направлена, с одной стороны, на удовлетворение минимальных потребностей нетрудоспособного населения, а, с другой стороны, на компенсацию утраченного заработка работника, то для оценки эффективности проведенных реформ в качестве основных ее показателей рассмотрим отношение среднего размера пенсии к прожиточному минимуму

¹ Борисенко Н.Ю. Пенсионное обеспечение. – М.: Дашков и Ко, 2009. – 576 с.; Орлов С.Н., Шеметов А.П. Пенсионное обеспечение в Российской Федерации. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. – 106 с.

пенсионера и коэффициент замещения. Первый показатель отражает выполнение принципа социальной справедливости, второй – принципа социального страхования. На рисунке 6.7 представлена динамика изменения этих двух показателей.

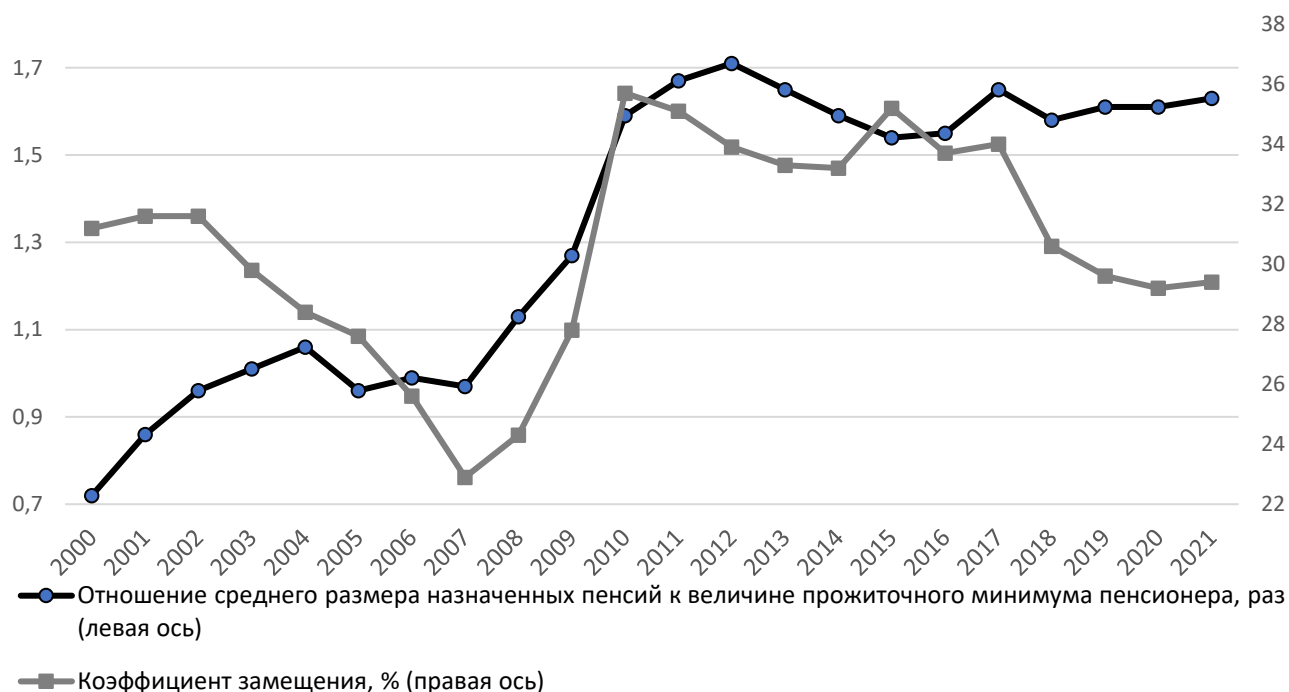

Рисунок 6.7. Показатели пенсионной системы России

Источник: Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>.

В России с начала 2000-х гг. в произошёл значительный рост пенсионного обеспечения населения, средний размер назначенных пенсий вырос с 694,3 рублей в 2000 г. до 14163,4 в 2019 г., т.е. в 20,4 раз, а с учетом роста потребительских цен в 3,2 раз. Такая динамика говорила бы об успешной проводимой политике в области пенсионного обеспечения, но как справедливо замечает Бобков В.Н.¹, прожиточный минимум не позволяет удовлетворять даже самые базовые потребности пенсионера. Достойный же уровень пенсии (не менее 40% от утраченного заработка) в России пока не достигнут.

¹ Бобков В.Н. От прожиточного минимума – к социально приемлемому потребительскому бюджету пенсионера // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – №3 (15). – С. 171-173.

Таким образом, с одной стороны, формально социальная функция полностью реализуется во всех субъектах РФ, с другой стороны, обеспечение такого минимального стандарта для удовлетворения потребностей пенсионеров недостаточно. Компенсация заработка, утраченного вследствие выхода на пенсию по старости, с помощью пенсионных выплат выполняется только в отдельных субъектах РФ с невысоким уровнем оплаты труда в экономике. Что говорит о неудовлетворительной реализации экономической функции пенсии. Смещение пенсионной системы в сторону социального обеспечения усиливает отход от страховых принципов и увеличивает финансовую нагрузку. Обеспечение зависимости размера пенсии от «трудового участия» каждого застрахованного лица является основной задачей при проведении параметрических пенсионных преобразований.

З9: Повышение финансовой грамотности населения. ПФР разработал приложение «Пенсионный калькулятор», дающее возможность самостоятельно рассчитать размер будущей страховой пенсии в зависимости от размера заработной платы, трудового стажа и пр. Хотя, как указано на сайте ПФР¹, полученные результаты расчета являются условными и не отражают реальный размер будущей пенсии. Точный размер своей пенсии граждане могут узнать только в год приобретения права на ее получение. Социологические опросы² подтверждают, что граждане обладают лишь общими представлениями о формировании своей пенсии, а деталей не знают. Как отмечается в Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 гг.³, утвержденной в 2017 г. Правительством РФ, финансовая грамотность – это необходимое условие финансового благополучия домохозяйств и обеспечения устойчивого экономического роста.

---

¹ Пенсионный калькулятор // Пенсионный фонд Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.pfrf.ru/eservices/calc/>.

² Результаты опросов общественного мнения по пенсионной тематике // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/pensions/razvitie/199>.

³ Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 гг.»

Предлагаемые параметры формирования и реализации политики активного долголетия территории направлены на корректировку поставленных задач и целевых ориентиров государственной политики с учетом сложившихся демографических и социально-экономических условий. Роик В.Д.¹ справедливо отметил парадоксальный факт, что столь крупный глобальный вызов, как старение населения, в должной мере не осознан, например, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. данная проблема даже не упоминается. Старение населения не отмечено как вызов или угроза в Стратегии экономической безопасности РФ на период до 2030 г.² и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³. По мнению диссертанта, учитывая значимость последствий старения населения, необходимо включить его в перечень актуальных вопросов социально-экономического развития страны.

Параметры формирования и реализации политики активного долголетия внедряются в деятельность федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ посредством разработанного **организационно-экономического механизма** (рисунок 6.8). Этот механизм разработан в рамках системы стратегического планирования, представленной в федеральном законе⁴, и имеет замкнутую циклическую структуру, состоящую из 4 этапов:

- целеполагание;
- прогнозирование;
- планирование и программирование;
- мониторинг и контроль.

---

¹ Роик В.Д. Старение населения и необходимость формирования новой парадигмы жизнедеятельности в пожилом возрасте // Уровень жизни населения регионов России. – 2009. – № 8-9. – С. 62-73.

² Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

³ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁴ Системы стратегического планирования механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования на основе принципов стратегического планирования при осуществлении разработки и реализации документов стратегического планирования, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования с использованием нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения (Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 №172-ФЗ (последняя редакция)).

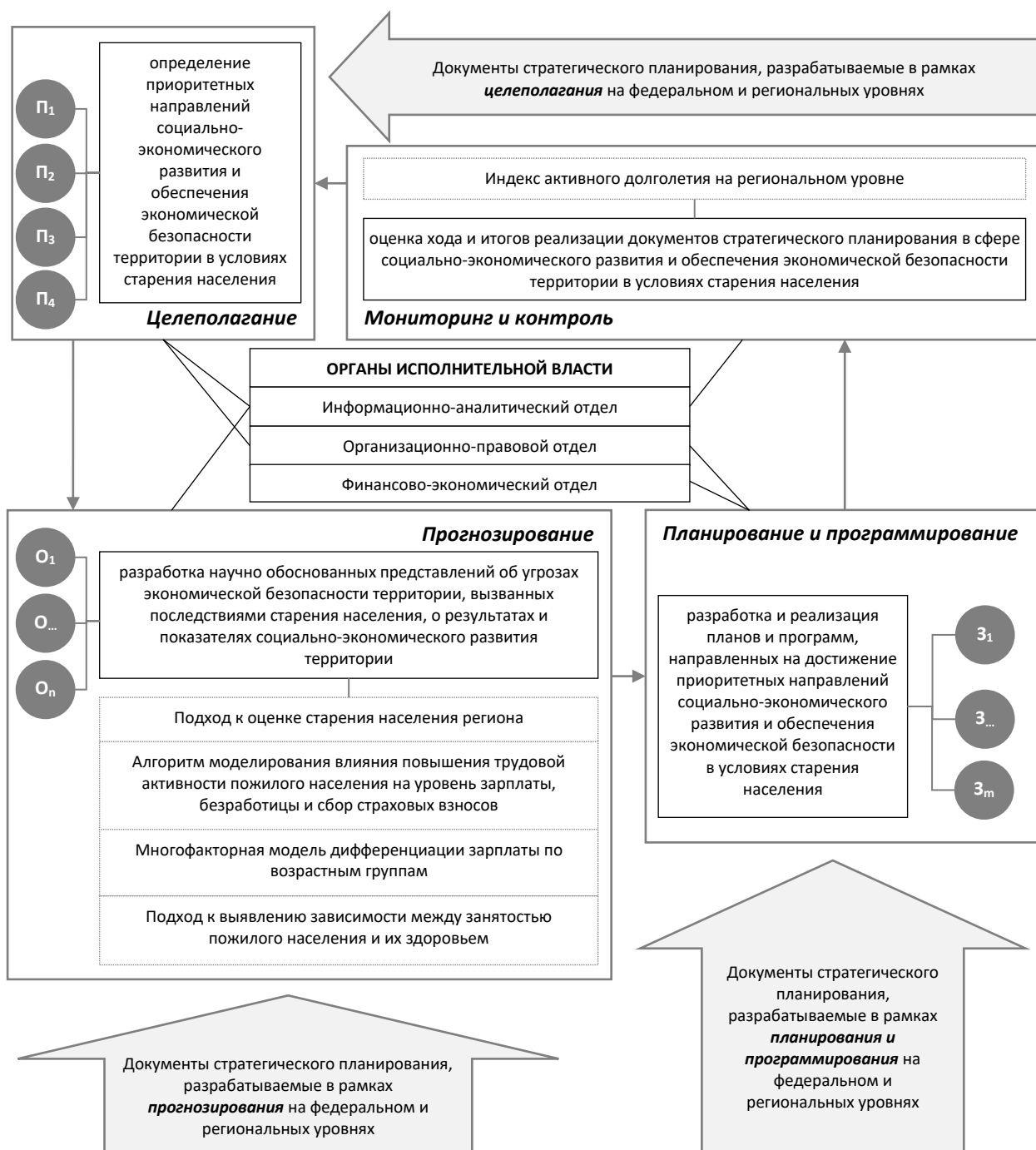

Рисунок 6.8. Организационно-экономический механизм реализации политики активного долголетия России на федеральном и региональном уровнях

Составлено по: Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 №172-ФЗ (последняя редакция).

Примечание: П – приоритетное направление, О – ограничение, З – задача.

Поскольку одним из принципов стратегического планирования в РФ является принцип преемственности и непрерывности¹, то в рамках трех этапов механизма учитываются документы стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях:

1. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках **целеполагания:**

на федеральном уровне

- ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ;
- стратегия социально-экономического развития РФ;
- документы в сфере обеспечения национальной безопасности РФ;
- стратегия национальной безопасности РФ;
- стратегия научно-технологического развития РФ;
- отраслевые документы стратегического планирования РФ;
- стратегия пространственного развития РФ;
- стратегии социально-экономического развития макрорегионов;

на уровне субъекта РФ

- стратегия социально-экономического развития субъекта РФ.

2. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках **прогнозирования:**

на федеральном уровне

- прогноз научно-технологического развития РФ;
- стратегический прогноз РФ;
- прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период;
- бюджетный прогноз РФ на долгосрочный период;
- прогноз социально-экономического развития РФ на среднесрочный период;

на уровне субъекта РФ

- прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на долгосрочный период;
- бюджетный прогноз субъекта РФ на долгосрочный период;

---

¹ Принцип преемственности и непрерывности означает, что разработка и реализация документов стратегического планирования осуществляются участниками стратегического планирования последовательно с учетом результатов реализации ранее принятых документов стратегического планирования и с учетом этапов реализации документов стратегического планирования (Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 №172-ФЗ (последняя редакция)).

- прогноз социально-экономического развития субъекта РФ на среднесрочный период.

3. Документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках **планирования и программирования:**

на федеральном уровне

- основные направления деятельности Правительства РФ;
- государственные программы РФ;
- государственная программа вооружения
- схемы территориального планирования РФ;
- план деятельности федерального органа исполнительной власти;

на уровне субъекта РФ

- план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития субъекта РФ;
- государственные программы субъекта РФ;
- схема территориального планирования двух и более субъектов РФ, схема территориального планирования субъекта РФ.

Применение предложенного механизма осуществляется заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов РФ. Механизм направлен на комплексность решения задач, другими словами, параметры формирования и реализации политики активного долголетия на федеральном и региональном уровне должны охватывать приоритетные направления в их взаимосвязи с отдельными направлениями политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности (рисунок 6.9). Для этого в механизм закладывается функциональное взаимодействие отдельных элементов (заинтересованных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ), предполагающее уточнение задач, целевых ориентиров с учетом демографических и социально-экономических условий и особенностей, складывающихся в субъектах РФ. В качестве таких элементов механизма выделены:

- информационно-аналитический отдел, методический инструментарий деятельности которого составляет разработанные в диссертационном исследовании методики оценки и моделирования демографических и социально-экономических процессов территории;
- организационно-правовой отдел, деятельность которого направлена на совершенствование на основе результатов оценки и моделирования демографических и социально-экономических процессов территории направлений и мер в сфере здравоохранения, образования, социального обеспечения, трудовых отношений, демографической политики на законодательном уровне;
- финансово-экономический отдел, который производит формирование бюджета, концентрацию ресурсов для реализации приоритетных направлений (П) и поставленных задач (З).

Ожидаемый результат реализации политики активного долголетия – повышение качества жизни населения по мере его старения, включающее обеспечение здоровой, самостоятельной и безопасной жизни. Представленные параметры формирования и реализации политики направлены на максимизацию участия в этом людей по мере их старения. Таким образом, индивидуальная ответственность должна сочетаться с политическими действиями по объединению всех потенциальных (заинтересованных) сторон активного долголетия. Объединение таких отдельных элементов социально-экономической политики является необходимым условием для осуществления комплексного подхода. Параметры формирования и реализации политики активного долголетия отвечают, с одной стороны, государственным интересам, снижая демографическую нагрузку и обеспечивая привлечение на рынок труда дополнительной рабочей силы, а, с другой – интересам пожилого населения, повышая его качество жизни.

В обоснованных параметрах формирования и реализации политики активного долголетия пожилые люди рассматриваются не как нуждающиеся в социальной помощи, а как активные участники социального и экономического развития территории. Однако, важно подчеркнуть, что *эти параметры*

формирования и реализации политики, хоть и находится в контексте ухода от патерналистской модели, но они не должны заменить государственную политику в отношении пожилых людей и ответственность семьи и общества за заботу о них.

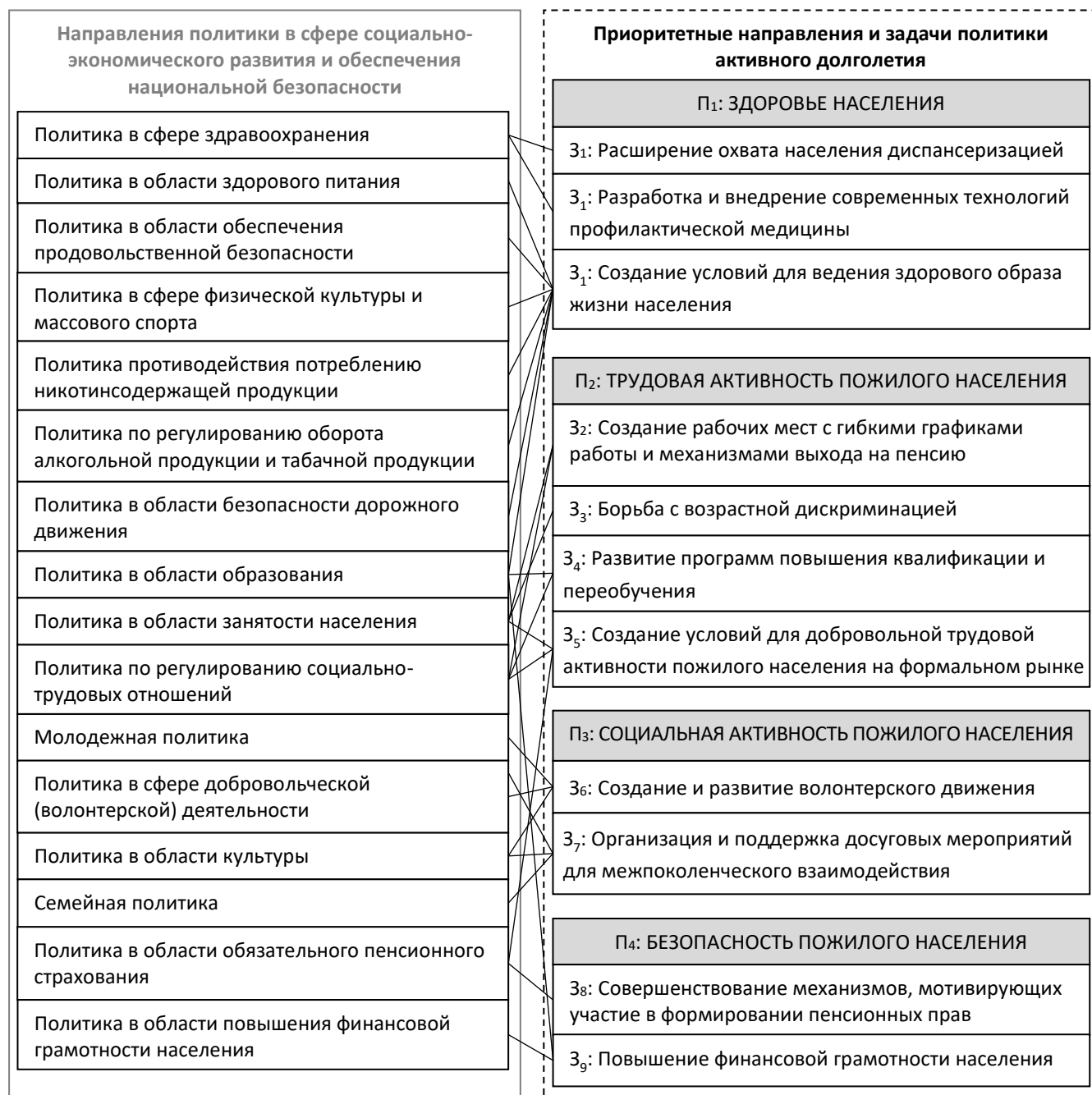

Рисунок 6.9. Взаимосвязь направлений политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности с приоритетными направлениями и задачами формирования и реализации политики активного долголетия на федеральном и региональном уровнях

Примечание: П – приоритетное направление, З – задача.

Предлагаемые параметры формирования и реализации политики активного долголетия территории не противоречат действующим стратегическим документам в области демографического и социально-экономического развития России и ее регионов. Посредством разработанного механизма предполагается периодически пересматривать план мероприятий с учетом оценки и моделирования демографических и социально-экономических процессов территории. Степень достижения ожидаемых результатов будет оцениваться на основе данных постоянного мониторинга разработанного индекса активного долголетия в регионе. Дальнейшее совершенствование политики должно строиться с использованием примеров передовой практики. Базой для научно обоснованных параметров стали меры, успешно реализованные во многих странах мира, инициативы и социальные инновации, направленные на содействие активному долголетию. В диссертации были рассмотрены научные проекты InnovAge¹ и MOPACT², выполняемые под руководством Уокера А., а также проект ACTIVAGE³, координируемый Междисциплинарным центром сравнительных исследований в области социальных наук. *На практике механизм реализации политики активного долголетия на федеральном и региональном уровнях, с одной стороны, позволит согласованно осуществлять управленческие действия, объединив разрозненные усилия заинтересованных органов исполнительной власти, что создаст условия для научной обоснованности задач и комплексности их решения. С другой стороны, четкое разграничение их полномочий и ответственности обеспечит эффективное управление и своевременное реагирование на угрозы, вызванные социально-экономическими последствиями старения населения. Таким образом, обоснованные параметры формирования и реализации политики активного долголетия позволят согласовать сложившиеся и усиливающиеся в условиях старения населения противоречия между государственными интересами и интересами пожилого населения.*

---

¹ About InnovAge // InnovAge. Режим доступа: <https://www.innovage.com>.

² About the project // MOPACT. Режим доступа: <https://mopact.group.shef.ac.uk>.

³ About ACTIVAGE // ACTIVAGE project. Режим доступа: <http://activageproject.eu>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования автором сформулированы следующие выводы, обобщающие полученные результаты.

1. На основе систематизации современных теоретических подходов к исследованию механизма старения населения отмечен двойственный характер этого процесса, поэтому доказано, что важно учитывать не только наличие самого процесса старения населения, но и как он происходит: в рамках общемировых трендов или отклоняется от них.

2. В диссертационном исследовании обосновано рассмотрение хронологического возраста и перспективного возраста как взаимодополняющих показателей, позволяющих анализировать разные аспекты демографического старения. Использование хронологического возраста оправдано в исследовании социально-экономических последствий старения населения. Перспективный возраст целесообразно применять для оценки масштаба демографического старения, а также при анализе потенциала для активной, независимой и безопасной жизни населения в пожилом возрасте. Такое сочетание измерений возраста пожилого населения создает основу для всестороннего исследования демографического старения и его последствий.

3. Статистический анализ проблем старения населения в современных демографических условиях показал особенности России и ее регионов. Во-первых, процесс демографического старения России формируется под влиянием сокращения рождаемости и смертности населения. Но, если ситуация с низкой рождаемостью в России мало отличается от той, которая наблюдается во всех развитых странах, то по уровню смертности и продолжительности жизни населения Россия заметно отстает. В результате относительно высокой смертности, особенно среди мужчин, демографическое старение в России происходит быстрыми темпами, но этот процесс не является «глубоким». Доля населения в возрасте 85 лет и старше заметно не увеличивается, а именно эти самые старшие возрастные группы в большой степени определяют нагрузку на системы

здравоохранения и социального обеспечения. Во-вторых, демографическое старение по регионам России происходит крайне неравномерно, причем процесс региональной дифференциации только усиливается. Поэтому меры в области старения населения (например, повышение пенсионного возраста) среди субъектов РФ будут иметь различные последствия, что требует учета их специфики.

Такой статистический анализ позволяет сделать некоторые выводы о демографическом старении населения России и ее регионов, однако, он не дает полной картины об его масштабах и причинах, поскольку демографические тенденции носят разнонаправленный характер. Для формирования мер в области старения населения применение подобного анализа недостаточно, поэтому требуется специальный методический инструментарий. Таким инструментом является разработанная диссертантом методика оценки старения населения региона.

4. В рамках диссертационного исследования старение населения рассматривается как вызов социально-экономическому развитию, т.е. как демографическое условие, создающее новые стимулы для социально-экономического развития территории, но в зависимости от ответных действий или бездействия также способное привести к возникновению угрозы. Поэтому существует риск – возможность перерастания вызова в угрозу. В связи с этим, в ответ на последствия демографического старения возникает необходимость в политике адаптации к меняющимся демографическим условиям, которые станут основой для реализации возможностей социально-экономического развития территории. В диссертации под такой политикой адаптации понимаются ответные действия на последствия старения населения, создающее новые стимулы для социально-экономического развития территории различного уровня.

5. Предложенная теоретико-методологическая модель формирования и реализации политики активного долголетия согласованно рассматривает интересы субъектов на основе триады исследования «интересы – угрозы – защита». Для согласования государственных интересов и интересов пожилого населения, точкой пересечения которых является сфера рынка труда, рассмотрена концепция активного долголетия. С одной стороны, такой инструмент может составить основу

для защиты государственных интересов от демографической угрозы за счет снижения экономической нагрузки и привлечения дополнительных трудовых ресурсов на рынок труда. С другой стороны, реализация трудового потенциала пожилых людей повысит их качество жизни за счет самореализации, сохранения социальных связей, улучшения самочувствия и повышения доходов, что обеспечит защиту их интересов.

6. Представлена схема включения концепции активного долголетия в политическую основу, в которой акцент сделан на трудовой активности пожилых людей, но при учете остальных направлений. Реализация политики активного долголетия позволит учесть государственные интересы и интересы пожилого населения и защитить их от последствий старения населения. Под политикой активного долголетия понимается система отношений по согласованию интересов ее субъектов и их защите от угроз, вызванных социально-экономическими последствиями старения населения, нацеленная на расширение возможностей и сокращение ограничений для автономной и независимой жизни населения по мере его старения. Обоснована необходимость соблюдения пяти принципов формирования и реализации политики активного долголетия:

- принцип «Баланса прав и обязательств людей пожилого возраста» – политика активного долголетия предполагает, что права должны сопровождаться обязательствами самих пожилых граждан использовать и повышать их человеческий капитал для того, чтобы как можно дольше оставаться активными членами общества.
- принцип «Превентивности» – политика активного долголетия является системой превентивных действий, направленных на все возрастные группы населения для предотвращения ухудшения здоровья, благополучия и социальной изоляции по мере их старения.
- принцип «Встроенности» – политика активного долголетия должна находиться в рамках государственной политики социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности России и ее регионов,

дополняя ее своими приоритетами, но не заменяя государственную политику в отношении пожилого населения.

- принцип «Солидарности поколений» – политика активного долголетия должна обеспечить справедливость во взаимоотношениях между поколениями и формирование позитивного имиджа «пожилого человека» и отношения к нему.
- принцип «Учета особенностей территории» – политика активного долголетия должна учитывать демографические и социально-экономические особенности развития территории.

7. Сформированная методология исследования старения населения региона необходима для учета демографических условий при формировании и реализации политики активного долголетия в России. Методология разработана на основе такого дуализма (двойственности) механизма старения населения и учитывает теорию демографического перехода, которая объясняет закономерности смены типов воспроизводства и в зависимости от них выделяет историческую периодизацию демографического развития. Для определения фаз методология строится на принципе пошаговой идентификации, точно заданный порядок оценки. На основе данной методологии разработана методика пошаговой оценки. Такой пошаговый подход позволяет не только оценить уровень старения населения, но и выявить его причины, что необходимо при выработке и принятии стратегических решений по социально-экономическому развитию территории. На основе этого подхода проведена оценка уровня старения населения регионов России. Как показала оценка, процесс старения населения наблюдается практически на всей территории России, но крайне неравномерно, поскольку его уровень и причины в зависимости от региона различаются. Так, молодое население проживает в тех субъектах РФ, где процесс демографического перехода находится на начальных стадиях или воспроизводство населения определяется миграционным движением. В большинстве же субъектов РФ процесс старения населения происходит «снизу», поскольку его причиной продолжает оставаться снижение рождаемости, а не смертности. В то же время во многих регионах смертность среди женщин заметно

смещается к более поздним возрастам, что способствует феминизации старения населения. В 2020 г. в результате пандемии резко увеличилась смертность населения, что отразилось на показателях продолжительности жизни населения.

Выявленные особенности старения населения регионов России должны быть адекватно отражены в принимаемых управленческих решениях. Разрешить противоречие между государственным интересом и интересом пожилого населения «продление трудовой жизни vs продления здоровой жизни» возможно при реализации политики активного долголетия с акцентом на меры по здоровьесбережению населения всех возрастных групп, что позволит обеспечить социально-экономическое развитие территории в долгосрочной перспективе.

8. Предложенный алгоритм моделирования влияния трудовой активности пожилого населения на параметры рынка труда и пенсионной системы направлен на оценку защиты государственных интересов и интересов пожилого населения, а также возможности их согласования. Апробация алгоритма позволила обосновать параметры формирования и реализации политики активного долголетия. Результаты моделирования по разработанному алгоритму показали, что повышение пенсионного возраста без реализации политики активного долголетия негативно отразится на рынке труда и системе пенсионного обеспечения, а, в конечном счете, на социально-экономическом развитии территории. Даже при условии того, что число рабочих мест будет соответствовать возросшей потребности, с повышением пенсионного возраста заработная плата снизится, причем в большей степени у мужчин и у руководителей. В противном случае, т.е. без создания дополнительных рабочих мест, снижение заработной платы уже выше. Снижение средней заработной платы в экономике приведет к сокращению страховых отчислений в пенсионную систему. Полученные результаты моделирования демонстрируют принципиальное значение создания соответствующего числа рабочих мест при вовлечении на рынок труда пожилого населения. В России сложилась возрастная дискриминация, обесценивающая идеи активного долголетия и создания безбарьерной среды для всех граждан. В текущих условиях вовлечение пожилого населения в трудовую деятельность приведет не к росту, а к снижению доходов

пенсионной системы, негативно отразится на рынке труда и увеличит социальную напряженность в обществе. Противоречие между государственным интересом и интересом пожилого населения «увеличение численности плательщиков страховых взносов в пенсионную систему vs гарантии пенсионных прав и недопущения их секвестирования» невозможно разрешить без решения проблемы возрастной дифференциации заработной платы на российском рынке труда.

9. Предложенная многофакторная модель дифференциации заработной платы по возрастным группам на российском рынке труда направлена на анализ формирования «нестандартного» возрастного профиля заработной платы в России. Выявление факторов существенного разрыва в уровне заработной платы работников разных возрастов позволило обосновать управленческое воздействие по согласованию государственных интересов и интересов пожилого населения в сфере рынка труда. Результаты моделирования дифференциации заработной платы по возрастным группам на российском рынке труда показали, что влияние возрастной дискриминацией на заработную плату мужчин предпенсионного и пенсионного возрастов, а также женщин пенсионного возраста. Гипотеза о том, что обесценивающийся с возрастом человеческий капитал отражается на оплате труда пожилых работников, частично подтвердилась. Для пенсионеров обоих полов значимым фактором заработной платы является их самочувствие. Положительная отдача от законченного профессионального образования выявлена только для размера зарплаты мужчин пенсионного возраста, что связано с неэффективностью функционирования российского рынка труда. Прохождение дополнительного обучения на курсах положительно влияет на среднюю заработную плату только женщин, для оплаты труда мужчин этот фактор является статистически незначимым. Наличие навыков работы с компьютером повышает заработную плату работников, за исключением мужчин старше 60 лет. Существенных различий во влиянии накопленного человеческого капитала на заработную плату работников трудоспособного возраста и предпенсионного возраста практически не выявлено.

Сложившийся на российском рынке труда разрыв в заработной плате между возрастными группами значительно препятствует реализации политики активного

долголетия. Выявленные причины значительной возрастной дифференциации в уровне заработной платы (возрастная дискриминация и снижение качества человеческого капитала населения в старших возрастах) должны найти отражение в формировании и реализации политики активного долголетия.

10. Представленный подход к выявлению зависимости между занятостью пожилого населения и их состоянием здоровья дает возможность обосновать управленческие воздействия по согласованию государственных интересов и интересов пожилого населения в сфере рынка труда для формирования и реализации политики активного долголетия. Результаты моделирования подтвердили, что трудовая активность пожилого населения сохраняет им здоровье. Статистически значимыми факторами, влияющими на занятость женщин 55-59 лет, оказались экономический рост, напряженность на рынке труда и уровень пенсионного обеспечения. Первые два фактора описывают спрос на рабочую силу со стороны рынка труда, третий фактор – финансовую заинтересованность со стороны самих пенсионеров. Поэтому для согласования интересов «продление трудовой жизни vs продления здоровой жизни» в краткосрочной и среднесрочной перспективе, интересы пожилого населения должны быть поставлены выше, что позволит обеспечить социально-экономическое развитие территории на основе концепции активного долголетия в долгосрочной перспективе.

11. Обзор подходов к измерению активного долголетия и оценке мер в области старения населения показал, что для оценки политических инициатив до сих пор сохраняется потребность в разработке инструмента, основанного на фактических данных. Построение многомерного индекса является весьма полезным базовым инструментарием для государственного управления, но требует доработки и дальнейших исследований, которые бы более полно отражали региональные целевые ориентиры, что даст более точное представление о реализации политики активного долголетия в России. Отсутствие же необходимого инструмента оценки приводит к снижению качества региональных стратегических документов. Для оценки политики активного долголетия предложена методика ее оценки на региональном уровне. Методика основана на расчете интегрального

индекса. Ее содержание заключается в агрегировании имеющейся информации об обеспечении защиты государственных интересов и интересов пожилого населения в регионе. Актуальность построения рейтинга субъектов РФ по индексу активного долголетия, «ориентированного на результат», определяется востребованностью информации о степени обеспечения защиты государственных интересов и интересов пожилого населения от последствий старения населения. Для чего оценка опирается на систему пороговых значений – предельно допустимые значения, несоблюдение которых угрожает экономической безопасности региона, а достижение же лучших значений (результатов) отражает уже его социально-экономическое развитие.

Методика апробирована на данных за 2020 г. Согласно полученным результатам за 2020 г., все субъекты РФ имеют низкую степень достижения результатов активного долголетия. Значения индекса по субъектам РФ варьируются в диапазоне от 1 балла в Чукотском автономном округе до 23 баллов в Москве. Субъекты РФ, находящиеся в верхней части рейтинга, заняли свои места не в следствии эффективной проводимой политики активного долголетия, а из-за их региональных особенностей. Таким образом, актуальность построения рейтинга субъектов РФ по индексу активного долголетия, «ориентированного на результат», определяется востребованностью информации о степени обеспечения защиты государственных интересов и интересов пожилого населения от угроз, вызванных социально-экономическими последствиями старения населения. Такой подход к оценке позволяет выявить несогласованность целей региональной политики с национальными целями и требованиями международных организаций и сравнить регионы для того, чтобы определить, как они справляются с достижением результатов активного старения для дальнейшего определения лучших практик.

12. Полученные в диссертации результаты оценки старения населения и моделирования последствий повышения трудовой активности пожилого населения позволили обосновать параметры формирования и реализации политики активного долголетия в России на федеральном и региональном уровнях. Параметры нацелены на согласование интересов субъектов и их защиту от угроз, вызванных

социально-экономическими последствиями старения населения. Они включают в себя четыре приоритетных направления (здоровье населения, трудовая активность пожилого населения, социальная активность пожилого населения, безопасность пожилого населения) и учитывают выявленные ограничения (демографические и социально-экономические особенности региона) в сформулированных ее задачах. Ожидаемый результат реализации политики активного долголетия – повышение качества жизни населения по мере его старения, включающее обеспечение здоровой, самостоятельной и безопасной жизни. Представленные параметры формирования и реализации политики направлены на максимизацию участия в этом людей по мере их старения. Таким образом, индивидуальная ответственность должна сочетаться с политическими действиями по объединению всех потенциальных (заинтересованных) сторон активного долголетия. Объединение таких отдельных элементов социально-экономической политики является необходимым условием для осуществления комплексного подхода. Параметры формирования и реализации политики активного долголетия отвечают, с одной стороны, государственным интересам, снижая демографическую нагрузку и обеспечивая привлечение на рынок труда дополнительной рабочей силы, а, с другой – интересам пожилого населения, повышая его качество жизни.

В обоснованных параметрах формирования и реализации политики активного долголетия пожилые люди рассматриваются не как нуждающиеся в социальной помощи, а как активные участники социального и экономического развития территории. Однако, важно подчеркнуть, что эти параметры формирования и реализации политики, хоть и находится в контексте ухода от патерналистской модели, но они не должны заменить государственную политику в отношении пожилых людей и ответственность семьи и общества за заботу о них.

Параметры формирования и реализации политики активного долголетия внедряются в деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ посредством разработанного организационно-экономического механизма. Механизм разработан в рамках системы стратегического планирования и имеет замкнутую циклическую структуру,

состоящую из 4 этапов: целеполагание; прогнозирование; планирование и программирование; мониторинг и контроль.

Степень достижения ожидаемых результатов будет оцениваться на основе данных постоянного мониторинга разработанного индекса активного долголетия в регионе. Его содержание заключается в агрегировании имеющейся информации о степени достижения результатов активного долголетия в контексте обеспечения защиты государственных интересов и интересов пожилого населения. Принципиально важным является то, что рейтинг построен на основе регулярно отслеживаемых показателей официальной статистики, доступных широкому кругу заинтересованных пользователей.

Реализация авторских теоретико-методологических положений, методического инструментария и практических рекомендаций в деятельности органов власти федерального и регионального уровней позволит научно обосновать разработку направлений и системы мер противодействия негативным демографическим процессам и нейтрализации их последствий, а также разработку региональных стратегий в области активного долголетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные источники

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения (утв. Приказом Ростехрегулирования от 30.12.2005 №532-ст) (ред. от 17.10.2013)
3. ГОСТ Р 52884-2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Порядок и условия предоставления услуг гражданам старшего поколения и инвалидам (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 08.06.2021 №523-ст).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 16.04.2022).
5. Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 №1032-1
6. Закон РФ от 5 марта 1992 г. №2446-1 «О безопасности» (с изменениями и дополнениями).
7. Клинические рекомендации «Старческая астения» (утв. Минздравом России ID: КР613/2).
8. Методические рекомендации «Комплекс мер, направленный на профилактику падений и переломов у лиц пожилого и старческого возраста» (утв. Министерством здравоохранения РФ от 15.12.2020).
9. ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 29.03.2018).
10. Паспорт государственной программы (комплексной программы) Российской Федерации «Развитие физической культуры и спорта» (утв. решением Правительства РФ от 23.12.2021 №ММ-44-19192).

11. Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. №16).
12. Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» (утв. Минтрудом России) (ФЦП «Старшее поколение»).
13. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 №296 «Об утверждении государственной программы РФ «Социальная поддержка граждан»».
14. Приказ Министерства занятости, труда и миграции Саратовской области от 5 февраля 2020 г. № 30 «Об утверждении типовых форм документов по реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования граждан в возрасте 50 лет и старше, лиц предпенсионного возраста».
15. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 15 января 2020 г. №8 «Об утверждении Стратегии формирования здорового образа жизни населения, профилактики и контроля неинфекционных заболеваний на период до 2025 года».
16. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24 апреля 2018 г. №186 «Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины».
17. Приказ Минтруда России от 29.09.2020 №667 «О реализации в отдельных субъектах РФ в 2021 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в постороннем уходе»
18. Приказ Росстата от 17.07.2019 №409 «Об утверждении методики определения возрастных групп населения».
19. Приказ Федеральной службы государственной статистики от 31 октября 2019 г. № 634 «Об утверждении методики расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации».
20. Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 №164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»

21. Распоряжение Правительства РФ от 07.08.2009 №1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года».
22. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».
23. Распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2012 г. N 2524-р О Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы РФ (с изменениями и дополнениями).
24. Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017-2023 гг.».
25. Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
26. Указ Президента РФ от 09.10.2007 №1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»
27. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».
28. Указ Президента РФ от 19.12.2012 №1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».
29. Указ Президента РФ от 31.12.2015 №683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
30. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018 №350-ФЗ (последняя редакция).
31. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 №172-ФЗ (последняя редакция).

32. Федеральный закон от 29.12.2015 N 385-ФЗ (ред. от 22.11.2016) «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации, внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и особенностях увеличения страховой пенсии, фиксированной выплаты к страховой пенсии и социальных пенсий».

Научно-исследовательские публикации

33. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения. Очерки. 2-е изд., доп. – М.: Наука, 2005. – 463 с.

34. Авилов К.К., Романюха А.А. Математическое моделирование процессов распространения туберкулеза и выявления больных // Автоматика и телемеханика. – 2007. – Т. 9. – С. 145-160.

35. Аврамова Е.М., Каравай А.В., Логинов Д.М. Адаптационные стратегии старения населения: между выживанием и развитием. – М.: РАНХиГС, 2017. – 83 с.

36. Агранович М.Л.: Оценка шансов на занятость работников пенсионного и предпенсионного возрастов // Экономическая политика. – 2019. – №14(2). – С. 90-109.

37. Айвазян С.А., Мхитарян В.С. Прикладная статистика и основы эконометрики. – М.: ЮНИТИ, 1998. – 1005 с.

38. Айзинова И.М. Социально-экономические проблемы старшего поколения: качество жизни населения старших возрастов // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4 (163). – С. 121-131.

39. Акимов А. Демографический взрыв, старение населения и трудосберегающие технологии: взаимодействие в XXI в. // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60. №4. – С. 50-60.

40. Алешникова В.И., Бурцева Т.А., Нуриддинов З.А. Социальный эффект реализации стратегий активного долголетия // Управление. – 2020. – Вып. 8, №4. – С. 86-93.

41. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. Волонтеры "серебряного возраста": регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического

университета. Социально-экономические науки. – 2017. – №4. – С. 35-47. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.4.3.

42. Андреев Е.М. Действительно ли ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наилучшим измерителем уровня смертности населения? // Демографическое обозрение. – 2021. – Вып. 8, №2. – С. 6-26.

43. Андреев Е.М. О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении // Вопросы статистики. – 2012. – №11. – С. 21-35.

44. Андреев Е.М. Продолжительность жизни в СССР: дифференциальный анализ // Продолжительность жизни: анализ и моделирование. – М.: Статистика, 1979. – С. 7-31.

45. Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харькова Т.Л., Пьянкова А.И., Рамонов А.В., Юмагузин В.В., Винник М.В., Фаттахов Т.А., Астрелин А.М. Тенденции смертности и продолжительности жизни в России в 1990–2020 гг. // Население России 2019. Двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. редактор С.В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – С.191-275.

46. Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харькова Т.Л., Рамонов А.В., Юмагузин В.В., Винник М.В. Смертность и продолжительность жизни в России в международном контексте: критический анализ тенденций // Население России 2018: двадцать шестой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – С. 193-262.

47. Андреев Е.М., Школьников В.М. Связь между уровнями смертности и экономического развития в России и ее регионах // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. № 1. – С. 6-24.

48. Арбер С. Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / пер. с англ. Е.В. Вьюговской, А.А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 2. – С. 59-78.

49. Афонцев С.А. Концептуальные основы анализа национальной и международной экономической безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 3 (51). – С. 231-234.

50. Барсуков В.Н. Методологические особенности измерения последствий старения населения в межстрановом сравнении // Проблемы развития территории. – 2020. – № 3(107). – С. 128–143. DOI: 10.15838/ptd.2020.3.107.9).
51. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – № 1(43). – С. 195-213.
52. Барсуков В.Н., Шабунова А.А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. – 2018. – № 4 (96). – С. 87-103. DOI: 10.15838/ ptd.2018.4.96.6.
53. Барышева Г.А., Бабышев В.Ю. Критика подходов теории "макроэкономики старения" на примере России // Теория и практика общественного развития. – 2019. - №10 (140). – С. 37-43.
54. Башкирева А.С., Вылегжанин С.В., Качан Е.Ю. Актуальные проблемы социальной геронтологии на современном этапе развития России // Успехи геронтологии. – 2016. – № 29(2). – С. 379-386.
55. Башкирёва А.С., Шестакова В.П., Качан Е.Ю., Владимирова О.Н. Инновационные технологии «Age-Friendly Workplaces» в системе профессиональной реабилитации инвалидов // Медицина труда и промышленная экология. – 2015. – №9. – С. 32-33.
56. Белов В.Б., Роговина А.Г. Основные медико-демографические показатели здоровья населения России к 2013 г. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2014. – №6. – С.18-22.
57. Бобков В.Н. От прожиточного минимума – к социально приемлемому потребительскому бюджету пенсионера // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2012. – №3 (15). – С. 171-173.
58. Богданов И.Я. Экономическая безопасность России. Теория и практика. – М.: ИСПИ РАН, 2001. – 351 с.
59. Богданова А.Е. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – №14(4). – С. 535-550.

60. Бойков В.Э. Интересы в социальном управлении // Социология власти. – 2006. – №2. – С. 5-17.
61. Болдырева Ю.В. Современная профилактическая медицина и регуляторные пептиды // Университетская медицина Урала. – 2017. – Т. 3. № 1 (8). – С. 8-10.
62. Борисенко Н.Ю. Пенсионное обеспечение. – М.: Дашков и Ко, 2009. – 576 с.
63. Бородич С.А. Эконометрика. – Минск: Новое знание, 2001. – 408 с.
64. Бреев Б.Д. К вопросу о старении населения и депопуляции // Социологические исследования. – 1998. – № 2. – С. 61-66.
65. Бурцева Т.А., Чаусов Н.Ю., Гагарина С.Н. Оценка качества жизни пожилого населения России // Российский экономический интернет-журнал. – 2018. – №2. Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Burtseva.pdf>.
66. Валентей Д.И. О системе демографических знаний // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2016. – № 4. – С. 134-148.
67. Васильева (Чистова) Е.В., Тырсин А.Н. Выявление взаимосвязи между здоровьем и занятостью женщин пенсионного возраста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. № 1. – С. 204–216. DOI: 10.15838/esc.2020.1.67.12.
68. Васильева (Чистова) Е.В., Чичканов В.П. Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2016. – №3. – С. 121-137. DOI: 10.15838/esc/2016.3.45.7.
69. Васильева Е.В. Индекс активного долголетия в регионах России: альтернативный подход // Народонаселение. – 2022. – Т. 25. № 3. – С. 128-143. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.1.
70. Васильева Е.В. Концепция активного долголетия в системе обеспечения экономической безопасности // Экономика, предпринимательство и право. – 2021. – Т.11. № 9. – С. 2101-2120. DOI: 10.18334/erp.11.9.113431.
71. Васильева Е.В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России / под ред. Ю.Г. Лавриковой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. – 190 с. DOI: 10.17059/661-5.

72. Васильева Е.В. Обеспечение экономической безопасности территории в условиях старения населения: теоретико-методологический аспект // Национальная безопасность / nota bene. – 2021. № 6. – С.13-21. DOI: 10.7256/2454-0668.2021.6.36869.
73. Васильева Е.В. Подходы к построению пенсионной системы: международный и российский опыт // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. – № 79. – С. 5-24. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10046
74. Васильева Е.В. Развитие методического инструментария диагностики социально-демографических процессов в регионе : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Васильева Елена Витальевна; [Место защиты: Ин-т экономики УрО РАН]. – Екатеринбург, 2012. – 325 с.
75. Васильева Е.В. Региональная оценка старения населения России // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19, № 1. – С. 139-168. DOI: 10.24891/re.19.1.139.
76. Васильева Е.В. Рейтинг субъектов РФ по уровню благосостояния населения // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – №44. – С. 14-24.
77. Васильева Е.В., Васильева А.В. Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, вып. 1. – С. 1-20. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-1.
78. Васильева Е.В., Тырсин А.Н. Возрастная дифференциация в заработной плате на российском рынке труда: выявление причин // Пространственная экономика. – 2021. – Т. 17. № 3. – С. 103-132. DOI: 10.14530/se.2021.3.103-132.
79. Васин С. Новая концепция возраста: ретроспективный и потенциальный возраст // Демоскоп Weekly. – 2008. – №317-318. Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/2008/0317/tema05.php#_FNR_15.
80. Васин С., Вишневецкий А., Денисенко М. Старение работающего населения противодействует модернизационным процессам // Демоскоп Weekly. – 2010. – №429-430. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0429/tema07.php>.
81. Вейхер А.А. Оценка скрытой заболеваемости методами представительных опросов: необходимость, возможности и ограничения // XV апрельская

международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах; под редакцией: Е. Г. Ясин Кн. 4. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. – С. 197-205.

82. Величковский Б.Т. Социальный стресс, трудовая мотивация и здоровье // Бюллетень ВШЭ СО РАМН. – 2005. – №2. – С. 24-36.

83. Вишневская Н.Т. Работники старших возрастов на рынке труда в странах ОЭСР // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2017. – Вып. 21, №4. – С. 680-701.

84. Вишневский А.Г. Демографический след войны // Демоскоп Weekly. – 2016. – №689-690. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0689/tema03.php>.

85. Вишневский А.Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. – 2014. – Т. 1. №4. – С. 5-40.

86. Вишневский А.Г. Эпидемиологический переход и его интерпретации // Демографическое обозрение. – 2020. – Вып. 7, №3. – С. 6-50.

87. Вишневский А.Г., Васин С.А., Рамонов А.В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. – 2012. – № 9. – С. 88–109.

88. Вишневский А.Г., Щербакова Е.М. Демография: за и против повышения пенсионного возраста // Журнал новой экономической ассоциации. – 2019. – № 2 (42). – С. 148-166.

89. Влияние трудового и пенсионного поведения населения на обеспечение долгосрочной устойчивости пенсионной системы в российской федерации и снижение рисков депривационной бедности среди граждан пожилого возраста / А.Я. Бурдяк, Е.Е. Гришина, Ю.А. Дормидонтова, Ю.М. Казакова, В.Ю. Ляшок, Е.А. Цацура; препринт. – М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2014. – 80 с.

90. Возжеников А.В., Стрельченко В.В. Согласование интересов регионов и федерального центра в современной России // Власть. – 2009. – №9. – С. 60-63.

91. Вопилова С.Н. Пенсионная реформа РФ, ее экономические и социальные аспекты // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2019. – №4(49). – С. 4-13.
92. Всемирный доклад о старении и здоровье. – Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2015. – 316 с. Режим доступа: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/186463/9789244565049_rus.pdf?sequence=10.
93. Гимпельсон В., Капелюшников Р., Ратникова Т. Велики ли глаза у страха? Страх безработицы и гибкость заработной платы в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2003. – №4. – С. 44-58
94. Гимпельсон В.Е. Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // Экономический журнал ВШЭ. – 2019. – Т. 23. № 2. – С. 185-237.
95. Гимпельсон В.Е. Возраст, производительность, заработная плата: препринт WP3/2018/07 /. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 66 с.
96. Глазьев С.Ю., Локосов В.В. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. – 2012. – Том 82, № 7. – С. 587-614.
97. Голубева Е.Ю. Современные направления научно-практических исследований в области политики активного и здорового долголетия: опыт и перспективы // Успехи геронтологии. – 2015. – Т. 28. – № 4. – С. 634-638.
98. Голубков А.В., Гаврилова М.П. Применение искусственных нейронных сетей в профилактической и клинической медицине (научный обзор) // Профилактическая и клиническая медицина. – 2020. – № 4 (77). – С. 30-39.
99. Горлин Ю.М., Гришина Е.Е., Ляшок В.Ю., Федоров В.В. Повышение пенсионного возраста: опыт зарубежных стран и оценка эффектов для России // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. – 2017. – № 6 (40). – С. 85-97.

100. Григорьев С.В. Обеспечение национально-государственного экономического интереса в условиях реформирования налоговой системы России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. – Саратов, 2002. – 185 с.
101. Григорьева И.А. Смена парадигмы в понимании старения // Социологические исследования. – 2016. – № 11. – С. 154-155.
102. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Основания смешанной экономики. – М.: Ин-т экономики РАН, 2008. – 480 с.
103. Гурвич Е.Т. Принципы новой пенсионной реформы // Вопросы экономики. – 2011. – №4. – С. 4-31.
104. Даниелян В.А., Полтерович В.М. Приключения пенсионной реформы в России: где ошибки? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2019. – №2 (42). – С. 186-194.
105. Данилова И.А. Межрегиональное неравенство в продолжительности жизни в России и его составляющие по возрасту и причинам смерти // Социальные аспекты здоровья населения. – 2017. – №5. DOI: 10.21045/2071-5021-2017-57-5-3
106. Дашин А.В., Мартынов В.Ф., Тищенко А.Г., Шукшина Е.Г. Государственный интерес как теоретико-правовая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – №2. – С. 82-85.
107. Денисенко М. Может ли помочь развитым странам замещающая миграция? // ДемоскопWeekly. – 2002 – №59-60. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2002/059/tema01.php>.
108. Денисенко М. Тихая революция // Отечественные записки. – 2005. – №3. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/3/tihaya-revolycziya.html>.
109. Денисенко М.Б., Козлов В.А. Межпоколенческие счета и демографический дивиденд в России // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5, №4. – С. 6-35.
110. Доброхлеб В.Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. – 2022. – Т. 25., № 2. – С. 66-76. DOI: 10.19181/population.2022.25.
111. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. – 2008. – №8. – С. 55-61.

112. Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал старшего поколения в современной России: диссертация ... доктора экономических наук : 08.00.05. – Москва, 2004. – 314 с.
113. Доброхлеб В.Г. Социальные вызовы новой пенсионной реформы в условиях современной демографической ситуации в России // Уровень жизни населения регионов России. – 2019. – № 1 (211). – С. 59-64.
114. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Пространственные особенности и закономерности процесса старения населения в регионах России // Международный демографический форум. Материалы заседания. – Воронеж, 2020. – С. 184-189.
115. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Старение населения в России и Китае: особенности и социально-экономические риски // Уровень жизни населения регионов России. – 2020. – Т. 16. № 4. – С. 36-48.
116. Доброхлеб В.Г., Кондакова Н.А. Типологизация и социально-экономические аспекты формирования демографического старения населения регионов России // Проблемы развития территории. – 2022. – Т. 26., № 4. – С. 98-110. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.7.
117. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2008 г. / под общ. ред. А.Г. Вишневого и С.Н. Бобылева. – М.: Сити-Принт, 2009. – 208 с.
118. Егорова О.В. Образ жизни и состояние здоровья работающих женщин пенсионного возраста : дис. ... кандидата медицинских наук : 14.02.03 [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т ж.-д. гигиены]. – Москва, 2011. – 173 с.
119. Жихаревич Б.С., Логачева Н.М. Социальная инфраструктура и человеческий капитал российских регионов: подход к оценке взаимовлияния // Экономика и управление. – 2012. – № 3 (77). – С. 150–156.
120. Забелина И.А., Клевакина Е.А. Система индикаторов для оценки качества роста региональных экономик // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. – 2014. – № 6 (29). – С. 23-32. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu3.2014.6.3>.

121. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / отв. ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников, 2-е изд. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2008. – 575 с.
122. Засимова Л.С., Колосницына М.Г. Формирование здорового образа жизни у российской молодежи: возможности и ограничения государственной политики (по материалам выборочных исследований) // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – №4. – С. 116-129.
123. Захаров С.В. Стагнация вероятности первых рождений и рост многодетности в России // Демоскоп Weekly. – 2017. – №733-734. Режим доступа: www.demoscope.ru/weekly/2017/0733/tema03.php.
124. Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. – М.: Политиздат, 1986. – 223 с.
125. Иванова Е.И. Смертность российских мужчин // Социологические исследования. – 2010. – № 5. – С. 87-99.
126. Иванова М.А., Балаев А.И., Гурвич Е.Т. Повышение пенсионного возраста и рынок труда // Вопросы экономики. – 2017. – № 3. – С. 1–18.
127. Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. № 4. – С. 9-34.
128. Исупова О.Г., Козлов В.А., Митрофанова Е.С. Меняющаяся семейная политика в постсоветской России в зеркале опросов мнений населения // Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – С. 155-
129. Казенин К.И., Идрисов Э.Ш., Имашева М.М. Влияние миграции на рождаемость: случай переселения ногайцев из Республики Дагестан // Женщина в российском обществе. – 2018. – № 2 (87). – С. 75-88. DOI: 10.21064/WinRS.2018.2.7.
130. Какорина Е.П., Огрызко Е.В. Современное состояние медицинской статистики в Российской Федерации // Врач и информационные технологии. – 2012. – №2. – С. 47-53.

131. Калабихина И.Е. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета. – 2011. – № 1. – С.149-176.
132. Калабихина И.Е., Казбекова З.Г. Влияние первого демографического дивиденда на экономический рост с учетом человеческого капитала // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 3 (55). – С. 81-100. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-5.
133. Калмыкова Н.М., Сафарова Г.Л., Сафарова А.А., Чуносова Е.Ю. Старение населения Москвы и Санкт-Петербурга: сходства и различия // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2019. – № 6 (150). – С. 149-153.
134. Капелюшников Р.И. Сколько стоит человеческий капитал России? : препринт WP3/2012/06. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 76 с.
135. Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. №2. – С. 8–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63.
136. Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 50 с.
137. Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты (окончание) // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14, №3. – С. 8-53. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-3-8-53.
138. Караваева И.В. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях Института экономики РАН // Вестник Института экономики РАН. – 2020. – №2. – С. 27-42. DOI:10.24411/2073-6487-2020-10013.
139. Карачурина Л., Иванова К. Миграция пожилых в России (по данным переписи населения 2010 г.) // Региональные исследования. – 2017. – №3(57). – С. 51-60.
140. Карпикова И.С., Соломеин А.А. Характеристика мотивационных возможностей систем пенсионного обеспечения // Известия Байкальского государственного университета. – 2013. – №1. – С. 140-145.

141. Клепикова Е.А. Возрастная дискриминация при найме: результаты экспериментального исследования // Экономическая политика. – 2019. – Вып. 14, №2. – С. 64-89.
142. Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. – 2017. – Том 15, № 1. – С. 69-88. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.104.
143. Клинова М.В., Сидорова Е.А. Человеческий капитал в Европейском союзе: государственный и наднациональный контексты // Вопросы экономики. – 2012. – №8. – С. 80-97. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-8-80-97.
144. Клупт М.А. Парадигмы и оппозиции современной демографии // Демографическое обозрение. – 2014. – Вып. 1, № 1. – С. 34-56.
145. Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. – 2005. – №2. – С. 139-149.
146. Козлова О.А., Казмалова О.Н. Демографический потенциал регионов Урала и его вклад в формирование человеческого капитала // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Т. 2: Демографический потенциал регионов России и СНГ: динамика роста и инерционность изменений / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2016. – С. 82-89.
147. Козлова О.А., Кармакулова А.В. Проблемы и перспективы развития гибких форм занятости населения в Северном регионе // Экономика региона. – 2013. – №2 (34). – С. 27-34.
148. Колосницына М.Г., Хоркина Н.А. Государственная политика активного долголетия: о чем свидетельствует мировой опыт // Демографическое обозрение. – 2016. – Т. 3. – № 4. – С. 27-46.
149. Кондакова Н.А. Младшее поколение как социально-демографическая категория: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2015. №7(27).
150. Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества,

Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с.

151. Кораблева А.А., Карпов В.В. Индикаторы экономической безопасности региона // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2017. – №3 (23). – С. 36-42.

152. Коровкин А.Г., Единак Е.А., Королев И.Б. Повышение пенсионного возраста, российский рынок труда и система образования // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием: Том II. / отв. ред. А.И. Татаркин, А.И. Кузьмин. – Екатеринбург: Институт экономики УрОРАН, 2015. – С. 431-437.

153. Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2017. – № 4 (32). – С. 643-657.

154. Котова Н.Н., Черепанова А.Е. Проблемы современного рынка труда (тенденция развития) // Вестник Южно- Уральского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 38–45. DOI: 10.14529/em170405.

155. Коулмен Д. Третий демографический переход? // Демоскоп Weekly. – 2007. – №299-300. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php>.

156. Крашенинникова Ю.А. Медицинская статистика как способ легитимации распределения ресурсов в российской системе здравоохранения // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2011. – №4. – С. 28-42.

157. Кривова Д.А. Противоречия развития социальной инфраструктуры в малом городе Среднего Урала // Вопросы управления. – 2012. – №2(19). – С. 213-218.

158. Кувалин Д.Б., Моисеев А.К. Российские предприятия весной 2014 г.: деятельность в условиях замедления экономического роста // Проблемы прогнозирования. – 2014. – № 6. – С. 99-114. DOI: 10.1134/S1075700714060094.

159. Кузнецова Н.В., Носырева И.Г. Модель жизненного цикла человеческих ресурсов // Известия Байкальского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 75-80.

160. Курчидис К.В. Оценка чистой стоимости человеческого капитала // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – №2, Том I. – С. 100-104.
161. Кюи Н.Е. Образование, выбор категории профессиональной занятости и заработная плата в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2008. – Вып. 12, №3. – С. 365-399.
162. Лежнина Ю.П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – С. 178-195.
163. Лежнина Ю.П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. – 2014. – №1. – С. 20-28.
164. Ли Р., Мэйсон Э. Что такое демографический дивиденд? // Финансы & развитие. – 2006. – Сентябрь. – С. 16-17.
165. Логинова Л.В. Сущность и основные концепции интересов субъектов хозяйствования // Вестник Поволжского института управления. – 2008. – №3. – С. 125-132.
166. Логинова Л.В. Сущность и основные концепции интересов субъектов хозяйствования // Вестник Поволжского института управления. – 2008. – № 3. – С. 125-132.
167. Локосов В.В., Рыбальченко С.И., Каткова И.П. Демографический и трудовой потенциал России в контексте целей устойчивого развития // Народонаселение. – 2017. – № 4. С. 19-43. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-2.
168. Львов Д.С., Гребенников В.Г., Устюжанина Е.В. Концепция национального имущества // Вопросы экономики. – 2001. – №7. – С. 139-153.
169. Ляшок В.Ю. Пенсии, здоровье и спрос на труд как детерминанты экономической активности населения старшего возраста в России : диссертация ... кандидата экономических наук : 08.00.05 / Ляшок Виктор Юрьевич; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики"]. – Москва, 2017. – 159 с.
170. Ляшок В.Ю., Малева Т.М., Горлин Ю.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. – 2018. – №13(1). – С. 148-179.

171. Ляшок В.Ю., Роцин С.Ю. Влияние здоровья на предложение труда пожилых // Прикладная эконометрика. – 2015. – № 40 (4). – С. 6–27.
172. Ляшок В.Ю., Роцин С.Ю. Молодые и пожилые работники на российском рынке труда: являются ли они конкурентами? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – №1 (33). – С. 117–140.
173. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. Начальный курс: 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Дело, 2004. – 576 с.
174. Малева Т.М. Человек в солидарной пенсионной системе // Экономическая политика. – 2014. – №2. – С. 55-84.
175. Малева Т.М., Синявская О.В. Повышение пенсионного возраста: pro et contra // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 8. – С. 117-137.
176. Матершева В.В. Особенности износа человеческого капитала в современной экономике России // Современная экономика: проблемы и решения. – 2016. – №2(74). – С. 8-16. DOI: 10.17308/meps.2016.2/1391.
177. Мау В. Глобальный кризис и мировые вызовы // Экономическая политика России. Турбулентное десятилетие 2008–2018. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – С. 25-56.
178. Мау В.А. Человеческий капитал: вызовы для России // Вопросы экономики. – 2012. – №7. – С. 114-132. DOI: 10.32609/0042-8736-2012-7-114-132.
179. Мерабишвили В.М. Аналитические показатели. Индекс достоверности учета // Вопросы онкологии. – 2018. – №3. – С. 445-452.
180. Мигранова Л.А., Роик В.Д. Социальное страхование в России: состояние, современные вызовы и ответы на них // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2020. – № 1-2. – С. 75-95. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-1-2-07.
181. Мкртчян Н.В. Проблемы учета населения отдельных возрастных групп в ходе переписи населения 2010 г.: причины отклонений полученных данных от ожидаемых // Демографические аспекты социально-экономического развития / под ред. М.Б. Денисенко. Серия: Демографические исследования. Вып. 22. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 197-214.

182. Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2020. – № 18. – С. 431-448. DOI: 10.47711/2076-318-2020-431-448.
183. Молчанов М.А. Дискуссионные аспекты проблемы «национальный интерес». // Полис. Политические исследования. – 2000. – №1. – С. 7-22.
184. Мотрич Е.Л., Молодковец Л.А. Хабаровский край в миграционном поле Дальнего Востока России // Вопросы статистики. – 2017. – №5. – С. 60-68.
185. Население России 2006: Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 229 с.
186. Население России 2010-2011: восемнадцатый-девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 530 с.
187. Нобелевский лауреат по экономике. Джеймс Бьюкенен / гл. ред. Р.М. Нуреев. – М.: Таурус Альфа, 1997. – 556 с.
188. Обзор мирового экономического и социального положения, 2007 год. Развитие в условиях старения населения мира. Нью-Йорк, 2008. Режим доступа: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf.
189. Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. – М., 1977. – С. 57-91.
190. Омран А.Р. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя // Демографическое обозрение. 2019. Вып. 6, №1. С. 177-216.
191. Орлов С.Н., Шеметов А.П. Пенсионное обеспечение в Российской Федерации. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. – 106 с.
192. Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. – 2020. – Т. 7, №2. – С. 97-120.

193. Очкин Р.О. Формирование национально-государственного экономического интереса в концепции национальных интересов России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – №6(101). – С. 83-87.
194. Ощепков А.Ю. Гендерные различия в оплате труда в России // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Вып. 10, №4. – С. 590-619.
195. Ощепков А.Ю. Отдача от высшего образования в российских регионах // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2010. – Вып. 14, № 4. – С. 468-491.
196. Павлова И.А., Монастырный Е.А., Гуменников И.В., Барышева Г.А. Российский индекс благополучия старшего поколения: методология, методика, апробация // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – Вып. 16, №1. – С. 23-36.
197. Павлова И.А., Недоспасова О.П. Институциональные функции в анализе ресурсного потенциала старшего поколения // Региональная экономика: теория и практика. – 2021. – Т. 19. № 5 (488). – С. 972-1002.
198. Павлова И.А., Недоспасова О.П. Методический подход к оценке социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17. № 3 (396). – С. 500-537.
199. Павлова И.А., Недоспасова О.П., Барышева Г.А., Рождественская Е.М. Ресурсный потенциал старшего поколения: монография / под науч. ред. Г.А. Барышевой. – Томск: STT, 2021. – 382 с.
200. Папанова Е.К., Школьников В.М., Андреев Е.М., Тимонин С.А. Высокая продолжительность жизни москвичей после 80 лет – реальность или статистический артефакт? // Успехи геронтологии. – 2017. – Т. 30. № 6. – С. 826-835.
201. Пастухов В. Б. Национальный и государственный интересы России: игра слов или игра в слова (Реплика) // Полис. Политические исследования. 2000. №1. – С. 92-96.

202. Попова Л.А. Особенности демографического старения северных регионов России // Регион: Экономика и Социология. – 2013. – № 1 (77). – С. 23-40.
203. Попова Л.А. Оценка эффективности государственных демографических инициатив // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 1 (31). – С. 125-137.
204. Попова Л.А. Резервы увеличения продолжительности жизни населения северных регионов России // Устойчивый Север: общество, экономика, экология, политика. Сборник трудов VI Всероссийской научно-практической конференции / отв. редактор Е.Э. Григорьева. – Якутск, 2021. – С. 94-103.
205. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Когнитивные способности населения третьего возраста // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2020. Сборник статей Седьмой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 2 ч.. Сыктывкар, 2020. – С. 113-122.
206. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13. № 2. – С. 143-156.
207. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Уровень жизни и ресурсный потенциал пенсионеров северных регионов России // Регион: Экономика и Социология. – 2016. – № 1 (89). – С. 135-158.
208. Попова Л.А., Милаева Т.В., Зорина Е.Н. Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. № 5. – С. 261-276. DOI: 10.15838/esc.2021.5.77.15.
209. Попова Л.А., Терентьева М.А. Вопросы реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера - 2020. Сборник статей Седьмой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием): в 2 ч.. Сыктывкар, 2020. – С. 96-106.

210. Поровская А.Я. Интересы государства и бизнеса в рамках частно-государственного партнерства // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 328. – С. 131-134.
211. Пространственная организация социально-трудовых систем: генезис и проблемы развития: кол. монография /отв. ред. О.А. Козловой. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. – 206 с.
212. Решетников А.В. Социальный портрет потребителя медицинских услуг // Экономика здравоохранения. – 2000. – № 12. –С. 5-19.
213. Римашевская Н.М. Качество человеческого потенциала в современной России // Безопасность Евразии. – 2004. – №1 (15). – С. 14-32.
214. Римашевская Н.М. Социальная политика в стратегии российского развития: последствия экономических трансформаций // Россия и современный мир. – 2003. – № 4. – С. 5-21.
215. Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. – 2004. – Т. 74. № 3. – С. 209-218.
216. Римашевская Н.М., Дискин И.Е. Россия: социальная доктрина переходного периода и концепция программы действий. – М.: ИСЭПН РАН, 1996.
217. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г., Медведева Е.И., Крошилилин С.В. Демографический переход – специфика российской модели // Народонаселение. – 2012. – № 1(55). – С. 23-31.
218. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. – 2012. – № 4. – С. 62-93.
219. Роик В.Д. Старение населения и необходимость формирования новой парадигмы жизнедеятельности в пожилом возрасте // Уровень жизни населения регионов России. – 2009. – № 8-9. – С. 62-73.
220. Российский работник: образование, профессия, квалификация / отв. ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. – 576 с.
221. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения/ под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова и С. Роцина. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 148 с.

222. Ростовская Т.К., Шабунова А.А., Князькова Е.А. Самосохранительное поведение россиян: оценка состояния здоровья и возможности долгожительства // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – Т. 28. № 6. – С. 1275-1280. DOI: 10.32687/0869-866X-2020-28-6-1275-1280.
223. Рощин С.Ю. Равны ли женщины мужчинам? (Часть II) // ДемоскопWeekly. – 2005. – №221-222. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/tema05.php#21>.
224. Рубинштейн А.Я. Городецкий А.Е. Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Journal of Institutional Studies. – 2018. – Вып. 10, №4. – С. 38-57.
225. Русанова Н.Е. Понятие возраста в демографии и современное старшее поколение // Народонаселение. – 2013. – №2 (60). – С. 63-71.
226. Рыбаковский О.Л. Структурные волны населения России и её регионов: вопросы оценки и сравнения // Народонаселение. – 2022. – Т. 25. – № 1. – С. 65-79. DOI: 10.19181/population.2022.25.1.6.
227. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны // Народонаселение. – 2017. – № 4. – С. 56-66. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-4-4.
228. Семенова В.Г. Обратный эпидемиологический переход в России. – М.: ЦСП, 2005. – 235 с.
229. Сенчагов В.К. Методология обеспечения экономической безопасности // Экономика региона. – 2008. – №3. – С. 28-39.
230. Сенчагов В.К., Иванов Е.А. Структура механизма современного мониторинга экономической безопасности России. – Москва: Ин-т экономики РАН, 2016. – 71 с.
231. Сидоренко А., Заиди А. Международная политика в области старения: оценка прогресса в связи с Мадридским международным планом действий по проблемам старения // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – №16(1). – С. 141-154. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-141-154.
232. Сильченкова С.В. Демографическая безопасность региона в контексте экономической безопасности // Экономический журнал. – 2018. – № 4 (52). – С. 22-37.

233. Симагин Ю.А. Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке // Народонаселение. – 2021. – Т. 24. – № 4. – С. 4-22. DOI: 10.19181/population.2021.24
234. Скопек Я., Тривенти М., Косякова Ю., Букхольц С., Блоссфельд Х.-П. Гендер и начало трудового пути: результаты международного сравнительного исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2016. – Вып. 19, № 5. – С. 98-126.
235. Смелов П.А., Карманов М.В., Романов А.А. К вопросу о теоретических подходах к оценке демографической безопасности // Статистика и Экономика. – 2015. – №4. – С. 164-169. DOI: 10.21686/2500-3925-2015-4-164-169.
236. Смирнова А.В. Гендерный анализ как инструмент оценки человеческого капитала (на примере демографических процессов) // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 3. – С. 46-53.
237. Соболева С.В., Чудаева О.В. Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. – 2008. – №3. – С. 147-167.
238. Сови А. Общая теория населения. Т. 2. Жизнь населений / перевод с франц. Ф.Р. Окуновой. М.: Прогресс, 1977. – 520 с.
239. Соловьев А.К. Демографические условия повышения пенсионного возраста в России // Народонаселение. – 2015. – №2 (68). – С. 39-51.
240. Соловьев А.К. Экономический механизм регулирования государственных пенсионных обязательств // Экономическая наука современной России. – 2013. – №2 (61). – С. 103-113.
241. Соловьев А.К.: Пенсионный возраст как фактор регулирования дефицита государственной пенсионной системы // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 1(166). С. 117-128.
242. Сони́на Ю.В., Колосни́цына М.Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. – 2015. – № 2. – С. 37-53.

243. Сорокин К.Э. Государственные интересы как обобщение национальных // Полис. – 1995. – № 1. – С. 116-121.
244. Социально-демографическая безопасность территорий муниципального уровня / под ред. А.А. Козицына, А.А. Куклина. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. 194 с.
245. Старость в регионах России. Оценка благополучия старшего поколения на основе открытых статистических данных, 2019 г. – Москва, 2021. Режим доступа: <https://tochno.st/materials/starost-analiticheskiy-otchet#source22>.
246. Старшее поколение как ресурс социально-экономической модернизации России / под науч. ред. Н.М. Римашевской. – М.: Экономическое образование, 2014. – 212 с.
247. Сулова Т.Ф. Социальная активность личности как детерминанта позитивной адаптации и полноценной жизни в пенсионном возрасте // Современная зарубежная психология. – 2017. – Том 6, № 3. – С. 63-70. DOI: 10.17759/jmfp.2017060307.
248. Сюпова М.С., Бондаренко Н.А. Исследование различных аспектов оценки демографической безопасности на территориальном уровне // ВЕСТНИК ТОГУ. – 2017. – №4(47). – С. 267-276.
249. Тагаров Б.Ж. Экономические принципы эйджизма на рынке труда // ЭКО. – 2019. – № 8. – С. 66-82. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019- 8-66-82.
250. Ткаченко А.А. Экономика народонаселения versus экономическая демография // Статистика и экономика. 2017. – №5. – С. 94-104. DOI: 10.21686/2500-3925-2017-5-94-104.
251. Толченова Е.А., Егорова О.В. Роль руководящего состава учреждений здравоохранения в охране здоровья работающих женщин пенсионного возраста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. – 2009. – № 4. – С. 705-706.
252. Трубин В., Николаева Н., Палеева М., Гавдифаттова С. Пожилое население России: проблемы и перспективы. Социальный бюллетень 05, март 2016. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. – 45 с.

253. Трухачёв В.В. Сущность и содержание политических механизмов формирования и реализации национальных интересов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2010. – №2. – С. 17-27.
254. Улумбекова Г.Э. Здоровоохранение России: 2018-2024 гг. Что надо делать? // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. – 2018. – №1. – С. 9-19. DOI: 10.24411/2411-8621-2018-00001.
255. Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России. – 2021. – Вып. 28, №1. – С. 50-54.
256. Фролова Е.А., Маланина В.А. Индекс активного долголетия в регионах Сибири // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, вып. 1. – С. 209-222. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-1-16.
257. Харькова Т.Л., Кваша Е.А., Ревич Б.А. Сравнительная оценка смертности населения в российских и зарубежных мегаполисах // Проблемы прогнозирования. – 2018. – № 6 (171). – С. 150-159.
258. Хорошее здоровье прибавляет жизни к годам. Глобальное резюме для Всемирного дня здоровья 2012 г. – Женева: ВОЗ, 2012. – 28 с.
259. Хоткина З.А. «Нормальный трудовой потенциал» и дискриминация по возрасту // Народонаселение. – 2013. – № 3(61). – С. 27-37.
260. Цейковец Н.В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2016. – №1(29). – С. 129-157.
261. Черешнев В.А. Экология. Иммунитет. Здоровье. – СПб.: СПбГУП, 2016. – 32 с.
262. Черешнев В.А., Васильева (Чистова) Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – Т. 16, № 12. – С. 2206-2223. DOI: 10.24891/ea.16.12.2206.
263. Черкашина Т.Ю. Работа на пенсии: необходимость или возможность? // ЭКО. – 2011. – №4. – С. 101-114.

264. Черных Н.А., Тарасова А.Н., Сырчин А.Е. Предпенсионеры на рынке труда: проблемы занятости и меры поддержки // Экономика региона. – 2020. – Вып. 16, № 4. – С. 1178-1192.
265. Чижова Л.С. Трудовой фактор в макроэкономических прогнозах // Проблемы прогнозирования. – 2008. – №4. – С. 71-81.
266. Чичканов В.П., Васильева (Чистова) Е.В., Тырсин А.Н., Степанов А.Н. Последствия повышения пенсионного возраста для рынка труда регионов России // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2018. – Т. 17. № 6. – С. 1037-1055. DOI: 10.15826/vestnik.2018.17.6.047.
267. Чубарова Т.В., Кислицина О.А. Государственный патернализм в здравоохранении // Экономическая теория государства: новая парадигма патернализма / под ред. А.Я. Рубинштейна, А.Е. Городецкого, Р.С. Гринберга. – СПб.: Алетейя, 2020. – С. 330-387.
268. Шабунова А.А., Нацун Л.Н., Короленко А.В. Укрепление общественного здоровья: баланс ответственности государства и гражданина // Проблемы развития территории. – 2021. – Т. 25. № 4. – С. 7–23. DOI: 10.15838/ptd.2021.4.114.1.
269. Шабунова А.А., Россошанский А.И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. – 2018. – № 3 (95). – С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.1.
270. Шафиркин А.Ф., Штемберг А.С. Влияние социального стресса и психоэмоциональной напряженности на здоровье мужчин трудоспособного возраста в России / // Вестник Российского государственного медицинского университета. – 2013. – № 5-6. – С. 27-34.
271. Шкиперова Г.Т. Экологическая кривая Кузнецца как инструмент исследования регионального развития // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 19(322). – С. 8-16.
272. Шумпетер Й. Теория экономического развития: Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1982. – 445 с.

273. Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2. – С. 57-67.
274. Щербакова Е. Дальнейшее старение населения неизбежно // Демоскоп Weekly. – 2007. – №291-292. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0291/barom02.php>.
275. Щетинина И.В. Увеличение пенсионного возраста: аргументы «за» и «против» // ЭКО. – 2018. – №11(533). – С. 96-115.
276. Экономический рост сопровождается увеличением выбросов в атмосферу загрязняющих веществ // Демоскоп Weekly. – 2004. – № 173-174. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2004/0173/barom01.php>.
277. Юмагузин В.В., Винник М.В. Проблемы качества статистики смертности в России // ЭКО. – 2019. – №10 (544). – С. 54-77. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-10-54-77
278. Ясницкий Л.Н., Думлер А.А., Черепанов Ф.М. Новые возможности применения методов искусственного интеллекта для моделирования появления и развития заболеваний и оптимизации их профилактики и лечения // Терапия. – 2018. – № 1(19). – С. 109-118.
279. 2020 Global Retirement Index An in-depth assessment of welfare in retirement around the world. – Natixis, 2020. – 67 p. Режим доступа: https://investrends.ch/site/assets/files/27652/natixis_gri_2020.pdf.
280. Active Ageing Index (AAI) in non-EU countries and at subnational level: Guidelines / prepared by Varlamova M., under contract with United Nations Economic Commission for Europe (Geneva), co-funded by the European Commission's Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion. – Brussels: UNECE / European Commission, 2018. – 48 p.
281. Active Ageing Index 2014. Analytical Report. United Nations Economic Commission for Europe (UNECE), European Commission (EC). Режим доступа: https://ec.europa.eu/eip/ageing/library/2014-active-ageing-index-aai-analytical-report_en.html

282. Active ageing: a policy framework. – Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2002. – 60 p. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215>.
283. Adams K.B., Leibbrandt S., Moon H. A critical review of the literature on social and leisure activity and wellbeing in later life // *Ageing & Society*. – 2011. – No. 31. – P. 683-712.
284. Ageing Europe – looking at the lives of older people in the EU. Eurostat 2019 report. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. – 162 p.
285. Ageing Populations: The Social Policy Implications. Paris: OECD, 1988. – 92 p.
286. Anderson B.A., Silver B.D. Issues of data quality in assessing mortality trends and levels in the New Independent States // *Premature death in the new independent states* / J. L. Bobadilla, C. A. Costello, & F. Mitcell (Eds.). – Washington, DC: National Academies Press, 1997. – P. 120-155.
287. Arrow K.J. The Theory of Discrimination // *Discrimination in Labor Markets* / Ashenfelter O., Rees A. (eds.). – Princeton University Press, 1973. – P. 3-33.
288. Atchley R.C. A continuity theory of normal aging // *The Gerontologist*. – 1989. – No. 29. – P. 183-190.
289. Atchley R.C. The social forces in later life: An introduction to social gerontology. – Belmont, CA: Wadsworth, 1972. – 341 p.
290. Averting the old age crisis: Policies to protect the old and promote growth. World Bank. Oxford: Oxford University Press, 1994. – 744 p.
291. Axelrad H., Luski I., Miki M. Difficulties of integrating older workers into the labor market: Exploring the Israeli labor market // *International Journal of Social Economics*. – 2016. – No. 40. – P. 1058-1076. DOI: 10.1108/IJSE-12-2011-0098.
292. Baltes M.M. The many faces of dependency in old age. – New York: Cambridge University Press, 1996.
293. Barr N., Diamond P. Reforming pensions: principles, analytical errors and policy directions // *International Social Security Review*. – 2009. – Vol. 62. No 2. – P. 5-29.

294. Barrett R., Kuzawa C.W., McDade T., Armelagos G.J. Emerging and re-emerging infectious diseases: the third epidemiologic transition // *Annual review of anthropology*. – 1998. – No. 27. – P. 247-271.
295. Bass S.A., Caro F.G., Chen Y.P. *Achieving a productive aging society*. – Westport, CT: Auburn House, 1993. – 312 p.
296. Becker G. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. – University of Chicago Press, 2009. – 412 p.
297. Becker G. The Economic Way of Looking at Behavior // *The Journal of Political Economy*. – 1993. – Vol. 101(3). – P. 385-409.
298. Becker G.S. The age of human capital // *Education, globalization & social change / H. Lauder, P. Brown, J. Dillabough, & H. Halsey (Eds.)*. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2002. – P. 292-295.
299. Belgrave L.L., Sayed B.A. Successful/Productive Aging, Responsibility, and Reflection // *The Symbolism of Globalization, Development, and Aging. International Perspectives on Aging / Arxer S., Murphy J. (eds)*. Vol 7. – New York: Springer, 2013. – P. 91-107. DOI: 10.1007/978-1-4614-4508-1_8.
300. Biggs S., Carstensen L., Hogan P. Social capital, lifelong learning and social innovation // *Global Population Ageing: Peril or Promise? World Economic Forum / Beard J.L., Biggs S., Bloom D.E., Fried L.P., Kalache A., Olshansky S.J. (eds)*. – Geneva, 2012. – P. 39-41.
301. *Biotechnology and Healthy Ageing. Policy Implications of New Research*. – Paris: OECD, 2002. – 151 p.
302. Boudiny K. ‘Active ageing’: From empty rhetoric to effective policy tool // *Ageing and Society*. – 2013. – No. 33(6). – P. 1077-1098. DOI: 10.1017/S0144686X1200030X.
303. Boudiny K., Mortelmans D. A critical perspective: Towards a broader understanding of «active ageing» // *Electronic Journal of Applied Psychology*. – 2011. – No. 7. – P. 8-14.
304. Bowling A. Enhancing later life: How older people perceive active ageing? // *Aging & Mental Health*. – 2008. – No. 12(3). – P. 293-301. DOI:10.1080/13607860802120979.

305. Brunow S., Hirte G. Regional Age Structure and Economic Growth: An Econometric Study for German Region // Dresden Discussion Paper Series in Economics. – 2019. – №04/09. – P. 1–32. DOI: 10.2139/ssrn.1406925.
306. Bülow M.H., Söderqvist T. Successful ageing: A historical overview and critical analysis of a successful concept // Journal of Aging Studies. – 2014. – No. 31. – P. 139-149.
307. Casamatta G., Batté L. The Political Economy of Population Aging // Handbook of the Economics of Population Aging. – 2016. – Vol. 1. – P. 381-444. DOI: 10.1016/bs.hespa.2016.07.001.
308. Case K., Hussain A., Marshall R., Summerskill S., Gyi D. Digital human modelling and the ageing workforce // Procedia Manufacturing. – 2015. – No. 3. – P. 3694-3701.
309. Choi S.D. Safety and ergonomic considerations for an aging workforce in the US construction industry // Work. – 2009. – No. 33. – P. 307-315. DOI: 10.3233/WOR-2009-0878.
310. Chu C.Y.C. Age-distribution Dynamics and Aging Indexes // Demography. – 1997. – Vol. 34. – P. 551–563. DOI: 10.2307/3038309.
311. Chung S., Park S. Successful ageing among low-income older people in South Korea // Ageing and Society. – 2008. – No. 28(8). – P. 1061-1074. DOI:10.1017/S0144686X08007393.
312. Cigno A. Self-enforcing family constitutions: implications for saving, fertility and intergenerational transfers // Sharing the Wealth: Demographic Change and Economic Transfers between Generations / A. Mason and G. Tapinos (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2000. – P. 75-98.
313. Clark R.L., Spengler J.J. The Economics of Individual and Population Aging. – Cambridge University Press, 1980. – 212 p. DOI: 10.1017/CBO9780511572074.
314. Cockerham W.C. The social determinants of the decline of life expectancy in Russia and eastern Europe: a lifestyle explanation // Journal of health and social behavior. – 1997. – No.38(2). – P. 117-130.
315. Cockerham W.C., Hinotea B.P., Abbott P. Psychological distress, gender, and health lifestyles in Belarus, Kazakhstan, Russia, and Ukraine // Social Science and Medicine. – 2006. – №63. – P. 2381-2394.

316. Conesa J.C., Kehoe T.J. An introduction to the macroeconomics of aging // *The Journal of the Economics of Ageing*. – 2018. – No. 11. – P. 1-5. DOI: 10.1016/j.jeoa.2018.03.002.
317. Coppola M., Russolillo M., Simone R. On the evolution of the gender gap in life expectancy at normal retirement age for OECD countries // *Genus*. – 2022. – No. 78. DOI: 10.1186/s41118-022-00175-5.
318. Coudin G., Alexopoulos T. Help me! I'm old!' How negative aging stereotypes create dependency in older adults // *Aging and Mental Health*. – 2010. – No. 14. – P. 516-523.
319. Cribb J., Emmerson C. Can't wait to get my pension: the effect of raising the female early retirement age on income, poverty and deprivation // *Journal of Pension Economics and Finance*. – 2018. – P. 1-23. – DOI:10.1017/S1474747218000057.
320. Cribb J., Emmerson C., Tetlow G. Signals matter? Large retirement responses to limited financial incentives // *Labour Economics*. – 2016. – Vol. 42(C). P. 203-212. DOI: 10.1016/j.labeco.2016.09.005.
321. Crimmins E.M., Beltrán-Sánchez H. Mortality and morbidity trends: is there compression of morbidity? // *Journal of Gerontology: Social Sciences*. – 2011. – No. 66B(1). – P. 75-86. DOI: 10.1093/geronb/gbq088.
322. Cumming E., Henry W.E. *Growing old, the process of disengagement*. – New York: Basic Books, 1961. – 293 p.
323. d'Albis H., Collard F. Age groups and the measure of population aging // *Demographic Research*. – 2013. – Vol. 29, article 23. – P. 617-640. DOI: 10.4054/DemRes.2013.29.23.
324. d'Albis H., Moosa D. Generational economics and the national transfer accounts // *Journal of Demographic Economics*. – 2015. – No.81(4). – P. 409–441. DOI: 10.1017/dem.2015.14.
325. Daniele F., Honiden T., Lembcke A.C. Ageing and productivity growth in OECD regions: Combatting the economic impact of ageing through productivity growth? *OECD Regional Development Working Papers 2019/08*. – Paris: OECD Publishing, 2019. – 58 p.

326. de Mello L., Schott S., Tiongson E.R., Winkler H. Greying the budget: ageing and preferences over public policies // IZA Discussion Paper No. 9681. – Bonn: IZA, 2016. – 34 p.
327. Deary I.J., Starr J.M., MacLennan W.J. Is age kinder to the initially more able?: differential ageing of a verbal ability in the Healthy Old People in Edinburgh study // *Intelligence*. – 1998. – No. 26(4). – P. 357-375. DOI:10.1016/s0160-2896(99)00005-7.
328. Demuru E., Egidi V. Adjusting Prospective Old-age Thresholds by Health Status: Empirical Findings and Implications. A Case Study of Italy // *Vienna Yearbook of Population Research*. – 2016. – Vol. 14. – P. 131–154.
329. Depp C.A., Jeste D.V. Definitions and predictors of successful aging: A comprehensive review of larger quantitative studies // *Focus*. – 2009. – No. 7. – P. 137-150.
330. Dillaway H.E., Byrnes M. Reconsidering successful aging: A call for renewed and expanded academic critiques and conceptualizations // *Journal of Applied Gerontology*. – 2009. – No. 28(6). – P. 702-722. DOI: 10.1177/0733464809333882.
331. Dlugosz Z. The Level and Dynamics of Population Ageing Process on the Example of Demographic Situation in Europe // *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*. – 2003. – Iss. 2. – P. 5-15.
332. Egdell V., Maclean G., Raeside R., Chen T. Age Management in the Workplace: Manager and Older Worker Accounts of Policy and Practice // *Ageing and Society*. – 2020. – No. 40(4). – P. 784- 804. DOI: 10.1017/S0144686X 18001307.
333. Emerson J. W., Hsu A., Levy M. A., de Sherbinin A., Mara V., Esty D. C., Jaiteh M. 2012 Environmental Performance Index and Pilot Trend Environmental Performance Index. – New Haven, CT: Yale Center for Environmental Law & Policy, 2012. – 99 p.
334. Ervik R., Lindén T.S. The making of ageing policy: Framing, conceptual ambiguities and national policy developments // *The Making of Ageing Policy: Theory and Practice in Europe* / eds. Ervik R., Lindén T.S. – Cheltenham, Northampton, MA: Edward Elgar, 2013. – 304 p.
335. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. – Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1990. – 248 p.

336. Fehr H., Kallweit M., Kindermann F. Pension Reform with Variable Retirement Age – A Simulation Analysis for Germany // Netspar Discussion Paper. – 2010. – No. 02/2010-013. February 1, 2010. DOI: 10.2139/ssrn.1625789.
337. Feng Q., Yeung W.J.J., Wang Z., Zeng Y. Age of Retirement and Human Capital in an Aging China, 2015–2050 // European Journal of Population. – 2018. – P. 1-34. DOI: 10.1007/s10680-018-9467-3.
338. Fernández-Ballesteros R., Molina M.-A., Schettini R., Santacreu M. The Semantic Network of Aging Well // Annual Review of Gerontology and Geriatrics. – 2013. – No. 33(1). – P. 79-107. DOI: 10.1891/0198-8794.33.79.
339. Formosa M. Four Decades of Universities of the Third Age: Past, Present and Future // Ageing a society. – 2014. – Vol. 34, iss. 1. – P. 42-66.
340. Fritzsche L., Wegge J., Schmauder M., Kliegel M., Schmidt K.H. Good ergonomics and team diversity reduce absenteeism and errors in car manufacturing // Ergonomics. – 2014. – No. 57. – P. 148-161. DOI: 10.1080/00140139.2013.875597.
341. Fuchs V.R. 'Though Much is Taken:' Reflections on Aging, Health, and Medical Care // The Milbank Memorial Fund Quarterly: Health and Society. – 1984. – Vol. 62, no. 2. – P. 142-66.
342. Gergen M.M., Gergen K.J. Positive aging: New images for a new age // Ageing International. – 2001. – No. 27. – P. 3-23. DOI: 10.1007/s12126-001-1013-6.
343. Gilleard C., Higgs P. Cultures of Ageing: Self, Citizen and the Body. 1st ed. – Harlow, UK: Prentice Hall, 2000. – 219 p.
344. Giraudeau C., Bailly N. Intergenerational programs: What can school-age children and older people expect from them? A systematic review // European Journal of Ageing. – 2019. Vol. 16(3). – P. 363-376. DOI: 10.1007/s10433-018-00497-4.
345. Global AgeWatch Index 2015: insight report. – London: HelpAge International, 2015. – 28 p.
346. Goldstein J.R. How Populations Age // International Handbook of Population Aging / Uhlenberg P. (eds.). Dordrecht: Springer, 2009. – pp. 7-17.

347. Goldstein J.R., Wachter K.W. Relationships between period and cohort life expectancy: Gaps and lags // *Population Studies*. – 2006. – Vol. 60(3). – P. 257-269. DOI:10.1080/00324720600895876.
348. Golub S.A., Langer E.J. Challenging assumptions about adult development: implications for the health of older adults // *Handbook of Health Psychology and Aging* / Aldwin C.M., Park C.L. and Spiro A. III (eds.). – New York: The Guildford Press, 2007. – P. 9-29.
349. Gries T., Jungblut S., Krieger T., Meyer H. Economic Retirement Age and Lifelong Learning: A Theoretical Model with Heterogeneous Labor, Biased Technical Change and International Sourcing // *German Economic Review*. – 2019. – No. 20 (2). – P. 129-170. DOI: 10.1111/geer.12140.
350. Grigoriev P., Meslé F., Shkolnikov V.M., Andreev E., Fihel A., Pechholdova M., Vallin J. The Recent Mortality Decline in Russia: Beginning of the Cardiovascular Revolution? // *Population and Development Review*. – 2014. – Vol. 40. – P. 107–129. DOI: 10.1111/j.1728–4457.2014.00652.x.
351. Gruber J., Wise D. An international perspective on policies for an aging society // *Policies for an Aging Society: Confronting the Economic and Political Challenges* / Altman, S., Schactman, D. (Eds.). – Johns Hopkins Press, Baltimore, MD, 2002. – P. 34-62.
352. Gualano M.R., Voglino G., Bert F., Thomas R., Camussi E., Siliquini R. The impact of intergenerational programs on children and older adults: a review // *International Psychogeriatrics*. – 2017. No.30(04). – P. 451-468. DOI:10.1017/s104161021700182x.
353. Havighurst R.J. Successful aging // *Processes of aging* / R.H. Williams, C. Tibbitts, W. Donahue (Eds.). – New York: Atherton Press, 1963. – P. 299-320.
354. Havighurst R.J. Successful aging // *The Gerontologist*. – 1961. – No. 1. – P. 8-13. DOI: 10.1093/geront/1.1.8.
355. Henry C., Golman M. Old age work and income security in middle income countries: Comparing the cases, ILO Working Paper 34. – Geneva: ILO, 2021. – 35 p.

356. Hertel G., Zacher H. Managing the aging workforce // The SAGE handbook of industrial, work & organization psychology / Ones DS, Anderson N, Viswesvaran C, Sinangil HK (eds.). – Sage, Thousand Oaks, CA, 2018. – P. 396-428.
357. Hess T.M., Hinson J.T. Age-related variation in the influences of aging stereotypes on memory in adulthood // Psychology & Aging. – 2006. – No. 21. – P. 621-625. DOI: 10.1037/0882-7974.21.3.621.
358. Hill R.D. Positive aging: A guide for mental health care professionals and consumers. – NY: W.W. Norton, 2005. – 256 p.
359. Holstein M.B., Minkler M. Self, society, and the “new gerontology” // The Gerontologist. – 2003. – No. 43. – P. 787-796.
360. Islam M.N., Nath D.C. Application of Demographic Components for Measuring the Ageing Velocity: An Explanation with Bangladesh Context // Demography India. – 2010. – Vol. 39. – P. 297-313.
361. Ivankina L., Ivanova V. Social well-being of elderly people (based on the survey results) // SHS Web of Conferences. – 2016. – Vol. 28. – P. 01046 (1-5). DOI: 10.1051/shsconf/20162801046.
362. Jackson R., Howe N., Nakashima K. The Global Aging Preparedness Index. – Washington: Center for Strategic and International Studies and Prudential plc, 2010. – 76 p.
363. Jackson R., Howe N., Peter T. The Global Aging Preparedness Index. Second Edition. – Washington: Center for Strategic and International Studies and Prudential plc, 2013. – 72 p.
364. Jdanov D.A., Scholz R. D., Shkolnikov V.M. Official population statistics and the Human Mortality Database estimates of populations aged 80+ in Germany and nine other European countries // Demographic Research. – 2005. – Vol. 13, article 14. – P. 335-362. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2005.13.14>.
365. Kaneda T., Lee M., Pollard K. SCL/PRB Index of Well-Being in Older Populations. Final Report Global Aging and Monitoring Project. Режим доступа: <http://envejecimiento.csic.es/documentos/documentos/prb-indexofwellbeingin-01.pdf>.

366. Karpinska K., Henkens K., Schippers J. Hiring Retirees: Impact of Age Norms and Stereotypes // *Journal of Managerial Psychology*. – 2013. – Vol. 28 (7/8). – P. 886-906. DOI: 10.1108/JMP-07–2013–0223.
367. Katz S., Calasanti T. Critical perspectives on successful aging: Does it «appeal more than it illuminates»? // *The Gerontologist*. – 2015. – Vol. 55. No. 1. – P. 26- 33.
368. Kelley A. C., Schmidt R. M. Evolution of recent economic-demographic modeling: A synthesis // *Journal of Population Economics*. – 2005. – Vol. 18. No. 2. – P. 275-300. DOI: 10.1007/s00148-005-0222-9.
369. Kelly P. Integration and participation of older persons in development // UN Department of Economic and Social Affairs. Режим доступа: https://www.un.org/esa/socdev/documents/ageing/Integration_participation.pdf.
370. Kii T. A New Index for Measuring Demographic Aging // *The Gerontologist*. – 1982. – Vol. 22. – P. 438-442. DOI: 10.1093/geront/22.4.438.
371. Klein R.M., Dilchert S., Ones D.S., Dages K.D. Cognitive predictors and age-based adverse impact among business executives // *Journal of Applied Psychology*. – 2015. – No.100(5). – P. 1497-1510. DOI:10.1037/a0038991.
372. Klimczuk A. Diversity of Ageing Policy Concepts // *Economic Foundations for Creative Ageing Policy*. – 2017. Vol. II. – P. 55-102. DOI: 10.1057/978-1-137-53523-8_4
373. Klimczuk A. Polityka publiczna wobec starzenia się ludności. Przegląd pojęć i podejść teoretycznych [Public Policy on Ageing: A Review of the Concepts and Theoretical Approaches] // *MPRA*. – 2018. No. 4(20). – Paper 103623. P. 67-94.
374. Kohli M. The world we forgot: a historical review of the life course // *Later Life: The social psychology of aging* / V.W. Marshall (Ed.). – Beverly Hills: Sage, 1986. – P. 271- 303.
375. Koopman-Boyden P.G., Macdonald L. Ageing, work performance and managing ageing academics // *Journal of Higher Education Policy and Management*. – 2003. – No. 25. – P. 29-40.
376. Korovkin A.G., Dolgova I.N., Korolev I.B. Labor shortage in the Russian economy: A macroeconomic estimate // *Studies on Russian Economic Development*. – 2006. – Vol. 17, No 4. – P. 365-376. DOI: 10.1134/S1075700706040022.

377. Lain D., Airey L., Loretto W., Vickerstaff S. Understanding Older Worker Precarity: the Intersecting Domains of Jobs, Households and the Welfare State // *Ageing and Society*. – 2019. – Issue 39. – P. 2219-2241. DOI: 10.1017/S0144686X18 001253.
378. Lamb S. *Successful Aging as a Contemporary Obsession: Global Perspectives*. – New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 2017. – 256 p.
379. Lee P.-L., Lan W., Yen T.-W. Aging Successfully: A Four-Factor Model // *Educational Gerontology*. – 2011. – No. 37(3). P. 210-227.
380. Lee R. Macroeconomics, Aging, and Growth // *Handbook of the Economics of Population Aging* – 2016. – Vol. 1A. – P. 59-118. DOI: 10.1016/bs.hespa.2016.05.002.
381. Lee R., Mason A. *Population Aging and the Generational Economy: A Global Perspective*. – Cheltenham, UK: Edward Elgar, and Ottawa: International Development Research Centre, 2011. – 598 p.
382. Lee R.D. Macroeconomics, Aging and Growth // *NBER Working Paper*. – 2016. – No. w22310. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=2790707>.
383. Lesthaeghe R. The second demographic transition: a concise overview of its development // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. – 2014. – Vol. 111, no. 51. – P. 18112-5. DOI: 10.1073/pnas.1420441111.
384. Lesthaeghe R. The unfolding story of the second demographic transition // *Population and development review*. – 2010. – Vol. 36, no.2. – P. 211-51. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x.
385. Levy B. Mind matters: cognitive and physical effects of aging self-stereotypes // *The Journals of Gerontology*. – 2003. – No. 58B. – P. 203-211. DOI: 10.1093/geronb/58.4.P203.
386. Levy B., Ferrucci L., Zonderman A.B., Slade M.D., Troncoso J., Resnick S.M. A culture-brain link: negative age stereotypes predict Alzheimer's disease biomarkers // *Psychology & Aging*. – 2016. – No. 31. – P. 82-88. DOI: 10.1037/pag0000062.
387. Liang J., Luo B. Toward a Discourse Shift in Social Gerontology: From Successful Aging to Harmonious Aging // *Journal of Aging Studies*. – 2012. – No. 26(3). – P. 327-334. DOI: 10.1016/j.jaging.2012.03.001.

388. Liu G. Measuring the Stock of Human Capital for Comparative Analysis: An Application of the Lifetime Income Approach to Selected Countries. Statistics directorate working paper no. 41. – Paris: OECD, 2011. – 50 p.
389. Live longer, Work longer // OECD. Режим доступа: <https://www.oecd.org/employment/livelongerworklonger.htm>.
390. Lössbroek J., Lancee B., Van Der Lippe T., Schippers J. Understanding Old-Age Adaptation Policies in Europe: the Influence of Profit, Principles and Pressures // Ageing & Society. – 2019. – No 39 (5). – P. 924-950. DOI: 10.1017/S0144686X17001295.
391. Luo L., Qin ZH. Autophagy, Aging, and Longevity // Autophagy: Biology and Diseases. Advances in Experimental Medicine and Biology / Qin ZH. (eds). Vol. 1206. – Springer, Singapore, 2019. – P. 509-525. DOI: 10.1007/978-981-15-0602-4_24.
392. Lutz W., Sanderson W., Scherbov S. The coming acceleration of global population ageing // Nature. – 2008. – Vol. 451(7179). – P. 716-719. DOI:10.1038/nature06516.
393. Lynott R.J., Lynott P.P. Tracing the course of theoretical development in the sociology of aging // Gerontologist. – 1996. – No. 36(6). – P. 749-760.
394. Maertens J.A., Putter S.E., Chen P.Y., Diehl M., Huang Y.-H. Physical capabilities and occupational health of older workers // The Oxford Handbook of Work and Aging / J.W. Hedge, W.C. Borman (Eds.). New York: Oxford University Press, – 2012. – P. 215-235.
395. Maintaining Prosperity in an Ageing Society. – Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1998. – 142 p.
396. Malkinson R., Bar-Tur L. REBT with Ageing Populations // REBT with Diverse Client Problems and Populations / Dryden W., Bernard M. (eds.). – Springer, Cham, 2019. – P. 341-358. DOI: 10.1007/978-3-030-02723-0_17.
397. Marina L., Ionas L. Active ageing and successful ageing as explicative models of positive evolutions to elderly people // Scientific Annals of the “Alexandru Ioan Cuza” University - Sociology and Social Work Section. – 2012. – No. 05(1). – P. 79-91.
398. Martins T., Midao L., Martínez Veiga S., Dequech L., Busse G., Bertram M., McDonald A., Gilliland G., Orte C., Vives M., Costa E. Intergenerational Programs Review: Study Design and Characteristics of Intervention, Outcomes, and Effectiveness

- // Journal of Intergenerational Relationships. – 2019. – No.17. – P. 93-109. DOI: 10.1080/15350770.2018.1500333
399. Martinson M., Berridge C. Successful Aging and Its Discontents: A Systematic Review of the Social Gerontology Literature // The Gerontologist. – 2015. – No. 55(1). – P. 58-69. DOI: 10.1093 /geront/gnu037.
400. Martinson M., Halpern J. Ethical implications of the promotion of elder volunteerism: A critical perspective // Journal of Aging Studies. – 2011. – No. 25(4). – P. 427-435. DOI: 10.1016/j.jaging.2011.04.003.
401. Mayhew L. Active ageing in the UK-issues, barriers, policy directions // Innovation: The European Journal of Social Science Research. – 2005. – No. 18(4). – P. 455-477. DOI: 10.1080/13511610500384202.
402. McCashin, A. Social Insurance and Path Dependence: ‘A Long Hello to Beveridge’ // Continuity and Change in the Welfare State. – Palgrave Macmillan, Cham, 2019. – P. 183-192. DOI: 10.1007/978-3-319-96779-0_7.
403. Mcguigan J. The Neoliberal Self // Culture Unbound Journal of Current Cultural Research. – 2014. – No. 6(1). – P. 223-240. DOI: 10.3384/cu.2000.1525.146223.
404. Miller C. Demographics and spending for public education: a test of interest group influence // Economics of Education Review. – 1996. – Vol. 15(2). – P. 175-185.
405. Mincer J. Schooling, Experience, and Earnings. – NBER, 1974. – 154 p.
406. Moody H.R. From successful aging to conscious aging // Successful aging through the lifespan: Intergenerational issues in health / M.L. Wykle, P.J. Whitehouse, D.L. Morris (Eds.). – New York: Springer, 2005. – P. 55-68.
407. Morrow-Howell N., Wang Y. Productive engagement of older adults: Elements of a cross-cultural research agenda // Ageing International. – 2013. – No. 38(2). – P. 159-170. DOI: 10.1007/s12126-012-9165-0.
408. Muller A., De Lange A., Weigl M., Van der Heijden B., Ackermans J., Wilkenloh J. Task Performance Among Employees Above Age 65: The Role of Cognitive Functioning and Job Demand-Control // Work, Aging and Retirement. – 2015. No.1(3). – P. 296-308. DOI: 10.1093/workar/wav001.

409. Nagarajan N., Wada M., Fang M., Sixsmith A. Defining organizational contributions to sustaining an ageing workforce: a bibliometric review // *European Journal of Ageing*. – 2019. – No. 16. – P. 337-361. DOI: 10.1007/s10433-019-00499-w.
410. Nath D.C., Islam M.N. New Indices. An Application of Measuring the Aging Process of Some Asian Countries with Special Reference to Bangladesh // *Population Ageing*. – 2009. – Vol. 2. – P. 23-39. DOI:10.1007/s12062-009-9016-2.
411. National Transfer Accounts Manual: Measuring and Analysing the Generational Economy. – New York: United Nations, 2013. – 225 p. DOI: 10.18356/42d43461-en.
412. Neugarten B.L. Age Groups in American Society and the Rise of the Young-Old // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1974. Vol. 415(1). – P. 187-198. DOI: 10.1177/000271627441500114.
413. Neysmith S., Edwardh J. Ideological underpinnings of the world assembly on aging // *Canadian Journal on Aging* - 1983. No. 2(3). – P. 125-136. DOI: 10.1017/S0714980800006991.
414. Ng T.W.H., Feldman D.C. Evaluating six common stereotypes about older workers with meta-analytical data // *Personnel Psychology*. – 2012. – No. 65. – P.821-858. DOI: 10.1111/peps.12003.
415. Ng T.W.H., Feldman D.C. The relationship of age to ten dimensions of job performance // *Journal of Applied Psychology*. – 2008. – No. 93(2). – P. 392-423. DOI: 10.1037/0021-9010.93.2.392.
416. Nilsson K. Conceptualisation of ageing in relation to factors of importance for extending working life – a review // *Scandinavian Journal of Public Health*. – 2016. – No. 44(5). – P. 490-505. DOI: 10.1177/1403494816636265.
417. Nizamova A. Normativity and the Aging Self: “Active Longevity” Media Discourse in Contemporary Russia // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. – 2020. – Vol. 12 No. 2. – P. 45-67. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-45-67.
418. Olshansky S.J., Carnes B., Rogers R.G., Smith L. Infectious diseases - new and ancient threats to world health // *Population bulletin*. – 1997. Vol. 52, no. 2. – P. 1-52.
419. Omran A.R. The epidemiologic transition theory revisited thirty years later // *World Health Statistics Quarterly*. – 1998. – No. 51(2-4). – P. 99-119.

420. Omran A.R. The epidemiologic transition: a theory of the epidemiology of population change // *The Milbank Memorial Fund Quarterly*. 1971. Vol. 49, no. 4, part 1. P. 509-538.
421. Onedera J.D., Stickle F. Healthy Aging in Later Life // *The Family Journal*. – 2008. – No.16. – P. 73-77. DOI: 10.1177/1066480707309610.
422. Ouwehand C., de Ridder D.T., Bensing J.M. A review of successful aging models: proposing proactive coping as an important additional strategy // *Clinical psychology review*. – 2007. – No. 27(8). – P. 873-884. DOI: 10.1016/j.cpr.2006.11.003.
423. Pak R., Price M.M., Thatcher J. Age-sensitive design of online health information: comparative usability study // *Journal of Medical Internet Research*. – 2009. – No. 11(4). – P. e45. DOI: 10.2196/jmir.1220.
424. Palmore E. Predictors of Successful Aging // *The Gerontologist*. – 1979. – No. 19, 5 Pt. 1. – P. 427-431. DOI: 10.1093/geront/19.5_part_1.427
425. Paroli R., Consonni G., Rosina A. The Measure of Population Aging in Different Welfare Regimes: A Bayesian Dynamic Modeling Approach // *European Journal of Population*. – 2019. – Vol. 36(373). DOI: 10.1007/s10680-019-09531-2.
426. Paúl C., Ribeiro O., Teixeira L. Active Ageing: An Empirical Approach to the WHO Model // *Current gerontology and geriatrics research*. – 2012. – Vol. 2012, Article ID 382972. DOI: 10.1155/2012/382972.
427. Penev G. Population and households in FR Yugoslavia according to census in 1991. – Belgrade: Center of Demographic Research, University of Belgrade, 1995.
428. Penev G. Population of FR Yugoslavia by Age and Sex // *Yugoslav Survey*. – 1994. – № 35(2). – P. 3-30.
429. Pham T.N., Vo D.H. Aging Population and Economic Growth in Developing Countries: A Quantile Regression Approach // *Emerging Markets Finance and Trade*. – 2019. DOI: 10.1080/1540496X.2019.1698418.
430. Phillipson C. The Political Economy of Longevity: Developing New Forms of Solidarity for Later Life // *The Sociological Quarterly*. – 2015. – Vol. 56. – P. 80-100. DOI: 10.1111/tsq.12082.

431. Piszczek M.M., Pimputkar A.S. Flexible schedules across working lives: Age-specific effects on well-being and work // *Journal of Applied Psychology*. – 2020. DOI: 10.1037/apl0000844.
432. Polivka L. Neoliberalism and Postmodern Cultures of Aging // *Journal of Applied Gerontology*. – 2011. – No. 30(2). – P. 173-184. DOI: 10.1177/0733464810385919.
433. Prettner K. Population aging and endogenous economic growth // *Journal of Population Economics*. – 2013. – Vol. 26(2). – P. 811-834. DOI: 10.1007/s00148-012-0441-9.
434. Price K.A., Tinker A.M. Creativity in later life // *Maturitas*. – 2014. – No. 78(4). – P. 281-286. DOI: 10.1016/j.maturitas.2014.05.025.
435. Project: 'Active Ageing Index (AAI)' Active Ageing Index 2012 Concept, Methodology and Final Results. Режим доступа: [https://www.researchgate.net/publication/256008735 Project 'Active Ageing Index AAI' Active Ageing Index 2012 Concept Methodology and Final Results](https://www.researchgate.net/publication/256008735_Project_'Active_Ageing_Index_AAI'_Active_Ageing_Index_2012_Concept_Methodology_and_Final_Results)
436. Ranzijn R. Active ageing – another way to oppress marginalized and disadvantaged elders? Aboriginal elders as a case study // *Journal of Health Psychology*. – 2010. – No. 15(5). – P. 716-723.
437. Rast P. Verbal knowledge, working memory, and processing speed as predictors of verbal knowledge in older adults // *Developmental Psychology*. – 2011. – No. 47. – P. 1490-1498.
438. Reday-Mulvey G. Working beyond 60: key policies and practices in Europe. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 220 p.
439. Rocha R. Aging, productivity and wages: Is an aging workforce a burden to firms? // *Espacios*. – 2017. – No. 38. – P. 21-33.
440. Rothermund K. Effects of age stereotypes on self-views and adaptation // *The Adaptive Self. Personal Continuity and Intentional Self-development* / Greve W., Rothermund K., Wentura D. (eds.). – Göttingen, Germany: Hogrefe, 2005. – P. 223-242.
441. Rowe J. W., Kahn R.L. Successful aging // *The Gerontologist*. – 1997. – No. 37(4). – P. 433-440. DOI: 10.1093/geront/37.4.433.

442. Rowland D.T. Population Aging: The Transformation of Societies. – Dordrecht, New York: Springer, 2012. – 185 p.
443. Rubinstein R.L., de Medeiros K. "Successful aging," gerontological theory and neoliberalism: a qualitative critique // *The Gerontologist*. – 2015. – No. 55(1). – P.34-42. DOI: 10.1093/geront /gnu080.
444. Ryder N.B. Notes on Stationary Populations // *Population Index*. 1975. – Vol. 41, No. 1. – P. 3-28. DOI: 10.2307/2734140.
445. Salthouse T. Consequences of age-related cognitive declines // *Annual Review of Psychology*. – 2012. – Vol. 63. – P. 201-226. DOI: 10.1146/annurev-psych-120710-100328.
446. Samuelson P.A. An Exact Consumption-Loan Model of Interest with or without the Social Contrivance of Money // *Journal of Political Economy*. – 1958. – No. 66(6). – P. 467-482. DOI:10.1086/258100
447. Sanderson W., Scherbov S. Average Remaining Lifetimes Can Increase as Human Populations Age // *Nature*, – 2005. – Vol. 435(7043). – P. 811-813.
448. Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age // *Nature*. – 2005. – Vol. 435., No. 7043. – P. 811–813. DOI: 10.1038/nature03593.
449. Sanderson W., Scherbov S. New Approaches to the Conceptualization and Measurement of Age and Ageing // *Developments in Demographic Forecasting / S. Mazzuco, N. Keilman (eds.)*. Springer, 2020. – P. 243-258. DOI:10.1007/978-3-030-42472-5_12.
450. Sanderson W., Scherbov S. Rethinking Age and Aging // *Population Bulletin*. – 2008. – Vol. 63, no. 4. – 20 p.
451. Sanderson W.C., Scherbov S. A new perspective on population aging // *Demographic Research*. – 2007. – Vol. 16., Article 2. – P. 27-58. DOI: 10.4054/DemRes.2007.16.2.
452. Sanderson W.C., Scherbov S. Faster Increases in Human Life Expectancy Could Lead to Slower Population Aging // *PLoS ONE*. – 2015. – Vol. 10(4), e0121922. DOI: 10.1371/journal.pone.0121922.

453. Sanderson W.C., Scherbov S. Remeasuring Aging // *Science*. – 2010. – Vol. 329(5997). P. 1287-1288. DOI: 10.1126/science.1193647.
454. Sanderson W.C., Scherbov S. Remeasuring aging // *Science*. – 2010. – Vol. 329(5997). – P.1287-1288. DOI: 10.1126/science.1193647.
455. Sauvy A. Social and economic consequences of the ageing of Western European populations // *Population Studies*. – 1948. – No. 2(1). – P. 115-124. DOI: 10.1080/00324728.1948.1041634.
456. Schulte P.A., Grosch J., Scholl J.C., Tamers S.L. Framework for Considering Productive Aging // *Journal of Occupational and Environmental Medicine*. – 2018. – No. 5. – P. 60-65. DOI: 10.1097/JOM.0000000000001295.
457. Shkolnikov V.M., Andreev E.M., McKee M., Leon D.A. Components and possible determinants of the decrease in Russian mortality in 2004-2010 // *Demographic Research*. – 2013. – Vol. 28, article 32. – P. 917-950. DOI: 10.4054/DemRes.2013.28.32.
458. Shoven J.B. New Age Thinking: Alternative Ways of Measuring Age, Their Relationship to Labor Force Participation, Government Policies and GDP // *Research Findings in the Economics of Aging* / Ed. by Wise D.A. – National Bureau of Economic Research, 2010. – P. 17-31.
459. Sidorenko A., Zaidi A. Active ageing in CIS countries: semantics, challenges, and responses // *Current Gerontology and Geriatrics Research*. – 2013. – Vol. 2013. – Article ID 261819. DOI: 10.1155/2013/261819.
460. Silver M. The Unbearable Lightness of Being Retired // *Canadian Journal on Aging*. – 2019. – No. 38(1). – P. 21-34. DOI: 10.1017/S0714980818000466.
461. Skirbekk V. Age and Productivity Capacity: Descriptions, Causes and Policy Options // *Ageing Horizons*. – 2008. – No. 8. P. 4-12.
462. Social security programs and retirement around the world : the relationship to youth employment / edited by Jonathan Gruber and David A. Wise. – Chicago: The University of Chicago Press, 2010. – 384 p.
463. Solov'ev A.K. Long-term forecasting of the development of Russia's pension system: Factors and conditions // *Studies on Russian Economic Development*. – 2012. – Vol. 23, iss.3. – P. 271-281.

464. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economic. 1956. – No. 70(1). – P. 65-94. DOI: 10.2307/1884513.
465. Staubli S., Zweimüller J. Does raising the early retirement age increase employment of older workers? // Journal of Public Economics. – 2013. – Vol. 108. – P. 17-32. DOI: 10.1016/j.jpubeco.2013.09.003.
466. Stauvermann P., Hu J. What can China Expect from an Increase of the Mandatory Retirement Age? // Annals of Economics and Finance. – 2018. – Vol. 19. Issue 1. P. 229-246.
467. Strawbridge W.J., Wallhagen M.I., Cohen R.D. Successful Aging and Well-Being: self-rated compared with Rowe and Kahn // The Gerontologist. – 2002. – No. 42(6). – P. 727-733. DOI: 10.1093/geront/42.6.727.
468. Taj Uddin M., Islam M., Kabir A., Nath D. A New Index for Measuring Aging Inequality: An Application to Asian Countries // Health. – 2012. Vol. 4. – P. 685-694. DOI: 10.4236/health.2012.429108.
469. Tams S., Grover V., Thatcher J. Modern information technology in an old workforce: toward a strategic research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. – 2014. – No. 23 (2). – P. 284-304. DOI: 10.1016/j.jsis.2014.10.001.
470. Terai K., Glazer A., Miyazato N. The Political Economy of Population Aging. Japan and the United States. – Springer Singapore, 2021. – 104 p. DOI: 10.1007/978-981-16-5536-4.
471. Thatcher A.R., Kannisto V., Andreev K. The survivor ratio method for estimating numbers at high ages // Demographic Research. 2002. – Vol. 6(1). – P. 1-16.
472. The demographic future of Europe – from challenge to opportunity. – Luxembourg: European Commission, 2006. – 17 p.
473. The diversity of changing population age structures in the world. United Nations Expert Group Meeting on Social and Economic Implications of Changes in Population Age Structure. UN/POP/PD/2005/1. Population Division. 2005. – pp. 14-18. Режим доступа: <https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/ageing/egm-mex-popdiv.pdf>.

474. The Research Programme on the Four Pillars // Geneva Association. Режим доступа: <https://www.genevaassociation.org/research-topics/global-ageing/four-pillars-project-25-years>.
475. Timonin S., Danilova I., Andreev E., Shkolnikov V.M. Recent mortality trend reversal in Russia: are regions following the same tempo? // *European Journal of Population*. – 2017. – Vol. 33. – P. 733-763. DOI: 10.1007/s10680-017-9451-3.
476. Townsend J., Godfrey M., Denby T. Heroines, villains and victims: older people's perceptions of others // *Ageing & Society*. – 2006. – No. 26(6). – P. 883- 900.
477. Tyrowicz J., Makarski K., Bielecki M. Reforming retirement age in DB and DC pension systems in an aging OLG economy with heterogenous agents // *IZA Journal of Labor Policy*. – 2016. – No. 5. DOI: 10.1186/s40173-016-0067-8.
478. van de Kaa D. J. The idea of a second demographic transition in industrialized countries // *Birth*. – 2002. – Vol. 35. – P. 45.
479. van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // *Population bulletin*. – 1987. – No. 42(1). – P. 1-59.
480. van Ours J.C., Stoeldraijer L. Age, Wage and Productivity in Dutch Manufacturing // *De Economist*. – 2011. – No. 159. – P. 113-137. DOI: 10.1007/s10645-011-9159-4.
481. Varlamova M., Ermolina A., Sinyavskaya O. Active Ageing Index as an evidence base for developing a comprehensive active ageing policy in Russia // *Journal of Population Ageing*. – 2017. – Vol. 10, no. 1 (special volume). – P. 41–71.
482. Venn S., Arber S. Day-time Sleep and Active Ageing in Later Life // *Ageing Society*. – 2011. – № 3. – P. 197-216. DOI: 10.1017/S0144686X10000954.
483. Walker A. Active ageing in employment: its meaning and potential // *Asia-Pacific Review*. – 2006. – Vol. 13. No. 1. – P. 78-93.
484. Walker A. Commentary: The emergence and application of active aging in Europe // *Journal of Aging and Social Policy*. – 2009. – Vol. 21, no. 1. – P. 75-93.
485. Walker A. Population Ageing from a Global and Theoretical Perspective: European Lessons on Active Ageing // *Age-Friendly Cities and Communities in International Comparison. International Perspectives on Aging / Moulaert T., Garon S. (eds)*. – Springer, Cham, 2016. – P. 47-64. DOI: 10.1007/978-3-319-24031-2_4.

486. Walker A., Maltby T. Active ageing: a strategic policy solution to demographic ageing in the European Union // *International Journal of Social Welfare*. – 2012. – Vol. 21(s1). – P. 117-130. DOI: 10.1111/j.1468-2397.2012.00871.x.
487. Walker A., Zaidi A. New Evidence on Active Ageing in Europe // *Intereconomics*. – 2016. – No. 51(3). – P. 139-144. DOI: 10.1007/s10272-016-0592-0.
488. Wells-Lepley M., Swanberg J., Williams L., Nakai Y., Grosch, J. W. The Voices of Kentucky Employers: Benefits, Challenges, and Promising Practices for an Aging Workforce // *Journal of Intergenerational Relationships*. – 2013. – No. 11(3). – P. 255–271. DOI: 10.1080/15350770.2013.810065.
489. Wiles J. L., Wild K., Kerse N., Allen R. Resilience from the point of view of older people: 'There's still life beyond a funny knee' // *Social science & medicine*. – 2012. – No. 74(3). – P. 416-424. DOI: 10.1016/j.socscimed.2011.11.005.
490. World Population Ageing 2017 (ST/ESA/SER.A/408). – New York: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division, 2017. – 124 p.
491. Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M.M., Lelkes O., Marin B., Rodrigues R., Schmidt A., Vanhuysse P., Zolyomi E. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. – Vienna: European Centre, 2013. Режим доступа: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf.
492. Zaidi A., Gasior K., Zolyomi E., Schmidt A., Rodrigues R., Marin B. Measuring active and healthy ageing in Europe // *Journal of European Social Policy*. – 2017. – No. 27(2). – P. 138–157. DOI: 10.1177/0958928716676550.
493. Zaidi A., Stanton D. Active Ageing Index 2014: Analytical Report. – Brussels, UNECE/ European Commission, 2015. – 50 p.
494. Zasimova L., Sheluntcova M. Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia, basic research program: working paper, series: public administration, WP BRP 11/PA/2014. – Moscow: HSE, 2014. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2014/01/27/1326230041/11PA2014.pdf>.
495. Zimmer J.C., Tams S., Craig K., Thatcher J., Pak R. The role of user age in task performance: examining curvilinear and interaction effects of user age, expertise, and

interface design on mistake making // Journal of Business Economics. – 2015. – No. 85. – P. 323-348. DOI: 10.1007/s11573-015-0762-8.

496. Пенев Г. Становништво по старости и полу // Становништво и домаћинства СР Југославије према Попису 1991 / Уредник С. Радовановић. – Београд: Савезни завод за статистику и Центар за демографска истраживања ИДН, 1995. Р. 155-178.

Справочно-статистические материалы

497. Демографические показатели. Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877#>.

498. Демографический энциклопедический словарь/ гл. ред. Д. И. Валентей. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 608 с. Режим доступа: https://www.econ.msu.ru/departments/cps/shibi/News.20170611132647_3198/?ysclid=14nqg51rr3846463870.

499. Демографический энциклопедический словарь/ гл. ред. Д. И. Валентей. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 608 с.

500. Демография. Суммарный коэффициент рождаемости // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

501. Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13265>.

502. Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html.

503. Комплексное наблюдение условий жизни населения // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html.

504. Медико-демографические показатели Российской Федерации в 2017 году: Стат. справочник/ Минздрав России. – М., 2018. – 264 с.

505. Обследование рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766.

506. Охват граждан профилактическими медицинскими осмотрами // ЕМИСС Государственная статистика. Режим доступа: www.fedstat.ru/indicator/59511.

507. Предположительная численность населения Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285>.

508. Прохоров Б.Б. Экология человека. Терминологический словарь. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 476 с.

509. Рабочая сила, занятость и безработица в России - 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B20_61/Main.htm.

510. Рабочая сила, занятость и безработица в России // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1139918584312.

511. Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

512. Рождаемость // Демографический ежегодник России 2021. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/B21_16/Main.htm.

513. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.crc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

514. Сидоренко А.В. Мадридский международный план действий по проблемам старения: адаптация к стареющему обществу // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2019. Вып. 17: Социальное обслуживание

граждан пожилого возраста и инвалидов трудоспособного возраста. – Санкт-Петербург: СПб ГБУ Городской информационно-методический центр Семья, 2019. – С. 33-44.

515. Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>.

516. Хохлов А. Н. Старение // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). Режим доступа: <https://bigenc.ru/biology/text/4163213>.

517. Число родившихся живыми по возрасту матери и очередности рождения в Российской Федерации в 2021 году // Естественное движение населения Российской Федерации - 2021 г. Режим доступа: https://gks.ru/bgd/regl/b21_106/Main.htm.

518. Энциклопедический словарь медицинских терминов / гл. ред. В. И. Покровский. – 2 изд. – М.: Медицина, 2001. – 960 с.

519. Эченике В.Х. Долголетие // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017). Режим доступа: <https://bigenc.ru/economics/text/1963849>.

520. Cruz-Martinez G., Cerev, G. Global AgeWatch Index and Insights // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging. – 2019. – P. 1-6. DOI:10.1007/978-3-319-69892-2_229-1.

521. Ermisch J. Family Economics // The New Palgrave Dictionary of Economics / Macmillan Publishers Ltd (eds). – Palgrave Macmillan, London, 2018. DOI: 10.1057/978-1-349-95189-5_2149.

522. Ferguson S.J. Positive Aging // Encyclopedia of Behavioral Medicine / Gellman M.D. (eds). – Springer, Cham, 2020. – P. 1711-1713. DOI: 10.1007/978-3-030-39903-0_101976.

523. Life expectancy at 65 // OECD. Data. Режим доступа: <https://data.oecd.org/healthstat/life-expectancy-at-65.htm>.

524. McCallum J., Mathers C. Compression of Morbidity // International Encyclopedia of Public Health. – 2017. – Vol. 2. – P. 134-141. DOI: 10.1016/b978-0-12-803678-5.00088-6.

525. Resnick B. Successful Aging // Encyclopedia of Behavioral Medicine / Gellman M.D., Turner J.R. (eds). – New York: Springer, 2013. – P. 1628-1932. DOI: 10.1007/978-1-4419-1005-9_218.
526. Retirement Ages in Member States // Finnish Centre for Pensions. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20150924002828/http://www.etk.fi/fi/service/retirement_ages/1601/retirement_ages.
527. Shen K. Optimal Aging // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Gu D., Dupre M. (eds). – Springer, Cham, 2020. DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_475-1.
528. Soares C., Jesuino J. Madrid International Plan of Action on Ageing // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Gu D., Dupre M. (eds). – Springer, Cham, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_237-1.
529. Vikram K., Visaria A. Second Demographic Transition // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Gu D., Dupre M.E. (eds). – Springer, Cham, 2021. DOI: 10.1007/978-3-030-22009-9_663.

Электронные ресурсы

530. ... о приписках в медицине // Демоскоп Weekly. – 2015. – №667-668. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0667/gazeta013.php>.
531. Бесконечные реформы подрывают доверие к пенсионной системе // Научно-образовательный портал IQ.HSE. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177667684.html>.
532. В Минстрое России рассмотрели дополнительные возможности переселения жителей Крайнего Севера // Минстрой России. Режим доступа: <https://www.minstroyrf.gov.ru/press/v-minstroe-rossii-rassmotreli-dopolnitelnye-vozmozhnosti-pereseleniya-zhiteley-kraynego-severa/>.
533. Горовцова М. Новая пенсионная формула: плюсы и подводные камни // Гарант.ру. Режим доступа: <https://www.garant.ru/article/509573/>.
534. Доклад Минздравсоцразвития. Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации с учетом

- влияния мирового финансового кризиса. Режим доступа: <http://pensionreform.ru/607959>.
535. Мальцева Е. Слабое здоровье мешает пенсионерам работать // Научно-образовательный портал IQ. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177667217.html>.
536. Особенности трудовой занятости российских пенсионеров // Центр изучения пенсионной реформы. Режим доступа: <http://rospens.ru/research/analytics/osobennosti-trudovoy-zanyatosti-rossiyskikh-pensionerov.htm>.
537. Пенсионный калькулятор // Пенсионный фонд Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.pfrf.ru/eservices/calc/>.
538. Приезжие женщины рожают больше местных // Научно-образовательный портал IQ.HSE.RU. Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177663763.html>.
539. Проект основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов // Министерство финансов Российской Федерации. Режим доступа: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=123006#_4.3.
540. Результаты опросов общественного мнения по пенсионной тематике // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Режим доступа: <https://rosmintrud.ru/pensions/razvitie/199>.
541. Рейтинг регионов по привлекательности рынка труда для пенсионеров // РИА Рейтинг. Режим доступа: <https://riarating.ru/regions/20181120/630111648.html>.
542. Соотношение работающих и пенсионеров в России к 2030 году достигнет 3:1 // ТАСС. Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/5404140>.
543. Татьяна Голикова провела заседание Совета по вопросам попечительства в социальной сфере // Правительство России. Режим доступа: <http://government.ru/news/33334/>.
544. Фролова Е.Б. Индекс активного долголетия (Active Ageing Index) // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/2020/04-01/Hsusyebg/prez-1802.pdf>.

545. About ACTIVAGE // ACTIVAGE project. Режим доступа: <http://activageproject.eu>.
546. About InnovAge // InnovAge. Режим доступа: <https://www.innovage.com>.
547. About the project // МОРАСТ. Режим доступа: <https://mopact.group.shef.ac.uk>.
548. Active ageing // European Commission. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1062&langId=en>.
549. Active Ageing Strategy 2016-2021 // Mae Murray Foundation. Режим доступа: <https://www.maemurrayfoundation.org/wp-content/uploads/2016/05/OFMDFM-Active-Ageing-Strategy-2016-21.pdf>.
550. Active Aging: A Shift in the Paradigm // ASPE. Режим доступа: <https://aspe.hhs.gov/reports/active-aging-shift-paradigm>.
551. Bersin J., Chamorro-Premuzic T. The Case for Hiring Older Workers // Harvard Business Review. Режим доступа: <https://hbr.org/2019/09/the-case-for-hiring-older-workers>.
552. Constitution // World Health Organization. Режим доступа: <https://www.who.int/about/governance/constitution>.
553. Council conclusions on active ageing. 3019th Employment, Social Policy, Health and Consumer Affairs Council meeting, Luxembourg, June 7, 2010. European Council // World Health Organization. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/social/BlobServlet?docId=5578&langI>.
554. National Action Plan for Positive Ageing for the Period 2013–2017. Ministry of Labour and Social Affairs of the Czech Republic // Всемирная организация здравоохранения. Режим доступа: https://extranet.who.int/countryplanningcycles/sites/default/files/planning_cycle_repositary/czech_republic/national_action_plan_for_positive_ageing_2013-2017.pdf.
555. National Positive Ageing Strategy // gov.ie. Режим доступа: https://www.gov.ie/en/publication/737780-national-positive-ageing-strategy/?referrer=http://www.health.gov.ie/wp-content/uploads/2014/03/National_Positive_Ageing_Strategy_English.pdf.

556. National Strategic Policy for Active Ageing. Malta 2014-2020 // Всемирная организация здравоохранения. Режим доступа: https://extranet.who.int/countryplanningcycles/sites/default/files/planning_cycle_repository/malta/national_strategic_policy_for_active_ageing_2014-2020.pdf.
557. New Zealand Positive Ageing Strategy (2001) // Ministry of Social Development. Режим доступа: <https://www.msd.govt.nz/about-msd-and-our-work/publications-resources/planning-strategy/positive-ageing/index.html>.
558. Proposed working definition of an older person in Africa for the MDS Project // WHO. Режим доступа: <https://www.who.int/healthinfo/survey/ageingdefnolder/en/>.
559. WHO methods and data sources for country-level causes of death 2000-2012. Global health estimates technical paper WHO/HIS/HIS/GHE/2014.7 // WHO. Режим доступа: https://www.who.int/docs/default-source/gho-documents/global-health-estimates/ghe2019_cod_methods.pdf?sfvrsn=37bcface_5.
560. Wise D. Program Report: The Economics of Aging // The reporter. – 2014. – No. 2. Режим доступа: <https://www.nber.org/reporter/2014number2/program-report-economics-aging>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А. Термин «пожилое население»

Таблица А.1. Используемые термины в отдельных нормативных правовых документах РФ для обозначения пожилого населения

Документ	Термины
Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)	<ul style="list-style-type: none"> • пожилые граждане
Указ Президента РФ от 09.10.2007 №1351 (ред. от 01.07.2014) «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»	<ul style="list-style-type: none"> • граждане старше трудоспособного возраста • граждане старшего возраста • население старших возрастных групп • пожилые люди
Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»	<ul style="list-style-type: none"> • граждане пожилого возраста • граждане старших возрастов • лица старших возрастов • пенсионеры • пожилое население • пожилые • пожилые люди
Распоряжение Правительства РФ от 07.08.2009 №1101-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года»	<ul style="list-style-type: none"> • граждане старшего возраста • лица старшего возраста • лица старших возрастных групп • пенсионеры
Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения» (утв. Минтрудом России) (ФЦП «Старшее поколение»)	<ul style="list-style-type: none"> • граждане пожилого возраста • граждане старше 65 лет • граждане старше трудоспособного возраста • граждане старшего поколения • лица в возрасте 50-ти лет и старше • лица в возрасте 65 лет и старше • лица пожилого возраста • лица предпенсионного возраста • лица старше 60 лет • лица старше 65 лет • лица старше трудоспособного возраста • люди старшего поколения • пожилые люди
Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 №296 «Об утверждении государственной программы РФ «Социальная поддержка граждан»»	<ul style="list-style-type: none"> • граждане пожилого возраста • пенсионеры

Документ	Термины
<p>Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 №164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»</p>	<ul style="list-style-type: none"> • граждане в возрасте старше 60 лет • граждане в возрасте старше трудоспособного возраста • граждане пенсионного возраста • граждане пожилого возраста • граждане предпенсионного возраста • граждане старше трудоспособного возраста • граждане старшего поколения • лица старшего поколения • лица старших возрастных групп • люди старшего поколения • [люди] «третьего возраста» • [люди] зрелого возраста • пенсионеры • пожилые люди • престарелые родственники
<p>Приказ Росстата от 17.07.2019 №409 «Об утверждении методики определения возрастных групп населения»</p>	<ul style="list-style-type: none"> • население в возрасте старше трудоспособного
<p>Приказ Минтруда России от 29.09.2020 №667 «О реализации в отдельных субъектах РФ в 2021 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в постороннем уходе»</p>	<ul style="list-style-type: none"> • гражданами пожилого возраста • лицам в возрасте 65 лет и старше

Приложение Б. Термин «активное долголетие»

Таблица Б.1. Определения термина «активное старение» / «активное долголетие»

Автор(ы)	Определение	Компоненты
Комплексный подход		
ВОЗ, Уокер А.	Активное старение – процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности в целях повышения качества жизни по мере старения людей ¹	Действия по трем основным направлениям (pillars): <ul style="list-style-type: none"> • участие; • здоровье; • безопасность (защита)
Экономический подход		
Совет Европейского союза	Активное старение – создание возможностей для более длительного пребывания на рынке труда, для внесения вклада в общество посредством неоплачиваемой работы в сообществе в качестве добровольцев или передачи своих навыков молодым людям и в их расширенных семьях, а также для автономной и достойной жизни как можно больше и как можно дольше ²	
Европейская экономическая комиссия ООН	Активное старение – старение с хорошим здоровьем и в качестве полноправного члена общества, который чувствует себя более удовлетворенным в своей работе и социальной вовлеченности, более независимым в своей повседневной жизни и более занятым как граждан ³	Области (domains) Индекса активного старения: <ul style="list-style-type: none"> • вклад в оплачиваемую деятельность: занятость; • вклад в неоплачиваемую производственную деятельность: участие в жизни общества; • независимая, здоровая и безопасная жизнь;

¹ Active ageing: a policy framework. – Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2002. – 60 p. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215>.

² Council conclusions on active ageing. 3019th Employment, Social Policy, Health and Consumer Affairs Council meeting, Luxembourg, June 7, 2010. European Council // World Health Organization. Режим доступа: <https://gateway.euro.who.int/en/council-conclusions-on-active-ageing/>

³ Active Ageing Index 2014. Analytical Report. United Nations Economic Commission for Europe (UNECE), European Commission (EC). Режим доступа: https://ec.europa.eu/eip/ageing/library/2014-active-ageing-index-aa-ai-analytical-report_en.html.

Автор(ы)	Определение	Компоненты
Заиди А. и соавторы	Активное старения – ситуация, когда люди способны вести здоровую, независимую и безопасную жизнь по мере старения и, таким образом, продолжать участвовать в формальном рынке труда, а также заниматься другой неоплачиваемой производственной деятельностью (такой как волонтерство и оказание помощи членам семьи) ¹	<ul style="list-style-type: none"> • способность к активному старению: потенциал и благоприятные условия для активного старения²
Европейская комиссия	Активное старение – оказание помощи людям в том, чтобы они оставались ответственными за свою собственную жизнь как можно дольше по мере старения и, по возможности, вносили свой вклад в экономику и общество ³	
ОЭСР, Тайпале В.	Активное старение – повышение способности людей по мере их старения вести продуктивную жизнь в обществе и экономике ⁴	Правительственных мер реагирования (responses): <ul style="list-style-type: none"> • продление трудовой жизни; • повышение доступности окружающей среды и активности, мобильности и качества жизни пожилых людей; • разработка инноваций для обучения профилактике и уходу, на работе, в свободное время, в уходе⁵
Мэйхью Л.	Активное старение – способность людей оставаться независимыми и реализовывать свой потенциал независимо от возраста ⁶	Проблемы старения по секторам (sectors): <ul style="list-style-type: none"> • занятость; • здравоохранение; • образование; • социальное обеспечение

¹ Project: 'Active Ageing Index (AAI)' Active Ageing Index 2012 Concept, Methodology and Final Results. Режим доступа:

https://www.researchgate.net/publication/256008735_Project_'Active_Ageing_Index_AAI'_Active_Ageing_Index_2012_Concept_Methodology_and_Final_Results.

² Zaidi A., Gasior K., Zolyomi E., Schmidt A., Rodrigues R., Marin B. Measuring active and healthy ageing in Europe // Journal of European Social Policy. – 2017. – No. 27(2). – P. 138–157. DOI: 10.1177/0958928716676550.

³ Active ageing // European Commission. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1062&langId=en>.

⁴ Maintaining Prosperity in an Ageing Society. – Paris: Organization for Economic Cooperation and Development, 1998. – 142 p.

⁵ Biotechnology and Healthy Ageing. Policy Implications of New Research. – Paris: OECD, 2002. – 151 p.

⁶ Mayhew L. Active ageing in the UK-issues, barriers, policy directions // Innovation: The European Journal of Social Science Research. – 2005. – No. 18(4). – P. 455-477. DOI: 10.1080/13511610500384202.

Автор(ы)	Определение	Компоненты
Министерство здравоохранения и социальных служб США	Активное старение – желание и способность многих пожилых людей продолжать заниматься экономически и социально продуктивной деятельностью ¹	Темы (themes), которые могут внести свой вклад в парадигму: <ul style="list-style-type: none"> • повышение ожидаемой продолжительности активной жизни; • возможности трудоустройства в стареющем обществе; • укрепление пенсионных систем • планирование потребностей в области здравоохранения и долгосрочного ухода, связанных с возрастом; • роль ухода и добровольчества; • эффективные с точки зрения затрат инвестиции в лечение хронических заболеваний
Высшая школа экономики	Активное долголетие – состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии ²	Приоритеты: <ul style="list-style-type: none"> • здоровье граждан старшего поколения; • обеспеченная и достойная жизнь в старшем возрасте; • активность и участие в жизни общества
Лак А. и соавторы	Активное старение – процесс, посредством которого человек пытается сохранить компоненты здоровья, участвуя в деятельности, соответствующей его целям, способностям и возможностям в обществе, которые можно описать как то, что он хочет и может делать, и возможности заниматься деятельностью, которая ему нравится ³	Экологические темы (themes) активного старения – модель 5Р: <ul style="list-style-type: none"> • человек; • процессы; • место; • приоритет; • формирование политики

¹ Active Aging: A Shift in the Paradigm // ASPE. Режим доступа: <https://aspe.hhs.gov/reports/active-aging-shift-paradigm>.

² Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с.

³ Lak A., Rashidghalam P., Myint P.K., Baradaran H.R. Comprehensive 5P framework for active aging using the ecological approach: an iterative systematic review // BMC Public Health. – 2020. – No. 20. - Article number: 33. DOI: 10.1186/s12889-019-8136-8.

Приложение В. Принципы активного долголетия

Таблица В.1. Систематизация принципов активного старения / активного долголетия

Автор(ы)	Определение
Принципы ООН в отношении пожилых людей	
ВОЗ	<p>Политические рамки активного старения основаны на принципах ООН в отношении пожилых людей:</p> <ul style="list-style-type: none"> • независимость, • участие, • забота, • самореализация, • достоинство¹.
Принципы построения политики/стратегии	
Уокер А.	<p>Ключевые принципы активного старения:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. «Активность» должна включать все значимые занятия, которые способствуют благополучию соответствующего лица, его или ее семьи, местного сообщества или общества в целом, и не должна быть связана только с оплачиваемой работой или производством. 2. Активное старение должно охватывать всех пожилых людей, даже тех, кто в какой-то степени немощен и зависим. 3. Должна быть в первую очередь превентивная концепция. 4. Поддержание солидарности между поколениями является важной чертой современного подхода к активному старению. 5. Концепция будет включать в себя как права, так и обязанности. 6. Стратегия активного старения должна предусматривать участие и расширение прав и возможностей. Другими словами, необходимо сочетание политических действий «сверху вниз», позволяющих стимулировать активность, а также возможностей для граждан предпринимать действия «снизу вверх», например, в разработке своих собственных форм деятельности. 7. При активном старении необходимо уважать национальное и культурное разнообразие².
Международный центр долголетия Бразилия	<p>Принципы активного старения:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Активность не ограничивается физической активностью или участием в рабочей силе. 2. Активное старение относится к людям всех возрастов, включая пожилых людей, которые являются слабыми, инвалидами и нуждаются в уходе, а также пожилых людей, которые здоровы и хорошо функционируют. 3. Цели активного старения являются профилактическими, восстановительными и паллиативными, направленными на удовлетворение потребностей во всем диапазоне индивидуальных возможностей и ресурсов.

¹ Active ageing: a policy framework. – Geneva, Switzerland: World Health Organization, 2002. – 60 p. Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/67215>.

² Walker A. A strategy for active ageing // International Social Security Review. – 2002. – No. 55(1). – P. 121-139. DOI: 10.1111/1468-246x.00118.

Автор(ы)	Определение
	<ol style="list-style-type: none"> 4. Активное старение способствует личной автономии и независимости, а также взаимозависимости – взаимной отдаче и получению между индивидами. 5. Активное старение способствует солидарности между поколениями, что означает справедливость в распределении ресурсов между возрастными группами. 6. Активное старение сочетает в себе политические действия «сверху вниз», направленные на обеспечение и поддержку здоровья, участия, обучения на протяжении всей жизни и безопасности, с возможностями для участия гражданам «снизу вверх». 7. Активное старение основано скорее на правах, чем на потребностях, признавая право людей на равные возможности и обращение во всех аспектах жизни по мере их развития, взросления и старения. 8. Активное старение одновременно способствует повышению индивидуальной ответственности за использование возможностей, предоставляемых признанными правами.¹
Высшая школа экономики	<p>В основу Концепции политики активного долголетия положены следующие принципы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Соблюдение прав человека в отношении граждан старшего поколения. Предотвращение унижения граждан старшего поколения и насилия над ними. 2. Равноправное партнерство и единство действий гражданина, семьи, общества и государства. Активное участие граждан старшего поколения в выработке и реализации политики активного долголетия: «ничего для нас без нас». 3. Личная ответственность человека за свою жизнь, право принимать решения и сохранять свободу выбора. 4. Утверждение в обществе положительных образов старения и человека старшего поколения. Признание ценности гражданина старшего поколения как значимого члена общества. Уважение достоинства гражданина старшего поколения вне зависимости от его социального статуса, уровня доходов и места жительства. 5. Включенность (интегрированность) граждан старшего поколения во все сферы жизни общества на основе солидарности между поколениями, взаимных интересов и совместной деятельности людей разного возраста. Участие в жизни общества граждан старшего поколения с различной степенью физических и психических возможностей, включая людей с инвалидностью и немощных. 6. Гибкость (вариативность) политики активного долголетия. Обеспечение максимальной индивидуализации подходов, товаров и услуг на всех уровнях и в различных сферах жизни общества, исходя из разнообразия потребностей граждан старшего поколения, диверсификации их образа жизни и статуса.

¹ Active Ageing: A Policy Framework in Response to the Longevity Revolution / International Longevity Centre Brazil (Centro Internacional de Longevidade Brasil). – 1st edition – Rio de Janeiro, RJ, Brazil, 2015. – 117 p.

Автор(ы)	Определение
	<p>7. Многофункциональность мер политики активного долголетия (все, что предусматривается для граждан старшего поколения, должно работать и для других возрастов): применимость мер активного долголетия для удовлетворения потребностей и учета интересов людей всех возрастов¹.</p>
Принципы набора мер политики	
Европейская комиссия	<p>Руководящие принципы активного старения и солидарности между поколениями:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Занятость (непрерывное профессиональное образование и профессиональная подготовка; здоровые условия труда; стратегии управления возрастом; службы занятости для пожилых работников; предотвращать дискриминацию по возрасту; системы налогообложения и льгот, благоприятствующие трудоустройству; передача опыта; совмещение работы и ухода). 2. Участие в жизни общества (гарантированный доход; социальная интеграция; волонтерство для пожилых людей; обучение на протяжении всей жизни; участие в принятии решений; поддержка неформальных опекунов). 3. Независимая жизнь (укрепление здоровья и профилактика заболеваний; адаптированное жилье и услуги; доступный транспорт; благоприятная для возраста среда, товары и услуги; максимизация автономии при долгосрочном уходе)².
Международный совет по активному старению	<p>Принципы активного старения:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Население (разнообразная популяция пожилых людей требует разнообразных решений). 2. Люди (для удовлетворения потребностей, возможностей, ожиданий, мечтаний и желаний пожилых людей необходимы подготовленные и преданные своему делу люди). 3. Восприятие (эйджизм и негативные стереотипы о старении препятствуют созданию инклюзивного общества). 4. Потенциал (старение населения приводит к созданию новых экономик). 5. Продукты (необходимы продукты и услуги, соответствующие потребностям и ожиданиям пожилых людей). 6. Рекламные акции (пожилые люди являются ключевым рынком для привлечения клиентов). 7. Места (окружающая среда должна быть сконструирована таким образом, чтобы обеспечить множество функциональных возможностей). 8. Политика (права человека пожилых людей должны быть защищены). 9. Программы (семь аспектов хорошего самочувствия: физическое, социальное, духовное, интеллектуальное, эмоциональное, профессиональное и экологическое, являются основой активного старения)³.

¹ Концепция политики активного долголетия: научно-методологический докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 40 с.

² Council Declaration on the European Year for Active Ageing and Solidarity between Generations (2012): The Way Forward. – Brussels, 2012. – 11 p. // European Council Council of the European Union. Режим доступа: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-17468-2012-INIT/en/pdf>.

³ Principles of Active Aging // ICAA. Режим доступа: <https://www.icaa.cc/business/Principles-of-Active-Aging.htm>.

Приложение Г. Оценка старения населения регионов России

Таблица Г.1. Результаты оценки старения населения за 2021 г.

Субъекты РФ	Показатели оценки				
	КС	СКР	ОПЖМ	ОПЖЖ	КМП
<i>Субъекты РФ с молодым населением</i>					
Чеченская Республика	10,27	2,50	15,25	22,55	-14,40
Республика Тыва	10,87	2,94	13,45	22,34	-41,00
Ямало-Ненецкий автономный округ	12,30	1,89	15,40	23,20	30,10
Республика Ингушетия	13,32	1,87	22,58	30,10	41,80
Республика Дагестан	14,10	1,76	19,12	26,12	-11,10
Чукотский автономный округ	14,77	1,66	14,77	23,49	110,70
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	16,19	1,74	15,41	23,43	55,10
Республика Саха (Якутия)	16,78	1,73	14,65	22,86	86,20
Республика Алтай	18,05	2,08	13,59	22,39	25,00
Ненецкий автономный округ	18,67	2,07	13,93	23,32	30,60
Республика Бурятия	19,52	1,87	13,51	22,96	-13,30
Забайкальский край	19,68	1,74	12,63	21,46	-52,40
Камчатский край	19,76	1,60	13,58	22,51	77,80
<i>Субъекты РФ с населением, стареющим «снизу»</i>					
Амурская область	21,93	1,51	12,42	20,86	-30,20
Еврейская автономная область	21,91	1,66	12,12	20,92	-90,90
Курская область	28,00	1,34	13,18	21,64	15,60
Иркутская область	21,83	1,69	12,69	21,76	-9,20
Оренбургская область	24,60	1,54	13,38	21,88	-0,20
Саратовская область	26,93	1,24	13,68	21,98	-17,50
Липецкая область	27,72	1,34	13,33	22,00	2,30
Мурманская область	21,58	1,39	13,30	22,04	-39,30
Республика Карелия	26,45	1,43	12,68	22,19	21,80
Новгородская область	28,65	1,35	12,71	22,20	38,40
Омская область	24,61	1,46	13,46	22,26	-40,40
Хабаровский край	21,85	1,58	12,85	22,28	50,00
Алтайский край	26,50	1,40	13,55	22,32	-15,40
Смоленская область	27,92	1,13	13,19	22,33	15,40
Ростовская область	26,11	1,36	14,14	22,35	36,00
Владимирская область	28,39	1,28	13,25	22,36	3,60
Астраханская область	23,72	1,74	14,20	22,37	-27,80
Рязанская область	29,16	1,24	13,50	22,38	26,00
Брянская область	27,21	1,28	13,60	22,41	7,70
Республика Коми	22,48	1,53	13,05	22,43	-52,50
Костромская область	27,47	1,38	13,28	22,43	0,40
Красноярский край	22,23	1,51	13,34	22,45	41,70
Сахалинская область	22,45	1,94	13,24	22,51	14,50
Республика Хакасия	22,79	1,59	13,49	22,51	-8,10
Орловская область	28,59	1,22	13,35	22,53	-13,50
Псковская область	28,77	1,49	12,78	22,59	23,30
Кемеровская область – Кузбасс	24,89	1,34	13,51	22,60	-12,20
Тверская область	28,45	1,31	13,19	22,61	13,40
Приморский край	23,77	1,51	13,53	22,75	-1,70
Нижегородская область	27,01	1,32	13,51	22,80	14,10
Волгоградская область	26,57	1,28	14,25	22,80	9,40

Субъекты РФ	Показатели оценки				
	КС	СКР	ОППЖМ	ОППЖЖ	КМП
Челябинская область	24,81	1,53	13,92	22,83	8,60
Воронежская область	27,93	1,29	13,99	22,84	43,80
Ивановская область	27,85	1,26	13,14	22,86	27,30
Курганская область	28,52	1,63	13,59	22,86	-45,30
Тульская область	29,45	1,22	13,81	22,86	27,40
Калужская область	27,01	1,44	13,75	22,87	225,00
Республика Мордовия	27,54	1,11	14,00	22,87	11,50
Белгородская область	26,86	1,27	14,36	22,87	41,90
Магаданская область	21,10	1,41	13,11	22,88	-28,20
Самарская область	26,22	1,42	14,06	22,91	24,60
Тамбовская область	30,09	1,28	14,07	22,93	-0,10
Республика Крым	27,09	1,58	14,32	22,93	65,00
Томская область	22,22	1,25	13,84	22,98	47,50
Пермский край	24,02	1,56	13,48	23,00	-13,00
Ярославская область	27,45	1,36	13,39	23,01	6,40
Новосибирская область	24,02	1,57	13,90	23,07	48,00
Свердловская область	24,70	1,62	13,53	23,09	18,80
Республика Башкортостан	23,61	1,49	14,14	23,14	36,30
Ульяновская область	28,46	1,40	13,96	23,16	-5,20
Московская область	23,39	1,46	14,50	23,16	146,10
Пензенская область	29,10	1,24	14,08	23,18	-4,90
Вологодская область	25,85	1,52	13,23	23,27	-7,70
Краснодарский край	25,10	1,64	14,66	23,30	71,50
Кировская область	28,70	1,44	13,76	23,35	-10,90
Тюменская область	21,18	1,78	14,16	23,46	76,00
Республика Калмыкия	22,52	1,52	14,64	23,53	-47,40
Архангельская область	26,27	1,36	13,51	23,58	-19,30
Калининградская область	24,50	1,38	14,63	23,60	157,20
Ставропольский край	23,70	1,42	15,15	23,64	10,70
Республика Марий Эл	25,25	1,53	13,79	23,73	14,30
Республика Адыгея	24,16	1,52	14,67	23,73	169,60
Чувашская Республика	24,75	1,48	14,05	23,88	-0,60
Ленинградская область	26,13	1,04	14,86	23,88	199,60
Республика Татарстан	24,12	1,57	14,56	23,92	29,40
Удмуртская Республика	24,53	1,54	13,93	24,06	0,40
Республика Северная Осетия – Алания	22,55	1,71	15,69	24,22	-46,50
г. Севастополь	24,33	1,25	15,64	24,60	298,20
г. Санкт-Петербург	26,12	1,38	16,15	24,73	44,40
Карачаево-Черкесская Республика	22,02	1,35	16,58	24,83	0,90
Кабардино-Балкарская Республика	20,22	1,67	16,67	24,90	2,90
г. Москва	26,88	1,60	18,73	25,83	18,10

Примечание: 1. КС – коэффициент старения, %; СКР – суммарный коэффициент рождаемости, число детей на 1 женщину; ОППЖМ – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни мужчин, достигших 60 лет, лет; ОППЖЖ – ожидаемая продолжительность предстоящей жизни женщин, достигших 55 лет, лет; КМП – коэффициент миграционного прироста, человек на 10 тыс. человек.

2. Архангельская и Тюменская области без автономных округов.

Таблица Г.2. Результаты оценки старения населения за 2019 г.

Субъекты РФ	Показатели оценки				
	КС	СКР	ОПЖМ	ОПЖЖ	КМП
<i>Субъекты РФ с молодым населением</i>					
Чеченская Республика	10,53	2,58	17,99	25,00	-11,30
Республика Тыва	11,34	2,72	14,35	23,25	-11,70
Ямало-Ненецкий автономный округ	12,10	1,83	16,03	25,95	-24,30
Республика Ингушетия	13,13	1,83	24,80	33,11	58,60
Республика Дагестан	14,15	1,80	21,32	28,54	-20,30
Чукотский автономный округ	14,90	1,68	18,18	24,50	110,90
Ханты-Мансийский авт. округ – Югра	16,15	1,76	17,77	26,84	1,40
Республика Саха (Якутия)	17,24	1,82	17,33	26,48	-2,40
Республика Алтай	18,54	2,11	15,18	25,26	25,40
Ненецкий автономный округ	18,77	2,17	17,13	27,58	17,50
<i>Субъекты РФ с населением, стареющим «снизу»</i>					
Еврейская автономная область	22,91	1,73	14,20	23,71	-64,50
Амурская область	22,84	1,53	14,21	23,92	0,20
Забайкальский край	20,43	1,74	14,48	24,31	-51,60
Магаданская область	21,61	1,42	15,55	24,66	-52,70
Сахалинская область	23,19	1,95	14,78	24,71	-21,60
Хабаровский край	22,80	1,59	14,42	24,88	-20,60
Приморский край	24,59	1,49	15,29	25,01	3,60
Камчатский край	20,55	1,65	15,49	25,01	-50,00
Иркутская область	22,69	1,72	14,65	25,13	-13,70
Псковская область	29,74	1,47	14,97	25,16	27,60
Кемеровская область – Кузбасс	25,63	1,40	15,66	25,26	-9,40
Республика Коми	22,89	1,57	15,33	25,35	-94,40
Новгородская область	29,63	1,44	15,12	25,41	13,80
Мурманская область	22,18	1,44	15,27	25,41	-65,30
Республика Хакасия	23,46	1,59	15,06	25,48	-14,50
Красноярский край	22,97	1,51	15,56	25,52	-9,70
Тверская область	29,42	1,40	15,26	25,53	5,20
Ивановская область	28,82	1,27	15,21	25,61	8,20
Республика Бурятия	20,17	1,89	15,30	25,67	10,50
Смоленская область	28,46	1,21	15,48	25,74	-3,80
Курская область	28,86	1,34	15,77	25,84	38,70
Республика Крым	27,98	1,58	16,56	25,84	44,40
Алтайский край	27,31	1,46	15,77	25,86	-17,90
Республика Карелия	27,21	1,43	15,19	25,90	-11,50
Орловская область	29,40	1,27	15,57	25,90	-8,50
Пермский край	24,77	1,56	15,38	25,93	-14,40
Владимирская область	29,31	1,36	15,31	25,97	19,80
Новосибирская область	24,91	1,56	16,19	26,01	37,10
Костромская область	28,25	1,54	15,19	26,02	-4,80
Вологодская область	26,48	1,53	14,97	26,03	-17,80
Ростовская область	27,07	1,35	16,95	26,03	32,20
Тульская область	30,46	1,26	16,08	26,08	-3,90
Омская область	25,23	1,48	16,00	26,10	-62,60
Нижегородская область	27,93	1,35	15,64	26,13	20,00

Субъекты РФ	Показатели оценки				
	КС	СКР	ОПЖМ	ОПЖЖ	КМП
Оренбургская область	25,34	1,59	15,87	26,13	-1,20
Курганская область	29,29	1,64	15,74	26,18	-30,40
Ярославская область	28,42	1,37	15,77	26,19	8,10
Свердловская область	25,66	1,62	15,73	26,22	14,70
Калужская область	28,20	1,43	15,92	26,24	-10,70
Республика Адыгея	25,30	1,38	16,91	26,25	213,90
Московская область	24,50	1,37	17,03	26,25	144,10
Челябинская область	25,71	1,48	16,13	26,26	5,20
Саратовская область	27,75	1,28	16,50	26,28	-23,40
Калининградская область	25,26	1,39	16,82	26,32	128,70
Томская область	22,93	1,30	16,42	26,33	30,30
Белгородская область	27,69	1,29	16,50	26,34	59,50
г. Севастополь	26,65	1,40	17,06	26,35	166,50
Тюменская область	21,77	1,75	16,19	26,36	102,40
Липецкая область	28,57	1,39	15,85	26,38	16,10
Брянская область	27,93	1,32	15,73	26,43	-0,30
Самарская область	27,12	1,41	16,68	26,47	28,10
Кировская область	29,39	1,49	15,68	26,55	-21,90
Ульяновская область	29,09	1,42	16,63	26,55	-19,40
Удмуртская Республика	25,05	1,50	15,87	26,56	-21,00
Архангельская область	26,89	1,46	15,99	26,56	-28,00
Краснодарский край	25,99	1,62	17,25	26,56	63,50
Рязанская область	30,17	1,35	16,13	26,59	20,90
Республика Башкортостан	24,19	1,51	16,48	26,64	-13,60
Ставропольский край	24,42	1,42	17,42	26,65	42,90
Республика Мордовия	28,03	1,17	16,13	26,67	-9,70
Астраханская область	24,28	1,67	17,16	26,70	-77,60
Волгоградская область	27,41	1,29	17,02	26,89	-18,70
Воронежская область	28,80	1,27	16,75	26,90	41,70
Республика Марий Эл	25,72	1,52	16,21	26,94	7,80
Тамбовская область	30,81	1,30	16,40	26,95	-17,60
Пензенская область	29,81	1,26	16,52	26,95	-34,30
Ленинградская область	27,38	1,07	17,57	27,09	203,50
Чувашская Республика	25,29	1,47	16,33	27,18	-16,40
Кабардино-Балкарская Республика	20,54	1,51	18,93	27,23	-6,60
Республика Татарстан	24,86	1,54	17,30	27,67	11,40
Карачаево-Черкесская Республика	22,40	1,48	19,22	27,81	-18,60
Республика Калмыкия	22,66	1,53	16,63	27,83	-64,90
Республика Северная Осетия – Алания	23,22	1,75	18,18	27,99	-54,20
г. Санкт-Петербург	26,82	1,40	19,32	27,99	26,90
<i>Субъект РФ с населением, стареющим «сверху»</i>					
г. Москва	27,31	1,50	22,04	29,37	37,60

Приложение Д. Оценка влияния повышения пенсионного возраста в регионах России на уровень заработной платы

Таблица Д.1. Соотношение расчетной средней заработной платой и фактической по возрастным группам в субъектах РФ при повышении пенсионного возраста на один год

Субъект РФ	Всего	в т.ч. по возрастным группам				
		20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-72 лет
Республика Дагестан	94,6	95,9	93,7	93,3	95,7	100,2
Кабардино-Балкарская Республика	94,6	95,7	94,3	93,9	95,5	100,3
Псковская область	95,0	96,5	94,6	94,4	95,8	100,3
Республика Северная Осетия- Алания	95,1	96,2	94,5	94,3	96,1	100,2
Республика Калмыкия	95,3	96,4	95,0	94,3	95,5	100,2
Карачаево-Черкесская Республика	95,3	96,3	94,7	94,7	96,3	100,2
Республика Алтай	95,3	96,5	94,7	94,5	96,1	100,2
Ивановская область	95,4	96,7	95,2	95,0	96,0	100,3
Костромская область	95,8	97,0	95,7	95,2	96,2	100,3
Курганская область	95,9	97,2	95,6	95,2	96,3	100,2
Брянская область	95,9	97,2	95,8	95,2	96,3	100,2
Кировская область	95,9	97,1	95,7	95,5	96,3	100,2
Алтайский край	95,9	97,2	95,7	95,3	96,3	100,2
Республика Адыгея	96,0	97,2	95,7	95,5	96,5	100,2
Республика Карелия	96,0	97,0	95,8	95,5	96,2	100,2
Орловская область	96,0	97,3	95,8	95,4	96,4	100,2
Смоленская область	96,0	97,1	95,8	95,5	96,6	100,2
Красноярский край	96,1	97,3	95,9	95,5	96,5	100,2
Республика Крым	96,2	97,1	95,8	95,6	96,8	100,2
Чувашская Республика	96,3	97,3	96,1	95,7	96,7	100,2
Тамбовская область	96,3	97,4	96,0	95,9	96,7	100,2
Тверская область	96,3	97,5	96,2	95,9	96,7	100,2
Саратовская область	96,4	97,4	96,1	95,9	96,9	100,2
Ставропольский край	96,4	97,4	96,2	96,0	96,9	100,2
Ульяновская область	96,4	97,5	96,3	95,8	97,0	100,2
Ростовская область	96,4	97,5	96,3	95,9	96,8	100,2
Новгородская область	96,4	97,4	96,3	96,0	96,8	100,2
Краснодарский край	96,5	97,5	96,3	96,0	96,8	100,2
Пензенская область	96,5	97,6	96,3	96,0	96,9	100,2
Владимирская область	96,5	97,5	96,5	96,2	96,9	100,2
Волгоградская область	96,6	97,6	96,3	96,0	97,0	100,2
Астраханская область	96,6	97,5	96,5	96,3	96,7	100,2
Республика Мордовия	96,6	97,5	96,3	96,1	96,9	100,2
Приморский край	96,6	97,6	96,4	96,0	97,2	100,2

Субъект РФ	Всего	в т.ч. по возрастным группам				
		20-29 лет	30-39 лет	40-49 лет	50-59 лет	60-72 лет
Курская область	96,6	97,6	96,4	96,2	97,1	100,2
Забайкальский край	96,7	97,6	96,4	96,1	97,2	100,2
Пермский край	96,7	97,5	96,6	96,2	97,0	100,2
Новосибирская область	96,7	97,7	96,5	96,2	96,9	100,2
Вологодская область	96,7	97,4	96,4	96,8	96,8	100,2
Ярославская область	96,7	97,8	96,7	96,3	97,0	100,2
Хабаровский край	96,7	97,7	96,6	96,3	97,1	100,2
Омская область	96,7	97,6	96,6	96,3	97,0	100,2
Рязанская область	96,7	97,8	96,6	96,2	97,1	100,2
Калининградская область	96,8	97,6	96,5	96,6	97,3	100,2
Оренбургская область	96,8	97,7	96,5	96,4	97,1	100,2
Удмуртская Республика	96,8	97,7	96,5	96,4	97,1	100,2
Самарская область	96,8	97,8	96,7	96,4	97,2	100,2
Мурманская область	96,8	97,5	96,5	96,6	97,1	100,2
Республика Коми	96,9	97,7	96,7	96,5	96,9	100,2
Республика Бурятия	96,9	97,7	96,6	96,3	97,3	100,2
Липецкая область	96,9	97,9	96,8	96,5	97,0	100,2
Тульская область	96,9	97,9	96,9	96,6	97,3	100,2
Томская область	96,9	97,6	96,9	96,7	97,3	100,2
Республика Марий Эл	96,9	97,8	96,8	96,4	97,2	100,2
Республика Саха (Якутия)	97,0	97,5	96,7	96,7	97,4	100,2
Белгородская область	97,0	97,8	96,7	96,6	97,4	100,2
Республика Хакасия	97,0	97,9	96,6	96,5	97,5	100,2
Свердловская область	97,0	97,8	96,8	96,6	97,3	100,2
Воронежская область	97,0	97,8	96,8	96,7	97,3	100,2
Челябинская область	97,0	97,8	96,8	96,7	97,4	100,2
Амурская область	97,0	97,9	96,7	96,7	97,4	100,2
Нижегородская область	97,1	97,9	97,0	96,7	97,4	100,2
Кемеровская область	97,1	97,9	96,9	96,7	97,3	100,2
Республика Башкортостан	97,1	97,9	96,9	96,6	97,4	100,1
Республика Татарстан	97,2	98,0	97,0	96,7	97,5	100,1
Иркутская область	97,2	97,8	96,9	96,9	97,4	100,2
Калужская область	97,2	98,0	97,2	96,9	97,3	100,2
Московская область	97,5	98,2	97,4	97,2	97,7	100,1
Ленинградская область	97,6	98,2	97,5	97,3	97,8	100,1

Примечание:

1. В модель включены только 69 субъектов РФ из 85, по которым имеется вся статистическая информация за текущий и репрезентативный период.
2. Субъекты РФ расположены в порядке возрастания соотношения в целом по всем возрастным группам.

Приложение Е. Индексы для оценки мер в области старения населения

Таблица Е.1. Методология измерения и структура индексов для оценки мер в области старения населения

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
Международные индексы		
Индекс активного долголетия, Генеральный директорат Европейской комиссии по занятости, социальным вопросам и интеграции и Группа по вопросам народонаселения ЕЭК ООН ¹	Все показатели представлены в виде положительных коэффициентов со значением от 0 до 100 пунктов. Показатели сгруппированы по четырем направлениям (доменам) активного долголетия с заданными неявными и явными весами. Веса присвоены с учетом среднего значения показателя и экспертной оценки значимости конкретной сферы для активного долголетия. Итоговое значение индекса рассчитывается как взвешенное среднее арифметическое четырех значений этих направлений.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Занятость <ol style="list-style-type: none"> 1.1. Уровень занятости 55-59 1.2. Уровень занятости 60-64 1.3. Уровень занятости 65-69 1.4. Уровень занятости 70-74 2. Участие в жизни общества <ol style="list-style-type: none"> 2.1. Волонтерская деятельность 2.2. Уход за детьми, внуками 2.3. Уход за пожилыми 2.4. Участие в политической жизни 3. Независимая жизнь <ol style="list-style-type: none"> 3.1. Физическая активность 3.2. Доступ к медицинской помощи и стоматологии 3.3. Независимое проживание 3.4. Относительный медианный доход 3.5. Отсутствие риска бедности 3.6. Отсутствие материальной депривации 3.7. Физическая безопасность 3.8. Непрерывное обучение 4. Благоприятная среда <ol style="list-style-type: none"> 4.1. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 55 лет / 50 4.2. Доля ожидаемой продолжительности здоровой жизни в возрасте 55 лет 4.3. Психологическое благополучие 4.4. Использование сети Интернет 4.5. Социальные связи 4.6. Уровень образования

¹ Zaidi A., Stanton D. Active Ageing Index 2014: Analytical Report. – Brussels, UNECE/ European Commission, 2015. – 50 p.

Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M.M., Lelkes O., Marin B., Rodrigues R., Schmidt A., Vanhuysse P., Zolyomi E. Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results. – Vienna: European Centre, 2013. Режим доступа: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf.

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
Индекс благосостояния пожилых людей SCL/PRB , Справочное бюро по народонаселению и Стэнфордский центр долголетия ¹	Индекс представляет собой среднее значение баллов по четырем доменам. Каждая область состоит из показателей, нормализованных в процентах от наилучшего наблюдаемого значения среди всех стран, и масштабированных от 0 до 100. Баллы по домену — это среднее значение баллов по показателям в домене.	1. Материальное благополучие 1.1. Средний доход домохозяйства 1.2. Доля населения, живущего не в абсолютной бедности 2. Физическое благополучие 2.1. Доля населения без инвалидности 2.2. Доля населения, не испытывающего трудностей с приемом лекарств 2.3. Доля населения, не имеющего затруднений при ходьбе на небольшое расстояние 2.4. Ожидаемая продолжительность жизни в пожилом возрасте (50-54, 65-69 или 75-79 лет в зависимости от возрастной группы) 2.5. Доля населения, не страдающего ожирением 3. Социальное благополучие 3.1. Доля населения, участвующего в экономической или социальной деятельности 3.2. Доля населения, контактировавшего, по крайней мере, с одним ребенком 4. Эмоциональное благополучие 4.1. Доля населения без зарегистрированной депрессии 4.2. Уровень самоубийств среди пожилых людей 4.3. Доля населения, удовлетворенного своей нынешней жизнью и будущими перспективами
Глобальный индекс AgeWatch, HelpAge International, Заиди А. ²	Показатели выражены в виде положительных значений, нормализованы (от 0 до 100). Индексы четырех доменов строятся с использованием среднего геометрического значения отдельных	1. Материальная обеспеченность 1.1. Пенсионное обеспечение 1.2. Уровень бедности в пожилом возрасте 1.3. Относительное благосостояние пожилых людей 1.4. ВНД на душу населения

¹ Kaneda T., Lee M., Pollard K. SCL/PRB Index of Well-Being in Older Populations. Final Report Global Aging and Monitoring Project. Режим доступа: <http://envejecimiento.csic.es/documentos/documentos/prb-indexofwellbeingin-01.pdf>.

² Global AgeWatch Index 2015: insight report. HelpAge International. – London, 2015. Режим доступа: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2018/10/AgeWatch2015.pdf>.

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
	показателей. Веса показателей присваиваются на основании суждения исследователей. Домены объединяются в составной индекс с использованием среднего геометрического. Все домены имеют одинаковый вес (25%) в сводном индексе.	2. Состояние здоровья 2.1 Ожидаемая продолжительность жизни в 60 лет 2.2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в 60 лет 2.3 Психологическое благополучие 3. Возможности 3.1. Занятость пожилых людей 3.2. Образовательный статус пожилых людей 4. Благоприятная среда 4.1. Социальные связи 4.2. Физическая безопасность 4.3. Гражданская свобода 4.4. Доступ к общественному транспорту
Глобальный индекс готовности к старению, Jackson, Richard, Neil Howe, and Keisuke Nakashima ¹²	Результаты по отдельным показателям ранжируются по шкале от 1 (лучший) до 20 (худший), преобразуются в баллы и сводятся в количественную оценку по категориям, а они, в свою очередь – в общие количественные оценки по каждому из двух субиндексов, определяя порядковую позицию страны. В субиндексе «Устойчивость бюджета» категория «Бремя для государства» имеет вес 40%, остальные категории – по 30%. В субиндексе «Достаточность дохода» категория «Семейная поддержка» имеет вес 20%, остальные категории – по 40%.	1. Устойчивость бюджета 1.1. Бремя для государства 1.1.1. Уровень пособий 1.1.2. Рост пособий 1.2. Финансовые возможности 1.2.1. Налоговые поступления 1.2.2. Бюджетные возможности 1.2.3. Объем заимствований 1.3. Зависимость от пособий 1.3.1. Доля пособий в доходах пожилых 1.3.2. Сокращение пособий 2. Достаточность дохода 2.1. Совокупный доход 2.1.1. Уровень совокупного дохода 2.1.2. Тенденции совокупного дохода 2.2. Уязвимость дохода 2.2.1. Средний уровень дохода 2.2.2. Тенденции среднего дохода 2.2.3. Уровень бедности 2.3. Семейная поддержка 2.3.1. Семейные связи 2.3.2. Размер семьи

¹ Jackson R., Howe N., Nakashima K. The Global Aging Preparedness Index. – Washington: Center for Strategic and International Studies and Prudential plc, 2010. – 76 p.

² Jackson R., Howe N., Peter T. The Global Aging Preparedness Index. Second Edition. – Washington: Center for Strategic and International Studies and Prudential plc, 2013. – 72 p.

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
Глобальный пенсионный индекс , Natixis и CoreData Research ¹	Для создания нормализованных индексов из 18 показателей установлены минимумы и максимумы. В качестве целевого показателя эффективности максимумы определяются как идеальные результаты. Выбор цели варьируется от переменной к переменной. Минимумы на самом деле противоположны и определяются как более низкие показатели производительности, которые отмечают наихудший из возможных сценариев. Эти показатели основаны на методологии «близости к цели», с помощью которой показатели каждой страны по заданному показателю измеряются на основе ее положения в пределах диапазона, установленного более низким показателем эффективности и целевым показателем, по шкале от 0,01 до 1. Нормализованные показатели агрегируются в субиндексы путем получения их среднего геометрического значения.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Здоровье <ol style="list-style-type: none"> 1.1. Ожидаемая продолжительность жизни 1.2. Расходы на здравоохранение на душу населения 1.3. Нестраховые расходы на здравоохранение 2. Финансы на пенсии <ol style="list-style-type: none"> 2.1. Иждивенчество по старости 2.2. Банковские неработающие кредиты 2.3. Инфляция 2.4. Процентные ставки 2.5. Налоговое давление 2.6. Управление 2.7. Задолженность правительства 3. Материальное благополучие <ol style="list-style-type: none"> 3.1. Равенство доходов 3.2. Доход на душу населения 3.3. Безработица 4. Качество жизни <ol style="list-style-type: none"> 4.1. Счастье 4.2. Качество воздуха 4.3. Водоснабжение и санитария 4.4. Биоразнообразие и среда обитания 4.5. Факторы окружающей среды
Российские индексы		
Индекс активного долголетия , Засимова Л. и Шелунцова М. ²	Методология оценки включает три этапа. Первый этап – отбор вопросов из базы данных SAGE для расчета показателей по трем доменам Индекса активного долголетия (здоровье, участие в социальной деятельности и безопасность). Вторым этапом – объединение показателей в три	<ol style="list-style-type: none"> 1. Здоровье <ol style="list-style-type: none"> 1.1. Физическое здоровье <ol style="list-style-type: none"> 1.1.1. Хронические заболевания 1.1.2. Физические способности 1.1.3. Боль и дискомфорт 1.2. Психическое здоровье 1.3. Физическое здоровье (самооценка) 2. Участие в общественной деятельности

¹ 2020 Global Retirement Index An in-depth assessment of welfare in retirement around the world. – Natixis, 2020. – 67 p. Режим доступа: https://investtrends.ch/site/assets/files/27652/natixis_gri_2020.pdf.

² Zasimova L., Sheluntcova M. Measuring active aging for government policy planning: a case of Russia, basic research program: working paper, series: public administration, WP BRP 11/PA/2014. – Moscow: HSE, 2014. Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/2014/01/27/1326230041/11PA2014.pdf>.

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
	индекса. Третий этап – расчет общего индекса. В результате выборка разделена на две группы пожилых людей в России: «активно стареющие» и «неактивно стареющие».	2.1. Участие в работе 2.2. Участие в сообществах 2.3. Участие в жизни семьи и друзей 3. Безопасность 3.1. Финансовая стабильность 3.2. Условия жизни 3.3. Безопасность жизни
Оценка качества жизни населения старших возрастов, Бурцева Т.А., Гагарина С.Н., Чаусов Н.Ю. ¹	Для оценки используется нормативно-оценочная модель, разработанная на основе метода динамического норматива. Основой метода динамического норматива является процедура отбора экономических показателей и их упорядочение. Она состоит в том, что не соизмеримые показатели в статике становятся соизмеримыми в динамике. Количественным уровнем интегрального измерителя (интегральной оценкой) является доля числа выполненных соотношений между темпами (индексами) роста фактических показателей, характеризующих конкретный исследуемый объект, к числу заданных соотношений в нормативной модели. Соответственно получаемые количественные уровни изменяются в пределах от 0 до 1, чем ближе значение к 1, тем выше количественный уровень оценки.	1. Качество пожилого населения 1.1. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни - для мужчин старше 60 лет - для женщин старше 55 лет 1.2. Число лиц пожилого возраста 1.3. Доля пользователей сети интернет в возрасте 60-72 лет 2. Качество трудовой сферы пожилого населения 2.1. Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту 2.2. Реальный располагаемый денежный доход домашних хозяйств, состоящих из пенсионеров 3. Уровень благосостояния пожилого населения 3.1. Объем платных социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам на душу населения 3.2. Реальный размер прожиточного минимума 3.3. Оценка «очень плохое» домохозяйствами пенсионеров состояния занимаемого ими жилого помещения 3.4. Доля лиц старших возрастов, участвовавших в каких-либо развлекательных мероприятиях 3.5. Доля лиц старших возрастов, участвовавших в каких-либо спортивных мероприятиях

¹ Бурцева Т.А., Чаусов Н.Ю., Гагарина С.Н. Оценка качества жизни пожилого населения России // Российский экономический интернет-журнал. – 2018. – №2. Режим доступа: <http://www.e-rej.ru/Articles/2018/Burtseva.pdf>.

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
		<p>4. Качество социальной сферы пожилого населения</p> <p>4.1. Реальный размер назначенных пенсий</p> <p>4.2. Число учреждений для граждан пожилого возраста и инвалидов взрослых</p> <p>4.3. Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии в целях доведения уровня материального обеспечения пенсионера до величины прожиточного минимума пенсионера в РФ</p> <p>4.4. Доля пенсионеров, имеющих стаж трудовой деятельности, получивших помощь материальную на лечение и лекарства</p> <p>4.5. Доля пенсионеров, имеющих стаж трудовой деятельности, получивших помощь материальную на оплату путевок и проезд на лечение и отдых</p> <p>4.6. Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований на реализацию мер социальной поддержки пенсионерам и лицам старшего возраста</p> <p>4.7. Граждане пожилого возраста и инвалиды, пользующиеся всеми видами социального обслуживания на дому</p>
<p>Системы измерителей социального эффекта реализации концепции активного долголетия в регионе, Алешникова В.И.,</p>	<p>Методологической основой исследования являются факторный подход, методы анализа рядов динамики, а также методические рекомендации ВОЗ, ООН и Европейского союза. Оценка производится путем соотношения значений показателей с целевыми</p>	<p>1. Здоровье</p> <p>1.1. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни</p> <p>1.2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в возрасте 60 лет</p> <p>2. Социальная защищенность</p> <p>2.1. Уровень пенсионного обеспечения в возрасте 60+</p>

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
Бурцева Т.А., Нуриддинов З.А. ¹	ориентирами. Целевые ориентиры для показателей «Здоровье» – 67 лет, для показателей «Социальная защищенность» – 40% от уровня средней заработной платы в регионе, и показателей «Уровень участия в социальной жизни» – ежегодный рост.	2.2. Расходы консолидированных бюджетов субъектов РФ и муниципальных образований на реализацию мер социальной поддержки граждан старшего поколения 3. Уровень участия в социальной жизни 3.1. Доли лиц в возрасте 55+, регулярно принимавших участие в добровольческой деятельности, занятиях по уходу за детьми; 3.2. Доли лиц в возрасте 55+, регулярно принимавших участие в добровольческой деятельности, занятиях по уходу за детьми за лицами, нуждающимися в особой помощи из-за преклонного возраста, болезни или нетрудоспособности
Индекс благополучия старшего поколения в регионах России, Исследовательский коллектив благотворительного фонда «Нужна помощь»²	Нормирование показателей – трансформация в индекс, значения которого заключено между 0 и 1. Индекс рассчитывается как отношение отклонения от минимального значения к размаху значений данного индикатора среди субъектов РФ. Сводный индекс рассчитывается как среднее арифметическое значение нормированных показателей. По результатам построения рейтинга субъектов РФ – разбиение их на пять уровней в зависимости от степени выраженности проблем.	1. Здоровье (ожидаемая продолжительность жизни в 55 лет без инвалидности) 2. Занятость 2.1. Уровень занятости населения в возрасте старше трудоспособного 2.2. Доля занятых в неформальном секторе в возрасте старше трудоспособного в общей численности занятых 3. Материальное положение 3.1. Доля лиц в возрасте старше трудоспособного с доходами ниже прожиточного минимума 3.2. Доля респондентов в возрасте старше трудоспособного, ответивших, что «доходов не хватает даже на еду» и «на еду денег хватает, но

¹ Алешникова В.И., Бурцева Т.А., Нуриддинов З.А. Социальный эффект реализации стратегий активного долголетия // Управление. – 2020. – Вып. 8, №4. – С. 86-93.

² Старость в регионах России. Оценка благополучия старшего поколения на основе открытых статистических данных, 2019 г. – Москва, 2021. Режим доступа: <https://tochno.st/materials/starost-analiticheskiy-otchet#source22>.

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
		<p>покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно»</p> <p>4. Социальное обслуживание (численность лиц старше 60 лет, обслуженных в организациях, осуществляющих полустационарное социальное обслуживание)</p> <p>5. Социальная активность (доля респондентов в возрасте старше трудоспособного, посетивших в течение последних 12 месяцев хотя бы одно культурно-досуговое мероприятие)</p>
<p>Российский индекс благополучия старшего поколения, Павлова И.А., Монастырный Е.А., Гуменников И.В., Барышева Г.А.¹</p>	<p>Принцип нормирования данных – «минимум – максимум». При агрегировании данных веса переменным, индикаторам и доменам не присваивались. Расчет значений по отдельным доменам и итогового значения индекса был реализован как среднее арифметическое.</p>	<p>1. Экономическое измерение</p> <p>1.1. Реальный размер назначенных пенсий</p> <p>1.2. Соотношение среднего размера назначенных пенсий с величиной прожиточного минимума</p> <p>1.3. Занятость населения в возрасте старше трудоспособного</p> <p>1.4. Наличие оплачиваемой деньгами или натурой работы</p> <p>1.5. Степень удовлетворенности основной работой</p> <p>2. Социальное измерение</p> <p>2.1. Уровень образования</p> <p>2.2. Помощь по хозяйству детей, проживающих отдельно</p> <p>2.3. Доля активных пользователей сети Интернет</p> <p>2.4. Членство в добровольных организациях</p> <p>2.5. Посещение досуговых мероприятий</p> <p>3. Здоровье</p> <p>3.1. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни</p> <p>3.2. Возможность вести активную жизнь</p>

¹ Павлова И.А., Монастырный Е.А., Гуменников И.В., Барышева Г.А. Российский индекс благополучия старшего поколения: методология, методика, апробация // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – Вып. 16, №1. – С. 23-36.

Название и автор(ы) индекса	Методология измерения	Структура индекса
		3.3. Субъективная оценка состояния здоровья 3.4. Отсутствие хронических заболеваний, установленных врачом 3.5. Отсутствие вредных привычек 4. Региональное пространство и инфраструктура 4.1. Субъективная оценка своего жилья 4.2. Обеспеченность местами в стационарных учреждениях социального обслуживания 4.3. Расходы субъекта на реализацию мер социальной поддержки в расчете на одного гражданина старше трудоспособного возраста 4.4. Субъективное мнение о своем населенном пункте 4.5. Субъективное мнение о наличии проблем в населенном пункте 4.6. Субъективное мнение о наличии проблем в медицинской сфере
Индекс привлекательности рынка труда для пенсионеров, РИА Рейтинг¹	Индекс рассчитывался на основе агрегирования показателей. Показатели оценивались по шкале от 1 до 100, а результирующий балл получался как среднегеометрическое от девяти баллов по анализируемым индикаторам.	1. Уровень оплаты труда пенсионеров 2. Уровень занятости пенсионеров 3. Доля безработицы среди пенсионеров 4. Простота поиска работы для пенсионеров 5. Соотношение зарплат пенсионеров и всех работающих в регионе 6. Численность пенсионеров 7. Продолжительность жизни после выхода на пенсию 8. Общая емкость и развитость рынка труда в субъекте РФ 9. Климат

¹ Рейтинг регионов по привлекательности рынка труда для пенсионеров // РИА Рейтинг. Режим доступа: <https://riarating.ru/regions/20181120/630111648.html>.

Приложение Ж. Расчеты индекса активного долголетия по субъектам РФ за 2016-2021 гг.

Таблица Ж.1. Индекс активного долголетия

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	11	10	14	11	10	11
Центральный федеральный округ	12	11	16	13	12	14
Белгородская область	8	8	10	10	9	7
Брянская область	9	7	11	8	7	5
Владимирская область	10	9	14	9	8	8
Воронежская область	7	8	9	8	8	6
Ивановская область	11	10	13	9	8	10
Калужская область	14	14	20	11	9	8
Костромская область	8	7	10	7	8	8
Курская область	8	7	8	7	6	5
Липецкая область	10	8	14	9	7	7
Московская область	9	9	12	9	8	9
Орловская область	7	8	11	8	7	7
Рязанская область	6	7	10	9	8	6
Смоленская область	7	6	8	6	6	4
Тамбовская область	9	6	6	7	7	5
Тверская область	9	7	10	8	7	6
Тульская область	9	8	10	8	7	6
Ярославская область	16	14	18	12	11	9
г. Москва	16	14	18	19	20	21
Северо-Западный федеральный округ	10	9	13	9	9	8
Республика Карелия	12	9	11	10	8	7
Республика Коми	12	11	15	11	9	7
Архангельская область	10	8	12	8	7	6
Ненецкий автономный округ	4	13	11	13	3	13
Архангельская область без авт.округа	12	10	13	9	9	7
Вологодская область	9	6	11	7	7	7
Калининградская область	10	9	13	11	10	9
Ленинградская область	11	10	13	10	10	8
Мурманская область	15	13	16	9	6	6
Новгородская область	10	8	12	8	12	13
Псковская область	11	8	14	11	9	11
г. Санкт-Петербург	12	11	15	12	11	9
Южный федеральный округ	9	8	10	7	6	5
Республика Адыгея	6	6	7	6	6	5
Республика Калмыкия	11	10	11	9	8	8
Республика Крым	10	5	6	7	7	6
Краснодарский край	10	11	13	9	8	6
Астраханская область	12	10	11	8	8	5
Волгоградская область	8	9	11	9	8	9
Ростовская область	9	9	10	9	8	6
г. Севастополь	13	12	21	14	14	17
Северо-Кавказский федеральный округ	11	11	14	10	8	10
Республика Дагестан	15	14	18	12	12	14
Республика Ингушетия	8	8	8	8	8	8
Кабардино-Балкарская Республика	11	11	11	11	8	13

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Карачаево-Черкесская Республика	15	20	21	12	10	17
Республика Северная Осетия-Алания	7	7	8	15	10	11
Чеченская Республика	6	7	6	7	4	6
Ставропольский край	12	11	14	9	9	8
Приволжский федеральный округ	8	7	10	7	6	7
Республика Башкортостан	10	10	12	8	6	5
Республика Марий Эл	8	8	9	8	7	7
Республика Мордовия	16	11	13	10	10	13
Республика Татарстан	10	8	10	9	8	13
Удмуртская Республика	8	7	9	7	7	7
Чувашская Республика	10	9	13	8	8	8
Пермский край	8	8	11	7	6	5
Кировская область	12	9	13	9	8	7
Нижегородская область	9	9	12	9	8	9
Оренбургская область	9	8	11	9	8	8
Пензенская область	11	9	14	10	9	8
Самарская область	12	10	16	11	10	11
Саратовская область	9	7	9	8	6	5
Ульяновская область	9	8	10	8	7	7
Уральский федеральный округ	8	7	10	7	6	6
Курганская область	7	7	10	7	7	6
Свердловская область	10	8	11	8	8	8
Тюменская область	9	7	9	7	7	6
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	10	6	8	7	9	7
Ямало-Ненецкий автономный округ	14	5	5	5	4	14
Тюменская область без авт. округов	11	8	11	5	8	7
Челябинская область	8	8	11	9	7	8
Сибирский федеральный округ	9	7	10	7	6	6
Республика Алтай	15	11	13	7	8	7
Республика Тыва	4	5	5	5	4	7
Республика Хакасия	9	8	10	7	6	5
Алтайский край	8	7	10	7	6	6
Красноярский край	8	8	9	7	6	8
Иркутская область	12	12	15	8	9	8
Кемеровская область	11	9	9	8	8	7
Новосибирская область	13	12	16	10	8	9
Омская область	10	12	18	10	10	11
Томская область	10	8	11	9	7	6
Дальневосточный федеральный округ	11	9	16	10	10	12
Республика Бурятия	11	9	13	7	7	5
Республика Саха (Якутия)	10	8	15	11	9	7
Забайкальский край	6	5	7	3	3	3
Камчатский край	16	12	16	9	10	9
Приморский край	10	8	11	8	7	10
Хабаровский край	10	7	12	6	6	7
Амурская область	8	10	19	5	7	6
Магаданская область	23	2	10	4	8	13
Сахалинская область	11	13	11	8	10	11
Еврейская автономная область	12	10	16	10	9	11
Чукотский автономный округ	17	10	18	5	0	4

Таблица Ж.2. Нормализованное значение показателя ожидаемой продолжительности предстоящей жизни для мужчин, достигших 60 лет

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	46	43	46	46	33	29
Центральный федеральный округ	56	56	59	62	45	39
Белгородская область	43	37	40	40	32	28
Брянская область	29	18	22	26	25	19
Владимирская область	26	23	22	19	19	14
Воронежская область	43	40	40	44	34	24
Ивановская область	25	18	19	17	20	13
Калужская область	35	28	34	30	21	21
Костромская область	26	17	26	17	21	15
Курская область	29	20	26	27	19	13
Липецкая область	33	25	35	28	18	15
Московская область	46	45	47	49	32	30
Орловская область	28	18	22	24	16	16
Рязанская область	37	30	38	33	25	18
Смоленская область	25	20	22	22	23	14
Тамбовская область	38	35	34	38	29	25
Тверская область	24	18	20	18	18	14
Тульская область	32	27	32	32	23	21
Ярославская область	31	23	29	27	22	16
г. Москва	100	100	100	100	94	84
Северо-Западный федеральный округ	48	45	49	51	38	30
Республика Карелия	26	18	22	17	18	7
Республика Коми	22	14	18	19	16	12
Архангельская область	38	32	34	32	29	18
Ненецкий автономный округ	30	78	31	51	17	23
Архангельская область без авт.округа	38	31	34	31	29	18
Вологодская область	22	14	19	13	19	14
Калининградская область	47	38	42	45	41	32
Ленинградская область	48	49	56	58	41	35
Мурманская область	25	17	30	18	15	15
Новгородская область	23	13	16	16	16	7
Псковская область	18	7	12	13	12	8
г. Санкт-Петербург	76	78	81	88	58	51
Южный федеральный округ	49	48	53	49	37	29
Республика Адыгея	53	44	57	47	46	32
Республика Калмыкия	48	38	42	42	33	32
Республика Крым	39	34	44	41	33	28
Краснодарский край	54	54	63	53	40	32
Астраханская область	49	51	46	51	37	26
Волгоградская область	49	47	49	49	33	27
Ростовская область	49	48	47	47	35	26
г. Севастополь	51	48	56	49	53	45
Северо-Кавказский федеральный округ	73	74	78	81	55	56
Республика Дагестан	100	100	100	100	75	89
Республика Ингушетия	100	100	100	100	100	100
Кабардино-Балкарская Республика	75	74	77	82	60	58
Карачаево-Черкесская Республика	75	73	92	87	67	57
Республика Северная Осетия-Алания	70	72	77	69	51	45

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	55	50	61	65	18	40
Ставропольский край	57	55	55	56	44	38
Приволжский федеральный округ	39	35	36	36	24	23
Республика Башкортостан	42	38	42	39	26	26
Республика Марий Эл	33	29	31	35	24	21
Республика Мордовия	33	30	36	33	20	24
Республика Татарстан	53	50	49	53	32	31
Удмуртская Республика	31	29	32	29	23	23
Чувашская Республика	39	35	42	37	23	24
Пермский край	30	22	24	20	16	17
Кировская область	32	24	28	26	23	21
Нижегородская область	31	27	26	25	20	18
Оренбургская область	38	30	33	29	17	16
Пензенская область	38	35	37	40	26	25
Самарская область	44	39	40	43	24	25
Саратовская область	41	40	41	40	27	20
Ульяновская область	38	35	40	42	27	23
Уральский федеральный округ	36	33	35	33	25	24
Курганская область	30	29	31	27	28	19
Свердловская область	33	28	30	26	21	18
Тюменская область	43	42	42	45	35	34
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	54	51	52	62	42	42
Ямало-Ненецкий автономный округ	35	50	49	32	32	42
Тюменская область без авт. округов	36	36	33	34	30	26
Челябинская область	35	34	35	33	20	23
Сибирский федеральный округ	32	26	28	25	18	17
Республика Алтай	34	33	20	17	18	19
Республика Тыва	7	10	0	3	1	17
Республика Хакасия	32	19	28	15	16	17
Алтайский край	34	27	31	27	18	18
Красноярский край	32	26	25	23	19	15
Иркутская область	24	17	18	8	13	7
Кемеровская область	31	22	25	25	19	18
Новосибирская область	38	34	33	34	21	23
Омская область	33	29	31	31	17	17
Томская область	43	39	43	38	25	22
Дальневосточный федеральный округ	27	19	22	14	15	14
Республика Бурятия	32	25	29	19	22	18
Республика Саха (Якутия)	47	45	50	54	38	32
Забайкальский край	23	15	14	5	9	6
Камчатский край	30	20	15	22	13	19
Приморский край	29	23	25	19	19	18
Хабаровский край	26	12	19	4	2	9
Амурская область	16	8	11	0	4	4
Магаданская область	28	8	20	23	19	13
Сахалинская область	22	17	14	10	17	14
Еврейская автономная область	0	0	9	0	0	0
Чукотский автономный округ	12	23	4	69	43	34

Таблица Ж.3. Нормализованное значение показателя ожидаемой продолжительности предстоящей жизни для женщин, достигших 55 лет

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	100	100	100	100	100	57
Центральный федеральный округ	100	100	100	100	100	66
Белгородская область	100	100	100	100	100	49
Брянская область	100	100	100	100	97	37
Владимирская область	99	100	100	100	82	36
Воронежская область	100	100	100	100	100	48
Ивановская область	100	100	100	100	90	48
Калужская область	100	100	100	100	86	49
Костромская область	92	100	100	100	89	38
Курская область	100	100	100	100	82	19
Липецкая область	100	100	100	100	79	28
Московская область	100	100	100	100	88	56
Орловская область	100	100	100	100	85	40
Рязанская область	100	100	100	100	95	37
Смоленская область	100	100	100	100	90	36
Тамбовская область	100	100	100	100	100	50
Тверская область	91	100	100	100	83	42
Тульская область	100	100	100	100	88	48
Ярославская область	100	100	100	100	96	52
г. Москва	100	100	100	100	100	100
Северо-Западный федеральный округ	100	100	100	100	100	69
Республика Карелия	100	100	100	100	91	32
Республика Коми	92	100	100	100	81	38
Архангельская область	100	100	100	100	100	65
Ненецкий автономный округ	100	100	100	100	100	59
Архангельская область без авт.округа	100	100	100	100	100	66
Вологодская область	100	100	100	100	100	58
Калининградская область	100	100	100	100	100	66
Ленинградская область	100	100	100	100	100	73
Мурманская область	91	100	100	100	76	29
Новгородская область	94	95	100	100	93	32
Псковская область	87	95	100	100	76	42
г. Санкт-Петербург	100	100	100	100	100	93
Южный федеральный округ	100	100	100	100	100	50
Республика Адыгея	100	100	100	100	100	69
Республика Калмыкия	100	100	100	100	100	64
Республика Крым	100	100	100	100	95	50
Краснодарский край	100	100	100	100	100	59
Астраханская область	100	100	100	100	96	36
Волгоградская область	100	100	100	100	100	47
Ростовская область	100	100	100	100	95	36
г. Севастополь	100	100	100	100	100	90
Северо-Кавказский федеральный округ	100	100	100	100	100	88
Республика Дагестан	100	100	100	100	100	100
Республика Ингушетия	100	100	100	100	100	100
Кабардино-Балкарская Республика	100	100	100	100	100	98
Карачаево-Черкесская Республика	100	100	100	100	100	96
Республика Северная Осетия-Алания	100	100	100	100	100	81

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	82	97	94	100	20	41
Ставропольский край	100	100	100	100	100	67
Приволжский федеральный округ	100	100	100	100	91	53
Республика Башкортостан	100	100	100	100	89	55
Республика Марий Эл	100	100	100	100	100	69
Республика Мордовия	100	100	100	100	83	49
Республика Татарстан	100	100	100	100	100	74
Удмуртская Республика	100	100	100	100	100	77
Чувашская Республика	100	100	100	100	100	73
Пермский край	100	100	100	100	82	52
Кировская область	100	100	100	100	100	60
Нижегородская область	100	100	100	100	88	47
Оренбургская область	100	100	100	100	68	25
Пензенская область	100	100	100	100	94	56
Самарская область	100	100	100	100	78	50
Саратовская область	100	100	100	100	84	27
Ульяновская область	100	100	100	100	94	56
Уральский федеральный округ	100	100	100	100	92	54
Курганская область	100	100	100	100	94	48
Свердловская область	100	100	100	100	91	54
Тюменская область	100	100	100	100	99	64
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	100	100	100	100	91	62
Ямало-Ненецкий автономный округ	100	100	100	100	68	57
Тюменская область без авт. округов	100	100	100	100	100	63
Челябинская область	100	100	100	100	86	48
Сибирский федеральный округ	100	100	100	100	79	39
Республика Алтай	96	100	100	100	75	37
Республика Тыва	1	0	27	0	1	36
Республика Хакасия	87	91	100	100	82	40
Алтайский край	100	100	100	100	81	35
Красноярский край	100	100	100	100	80	38
Иркутская область	91	100	100	100	72	22
Кемеровская область	95	100	100	100	75	42
Новосибирская область	100	100	100	100	88	53
Омская область	100	100	100	100	78	34
Томская область	100	100	100	100	97	51
Дальневосточный федеральный округ	82	85	96	96	66	35
Республика Бурятия	100	100	100	100	89	51
Республика Саха (Якутия)	100	100	100	100	100	48
Забайкальский край	65	58	72	61	56	14
Камчатский край	73	68	98	100	68	40
Приморский край	84	88	98	100	72	46
Хабаровский край	87	86	100	93	58	34
Амурская область	70	51	79	38	31	0
Магаданская область	60	68	86	81	79	49
Сахалинская область	72	89	85	83	72	40
Еврейская автономная область	50	51	70	26	36	1
Чукотский автономный округ	0	57	0	71	0	64

Таблица Ж.4. Среднее нормализованное значение по показателям домена «Здоровье»

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	68	66	68	68	57	41
Центральный федеральный округ	75	75	77	79	67	50
Белгородская область	65	61	63	63	57	37
Брянская область	54	43	47	51	49	27
Владимирская область	51	48	47	44	39	23
Воронежская область	65	63	64	66	58	34
Ивановская область	50	43	44	42	42	25
Калужская область	60	53	58	54	42	32
Костромская область	49	41	51	41	43	24
Курская область	54	44	51	52	39	16
Липецкая область	57	50	59	53	38	21
Московская область	68	67	69	70	53	41
Орловская область	52	43	47	49	37	25
Рязанская область	61	55	62	58	49	25
Смоленская область	50	44	47	47	45	22
Тамбовская область	61	59	58	62	54	35
Тверская область	47	42	45	43	38	24
Тульская область	56	52	56	57	45	32
Ярославская область	56	48	54	52	46	29
г. Москва	100	100	100	100	97	92
Северо-Западный федеральный округ	69	67	70	71	62	46
Республика Карелия	51	43	47	41	40	15
Республика Коми	45	38	43	44	36	21
Архангельская область	61	56	58	56	54	34
Ненецкий автономный округ	55	88	56	71	42	37
Архангельская область без авт.округа	61	55	58	56	54	34
Вологодская область	47	38	44	36	44	29
Калининградская область	68	61	65	67	64	46
Ленинградская область	70	70	75	76	64	50
Мурманская область	48	41	55	43	34	21
Новгородская область	46	36	40	40	38	16
Псковская область	39	26	35	36	31	19
г. Санкт-Петербург	87	89	90	94	76	69
Южный федеральный округ	70	69	72	70	61	38
Республика Адыгея	73	66	76	68	68	47
Республика Калмыкия	69	61	64	65	58	45
Республика Крым	62	59	66	64	56	37
Краснодарский край	74	73	79	73	63	44
Астраханская область	70	71	68	71	59	31
Волгоградская область	70	69	70	70	58	36
Ростовская область	70	69	68	69	58	30
г. Севастополь	71	70	75	70	72	64
Северо-Кавказский федеральный округ	85	86	88	90	74	71
Республика Дагестан	100	100	100	100	87	94
Республика Ингушетия	100	100	100	100	100	100
Кабардино-Балкарская Республика	86	86	88	90	78	75
Карачаево-Черкесская Республика	86	85	96	93	82	74
Республика Северная Осетия-Алания	84	85	88	83	71	61

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	67	70	76	81	19	40
Ставропольский край	75	74	74	75	66	51
Приволжский федеральный округ	62	59	60	60	47	35
Республика Башкортостан	65	62	65	63	48	38
Республика Марий Эл	58	54	55	59	49	38
Республика Мордовия	57	54	60	58	41	34
Республика Татарстан	73	70	70	73	57	48
Удмуртская Республика	56	54	56	54	48	42
Чувашская Республика	63	59	64	61	48	42
Пермский край	55	47	49	45	37	30
Кировская область	57	49	53	51	48	35
Нижегородская область	55	52	51	50	42	29
Оренбургская область	62	55	57	54	34	20
Пензенская область	62	59	61	63	50	37
Самарская область	66	62	63	65	43	35
Саратовская область	64	64	64	63	47	23
Ульяновская область	62	59	63	65	50	36
Уральский федеральный округ	60	58	59	58	48	36
Курганская область	55	54	56	52	51	30
Свердловская область	57	53	55	51	44	31
Тюменская область	65	65	64	67	59	47
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	74	72	72	78	62	51
Ямало-Ненецкий автономный округ	60	71	70	56	47	49
Тюменская область без авт. округов	60	60	57	59	55	40
Челябинская область	59	59	59	58	41	33
Сибирский федеральный округ	57	51	53	50	38	26
Республика Алтай	57	57	44	41	36	26
Республика Тыва	3	0	0	0	1	25
Республика Хакасия	53	42	53	39	37	26
Алтайский край	58	52	55	52	39	25
Красноярский край	57	51	50	48	39	24
Иркутская область	46	41	43	28	30	13
Кемеровская область	54	47	50	50	38	27
Новосибирская область	61	58	57	59	43	35
Омская область	57	53	56	56	37	24
Томская область	65	63	66	62	50	33
Дальневосточный федеральный округ	47	40	46	37	31	22
Республика Бурятия	57	50	54	44	45	30
Республика Саха (Якутия)	68	67	71	73	62	39
Забайкальский край	39	30	31	17	22	10
Камчатский край	47	37	38	47	30	27
Приморский край	50	45	50	43	37	29
Хабаровский край	47	32	44	19	11	18
Амурская область	34	20	30	3	11	0
Магаданская область	41	24	41	43	39	25
Сахалинская область	40	39	34	29	35	24
Еврейская автономная область	0	0	25	0	0	0
Чукотский автономный округ	0	36	0	70	0	46

Таблица Ж.5. Нормализованное значение показателя уровня занятости населения в возрасте 60 лет и старше

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	22	26	36	23	23	27
Центральный федеральный округ	24	30	42	29	29	35
Белгородская область	15	16	30	31	31	26
Брянская область	14	17	25	17	14	17
Владимирская область	24	28	43	26	24	26
Воронежская область	19	23	35	23	26	36
Ивановская область	19	27	29	21	17	22
Калужская область	27	35	49	30	30	39
Костромская область	16	20	24	13	17	15
Курская область	19	18	25	23	16	19
Липецкая область	13	14	23	13	13	19
Московская область	30	46	62	40	38	43
Орловская область	22	30	39	21	22	27
Рязанская область	11	15	26	23	17	15
Смоленская область	27	36	43	26	17	19
Тамбовская область	10	11	16	12	18	25
Тверская область	25	27	41	27	30	30
Тульская область	29	32	39	32	36	40
Ярославская область	27	35	43	27	24	31
г. Москва	29	31	44	30	33	43
Северо-Западный федеральный округ	29	37	45	28	27	30
Республика Карелия	25	26	27	19	17	14
Республика Коми	28	32	42	28	21	23
Архангельская область	19	23	29	18	17	15
Ненецкий автономный округ	32	38	50	34	27	35
Архангельская область без авт.округа	19	23	28	17	16	14
Вологодская область	20	10	21	12	10	10
Калининградская область	33	41	57	40	34	38
Ленинградская область	20	40	42	29	30	28
Мурманская область	41	48	53	39	37	40
Новгородская область	20	27	37	27	17	21
Псковская область	29	22	38	28	17	35
г. Санкт-Петербург	35	47	56	32	33	38
Южный федеральный округ	20	22	28	16	18	19
Республика Адыгея	0		0	1	0	0
Республика Калмыкия	32	43	31	25	32	33
Республика Крым	13	13	19	13	10	11
Краснодарский край	17	25	28	16	17	23
Астраханская область	28	36	32	13	25	19
Волгоградская область	20	21	29	16	15	13
Ростовская область	20	21	31	17	23	22
г. Севастополь	23	27	53	33	26	29
Северо-Кавказский федеральный округ	21	29	47	34	28	35
Республика Дагестан	29	31	55	35	32	41
Республика Ингушетия	23	92	91	61	48	51
Кабардино-Балкарская Республика	42	56	67	40	33	45
Карачаево-Черкесская Республика	25	31	46	23	26	35
Республика Северная Осетия-Алания	28	31	77	36	23	36

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	0	30	22	70	26	41
Ставропольский край	14	15	31	23	24	25
Приволжский федеральный округ	18	17	26	16	16	18
Республика Башкортостан	15	10	16	9	10	10
Республика Марий Эл	17	19	25	20	17	16
Республика Мордовия	27	20	19	20	16	24
Республика Татарстан	16	17	23	15	16	18
Удмуртская Республика	22	13	21	8	13	12
Чувашская Республика	22	19	26	17	18	22
Пермский край	12	11	18	9	8	7
Кировская область	20	23	35	19	18	15
Нижегородская область	18	20	31	20	23	26
Оренбургская область	15	26	39	16	19	21
Пензенская область	25	17	29	18	14	20
Самарская область	26	26	42	32	32	37
Саратовская область	10	7	17	12	4	3
Ульяновская область	16	15	21	16	12	20
Уральский федеральный округ	19	19	28	18	18	19
Курганская область	17	13	21	10	14	14
Свердловская область	22	21	30	18	18	18
Тюменская область	17	12	15	7	12	8
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	17	19	18	15	20	4
Ямало-Ненецкий автономный округ	18	26	20	19	19	46
Тюменская область без авт. округов	18	5	13	0	5	5
Челябинская область	18	22	37	29	22	29
Сибирский федеральный округ	22	24	30	22	20	25
Республика Алтай	28	40	35	23	27	26
Республика Тыва	19	30	44	28	29	31
Республика Хакасия	17	24	28	16	19	23
Алтайский край	14	10	24	18	14	17
Красноярский край	21	27	26	20	24	30
Иркутская область	30	31	37	23	24	24
Кемеровская область	19	20	25	18	16	19
Новосибирская область	27	30	38	27	21	30
Омская область	31	42	55	32	31	36
Томская область	16	14	15	11	10	9
Дальневосточный федеральный округ	38	50	57	32	32	36
Республика Бурятия	19	17	26	14	15	7
Республика Саха (Якутия)	47	56	69	53	46	52
Забайкальский край	13	9	15	10	12	11
Камчатский край	55	61	74	55	57	72
Приморский край	32	44	47	34	30	39
Хабаровский край	38	51	61	32	36	40
Амурская область	27	37	42	20	23	18
Магаданская область	70	100	94	69	74	100
Сахалинская область	49	65	81	60	53	68
Еврейская автономная область	38	39	52	35	31	33
Чукотский автономный округ	100	99	100	100	100	91

Таблица Ж.6. Нормализованное значение показателя доли населения в возрасте 60 лет и старше, работающего в качестве волонтеров

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	26	15	34	18	19	28
Центральный федеральный округ	35	21	52	37	39	52
Белгородская область	3	6	10	7	3	5
Брянская область	15	9	27	7	6	2
Владимирская область	19	12	33	15	9	13
Воронежская область	4	3	5	2	3	2
Ивановская область	30	18	48	14	13	40
Калужская область	45	38	81	18	14	10
Костромская область	14	9	17	8	13	23
Курская область	4	4	7	3	3	6
Липецкая область	35	13	56	17	11	9
Московская область	7	4	11	4	5	9
Орловская область	4	9	20	7	6	9
Рязанская область	0	6	14	8	11	10
Смоленская область	5	1	5	2	1	1
Тамбовская область	24	0	0	2	1	1
Тверская область	12	5	15	6	6	5
Тульская область	8	5	10	3	3	3
Ярославская область	74	41	65	31	21	16
г. Москва	54	34	58	100	100	100
Северо-Западный федеральный округ	22	11	29	12	14	17
Республика Карелия	30	13	18	17	15	20
Республика Коми	36	20	45	26	19	11
Архангельская область	38	17	38	15	13	16
Ненецкий автономный округ	0	26	17	35	0	55
Архангельская область без авт.округа	37	16	36	13	12	15
Вологодская область	17	9	29	14	12	22
Калининградская область	11	4	16	10	11	11
Ленинградская область	19	5	19	7	8	7
Мурманская область	47	31	42	11	4	7
Новгородская область	23	10	29	11	64	95
Псковская область	29	17	48	35	31	38
г. Санкт-Петербург	12	6	22	10	10	6
Южный федеральный округ	19	11	19	6	6	7
Республика Адыгея	19	0	0	0	0	1
Республика Калмыкия	13	7	12	5	5	5
Республика Крым	26	0	0	1	3	6
Краснодарский край	20	14	23	6	4	2
Астраханская область	21	8	13	2	7	3
Волгоградская область	3	7	17	9	8	26
Ростовская область	9	7	9	6	6	6
г. Севастополь	37	25	73	35	42	73
Северо-Кавказский федеральный округ	22	18	27	8	8	14
Республика Дагестан	34	27	39	10	16	22
Республика Ингушетия	0	0	0	0	0	0
Кабардино-Балкарская Республика	9	8	6	9	3	22
Карачаево-Черкесская Республика	42	100	73	14	7	62
Республика Северная Осетия-Алания	0	0	0	30	9	16

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	0	1	0	0	1	2
Ставропольский край	39	20	33	5	6	5
Приволжский федеральный округ	19	11	27	11	10	19
Республика Башкортостан	18	27	42	7	2	1
Республика Марий Эл	8	6	10	4	3	6
Республика Мордовия	79	32	51	21	30	58
Республика Татарстан	13	4	11	7	5	56
Удмуртская Республика	7	3	7	2	2	5
Чувашская Республика	12	9	29	3	5	9
Пермский край	13	12	33	14	11	6
Кировская область	37	17	29	10	5	6
Нижегородская область	13	12	27	13	10	17
Оренбургская область	11	7	13	11	12	16
Пензенская область	24	14	41	16	17	12
Самарская область	23	13	39	14	14	19
Саратовская область	13	6	9	6	8	7
Ульяновская область	15	8	16	4	6	6
Уральский федеральный округ	14	9	22	9	11	15
Курганская область	6	6	20	5	5	6
Свердловская область	17	8	21	7	11	13
Тюменская область	23	9	29	14	19	21
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	13	0	3	0	8	13
Ямало-Ненецкий автономный округ	92	0	0	0	0	36
Тюменская область без авт. округов	26	15	46	20	25	28
Челябинская область	7	6	14	5	5	10
Сибирский федеральный округ	19	12	28	9	10	13
Республика Алтай	65	13	35	8	10	12
Республика Тыва	6	8	6	8	4	7
Республика Хакасия	15	8	18	6	4	3
Алтайский край	11	8	17	5	5	8
Красноярский край	7	6	13	4	4	14
Иркутская область	31	32	57	18	20	24
Кемеровская область	26	18	13	6	11	8
Новосибирская область	40	24	56	13	11	14
Омская область	15	18	50	11	17	25
Томская область	16	5	32	12	8	11
Дальневосточный федеральный округ	29	13	57	32	36	61
Республика Бурятия	33	18	40	11	11	10
Республика Саха (Якутия)	10	4	24	11	5	5
Забайкальский край	8	9	18	1	1	2
Камчатский край	48	27	41	9	19	10
Приморский край	14	6	16	8	9	22
Хабаровский край	17	5	20	8	10	8
Амурская область	10	24	100	12	20	27
Магаданская область	100	0	10	0	6	20
Сахалинская область	19	23	13	10	15	18
Еврейская автономная область	54	31	57	36	41	64
Чукотский автономный округ	51	9	56	0	0	0

Таблица Ж.7. Среднее нормализованное значение по показателям домена

«Участие»

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	24	19	35	20	21	28
Центральный федеральный округ	29	25	47	33	34	42
Белгородская область	7	9	17	15	10	11
Брянская область	15	13	26	11	9	6
Владимирская область	21	19	37	19	15	18
Воронежская область	8	9	14	7	8	8
Ивановская область	24	22	38	17	15	29
Калужская область	35	37	63	23	20	20
Костромская область	15	13	20	10	15	19
Курская область	8	8	13	8	7	11
Липецкая область	21	13	35	15	12	13
Московская область	14	13	26	13	14	20
Орловская область	10	16	28	12	11	16
Рязанская область	0	9	19	14	13	12
Смоленская область	12	7	15	6	4	5
Тамбовская область	15	0	0	5	5	5
Тверская область	17	11	25	13	13	12
Тульская область	15	13	20	10	10	11
Ярославская область	45	38	53	29	22	22
г. Москва	39	33	51	55	57	66
Северо-Западный федеральный округ	25	20	36	19	19	23
Республика Карелия	28	18	22	18	16	17
Республика Коми	32	26	43	27	20	16
Архангельская область	27	20	33	16	15	15
Ненецкий автономный округ	0	31	29	35	0	44
Архангельская область без авт.округа	26	19	32	15	14	14
Вологодская область	18	9	25	13	11	15
Калининградская область	19	13	30	20	19	20
Ленинградская область	19	14	28	14	16	15
Мурманская область	44	39	47	20	12	17
Новгородская область	22	16	33	17	33	44
Псковская область	29	19	42	31	23	36
г. Санкт-Петербург	20	17	35	17	18	14
Южный федеральный округ	20	15	23	10	10	11
Республика Адыгея	0	0	0	0	0	0
Республика Калмыкия	21	17	20	12	12	13
Республика Крым	19	0	0	3	5	8
Краснодарский край	18	18	26	10	8	7
Астраханская область	24	16	21	6	13	8
Волгоградская область	7	12	22	12	11	18
Ростовская область	13	12	17	10	12	12
г. Севастополь	29	26	62	34	33	46
Северо-Кавказский федеральный округ	22	23	36	17	15	22
Республика Дагестан	31	29	46	19	22	30
Республика Ингушетия	0	0	0	0	0	0
Кабардино-Балкарская Республика	20	21	20	19	10	31
Карачаево-Черкесская Республика	33	56	58	18	14	46
Республика Северная Осетия-Алания	0	0	0	33	15	24

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	0	4	0	0	4	8
Ставропольский край	23	18	32	11	12	11
Приволжский федеральный округ	18	13	26	13	13	19
Республика Башкортостан	16	16	26	8	5	3
Республика Марий Эл	12	11	16	9	8	10
Республика Мордовия	46	25	31	21	22	37
Республика Татарстан	14	9	16	10	9	32
Удмуртская Республика	12	6	13	4	5	8
Чувашская Республика	16	13	28	7	10	14
Пермский край	12	12	25	11	9	6
Кировская область	27	19	32	14	9	10
Нижегородская область	15	16	29	16	15	21
Оренбургская область	13	13	23	13	15	19
Пензенская область	24	15	34	17	16	15
Самарская область	24	19	40	21	21	27
Саратовская область	11	7	12	8	6	5
Ульяновская область	16	11	18	8	8	11
Уральский федеральный округ	17	13	25	13	14	17
Курганская область	10	9	20	7	8	9
Свердловская область	20	13	25	11	14	16
Тюменская область	20	11	21	10	15	13
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	14	0	7	0	12	7
Ямало-Ненецкий автономный округ	40	0	0	0	0	41
Тюменская область без авт. округов	22	9	24	0	12	12
Челябинская область	11	12	23	12	10	17
Сибирский федеральный округ	21	17	29	14	14	18
Республика Алтай	43	23	35	13	17	17
Республика Тыва	11	15	16	15	11	14
Республика Хакасия	16	14	22	10	9	9
Алтайский край	13	9	20	9	9	12
Красноярский край	12	12	18	9	10	21
Иркутская область	30	32	46	20	22	24
Кемеровская область	22	19	18	11	13	12
Новосибирская область	33	27	46	19	15	20
Омская область	21	28	53	19	23	30
Томская область	16	8	21	12	9	10
Дальневосточный федеральный округ	33	26	57	32	34	47
Республика Бурятия	25	17	33	13	13	8
Республика Саха (Якутия)	22	14	41	24	15	16
Забайкальский край	10	9	17	4	3	5
Камчатский край	51	41	55	22	33	27
Приморский край	22	17	27	17	16	29
Хабаровский край	26	16	34	16	19	18
Амурская область	16	30	65	15	21	22
Магаданская область	84	0	30	0	21	45
Сахалинская область	31	39	33	24	28	35
Еврейская автономная область	45	35	54	35	36	46
Чукотский автономный округ	71	29	75	0	0	0

Таблица Ж.8. Нормализованное значение показателя коэффициента замещения

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	69	66	61	59	57	53
Центральный федеральный округ	39	37	34	32	31	28
Белгородская область	100	100	100	100	100	94
Брянская область	100	100	100	100	100	100
Владимирская область	100	100	100	100	100	100
Воронежская область	100	100	100	100	100	89
Ивановская область	100	100	100	100	100	100
Калужская область	100	100	81	78	77	72
Костромская область	100	100	100	100	100	100
Курская область	100	100	100	100	100	89
Липецкая область	100	100	100	100	100	95
Московская область	58	51	48	49	50	48
Орловская область	100	100	100	100	100	100
Рязанская область	100	100	100	100	100	94
Смоленская область	100	100	100	100	100	100
Тамбовская область	100	100	100	100	100	100
Тверская область	100	100	100	100	100	98
Тульская область	100	100	100	100	100	84
Ярославская область	100	100	100	100	100	100
г. Москва	0	0	0	0	0	0
Северо-Западный федеральный округ	70	65	59	57	57	53
Республика Карелия	100	100	100	100	100	100
Республика Коми	100	100	75	76	74	75
Архангельская область	100	100	80	77	76	74
Ненецкий автономный округ	38	38	35	37	37	42
Архангельская область без авт.округа	100	100	89	85	84	80
Вологодская область	100	100	100	100	88	89
Калининградская область	100	100	100	100	100	89
Ленинградская область	100	100	66	66	69	67
Мурманская область	100	71	64	60	56	53
Новгородская область	100	100	100	100	100	100
Псковская область	100	100	100	100	100	100
г. Санкт-Петербург	46	38	34	33	34	32
Южный федеральный округ	108	105	97	94	93	87
Республика Адыгея	100	100	100	100	100	99
Республика Калмыкия	100	100	100	100	100	100
Республика Крым	100	100	100	100	100	91
Краснодарский край	100	100	88	88	87	79
Астраханская область	100	100	83	82	79	77
Волгоградская область	100	100	100	100	100	98
Ростовская область	100	100	100	100	100	92
г. Севастополь	100	100	100	100	100	96
Северо-Кавказский федеральный округ	124	122	113	108	102	100
Республика Дагестан	100	100	100	100	100	94
Республика Ингушетия	100	100	100	100	100	100
Кабардино-Балкарская Республика	100	100	100	100	100	99
Карачаево-Черкесская Республика	100	100	100	100	100	100
Республика Северная Осетия-Алания	100	100	100	100	100	100

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	100	100	100	100	100	100
Ставропольский край	100	100	100	100	100	96
Приволжский федеральный округ	112	110	105	101	100	93
Республика Башкортостан	100	100	100	100	100	87
Республика Марий Эл	100	100	100	100	100	100
Республика Мордовия	100	100	100	100	100	100
Республика Татарстан	100	100	100	100	90	79
Удмуртская Республика	100	100	100	100	100	100
Чувашская Республика	100	100	100	100	100	100
Пермский край	100	100	100	87	86	81
Кировская область	100	100	100	100	100	100
Нижегородская область	100	100	100	100	100	96
Оренбургская область	100	100	100	100	100	97
Пензенская область	100	100	100	100	100	100
Самарская область	100	100	100	100	100	91
Саратовская область	100	100	100	100	100	100
Ульяновская область	100	100	100	100	100	100
Уральский федеральный округ	63	61	60	60	59	57
Курганская область	100	100	100	100	100	100
Свердловская область	100	100	88	86	86	79
Тюменская область	38	35	37	38	36	39
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	50	48	50	51	50	51
Ямало-Ненецкий автономный округ	18	13	15	20	16	19
Тюменская область без авт. округов	100	100	61	57	57	62
Челябинская область	100	100	100	100	100	87
Сибирский федеральный округ	93	90	82	79	77	72
Республика Алтай	100	100	100	100	100	83
Республика Тыва	100	100	100	100	69	72
Республика Хакасия	100	100	80	79	76	74
Алтайский край	100	100	100	100	100	100
Красноярский край	100	100	65	62	58	54
Иркутская область	100	100	69	67	64	61
Кемеровская область	100	100	82	77	80	75
Новосибирская область	100	100	90	85	84	78
Омская область	100	100	100	100	100	89
Томская область	100	100	81	77	75	79
Дальневосточный федеральный округ	61	57	56	51	49	47
Республика Бурятия	100	100	80	77	76	73
Республика Саха (Якутия)	47	44	41	42	42	40
Забайкальский край	100	100	61	61	59	55
Камчатский край	59	53	47	45	43	41
Приморский край	100	100	69	64	62	59
Хабаровский край	100	100	71	71	71	67
Амурская область	100	100	67	62	55	50
Магаданская область	44	37	31	28	25	24
Сахалинская область	32	30	26	23	22	29
Еврейская автономная область	100	100	73	71	67	66
Чукотский автономный округ	34	29	29	28	21	21

Таблица Ж.9. Нормализованное значение показателя отношения среднего размера пенсии к прожиточному минимуму пенсионера

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	17	25	30	32	32	34
Центральный федеральный округ						
Белгородская область	24	29	38	43	51	52
Брянская область	42	24	26	28	26	28
Владимирская область	21	26	32	35	34	36
Воронежская область	11	19	23	24	31	39
Ивановская область	30	27	28	30	31	35
Калужская область	22	26	32	33	31	33
Костромская область	12	20	26	28	30	32
Курская область	43	30	21	25	31	35
Липецкая область	14	19	25	29	36	45
Московская область	24	26	28	26	33	35
Орловская область	27	23	28	29	36	38
Рязанская область	33	21	28	30	36	38
Смоленская область	13	19	24	25	23	30
Тамбовская область	22	27	35	34	34	29
Тверская область	17	22	26	28	29	33
Тульская область	20	25	30	33	30	33
Ярославская область	27	32	40	45	45	46
г. Москва	0	3	6	4	5	10
Северо-Западный федеральный округ						
Республика Карелия	41	52	57	62	28	30
Республика Коми	36	38	40	37	35	34
Архангельская область						
Ненецкий автономный округ	0	0	0	0	4	8
Архангельская область без авт.округа	15	23	37	41	40	39
Вологодская область	20	29	34	37	33	37
Калининградская область	12	17	24	26	21	24
Ленинградская область	33	29	33	35	37	34
Мурманская область	24	21	23	24	15	15
Новгородская область	20	24	28	30	29	32
Псковская область	13	19	24	26	23	27
г. Санкт-Петербург	33	40	43	46	42	42
Южный федеральный округ						
Республика Адыгея	12	16	23	26	33	38
Республика Калмыкия	17	20	25	23	26	27
Республика Крым	20	18	21	25	23	26
Краснодарский край	13	17	23	25	23	27
Астраханская область	15	24	27	24	22	25
Волгоградская область	14	19	26	29	36	41
Ростовская область	11	16	22	26	29	31
г. Севастополь	29	26	28	29	24	31
Северо-Кавказский федеральный округ						
Республика Дагестан	4	2	3	4	8	14
Республика Ингушетия	17	8	11	13	18	25
Кабардино-Балкарская Республика	3	2	5	4	0	5
Карачаево-Черкесская Республика	28	10	13	12	17	25
Республика Северная Осетия-Алания	31	15	25	22	28	30

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	11	11	15	17	18	17
Ставропольский край	22	21	25	26	33	39
Приволжский федеральный округ						
Республика Башкортостан	24	27	31	30	38	36
Республика Марий Эл	15	20	26	28	32	38
Республика Мордовия	23	23	26	25	32	36
Республика Татарстан	30	25	33	38	46	55
Удмуртская Республика	18	23	30	35	43	48
Чувашская Республика	25	26	31	36	44	47
Пермский край	24	26	32	37	40	40
Кировская область	22	24	31	35	43	42
Нижегородская область	26	30	37	42	40	42
Оренбургская область	32	26	30	31	38	38
Пензенская область	23	25	32	28	35	37
Самарская область	32	28	32	37	40	42
Саратовская область	28	26	30	29	36	43
Ульяновская область	19	19	24	27	32	34
Уральский федеральный округ						
Курганская область	14	17	22	24	31	36
Свердловская область	21	30	34	37	37	46
Тюменская область						
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	43	41	43	41	42	40
Ямало-Ненецкий автономный округ	17	21	26	28	33	39
Тюменская область без авт. округов	22	27	33	33	34	40
Челябинская область	20	24	31	33	40	36
Сибирский федеральный округ						
Республика Алтай	8	14	18	18	23	24
Республика Тыва	18	20	24	25	31	33
Республика Хакасия	19	24	30	31	35	33
Алтайский край	14	18	23	24	27	30
Красноярский край	30	33	38	41	31	31
Иркутская область	21	29	34	36	33	32
Кемеровская область	27	30	35	39	47	46
Новосибирская область	15	23	28	30	27	28
Омская область	18	23	26	30	37	41
Томская область	33	37	43	44	40	40
Дальневосточный федеральный округ						
Республика Бурятия	10	18	22	23	25	22
Республика Саха (Якутия)	6	8	11	12	16	16
Забайкальский край	10	17	22	23	17	13
Камчатский край	5	3	6	6	9	12
Приморский край	21	22	26	19	16	15
Хабаровский край	12	15	21	24	20	19
Амурская область	18	27	31	33	24	22
Магаданская область	12	10	14	15	16	15
Сахалинская область	16	19	23	25	31	30
Еврейская автономная область	15	18	23	24	3	0
Чукотский автономный округ	2	3	6	5	9	17

Таблица Ж.10. Среднее нормализованное значение по показателям домена

«Безопасность»

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	35	41	43	43	43	43
Центральный федеральный округ						
Белгородская область	49	54	61	66	72	70
Брянская область	65	49	51	53	51	53
Владимирская область	46	51	56	59	58	60
Воронежская область	33	44	48	49	56	58
Ивановская область	55	52	53	55	55	59
Калужская область	46	51	51	51	49	49
Костромская область	35	45	51	53	55	57
Курская область	66	55	46	50	56	56
Липецкая область	37	44	50	54	60	65
Московская область	37	36	36	36	40	41
Орловская область	52	48	53	54	60	62
Рязанская область	58	46	53	55	60	60
Смоленская область	36	44	49	50	48	55
Тамбовская область	47	52	59	58	58	54
Тверская область	42	47	51	53	54	57
Тульская область	44	50	55	58	55	53
Ярославская область	52	56	63	67	67	68
г. Москва	0	0	0	0	0	0
Северо-Западный федеральный округ						
Республика Карелия	64	72	76	79	53	55
Республика Коми	60	61	55	53	51	51
Архангельская область						
Ненецкий автономный округ	0	0	0	0	13	18
Архангельская область без авт.округа	39	48	57	59	58	56
Вологодская область	45	54	58	61	54	57
Калининградская область	35	41	49	51	46	47
Ленинградская область	58	54	47	49	50	47
Мурманская область	49	39	39	38	29	28
Новгородская область	44	49	53	55	54	57
Псковская область	36	44	49	51	48	52
г. Санкт-Петербург	39	39	38	39	38	37
Южный федеральный округ						
Республика Адыгея	35	40	48	51	57	61
Республика Калмыкия	41	44	50	48	51	52
Республика Крым	45	42	46	50	48	48
Краснодарский край	36	41	45	47	45	46
Астраханская область	39	49	47	45	41	44
Волгоградская область	38	43	51	54	60	63
Ростовская область	34	40	47	51	54	53
г. Севастополь	54	51	53	54	49	55
Северо-Кавказский федеральный округ						
Республика Дагестан	19	13	18	20	28	36
Республика Ингушетия	42	28	34	36	42	50
Кабардино-Балкарская Республика	17	14	21	20	0	21
Карачаево-Черкесская Республика	53	32	36	34	41	50
Республика Северная Осетия-Алания	56	38	50	47	53	55

Субъект РФ	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Чеченская Республика	33	33	39	41	42	41
Ставропольский край	47	46	50	51	57	61
Приволжский федеральный округ						
Республика Башкортостан	49	52	55	55	61	56
Республика Марий Эл	39	45	51	53	56	62
Республика Мордовия	48	48	51	50	56	60
Республика Татарстан	55	50	58	62	64	66
Удмуртская Республика	43	48	55	59	65	69
Чувашская Республика	50	51	56	60	66	68
Пермский край	49	51	57	56	59	57
Кировская область	46	48	56	60	65	65
Нижегородская область	51	55	61	65	63	63
Оренбургская область	56	51	54	55	61	60
Пензенская область	48	50	57	53	59	61
Самарская область	57	53	57	60	63	62
Саратовская область	53	51	54	54	60	66
Ульяновская область	44	44	49	52	57	59
Уральский федеральный округ						
Курганская область	37	41	47	49	56	60
Свердловская область	46	55	55	56	57	60
Тюменская область						
Ханты-Мансийский автономный округ-Югра	46	44	46	46	45	45
Ямало-Ненецкий автономный округ	17	16	20	23	23	27
Тюменская область без авт. округов	47	52	45	43	44	49
Челябинская область	44	49	55	58	63	56
Сибирский федеральный округ						
Республика Алтай	29	38	42	43	48	45
Республика Тыва	42	45	49	50	46	48
Республика Хакасия	44	49	49	49	51	49
Алтайский край	37	43	48	49	52	55
Красноярский край	55	58	49	50	42	41
Иркутская область	46	54	48	49	46	44
Кемеровская область	52	55	54	55	61	59
Новосибирская область	39	48	50	51	48	47
Омская область	43	48	51	55	61	61
Томская область	57	61	59	58	55	56
Дальневосточный федеральный округ						
Республика Бурятия	32	42	42	43	43	40
Республика Саха (Якутия)	16	18	21	22	26	26
Забайкальский край	31	42	36	37	31	27
Камчатский край	17	13	17	17	20	22
Приморский край	45	47	43	35	32	30
Хабаровский край	34	39	39	41	38	35
Амурская область	43	52	46	45	36	33
Магаданская область	23	19	21	20	20	19
Сахалинская область	23	24	24	24	26	30
Еврейская автономная область	38	42	41	42	13	0
Чукотский автономный округ	7	10	13	12	14	19

Приложение И. Стратегии политики активного долголетия

Таблица И.1. Региональные программы активного долголетия в России

Субъект РФ, документ	Основные положения
<i>Центральный федеральный округ</i>	
<p>Белгородская область, Постановление Правительства Белгородской области от 27.12.2021 N 688-пп «Об утверждении комплекса мер по созданию условий для активного долголетия граждан старшего возраста на 2022-2023 годы»</p>	<p>Цель Комплекса мер – сделать граждан всех возрастов активными участниками работы по улучшению своего физического и психологического здоровья, социального благополучия, повышения качества жизни. Задач:</p> <ul style="list-style-type: none"> • вовлечение граждан старшего поколения в активную социальную деятельность; • реализация социального потенциала граждан старшего поколения; • возрождение и развитие традиций духовности, повсеместного межличностного общения, массового участия в культурных процессах; • развитие мероприятий, направленных на профилактику заболеваний среди граждан старшего поколения; • информационное и организационное обеспечение поддержки социальной активности граждан старшего поколения.
<p>Белгородская область, Постановление Правительства Белгородской области от 02.12.2019 N 534-пп «Об утверждении программы Белгородской области "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни"» (с изм. на 03.08.2020)</p>	<p>Цель - увеличение к 2024 г. ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет путем создания условий, направленных на увеличение периода активного долголетия граждан старшего поколения, повышение степени их социальной защищенности, увеличение обращаемости в медицинские организации по вопросам ведения здорового образа жизни, а также на достижение национальной цели по росту ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 г. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание инфраструктуры гериатрической службы в соответствии с Порядком оказания медицинской помощи по профилю "гериатрия", утвержденным Приказом Минздрава России от 29 января 2016 года N 38н. 2. Создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, как составной части мероприятий, направленных на развитие и поддержание функциональных способностей граждан старшего поколения. 3. Повышение охвата профилактическими медицинскими осмотрами, включая диспансеризацию, граждан старше трудоспособного возраста. 4. Увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста, охваченных диспансерным наблюдением. 5. Организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста.

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Воронежская область, Постановление Правительства Воронежской области от 28.05.2020 N 461 «Об утверждении региональной программы "Активное долголетие", направленной на вовлечение граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом, на 2020 - 2024 годы»</p>	<p>Цель – вовлечение граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом Задача – создание условий гражданам старшего поколения для занятий физической культурой и спортом.</p>
<p>Ивановской области, Постановление Правительства Ивановской области от 12.12.2019 N 509-п «Об утверждении региональной программы "Активное долголетие", направленной на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности жизни граждан старшего поколения Ивановской области, на 2020 - 2024 годы» (с изм. на 25.12.2020)</p>	<p>Цель – увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан пожилого возраста. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) развитие мероприятий, направленных на профилактику заболеваний среди граждан старшего поколения; 2) развитие гериатрической службы; 3) обеспечение долговременного ухода за гражданами пожилого возраста; 4) создание условий гражданам старшего поколения для занятий физической культурой и спортом; 5) вовлечение граждан старшего поколения в культурную жизнь общества и обеспечение доступности учреждений культуры; 6) организация досуга граждан старшего поколения; 7) обеспечение конкурентоспособности граждан старшего поколения на рынке труда; 8) вовлечение граждан старшего поколения в активную социальную деятельность, в волонтерство; 9) обеспечение публичности информации о плановых и фактических результатах деятельности региональной программы.
<p>Калужская область, Постановление Правительства Калужской области от 05.12.2019 N 771 «Об утверждении региональной программы "Укрепление здоровья, увеличение периода</p>	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего поколения, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание условий для систематических занятий граждан старшего поколения физической культурой и спортом. 2. Вовлечение граждан старшего поколения в культурную жизнь общества. 3. Повышение доступности туристских услуг для граждан старшего поколения.

Субъект РФ, документ	Основные положения
активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Калужской области"»	<ol style="list-style-type: none"> 4. Развитие гериатрической службы и системы оценки потребности в уходе. 5. Совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения. 6. Развитие системы социального обслуживания граждан старшего поколения и создание условий для развития рынка социальных услуг в сфере социального обслуживания и участия в нем организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности. 7. Формирование позитивного и уважительного отношения к людям старшего поколения, повышение готовности населения к происходящим демографическим изменениям.
Костромская область, Постановление Администрации Костромской области от 02.12.2019 N 477-а «Об утверждении программы "Системная поддержка и повышение качества жизни граждан старшего поколения "Активное долголетие" в Костромской области на 2019-2024 годы» (с изм. на 01.06.2020)	<p>Цель – увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет. Мероприятия, направленные на:</p> <ul style="list-style-type: none"> • реализацию популяционной стратегии профилактики, формирование условий для содействия здоровому старению и ведению здорового образа жизни гражданами пожилого и старческого возраста; • повышение доступности и качества оказания первичной медико-санитарной помощи гражданам пожилого и старческого возраста, первичная и вторичная профилактика ХНИЗ; • реализацию дополнительных профилактических программ для граждан пожилого и старческого возраста; • совершенствование инфраструктуры гериатрической службы в соответствии с порядком оказания медицинской помощи по профилю "гериатрия"; • повышение качества медицинской помощи гражданам старше трудоспособного возраста; • создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого и старческого возраста на основе межведомственного взаимодействия; • разработку и внедрение специфических межведомственных и междисциплинарных программ для граждан пожилого и старческого возраста.
Курская область, Постановление Администрации Курской области от 05.12.2019 N 1204-па «Об утверждении	<p>Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание условий, способствующих увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни населения Курской области, продлению периода активности, поддержке здоровья лиц пожилого и старческого возраста. 2. Формирование региональной гериатрической службы.

Субъект РФ, документ	Основные положения
региональной программы "Увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни населения Курской области"»	<p>3. Организация семейного ухода, поддержка и развитие стационарзамещающих технологий – социальное обслуживание и медицинская помощь на дому, в полустационарной и стационарной форме с привлечением службы сиделок и патронажа.</p> <p>4. Компенсация дефицита самообслуживания:</p> <ul style="list-style-type: none"> • сохранение независимости, самостоятельности, автономности человека; • достижение максимально возможного качества жизни и сохранение жизненных потребностей для людей, частично или полностью утративших способность к самостоятельному уходу.
Курская область, Постановление Администрации Курской области от 02.06.2021 N 586-па «Об утверждении паспорта Концепции социального проекта "Курское долголетие" на 2021 - 2030 годы»	<p>Цель – создание условий для активного долголетия, качественной жизни граждан пожилого возраста, мотивации к ведению гражданами здорового образа жизни и реализации творческого потенциала. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • организация на системной основе досуга граждан старшего возраста и возможности для самореализации в различных сферах деятельности; • вовлечение граждан старшего возраста в активную социальную и волонтерскую деятельность; • популяризация здорового образа жизни; • получение новых навыков путем обучения на специальных курсах; • расширение доступа граждан старшего поколения для занятий физической культурой и спортом; • удовлетворение культурных и творческих потребностей; • развитие системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами; • обеспечение конкурентоспособности граждан старшего возраста на рынке труда.
Липецкая область, Приказ УЗ Липецкой области от 17.09.2020 № 1176 «О реализации в 2020 году медицинскими организациями Липецкой области региональной профилактической акции "Здоровое долголетие"»	<p>Цель:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Активное предупреждение преждевременной смертности населения, в т.ч. в трудоспособном возрасте. 2. Повышение доступности специализированной, в т.ч. высокотехнологичной, медицинской помощи для жителей муниципальных районов Липецкой области. 3. Углубленное изучение главными внештатными специалистами управления здравоохранения Липецкой области состояния здоровья больных хроническими заболеваниями, состоящих на диспансерном учете 4. Отбор главными внештатными специалистами управления здравоохранения Липецкой области больных для оздоровления и лечения в условиях областных многопрофильных стационаров и направления на лечение за пределы Липецкой области.

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Московская область, Распоряжение Правительства Московской области от 30.12.2020 N 1051-РП «Об утверждении плана мероприятий (программы мероприятий), направленных на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Московской области, на 2020-2024 годы»</p>	<p>Цель – улучшение положения и качества жизни граждан старшего поколения, проживающих на территории Московской области, путем укрепления их здоровья, увеличения периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • улучшение социально-экономического положения и качества жизни граждан старшего поколения; • вовлечение граждан старшего поколения в культурную жизнь общества; • развитие системы социального обслуживания граждан старшего поколения, реализация системы долговременного ухода за гражданами старшего поколения; • обеспечение совершенствования организации профессионального обучения, дополнительного профессионального образования по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям для реализации трудового потенциала граждан старшего поколения; • совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения, включая развитие медицинской помощи по профилю «гериатрия»; • создание условий для развития рынка социальных услуг в сфере социального обслуживания и участия в нем организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности; • развитие благотворительности и добровольческой (волонтерской) деятельности в интересах граждан старшего поколения, особенно «серебряного волонтерства»; • формирование позитивного и уважительного отношения к людям старшего поколения, повышение готовности всего населения к происходящим демографическим изменениям, увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни и другие направления; • создание для граждан старшего поколения условий для занятия физической культурой и спортом; • информирование граждан старшего поколения, в т.ч. развитие мобильных сервисов.
<p>Орловской области, Распоряжение Правительства Орловской области от 22.09.2020 N 584-р «Об утверждении региональной программы "Активное долголетие" в Орловской области»</p>	<p>Цель – вовлечение граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом. Задача – создание условий гражданам старшего возраста для занятий физической культурой и спортом.</p>

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Смоленская область, Постановление Администрации Смоленской области от 22.11.2019 N 706 «Об утверждении региональной программы "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения, проживающих на территории Смоленской области" на 2019 - 2024 годы»</p>	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего поколения, проживающих на территории Смоленской области, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни до 67 лет. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения, проживающих на территории Смоленской области. Создание к 2024 году условий для активного долголетия, • качественной жизни граждан старшего поколения, ведения гражданами здорового образа жизни; • реализация системы долговременного ухода за гражданами старшего поколения и обеспечение сбалансированного социального обслуживания на дому и в стационарной форме, а также предоставление социальных услуг на дому с привлечением патронажной службы и сиделок; • развитие системы социального обслуживания граждан старшего поколения; • совершенствование коммуникативных связей граждан старшего поколения, проживающих в организациях стационарного социального обслуживания, в т.ч. посредством социокультурной реабилитации; • привлечение негосударственных организаций к предоставлению социальных услуг в сфере социального обслуживания граждан старшего поколения; • обучение граждан старшего поколения компьютерной и финансовой грамотности; • обеспечение гражданам старшего поколения возможности адаптироваться к реалиям и требованиям современного общества, не чувствовать себя одинокими; • поддержка занятости лиц предпенсионного возраста, прежде всего в части обеспечения конкурентоспособности на рынке труда; • выявление и поощрение лучших добровольцев "серебряного" возраста; • создание условий, обеспечивающих гражданам старшего поколения, проживающим в Смоленской области, возможность систематически заниматься физической культурой и спортом, привлечение наибольшего количества граждан старшего поколения к занятиям спортом.

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Тамбовская область, Постановление Администрации Тамбовской области от 12.12.2019 N 1383 «Об утверждении Программы по укреплению здоровья, увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Тамбовской области на 2020 - 2024 годы» (с изм. на 04.03.2021)</p>	<p>Цель – улучшение положения и качества жизни граждан пожилого возраста путем укрепления их здоровья, увеличения периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни.</p> <p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами; • вовлечение граждан пожилого возраста в культурную жизнь общества; • организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста; • совершенствование системы охраны здоровья граждан пожилого возраста, включая развитие медицинской помощи по профилю "гериатрия"; • развитие системы социального обслуживания граждан пожилого возраста и создание условий для развития рынка социальных услуг в сфере социального обслуживания и участия в нем организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности; • развитие благотворительности и добровольческой (волонтерской) деятельности в интересах граждан пожилого возраста.
<p>Тульская область, Распоряжение Правительства Тульской области от 04.03.2021 N 114-р «Об утверждении Плана мероприятий "Тульское долголетие"»</p>	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего поколения, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни.</p> <p>Факторы активного долголетия и основные задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Здравоохранение и гигиена (медицинская помощь в соответствии с возрастом, диспансерное наблюдение): <ul style="list-style-type: none"> • оказание адекватной медицинской помощи в соответствии с возрастом; • своевременное выявление и лечение хронических неинфекционных заболеваний, коррекция факторов риска их развития, формирование здорового образа жизни; • профилактика осложнений хронических неинфекционных заболеваний, снижение смертности за счет вакцинации против управляемых инфекций. 2. Правильное питание и сон, режим дня: <ul style="list-style-type: none"> • формирование культуры правильного питания, здорового сна, гигиены, правильных психологических установок, привычек и т.д. 3. Адекватная возрасту физическая активность: повышение мотивации граждан к регулярным занятиям физической культурой и спортом, ведению здорового образа жизни; создание для всех категорий и групп населения условий для занятий физической культурой и спортом, массовым спортом; формирование здорового

Субъект РФ, документ	Основные положения
	<p>образа жизни и увеличение двигательной активности за счет регулярных занятий спортом.</p> <p>4. Развивающая деятельность:</p> <ul style="list-style-type: none"> • обеспечение координации деятельности культурно-досуговых учреждений Тульской области, направленной на удовлетворение творческих потребностей граждан старшего поколения; • творческая самореализация граждан старшего поколения; • развитие клубов по интересам; • вовлечение граждан старшего поколения в волонтерскую деятельность и культурную жизнь общества, в т.ч. ознакомление с достижениями Тульской области; • библиотечно-информационное обслуживание на дому одиноких пожилых людей, лишенных мобильности; • творческая, бытовая и психологическая реабилитация пожилых инвалидов; • повышение новых навыков, в т.ч. получение дополнительного профессионального образования, повышение финансовой и компьютерной грамотности граждан, обучение работе с информационно-поисковыми сервисами и основам предпринимательской деятельности; • создание условий для психологического и социального долголетия граждан пожилого возраста; • правовое просвещение граждан (сельских старост, руководителей территориального общественного самоуправления). <p>5. Правильные психологические установки (установки долгожительства):</p> <ul style="list-style-type: none"> • повышение личной мотивации на долголетие; улучшение условий жизнедеятельности граждан старшего поколения; формирование позитивного и уважительного отношения к людям старшего поколения, организация досуговой деятельности; • создание условий для активной жизненной позиции и социального долголетия граждан пожилого возраста; • оказание помощи гражданам пожилого возраста с привлечением "серебряных" волонтеров; • повышение квалификации специалистов учреждений социального обслуживания по программам, направленным на повышение компетентности в вопросах активного долголетия граждан старшего поколения; • популяризация мероприятий, направленных на улучшение качества жизни граждан старшего поколения, увеличение периода активного долголетия.

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Ярославской области, Постановление Правительства Ярославской области от 11.12.2019 N 859-п «О программе "Повышение качества жизни граждан старшего поколения в Ярославской области" на 2020 - 2025 годы» (с изм. на 15.12.2021)</p>	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего поколения, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни.</p> <p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • совершенствование нормативно-правового обеспечения принятия мер по улучшению социально-экономического положения и качества жизни граждан старшего поколения; • укрепление социальной защищенности пожилых людей, оказание мер социальной поддержки и социальной помощи гражданам в трудной жизненной ситуации; • сохранение здоровья пожилых граждан; • создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и системы оценки потребности в уходе, обеспечение сбалансированного социального обслуживания в полустационарной и стационарной форме, а также предоставление социальных услуг и медицинской помощи на дому с привлечением патронажной службы и сиделок; • создание комфортных и приближенных к домашним условий проживания в стационарных учреждениях социального обслуживания и развитие рынка социальных услуг; • содействие занятости граждан предпенсионного и пенсионного возраста; • создание для граждан пожилого возраста условий для занятий физической культурой, спортом, творчеством, туризмом, вовлечение их в добровольческую (волонтерскую) деятельность; • кадровое, информационное и научно-методическое сопровождение реализации Программы.
<p>г. Москва, Постановление Правительства Москвы от 18.12.2018 N 1578- ПП «О реализации в городе Москве проекта "Московское долголетие"» (с изм. на 26.12.2019)</p>	<p>Цель – создание на постоянной основе системы организации активного досуга граждан старшего поколения и иных категорий граждан, расширения форм социальных коммуникаций, дальнейшего повышения жизненной активности указанных категорий граждан, способствующей увеличению продолжительности жизни населения города Москвы. Проект реализуется на постоянной основе в целях расширения возможностей участия граждан старшего поколения и иных категорий граждан в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях (далее – досуговые занятия), способствующих:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Повышению жизненной активности граждан, развитию внутренних ресурсов граждан, позволяющих расширить возможности их самореализации. 2. Содействию в формировании позитивного представления граждан об активном образе жизни, реализации дальнейших мер по улучшению качества жизни граждан.

Субъект РФ, документ	Основные положения
	<ol style="list-style-type: none"> 3. Развитию различных форм социальных коммуникаций, в том числе путем участия граждан в проводимых конкурсах и фестивалях для демонстрации своих достижений, обмена полученными навыками, умениями и достижениями. 4. Стимулированию организаций различных форм собственности, в том числе социально ориентированных некоммерческих организаций, на реализацию мероприятий по активному образу жизни и проведению для граждан досуговых занятий разного вида и различной тематики. 5. Реализация Проекта осуществляется для граждан, имеющих место жительства в городе Москве, достигших возраста женщины 55 лет и мужчины 60 лет, либо являющихся получателями досрочной страховой пенсии по старости или пенсии по выслуге лет независимо от их возраста. 6. Реализация Проекта предусматривает организацию проведения досуговых занятий для граждан в каждом районе города Москвы без привлечения средств граждан.
<i>Северо-Западный федеральный округ</i>	
<p>Республика Коми, Постановление Правительства Республики Коми от 27.11.2019 N 569 «Об утверждении региональной программы Республики Коми "Активное долголетие (2020 - 2024 годы)"» (с изм. на 17.12.2022)</p>	<p>Цель – улучшение положения и качества жизни граждан старшего поколения, повышение степени их социальной защищенности, активизация участия граждан старшего поколения в жизни общества, обеспечение их социальной защищенности. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) организационно-правовое, информационное и кадровое обеспечение социальной защищенности граждан старшего поколения; 2) совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения; 3) организация досуга граждан старшего поколения, активизация их участия в жизни общества и обеспечение доступа к информационным и образовательным ресурсам; 4) развитие современных форм социального обслуживания, рынка социальных услуг, финансовое обеспечение граждан старшего поколения и стимулирование их занятости; 5) активное долголетие – расширение возможностей участия граждан старшего поколения в физкультурных и оздоровительных мероприятиях.

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Ненецкий автономный округ, Приказ Департамента ЗТ и СЗН НАО от 19.11.2019 N 58 «Об утверждении региональной программы "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Ненецком автономном округе на 2019 - 2024 годы"»</p>	<p>Цель – увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет. Результаты к 2024 г.:</p> <ul style="list-style-type: none"> • организация в Ненецком автономном округе оказания медицинской помощи по профилю «гериатрия»; • укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни; • создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающей сбалансированные социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, в полустационарной и стационарной форме с привлечением патронажной службы и сиделок, а также поддержку семейного ухода; • приведение в Ненецком автономном округе организаций социального обслуживания в надлежащее состояние, а также ликвидация очередей в них.
<p>Калининградская область, Постановление Правительства Калининградской области от 05.12.2019 N 814 «Об утверждении региональной программы Калининградской области "Поддержка граждан старшего поколения"» (с изм. на 18.06.2020)</p>	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего возраста, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) формирование условий для укрепления здоровья, увеличение периода активного долголетия граждан старшего возраста; 2) создание условий для вовлечения граждан старшего возраста в занятия физической культурой и спортом.
<p>Мурманская область, Постановление Правительства Мурманской области от 29.11.2019 N 539-ПП «Об утверждении Программы мероприятий, направленных на увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни пожилых людей в Мурманской области,</p>	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего поколения, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • финансовое обеспечение граждан старшего поколения путем оказания дополнительных мер социальной поддержки и стимулирования их занятости; • совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения, повышение доступности медицинских услуг, развитие гериатрической службы; • удовлетворение потребности граждан пожилого возраста в социальных услугах в соответствии с индивидуальной нуждаемостью; • внедрение системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами;

Субъект РФ, документ	Основные положения
на 2019 - 2024 годы» (с изм. на 06.05.2020)	<ul style="list-style-type: none"> • создание условий для развития рынка социальных услуг в сфере социального обслуживания и участия в нем организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности; • организация досуговой деятельности, культурных и спортивных мероприятий для граждан пожилого возраста; • создание условий для удовлетворения образовательных потребностей граждан старшего поколения; • обеспечение доступности для пожилых людей общественного транспорта, включая обеспечение приспособленности парка общественного транспорта к потребностям маломобильных групп населения; • привлечение добровольцев (волонтеров) к оказанию помощи гражданам старшего поколения.
Новгородская область, Постановление Правительства Новгородской области от 13.12.2019 N 488 «Об утверждении региональной программы "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни"»	Направлена на создание к 2024 году условий для активного долголетия, качественной жизни граждан пожилого возраста, мотивации к ведению гражданами ЗОЖ. Реализация региональной программы предусматривает мероприятия, направленные на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан области, повышение доступности и качества социальных услуг жителям старших возрастных групп, а также развитие гериатрической службы в области.
г. Санкт-Петербург, Распоряжение Правительства Санкт-Петербурга от 23.11.2021 N 37-рп «О Плане мероприятий на 2021-2025 годы по реализации в Санкт-Петербурге второго этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года»	Цель: <ul style="list-style-type: none"> • повышение ожидаемой продолжительности жизни к 2030 году - до 78 лет; • увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни к 2024 году - до 67 лет. Поддержка со стороны общества и государства в сохранении социального положения и применения потенциала пожилых людей, в т.ч. за счет: <ul style="list-style-type: none"> • обеспечения достойного уровня жизни, посильной трудовой занятости, гарантий в части условий и оплаты труда, недопущения при трудоустройстве дискриминации по признаку возраста; • развития комплексной медико-социальной помощи через эффективное взаимодействие исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга в сфере здравоохранения и социального обслуживания;

Субъект РФ, документ	Основные положения
	<ul style="list-style-type: none"> • модернизации и развития социального обслуживания граждан старшего поколения, в т.ч. внедрения СДУ; • обучения навыкам компьютерной и финансовой грамотности и адаптации к современным средствам коммуникации, в т.ч. с учетом концепции непрерывного образования; • сохранения активного участия граждан старшего поколения в социальной жизни в целях улучшения их социального самочувствия и психологического благополучия путем создания условий для культурно-досуговой деятельности, занятий физической культурой и спортом, развития туризма и добровольческой (волонтерской) деятельности.
Южный федеральный округ	
<p>Республика Адыгея, Распоряжение Главы Республики Адыгея от 10 декабря 2019 г. № 369-рг «О региональной программе "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Республике Адыгея на 2020 - 2024 годы"» (с изм. на 27.12.2019)</p>	<p>Целью – улучшение положения и качества жизни граждан старшего поколения, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задач к 2024 г.:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; 2) создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами как составной части мероприятий, направленных на развитие и поддержание функциональных способностей граждан старшего поколения, включающей сбалансированные социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, в полустационарной и стационарной форме с привлечением патронажной службы и сиделок, а также поддержку семейного ухода; 3) содействие приведению организаций социального обслуживания населения Республики Адыгея в надлежащее состояние, а также ликвидации очередей в них; 4) доведение численности лиц в возрасте 50 лет и старше, а также граждан предпенсионного возраста, прошедших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование, до 891 человека.
<p>Республика Калмыкия, Приказ Министерства здравоохранения Республики Калмыкия Приказ Минсоца РК от 18.11.2019 N 474/1-пр «Об утверждении региональной</p>	<p>Цель – увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет. Ожидаемые результаты реализации Программы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Уровень госпитализации на геронтологические койки лиц старше 60 лет на 10 тыс. населения соответствующего возраста - 49,5; 2. Охват граждан старше трудоспособного возраста профилактическими осмотрами, включая диспансеризацию - 70%;

Субъект РФ, документ	Основные положения
программы Республики Калмыкия, направленной на увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни»	<ol style="list-style-type: none"> 3. Доля лиц старше трудоспособного возраста, у которых выявлены заболевания и патологические состояния, находящихся под диспансерным наблюдением - 90%; 4. Организация системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами в 17 учреждениях социального обслуживания населения; 5. Организация деятельности клубов здоровья на базе учреждений социального обслуживания в целях укрепления здоровья, пропаганды здорового образа жизни среди граждан пожилого возраста, в которых к 2024 году примут участие не менее 5000 человек; 6. Доля граждан старшего поколения, систематически занимающихся физической культурой и спортом на территории Республики Калмыкия, 25%.
Краснодарский край, Постановление Главы Администрации (Губернатора) Краснодарского края от 29.11.2019 N 822 «Об утверждении региональной программы "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности жизни граждан старшего поколения в Краснодарском крае" на 2020 - 2025 годы» (с изм. на 26.01.2022)	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего поколения: укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • создание условий для расширения возможностей активного долголетия граждан старшего поколения; • совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения, включая развитие медицинской помощи по профилю "гериатрия"; • вовлечение граждан старшего поколения в активную жизнь общества; • формирование позитивного и уважительного отношения к людям старшего поколения.
Астраханская область, Постановление Правительства Астраханской области от 06.12.2019 N 487-П «О региональной программе "Увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни в Астраханской области"»	<p>Цель – увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Совершенствование социального обслуживания пожилых граждан. 2. Формирование позитивного и уважительного отношения к людям старшего поколения, проведение информационно-коммуникационной кампании по популяризации системной поддержки и повышения качества жизни пожилых граждан. 3. Формирование благоприятной среды, способствующей активному долголетию, развитие форм интеграции граждан старшего поколения в жизнь общества, проектов "активного долголетия" путем использования различных форматов организации досуга и занятий физкультурой, развитие "серебряного" волонтерства.

Субъект РФ, документ	Основные положения
	<ol style="list-style-type: none"> 4. Совершенствование системы профилактических мероприятий и мероприятий по формированию ЗОЖ путем издания и распространения наглядных материалов, разработки и внедрения профилактических программ на всех уровнях, проведение диспансеризации и профилактических медицинских осмотров, проведение вакцинации против пневмококковой инфекции лиц старше трудоспособного возраста, проживающих в организациях социального обслуживания. 5. Совершенствование первичной медико-санитарной помощи, в т.ч. в труднодоступных и отдаленных районах Астраханской области. 6. Совершенствование медицинской реабилитации путем укомплектования службы реабилитации врачами-специалистами. 7. Совершенствование онкологической помощи путем создания ЦАОП в медицинских организациях Астраханской области, развития телемедицины. 8. Совершенствование паллиативной помощи путем расширения паллиативной медицинской помощи на дому, в т.ч. работы выездных патронажных бригад, ведения регистра пациентов, нуждающихся в паллиативной медицинской помощи. 9. Совершенствование гериатрической помощи путем создания гериатрических кабинетов, гериатрических коек, наращивания объемов специализированной медицинской помощи по профилю "гериатрия" в амбулаторных и стационарных условиях. 10. Развитие и совершенствование межведомственного взаимодействия в части оказания гериатрической и паллиативной медицинской помощи, разработка и реализация межведомственных и междисциплинарных программ и проектов.
<p>Волгоградская область, Приказ Облспорткомитета Волгоградской области от 18.09.2020 N 485 «Об утверждении региональной программы "Активное долголетие", направленной на вовлечение граждан старшего возраста в систематические</p>	<p>Цель – вовлечение граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом. Задача – создание условий гражданам старшего возраста для занятий физической культурой и спортом.</p>

Субъект РФ, документ	Основные положения
занятия физической культурой и спортом, на 2020 - 2024 годы» (с изм. на 26.04.2021)	
Ростовская область, Постановление Правительства Ростовской области от 28.09.2020 N 19 «Об утверждении региональной программы "Активное долголетие"»	Цель – вовлечение граждан старшего возраста (женщины 55 - 79 лет; мужчины 60 - 79 лет), проживающих на территории Ростовской области, в систематические занятия физической культурой и спортом. Задачи: <ul style="list-style-type: none"> • совершенствование системы проведения физкультурно-спортивных мероприятий для граждан старшего возраста (женщины 55 - 79 лет; мужчины 60 - 79 лет); • повышение качества физкультурно-спортивной работы по месту жительства граждан старшего возраста (женщины 55 - 79 лет; мужчины 60 - 79 лет); • популяризация спортивного образа жизни среди граждан старшего возраста (женщины 55 - 79 лет; мужчины 60 - 79 лет); • повышение значимости Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса "Готов к труду и обороне" (ГТО) в физическом воспитании граждан старшего возраста (женщины 55 - 79 лет; мужчины 60 - 79 лет).
Северо-Кавказский федеральный округ	
Кабардино-Балкарская Республика, Распоряжение Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 26.12.2019 N 663-рп «Об утверждении региональной программы "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Кабардино-Балкарской Республике (2020 - 2024 годы)"»	Цель – создание условий для укрепления здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения, а также повышения уровня и качества жизни людей старшего поколения. Задачи: <ul style="list-style-type: none"> • улучшение положения граждан старшего поколения, направленное на укрепление здоровья, увеличения периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения; • совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения; • развитие гериатрической службы и системы оценки потребности в уходе; • обеспечение профессионального обучения, дополнительного профессионального образования по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям для реализации трудового потенциала граждан старшего поколения; • развитие системы социального обслуживания граждан старшего поколения, создание условий для развития рынка социальных услуг и участия в нем организаций различных форм собственности;

Субъект РФ, документ	Основные положения
	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение нуждающихся граждан старшего поколения, проживающих в стационарных организациях социального обслуживания, высококачественным сбалансированным питанием с учетом рациональных норм потребления пищевых продуктов; • создание условий для систематических занятий граждан старшего поколения физической культурой; • создание условий для обеспечения гражданам старшего поколения доступа к информации; социокультурная адаптация граждан пожилого возраста; • создание условий для удовлетворения образовательных потребностей граждан старшего поколения; • повышение уровня финансовой и правовой грамотности граждан старшего поколения в условиях современной экономики; • повышение доступности туристских услуг для граждан старшего поколения; • развитие общественного транспорта, включая обеспечение приспособленности парка общественного транспорта к потребностям маломобильных групп населения; развитие благотворительности и добровольческой (волонтерской) деятельности в интересах граждан старшего поколения; • формирование позитивного и уважительного отношения к людям старшего поколения, повышение готовности всего населения к происходящим демографическим изменениям; • обеспечение условий для осуществления общественного контроля за исполнением мероприятий Программы.
<p>Карачаево-Черкесская Республика, Постановление Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 17.12.2019 N 319 «Об утверждении региональной программы Карачаево-Черкесской Республики "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни пожилого возраста в</p>	<p>Цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание к 2024 году условий для активного долголетия, качественной жизни граждан пожилого возраста, мотивации к ведению гражданами здорового образа жизни. 2. Разработка системной поддержки и повышения качества жизни пожилых людей, создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, активизация участия пожилых людей в жизни общества. <p>Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан пожилого возраста: <ul style="list-style-type: none"> • совершенствование системы профилактики здорового образа жизни граждан пожилого возраста; • развитие медицинской помощи по профилю "гериатрия" и системы оценки потребности в уходе; • проведение гражданам старше трудоспособного возраста из групп риска, проживающих в учреждениях социального типа, вакцинации против пневмококковой инфекции.

Субъект РФ, документ	Основные положения
Карачаево-Черкесской Республике на 2019 - 2024 годы"»	<ol style="list-style-type: none"> 2. Проведение дополнительных скринингов лицам старше 65 лет, проживающим в сельской местности, на выявление отдельных социально значимых неинфекционных заболеваний, оказывающих вклад в структуру смертности населения с возможностью доставки лиц в медицинские организации. 3. Создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами как составной части мероприятий, направленных на развитие и поддержание функциональных способностей граждан старшего поколения, включающей сбалансированные социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому в полустационарной и стационарной формах с привлечением патронажной службы и сиделок, а также поддержку семейного ухода. 4. Актуализация образовательных программ подготовки по основам оказания медико-социальной помощи гражданам старшего поколения для врачей различных специальностей, фельдшеров, медицинских сестер, работников системы социальной защиты населения, специалистов по уходу.
Чеченская Республика, Распоряжение Правительства Чеченской Республики от 01.12.2019 N 459-р «Об утверждении Комплексного плана мероприятий "Активное долголетие" по развитию физической культуры и спорта среди граждан старшего возраста на 2020 - 2024 годы»	Цель – вовлечения граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом.
Ставропольский край, Постановление Правительства Ставропольского края от 23.10.2019 N 460-п «О краевой программе "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни	Цель – улучшение положения и качества жизни граждан пожилого возраста, проживающих на территории Ставропольского края, путем укрепления их здоровья, увеличения периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи: <ul style="list-style-type: none"> • вовлечение граждан пожилого возраста в культурную жизнь общества; • обеспечение организации профессионального обучения, дополнительного профессионального образования по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям для реализации трудового потенциала граждан в возрасте 50 лет и старше, а также граждан предпенсионного возраста, проживающих на территории Ставропольского края;

Субъект РФ, документ	Основные положения
граждан пожилого возраста в Ставропольском крае на 2019 - 2024 годы"» (с изм. на 24.12.2021)	<ul style="list-style-type: none"> • совершенствование системы охраны здоровья граждан пожилого возраста, включая развитие медицинской помощи по профилю "гериатрия"; • развитие системы социального обслуживания граждан пожилого возраста и создание условий для развития рынка социальных услуг в сфере социального обслуживания и участия в нем организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности; • развитие благотворительности и добровольческой (волонтерской) деятельности в интересах граждан пожилого возраста; • формирование позитивного и уважительного отношения к гражданам пожилого возраста, повышение готовности населения Ставропольского края к происходящим демографическим изменениям, увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан пожилого возраста; • создание для граждан пожилого возраста условий для занятия физической культурой и спортом.
<i>Приволжский федеральный округ</i>	
Республика Марий Эл, Постановление Правительства Республики Марий Эл от 27.07.2020 N 290 «Об утверждении региональной программы "Активное долголетие в Республике Марий Эл" на 2020 - 2024 годы»	<p>Цель – улучшение положения и качества жизни граждан старшего поколения посредством мотивации к ведению здорового образа жизни, активизации собственных возможностей, пропаганды роли занятий физической культурой и спортом. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • создание условий для систематических занятий граждан старшего поколения физической культурой и спортом; • обеспечение условий для доступности занятий физической культурой и спортом на объектах городской и рекреационной инфраструктуры Республики Марий Эл, приспособленных для занятий физической культурой и спортом; • увеличение количества волонтеров "серебряного возраста", участвующих в физкультурных и спортивных мероприятиях; • повышение эффективности участия социально ориентированных некоммерческих организаций в реализации мероприятий в области физической культуры и спорта; • повышение количества и качества услуг в сфере физической культуры и спорта, предоставляемых для граждан старшего поколения с учетом изменяющихся потребностей этих граждан в занятиях физической культурой и спортом; • формирование системы мотивации граждан старшего поколения к ведению здорового образа жизни, включая здоровое питание и отказ от вредных привычек.

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Нижегородская область, Постановление Правительства Нижегородской области от 05.12.2019 N 918 «Об утверждении программы "Активное долголетие в Нижегородской области"» (с изм. на 21.01.2021)</p>	<p>Цель – увеличение средней продолжительности жизни, периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • обеспечение доступности и увеличение эффективности оказания медицинской помощи населению, в т.ч. старше трудового возраста; • обеспечение комплексности, доступности, эффективности медико-социальной помощи гражданам старшего поколения; • снижение показателя смертности; • снижение показателя инвалидности.
<p>Саратовская область, Постановление Правительства Саратовской области от 26.08.2020 N 730-П «Об утверждении программы Саратовской области "Активное долголетие на 2020-2024 годы"»</p>	<p>Цель – повышение качества жизни и создание условий для увеличения продолжительности жизни граждан пожилого возраста, проживающих на территории Саратовской области. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • совершенствование коммуникативных связей граждан пожилого возраста; • привлечение граждан пожилого возраста к участию в спортивных мероприятиях и приобщение их к физической культуре; • увеличение количества мероприятий по профилактике заболеваний; • организация физкультурно-массовых мероприятий для граждан пожилого возраста; • содействие ведению здорового образа жизни среди пожилых граждан в целях поддержания их здоровья.
Уральский федеральный округ	
<p>Ямало-Ненецкий автономный округ, Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 06.11 ноября 2020 года N 1284-П «О реализации в 2021 и 2022 годах на территории отдельных муниципальных образований в Ямало-Ненецком автономном округе пилотного проекта "Ямальское долголетие"»</p>	<p>Цель – расширение возможностей участия граждан старшего поколения в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и досуговых мероприятиях. Целью предоставления гранта является расширение возможностей участия граждан старшего поколения в досуговых занятиях, способствующих:</p> <ul style="list-style-type: none"> • повышению жизненной активности граждан старшего поколения, развитию внутренних ресурсов граждан старшего поколения, позволяющих расширить возможности их самореализации; • содействию в формировании позитивного представления граждан старшего поколения об активном образе жизни, реализации дальнейших мер по улучшению качества жизни граждан старшего поколения; • развитию различных форм социальных коммуникаций, в том числе путем участия граждан старшего поколения в проводимых конкурсах и фестивалях для демонстрации своих достижений, обмена полученными навыками, умениями и достижениями;

Субъект РФ, документ	Основные положения
	<ul style="list-style-type: none"> • стимулированию организаций различных форм собственности, в т.ч. социально ориентированных некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей и самозанятых к реализации досуговых занятий по активному образу жизни и проведению для граждан старшего поколения досуговых занятий разного вида и различной тематики.
Сибирский федеральный округ	
<p>Алтайский край, Приказ Минздрава Алтайского края от 07.04.2021 N 152, Приказ Минсоцзащиты Алтайского края от 07.04.2021 № 117 Приказ Минспорта Алтайского края от 07.04.2021 N 111 «Об утверждении программы "Активное долголетие"»</p>	<p>Цели:</p> <ul style="list-style-type: none"> • вовлечение граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом; поддержание активного образа жизни людей старшего поколения; • улучшение их психоэмоционального состояния; • укрепление здоровья. <p>Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • создание социальных и организационных условий гражданам старшего возраста для занятий физической культурой и спортом, формирование здорового образа жизни; • развитие мероприятий направленных на профилактику заболеваний среди граждан старшего возраста; • организация досуга граждан старшего возраста
<p>Красноярский край, Распоряжение Правительства Красноярского края от 04.12.2019 N 950-р «Об утверждении программы Красноярского края, направленной на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения, на 2019 - 2024 годы»</p>	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего поколения, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • содействие трудоустройству граждан пожилого возраста, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование пожилых граждан, которые стремятся возобновить трудовую деятельность; • создание условий для занятий физической культурой и спортом граждан пожилого возраста; • вовлечение граждан старшего поколения в образовательные, культурные мероприятия, досуговую деятельность; • реализация системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и обеспечение сбалансированного социального обслуживания в полустационарной и стационарной форме, а также предоставление социальных услуг на дому и медицинской помощи, с привлечением патронажной службы и сиделок, и системы оценки потребности в уходе; • совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения, включая развитие медицинской помощи по профилю "гериатрия"; • массовое вовлечение в добровольческую (волонтерскую) деятельность граждан старшего возраста и оказание комплексной поддержки добровольческих (волонтерских) инициатив.

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Омская область, Приказ Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорта Омской области от 14.09.2020 N 73 «Об утверждении программы "Активное долголетие" по вовлечению граждан старшего возраста в систематические занятия физической культурой и спортом на 2020 - 2024 годы» (с изм. на 22.10.2021)</p>	<p>Целью – вовлечение граждан старшего возраста Омской области в систематические занятия физической культурой и спортом, укрепление их здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Увеличение количества лиц старшего возраста, систематически занимающихся физической культурой и спортом и выполнивших нормативы комплекса ГТО. 2. Создание условий гражданам старшего возраста для занятий физической культурой и спортом, включая самостоятельные и организованные занятия, а также развитие спортивной инфраструктуры "шаговой доступности". 3. Проведение пропагандистских акций, направленных на вовлечение в занятия физической культурой и спортом, мотивирование к ведению и сохранению активного образа жизни, стимула к физкультурно-оздоровительным занятиям и занятиям спортом.
<p>Томская область, Распоряжение Администрации Томской области от 11.12.2019 N 733-ра «Об утверждении региональной программы "Межведомственная программа, направленная на увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Томской области"»</p>	<p>Целью – увеличение продолжительности здоровой жизни граждан, проживающих в Томской области, до 67 лет к концу 2024 г. за счет:</p> <ul style="list-style-type: none"> • создания системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающей сбалансированное социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, в полустационарной и стационарной формах с привлечением патронажной службы и сиделок, а также поддержку семейного ухода; • содействия приведению организаций социального обслуживания в надлежащее состояние, а также ликвидации очередей в них; • организации мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию граждан предпенсионного возраста.
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	
<p>Республика Саха (Якутия), Распоряжение Правительства Республики Саха (Якутия) от 09.12.2019 N 1610-р «Об утверждении региональной программы по увеличению периода активного долголетия и продолжительности</p>	<p>Цель – улучшение положения граждан старшего поколения, направленное на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Создание условий для повышения качества жизни граждан старшего поколения. 2. Стимулирование активного участия граждан старшего поколения в жизни общества. 3. Совершенствование системы охраны здоровья граждан старшего поколения. 4. Совершенствование системы оказания социальных услуг гражданам старшего поколения.

Субъект РФ, документ	Основные положения
здоровой жизни граждан старшего поколения в Республике Саха (Якутия) "Вместе к активному долголетию 55+»"	5. Поддержка муниципальных программ по увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни.
Забайкальский край, Постановление Правительства Забайкальского края от 30.06.2020 N 236 «Об утверждении региональной программы "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения на территории Забайкальского края на 2019 - 2024 годы"»	Цель – увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни населения Забайкальского края до 67 лет к концу 2024 г. за счет укрепления здоровья, увеличения периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старше трудоспособного возраста. Одна из основных задач – повышение доступности и качества оказания медицинской помощи гражданам старше трудоспособного возраста путем совершенствования мониторинга состояния их здоровья, проводимого в рамках профилактических осмотров, диспансеризации и диспансерного наблюдения.
Приморский край, Постановление Правительства Приморского края от 12.12.2019 N 841-па «Об утверждении региональной программы Приморского края "Укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения" на 2019 - 2024 годы» (с изм. на 23.03.2021)	Цель – повышение качества жизни и создание условий для увеличения продолжительности здоровой жизни граждан пожилого возраста, проживающих на территории Приморского края. Задачи: <ul style="list-style-type: none"> • увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения, проживающих на территории Приморского края; • совершенствование системы охраны здоровья, включая развитие гериатрической службы Приморского края; • реализация системы долговременного ухода за гражданами старшего поколения и обеспечение сбалансированного социального обслуживания на дому и в стационарной форме, а также предоставление социальных услуг на дому с привлечением патронажной службы и сиделок; • привлечение негосударственных организаций к предоставлению социальных услуг в сфере социального обслуживания; • поддержка занятости лиц предпенсионного возраста, прежде всего в части обеспечения конкурентоспособности на рынке труда; • вовлечение граждан старшего поколения в культурную жизнь общества, приобщение к физической культуре и спорту;

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Хабаровский край, Распоряжение Правительства Хабаровского края от 06.12.2019 N 1001-рп «Об утверждении региональной программы Хабаровского края "Увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения" на 2019- 2024 годы»</p>	<ul style="list-style-type: none"> • развитие благотворительности и добровольческой (волонтерской) деятельности в интересах граждан старшего поколения ("серебряного" волонтерства). <p>Цель – улучшение положения и качества жизни граждан старшего поколения, проживающих на территории Хабаровского края, путем увеличения периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Задачи:</p> <ul style="list-style-type: none"> • улучшение социально-экономического положения и качества жизни граждан пожилого возраста; • совершенствование системы социального обслуживания граждан пожилого возраста и создание условий для развития рынка социальных услуг в сфере социального обслуживания и участия в нем организаций различных организационно-правовых форм и форм собственности; • совершенствование системы охраны здоровья граждан пожилого возраста, включая развитие медицинской помощи по профилю "гериатрия"; • обеспечение организации профессионального обучения, дополнительного профессионального образования по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям, развитие образовательного потенциала граждан пожилого возраста; • создание условий для граждан пожилого возраста для занятия физической культурой и спортом, получения туристических услуг, вовлечение граждан пожилого возраста в культурную жизнь общества; • развитие добровольческой (волонтерской) деятельности в интересах граждан пожилого возраста; • формирование позитивного и уважительного отношения к гражданам пожилого возраста, повышение готовности населения Хабаровского края к происходящим демографическим изменениям, увеличению периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан пожилого возраста.
<p>Магаданская область, Постановление Правительства Магаданской области от 25.11.2021 N 888-пп «О проведении на территории Магаданской области пилотного проекта "Колымское долголетие"»</p>	<p>Проект предусматривает расширение возможностей участия неработающих граждан, проживающих в Магаданской области и достигших возраста 60 лет, в культурных, образовательных, физкультурных, оздоровительных и иных досуговых мероприятиях, направленный на:</p> <ul style="list-style-type: none"> • повышение жизненной активности граждан старшего поколения, развитие внутренних ресурсов граждан старшего поколения, позволяющих расширить возможности для самореализации и ведения здорового образа жизни; • содействие в формировании позитивного представления граждан старшего поколения об активном образе жизни, реализации дальнейших мер по улучшению качества жизни граждан старшего поколения; • развитие социальных коммуникаций.

Субъект РФ, документ	Основные положения
<p>Магаданская область, Постановление Правительства Магаданской области от 29.11.2019 N 790-пп «Об утверждении программы, направленной на укрепление здоровья, увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни граждан старшего поколения в Магаданской области на 2019-2024 годы»</p>	<p>Цель – увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет к 2024 г. Задачи:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Повышение доступности и качества оказания первичной медико-санитарной помощи гражданам пожилого и старческого возраста. 2. Реализация профилактических программ для граждан пожилого и старческого возраста. 3. Создание инфраструктуры гериатрической службы в соответствии с Порядком оказания медицинской помощи по профилю "гериатрия". 4. Создание системы долговременного ухода за гражданами пожилого и старческого возраста на основе межведомственного взаимодействия. 5. Развитие системы медицинского патронажа для граждан старшего возраста. 6. Кадровое обеспечение системы оказания гериатрической помощи. Формирование условий для содействия здоровому старению и ведению здорового образа жизни граждан пожилого и старческого возраста. 7. Проведение мероприятий по разработке и внедрению специфических межведомственных и междисциплинарных программ для граждан пожилого и старческого возраста.

Таблица И.2. Примеры стратегических документов политики активного долголетия в отдельных странах

Страна, документ	Основные положения
<p>Новая Зеландия, Стратегия позитивного старения, 2001 г. / 2007 г. (<i>Positive Ageing Strategy</i>)¹</p>	<p>Цель – расширить возможности пожилых людей участвовать в жизни общества теми способами, которые они выбирают. Приоритетные цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Доход – безопасный и достаточный доход для пожилых людей. 2. Здоровье – справедливые, своевременные, доступные медицинские услуги для пожилых людей. 3. Жилье – доступные и подходящие варианты жилья для пожилых людей. 4. Транспорт – доступные варианты транспорта для пожилых людей. 5. Старение в обществе – пожилые люди чувствуют себя в безопасности и могут стареть «на месте» / «в обществе». 6. Культурное разнообразие – широкий спектр услуг, соответствующих культурным особенностям, позволяет пожилым людям выбирать. 7. Сельская местность – пожилые люди, проживающие в сельских общинах, не находятся в неблагоприятном положении с точки зрения доступа к услугам. 8. Отношение – люди всех возрастов позитивно относятся к старению и пожилым людям. 9. Занятость – искоренение эйджизма и поощрение гибких вариантов работы. 10. Возможности – расширение возможностей для личностного роста и участия в жизни общества
<p>Чехия, Национальный план действий по позитивному старению на период 2013-2017 гг. (<i>National Action Plan for Positive Ageing</i>)²</p>	<p>Цель – реагирование на демографическое развитие, осуществление необходимых изменений в связи со старением населения, поддержка развития общества для людей всех возрастных групп, преодоление и изменение существующего стереотипа в отношении старения и старости.</p> <p>Приоритеты:</p> <ol style="list-style-type: none"> A. Осуществление политики подготовки к старению в Чешской Республике B. Обеспечение и защита прав пожилых людей C. Обучение на протяжении всей жизни D. Трудоустройство пожилых работников и пожилых людей E. Волонтерство и сотрудничество между поколениями F. Качественная среда для жизни пожилых людей G. Здоровое старение H. Уход за пожилыми людьми

¹ New Zealand Positive Ageing Strategy (2001) // Ministry of Social Development. Режим доступа:

<https://www.msd.govt.nz/about-msd-and-our-work/publications-resources/planning-strategy/positive-ageing/index.html>.

² National Action Plan for Positive Ageing for the Period 2013–2017. Ministry of Labour and Social Affairs of the Czech Republic // Всемирная организация здравоохранения. Режим доступа:

https://extranet.who.int/countryplanningcycles/sites/default/files/planning_cycle_repository/czech_republic/national_action_plan_for_positive_ageing_2013-2017.pdf.

Страна, документ	Основные положения
<p>Ирландия, Национальная стратегия позитивного старения, 2013-2017 гг. (<i>National Positive Ageing Strategy</i>)¹</p>	<p>Цель – катализатор действий и инноваций для укрепления здоровья, благополучия и качества жизни людей по мере их старения в Ирландии, уделяя особое внимание вопросам, касающимся пожилых людей, в процессе разработки политики и предоставления услуг. Национальные цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Устранить препятствия для участия и предоставить больше возможностей для дальнейшего участия людей по мере их старения во всех аспектах культурной, экономической и социальной жизни в своих общинах в соответствии с их потребностями, предпочтениями и возможностями. 2. Оказывать поддержку людям по мере их старения в поддержании, улучшении или управлении их физическим и психическим здоровьем и благополучием. 3. Дать людям возможность как можно дольше стареть с уверенностью, безопасностью и достоинством в своих собственных домах и общинах. 4. Поддерживать и использовать исследования о людях по мере их старения для лучшего информирования о политических мерах по борьбе со старением населения в Ирландии.
<p>Мальта, Национальная стратегическая политика активного долголетия, 2014-2020 гг. (<i>National Strategic Policy for Active Ageing</i>)²</p>	<p>Реализация политики активного долголетия – ситуация, когда пожилые и стареющие люди продолжают иметь возможность участвовать в формальном рынке труда, а также заниматься другой неоплачиваемой производственной деятельностью, которая может варьироваться от ухода за членами семьи до волонтерства, при этом вести здоровую, независимую и безопасную жизнь по мере старения. Основные темы:</p> <ul style="list-style-type: none"> • активное участие на рынке труда, • участие в жизни общества, • независимая жизнь.
<p>Северная Ирландия, Стратегия активного долголетия, 2016-2021 гг. (<i>Active Ageing Strategy</i>)³</p>	<p>Цель – изменить отношение к пожилым людям и услуги для них. Стратегические цели:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Независимость – обеспечение активной независимой жизни пожилых людей. 2. Участие – обеспечение активного участия пожилых людей во всех аспектах жизни.

¹ National Positive Ageing Strategy // gov.ie. Режим доступа: https://www.gov.ie/en/publication/737780-national-positive-ageing-strategy/?referrer=http://www.health.gov.ie/wp-content/uploads/2014/03/National_Positive_Ageing_Strategy_English.pdf.

² National Strategic Policy for Active Ageing. Malta 2014-2020 // Всемирная организация здравоохранения. Режим доступа: https://extranet.who.int/countryplanningcycles/sites/default/files/planning_cycle_repository/malta/national_strategic_policy_for_active_ageing_2014-2020.pdf.

³ Active Ageing Strategy 2016-2021 // Mae Murray Foundation. Режим доступа: <https://www.maemurrayfoundation.org/wp-content/uploads/2016/05/OFMDFM-Active-Ageing-Strategy-2016-21.pdf>.

Страна, документ	Основные положения
	<ol style="list-style-type: none"><li data-bbox="536 293 1505 510">3. Забота – поддержание и укрепление здоровья и благополучия людей по мере их старения и обеспечение пожилым людям доступ к высококачественным медицинским и социальным услугам наилучшей практики, адаптивным к индивидуальным потребностям, включая надлежащий уход по месту жительства, поддерживающих людей с хроническими заболеваниями. <li data-bbox="536 510 1505 696">4. Самореализация – оказание пожилым людям поддержку в развитии в полной мере их потенциалу посредством гибкого графика работы, соответствующей подготовки и переобучения, а также путем предоставления возможностей в области образования, профессиональной подготовки, досуга и культуры. <li data-bbox="536 696 1505 801">5. Достоинство – защита прав пожилых людей на равное обращение для обеспечения их достойной и безопасной жизни без эксплуатации, физического и психического насилия.